

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 510 684

НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕ КНИГУ!

Библиотека очень просит бережнее
обращаться с книгами.

Книги портятся от сырости (если кладут книгу на мокрый стол, выносят на улицу незавернутой в сырую погоду), от грязи (перелистывают книгу невымытыми руками, кладут рядом с обеденной посудой, и т. п.) Очень портится книга, если ее перегибают (крышка с крышкой) или кладут раскрытой на стол переплетом вверх, если закладывают книгу карандашом, спичкой, если загибают углы страниц и т. п.

СДАВАЙТЕ КНИГИ В БРОК!

2093ⁿ/84

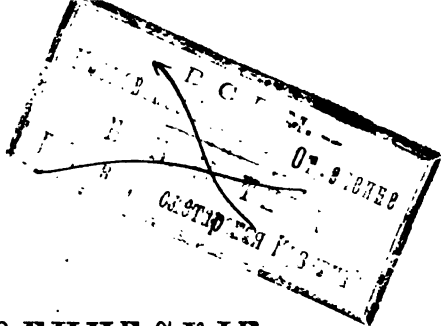
~~1~~

0

12

257/11

Н. РОЖКОВЪ.

39/34

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ

9/121
P-63

О ЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

301
~~300~~
P63

~~ПРОЗЕРЕНО~~

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.

1906.

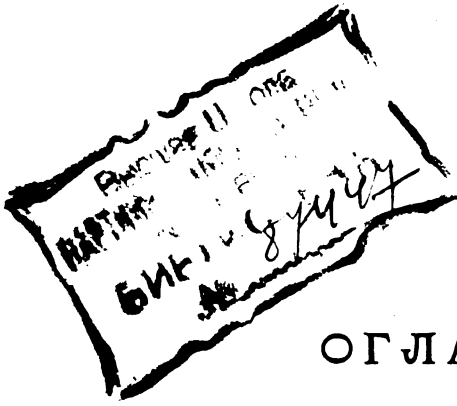
С. Шамова 1906.

7275-8788

921N

М О С К В А.
Университетская типография, на Страстномъ бульварѣ
1906.

H35

R8731

1906

v.2

МАТН

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.....	1— 7
О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ	8— 16
О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи.....	17— 26
Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV в.	27— 72
Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ	73—237
Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ	238—254
В. Сергѣевичъ.—Древности русскаго права. Томъ III.....	255—272
М. Дьяконовъ.—Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ	273—289
Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ	290—297
И. Я. Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в.....	298—306
Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа.....	307—322

Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Существуютъ историческіе вопросы, для рѣшенія которыхъ современные изслѣдователи располагаютъ значительнымъ матеріаломъ, обильными данными источниковъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ, несмотря на достаточный запасъ фактовъ и даже на одинаковое знакомство съ ними разныхъ изслѣдователей, между этими послѣдними возможны большія разногласія, но разногласія эти будутъ зависѣть не отъ количества и качества матеріала, а отъ таланта отдѣльныхъ лицъ, отъ степени ихъ проникательности, отъ ихъ критическаго чутья, отъ широты ихъ воззрѣнія, отъ глубины знаній. Если при этомъ и будетъ открытъ какой-нибудь новый, неизвѣстный прежде источникъ, то самое большее, что онъ дастъ, будетъ заключаться въ нѣкоторой болѣе или менѣе ожидаемой поддержкѣ одного изъ борющихся воззрѣній въ ущербъ другимъ; совершенно новаго и неожиданнаго при наличности значительнаго уже изученнаго матеріала ожидать трудно, чтобы не сказать невозможно.

Не то въ научныхъ историческихъ вопросахъ, матеріаль для рѣшенія которыхъ скуденъ. Здѣсь каждую минуту можно ожидать находки, которая въ состояніи бросить совершенно новый свѣтъ на дѣло, подарить намъ сюрпризомъ, произвести цѣлый переворотъ въ болѣе или менѣе установившихся воззрѣніяхъ. Къ числу такихъ скудно обставленныхъ матеріаломъ и потому наиболѣе спорныхъ вопросовъ принадлежитъ между прочимъ и вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ подготовкѣ всякой реформы слѣдуетъ, несомнѣнно, различать двѣ стороны,—реальную и идейную. Прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразованія приметъ опредѣленные стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и—

главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неостратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути съ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьянскую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка, въ тѣхъ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя обнаружались въ русской дѣйствительности къ 40-мъ и 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія. Говоря вообще, можно различить два основныхъ воззрѣнія на вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Типическимъ представителемъ одного изъ нихъ является Заблоцкій-Десятовскій, выразителемъ другого надо признать П. Б. Струве.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей напечаталъ въ IV томѣ своего сочиненія «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» составленную имъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ «Записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и ярко провелъ въ ней мысль, что крѣпостное право уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка было невыгодно для русскаго *земледѣльческаго* хозяйства, что русское земледѣліе уже тогда нуждалось въ вольнонаемномъ трудѣ, болѣе производительномъ, и потому, несмотря на большую дороговизну, болѣе выгодномъ, чѣмъ подневольный, крѣпостной. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на рядъ наблюденій своихъ надъ доходностью земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, и цифровыми выкладками, обнаруживающими болѣе слабую доходность предприятий, организованныхъ на основѣ крѣпостной барщины¹⁾. Наблюденія надъ *отдѣльными* на выборъ взятыми хозяйствами—вотъ основной матеріалъ, на которомъ строить авторъ свои заключенія. Конечно, этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно обилень, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать. Нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически.

Есть, однако, другой матеріалъ,—свидѣтельства о степени развитія земледѣльческой барщины наканунѣ освобожденія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда крѣпостное право достигло своего полнаго развитія,—съ XVIII вѣкомъ. Если будетъ дока-

¹⁾ *Заблоцкій-Десятовскій*, „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, томъ IV. Спб. 1882 г., стр. 281—284.

зано, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, сократилось, и что это сокращеніе было вызвано не посторонними вліяніями, а условіями именно *земледѣльческаго* хозяйства, то, очевидно, въ земледѣліи слѣдуетъ искать основной причины паденія крѣпостного права, т.-е. Заблочной-Десятковскій правъ. Уже въ 1881 г. г. Семевскій вычислилъ процентъ барщинныхъ (издѣльныхъ) крестьянъ въ 13-ти губерніяхъ въ XVIII в. и въ половинѣ XIX, при чемъ оказалось, что изъ восьми нечерноземныхъ губерній только въ двухъ—Тверской и Новгородской—процентъ барщинныхъ крестьянъ увеличился: въ первой съ 54-хъ въ XVIII в. до 60-ти въ половинѣ XIX ¹⁾, во второй съ 51% до 54,5% ²⁾; въ остальныхъ шести губерніяхъ нечерноземной полосы процентъ барщинныхъ крестьянъ уменьшился: въ Вологодской съ 17-ти (XVIII в.) до 16-ти (полов. XIX в.), въ Костромской съ 15 до 12,5, въ Ярославской съ 22 до 12,5 ³⁾, въ Псковской съ 79 до 71 ⁴⁾, во Владимирской съ 50 до 30 и въ Московской губерніи съ 54-хъ % до 32-хъ ⁵⁾. Въ послѣднее время къ этому прибавлены еще цифры по двумъ нечерноземнымъ губерніямъ, Олонецкой, гдѣ въ XVIII в. было 34% издѣльныхъ крестьянъ, и въ половинѣ XIX 28%, и Смоленской, гдѣ % барщинныхъ крестьянъ повысился съ 70 до 73-хъ ⁶⁾. Это добавленіе, однако, мало мѣняетъ общее впечатлѣніе, такъ что можно вообще сказать, что барщина въ нечерноземныхъ губерніяхъ шла въ XIX вѣкѣ на убыль. Но г. Струве, заподозривая достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII в., полагаетъ, что барщина постепенно развивалась въ XIX в. ⁷⁾. Притомъ же не надо забывать, что, какъ это уже и отмѣчено въ литературѣ, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не условіями земледѣлія, а развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ вы-

1) Г-жа Игнатовичъ исправляетъ послѣднюю цифру на 59, *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“,—„Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

2) У г-жи Игнатовичъ 54,4% (тамъ же).

3) У г-жи Игнатовичъ 12,6% (тамъ же).

4) По вычисленію г-жи Игнатовичъ, 77% (тамъ же).

5) *В. Семевскій*. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Спб., 1881, стр. 48.

6) *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, „Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

7) *П. Струве*. „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.“. „Міръ Божій“ за 1899 г., № 12, стр. 272—274.

годной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику. Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ замѣтенъ ростъ барщиннаго труда и вообще его широкое примѣненіе. Уже г. Семевскій констатировалъ, что въ Тульской губерніи въ XVIII в. было 92% барщинныхъ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. 75%, для Курской губерніи соответствующія цифры 92 и 74¹⁾, для Воронежской 53²⁾ и 55,5³⁾, Орловской 66 и 72 и Пензенской 48 и 75%⁴⁾. Если къ этому прибавить еще губерніи Тамбовскую, Рязанскую и такія получерноземныя губерніи, какъ Нижегородская и Калужская, то впечатлѣніе нѣкотораго роста издѣлія и, во всякомъ случаѣ, значительной его распространенности въ черноземной полосѣ еще усилится: правда, въ Рязанской губерніи % издѣльныхъ съ 81-го (въ XVIII в.) понизился до 62-хъ (въ половинѣ XIX ст.), но въ другихъ онъ или повысился, какъ въ Нижегородской съ 18 до 32, въ Калужской съ 42 до 45, или не измѣнился, какъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII в. и въ половинѣ XIX сидѣло на барщинѣ 78% крѣпостныхъ крестьянъ⁵⁾. Это увеличеніе барщиннаго труда въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ и даетъ право г-ну Струве отрицать вліяніе земледѣльческаго хозяйства на паденіе крѣпостныхъ отношеній: по его мнѣнію, земледѣліе и въ половинѣ XIX в., вопреки Заблоцкому-Десятовскому, соответствовало условіямъ крѣпостного права, было къ нимъ вполне приспособлено, такъ что реформа 19-го февраля была вызвана необходимостью создать вольнонаемныхъ рабочихъ для обрабатывающей фабричной промышленности, въ которой—и только въ ней одной—и слѣдуетъ искать экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Нельзя сказать, чтобы и матеріалъ, касающійся распространенія барщины, былъ безукоризненъ, если его разсматривать критически: оставляя въ сторонѣ сомнѣнія г-на Струве относительно цифръ XVIII вѣка, можно отмѣтить, что всѣ приведенныя цифры охватываютъ всего 19 губерній, что не очень много.

1) У г-жи Игнатовичъ 75,5% („Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47).

2) У г-жи Игнатовичъ 36 (тамъ же).

3) У г-жи Игнатовичъ 55 (тамъ же).

4) Семевскій. „Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II“, стр. 48.

5) Игнатовичъ. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“—„Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

Къ тому же губернія — слишкомъ обширная территориальная единица, включающая въ себѣ районы нерѣдко очень различные въ экономическомъ отношеніи, такъ что для того, чтобы уяснить вліяніе именно *земледѣльческаго* производства на формы труда, необходимо выдѣлить изъ территорій отдѣльныхъ губерній чисто земледѣльческіе районы и изучить ихъ съ данной точки зрѣнія, что совершенно не сдѣлано. Такимъ образомъ, и употреблявшійся до сихъ поръ методъ изученія распространенности барщины безупреченъ.

Очевидно, что при такомъ состояніи источниковъ всякое новое свидѣтельство, могущее бросить неожиданный свѣтъ на вопросъ, приобретаетъ особенную цѣнность.

Пишущему эти строки случайно удалось наткнуться на подобное свидѣтельство. Въ 1873 году московскій губернскій предводитель дворянства, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, владѣвшій имѣніями въ разныхъ полосахъ Россіи, между прочимъ въ нечерноземной Московской и черноземной Воронежской губерніяхъ, и бывшій хорошимъ хозяиномъ-практикомъ и предсѣдателемъ только что основаннаго тогда Московскаго Общества улучшенія скотоводства въ Россіи, написалъ письмо тогдашнему министру государственныхъ имуществъ, прося у него ежегоднаго казеннаго пособія Обществу улучшенія скотоводства. Письмо это заключаетъ въ себѣ не мало вообще интересныхъ замѣчаній, но для насъ въ настоящее время важна въ немъ одна подробность, относящаяся какъ разъ къ земледѣльческому хозяйству степныхъ, черноземныхъ губерній наканунѣ освобожденія крестьянъ, при чемъ мы не должны забывать, что степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это — губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Вотъ что писалъ объ этой области князь Мещерскій: «Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ, дополнительный вольнонаемный трудъ выходявшихъ туда ежегодно на лѣтнія полевые работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинныхъ губерній*» ¹⁾.

Съ перваго же взгляда ясно, какое серьезное значеніе имѣетъ приведенное свидѣтельство, особенно подчеркнутыя нами слова,

¹⁾ Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, „Частная переписка“, л. 31 об.

для изученія экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Передъ нами открываются сразу совершенно неожиданныя перспективы: такъ, до сихъ поръ думали, что крестьянская реформа сильнѣе и вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной; князь Мещерскій констатируетъ противное; далѣе: сильную распространенность барщины на черноземѣ привыкли признавать сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что въ этой полосѣ земледѣліе покоилось всецѣло на крѣпостной основѣ; между тѣмъ оказывается, если вѣрить князю Мещерскому, что вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не большую и во всякомъ случаѣ не меньшую роль, нежели барщинный подневольный; наконецъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣзко подчеркивается необходимость освобожденія крестьянъ въ Малороссіи, выдѣлявшей въ отходъ значительный контингентъ изъ состава крестьянскаго населенія. Все это очень характерно, оригинально и неожиданно, достаточно неожиданно, чтобы направить мысль изслѣдователя на новые пути, поставить передъ нимъ новыя задачи.

Эти задачи заключаются въ повѣркѣ оригинальныхъ заключеній, необходимо слѣдующихъ изъ приведеннаго свидѣтельства. Насколько пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отмѣны крѣпостного права? Какъ великъ былъ контингентъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ сравнительно съ барщинными крѣпостными въ каждой изъ этихъ губерній? Откуда приходили эти вольнонаемные рабочіе? Вотъ три основныхъ вопроса, которые необходимо выдвинуть на первый планъ при изученіи земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи передъ реформой 19 февраля 1861 года. Передъ важностью этихъ вопросовъ блѣднѣютъ цифры, указывающія на примѣненіе барщины и получающія совершенно иной смыслъ, если подтвердится фактъ сильнаго прилива вольнонаемныхъ рабочихъ со стороны.

Свидѣтельство князя Мещерскаго есть, конечно, не болѣе, какъ только единичное указаніе въ опредѣленномъ направленіи и, какъ таковое, несомнѣнно подлежитъ критикѣ и повѣркѣ иными матеріалами. Не надо однако забывать, что это говоритъ хозяинъ-практикъ, хорошо знакомый съ условіями и формами земледѣльческаго производства въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и что этому хозяину-практику совершенно незачѣмъ было взводить напраслину на помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній въ послѣднее время существованія крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему а priori можно признать за приведеннымъ

свидѣтельствомъ значительную степень достовѣрности, а если такъ, то взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго получаетъ неожиданное и довольно надежное подкрѣпленіе: очевидно экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи надо искать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, игнорировать вліяніе которой впрочемъ нельзя, но и въ области земледѣльческаго производства. Да и въ самомъ дѣлѣ: было бы странно, если бы такая великая, можно сказать всеобъемлющая перемѣна, какою является уничтоженіе крѣпостного состоянія, обязана была своимъ происхожденіемъ вліянію исключительно одной лишь сравнительно второстепенной отрасли производства—обрабатывающей промышленности, тогда какъ главный нервъ народнаго хозяйства Россіи того времени—земледѣліе—не только не подготовлялъ этой перемѣны, но даже будто бы стоялъ въ противорѣчьи съ ней.

Надо думать, что читатель согласится съ нами, если мы признаемъ вновь найденное свидѣтельство чрезвычайно важнымъ и во всякомъ случаѣ сильно обостряющимъ интересъ къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Правильное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, прихода-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала, еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ оказать неоцѣнимую услугу русской исторической наукѣ.

О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ.

(Отвѣтъ г. Семевскому).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій 1902 г. В. И. Семевскій напечаталъ довольно обширную статью, подъ заглавіемъ «По поводу статьи г. Рожкова къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи». Такъ какъ моя статья, вызвавшая замѣчанія и возраженія г. Семевского, появилась на страницахъ «Мира Божьяго» (см. № 2 за 1902 г.), то я и позволяю себѣ отвѣтить на эти замѣчанія въ этомъ же журналѣ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ совершенно случайнаго характера, я долго не могъ ознакомиться со статьей г. Семевского, почему и отвѣтъ мой является нѣсколько запоздалымъ. Но интересъ поднятаго вопроса и паличность нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, даетъ, какъ кажется, право воспользоваться въ данномъ случаѣ пословицей «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Прежде чѣмъ перейти къ существу дѣла, мнѣ хотѣлось бы устранить одно досадное недоразумѣніе, которому дали поводъ отдѣльныя мѣста моей статьи. Г. Семевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я не пояснилъ, точно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать мое выраженіе, что «г. Струве заподозрилъ достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII вѣка»; поэтому, «читатель можетъ подумать, что есть какія-то другія, лучшія цифры», тогда какъ таковыхъ нѣтъ, и неточность получилась «по причинамъ, отъ изслѣдователя совершенно независящимъ, т.-е. по свойству самыхъ источниковъ»¹⁾. Второй упрекъ, который

¹⁾ „Русская Мысль“, апрѣль 1902 г., стр. 122 и 123.

дѣлаеть мнѣ г. Семевскій, заключается въ томъ, что я не замѣтилъ вкрадшейся въ его книгу описки относительно процента барщинныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи XVIII вѣка: вмѣсто 36% ошибочно написано было 53%¹⁾, что и было замѣчено и исправлено г. Струве и г-жей Игнатовичъ. Выходить такимъ образомъ, что моя статья какъ будто набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на точность приѣмовъ и правильность результатовъ работы г. Семевского. Вотъ это недоразумѣніе я и хочу устранить: охотно признаю неточность своего выраженія и просмотрѣ мною описки г. Семевского и спѣшу прибавить къ этому, что я и въ мысляхъ не имѣлъ набрасывать хотя бы малѣйшую тѣнь на ученую репутацію этого трудолюбиваго изслѣдователя исторіи русскаго крестьянства.

Обращаясь къ существу нашего спора, надо замѣтить, что онъ касается двухъ основныхъ пунктовъ, одного общаго и другого частнаго: первый—это вопросъ о томъ, былъ ли распространенъ вольнонаемный трудъ въ черноземной полосѣ Россіи передъ паденіемъ крѣпостного права; второй касается смысла и значенія приведеннаго мною свидѣтельства князя А. В. Мещерскаго. Остановимся сначала на этомъ второмъ вопросѣ, чтобы не рѣйти затѣмъ къ первому, болѣе важному.

Содержаніе написаннаго въ 1873 году къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву письма московскаго губернскаго предводителя дворянства князя А. В. Мещерскаго заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ письма указываетъ на «несомнѣнный, не отвергаемый теперь и правительствомъ упадокъ сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, т.-е. не менѣе, какъ въ тридцати губерніяхъ». Причины этого коренятся, по мнѣнію князя Мещерскаго, въ особо-выгодныхъ условіяхъ, въ какія попало русское земледѣліе въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти выгодныя условія сводились, во-первыхъ, къ отсутствію всякой потребности въ удобреніи, такъ что сильно развитое здѣсь при крѣпостномъ правѣ скотоводство начало смѣняться земледѣліемъ, и даже тонкорунное овцеводство стало падать, что вызвало заботы о его поддержкѣ со стороны «управленія новороссійскаго генераль губернатора», во-вторыхъ, «хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходяв-

¹⁾ Тамъ же, стр. 123.

шихъ туда ежегодно на лѣтнія полевая работы крестьянъ изъ густо населенныхъ украинскихъ губерній»; въ третьихъ, желѣзные дороги, проведенныя въ глубь черноземной полосы, увеличили въ этой области выгоду земледѣлія. По этимъ причинамъ князь Мещерскій считаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе запашекъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и находитъ необходимымъ здѣсь усиленіе скотоводства и расширеніе луговой земли на счетъ пашенной. Съ увеличеніемъ количества скота открывается возможность хорошаго удобрения и возстановленія полевого хозяйства. Цѣль содѣйствовать прогрессу скотоводства въ нечерноземныхъ губерніяхъ и преслѣдуется московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. Такъ какъ съ успѣхами этого общества тѣсно связаны интересы дворянскаго хозяйства нечерноземной полосы, а хозяйственный упадокъ дворянства можетъ повести къ паденію сословнаго строя въ Россіи и къ господству демократическаго духа, то необходимо оказать содѣйствіе обществу поощренія скотоводства въ видѣ ежегодной правительственной субсидіи, о назначеніи которой князь Мещерскій и ходатайствуетъ передъ министрами.

Комментируя это письмо, я высказалъ мнѣніе, что «степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ; это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги»¹⁾. Г. Семеvскій полагаетъ, что я ошибся: слова князя Мещерскаго, что «управленіе *новороссійскаго* генераль-губернатора» стало заботиться о поддержкѣ овцеводства, свидѣтельствуя, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, что въ письмѣ рѣчь идетъ исключительно о новороссійскихъ губерніяхъ, которыя князь Мещерскій и называетъ степными-черноземными²⁾. Я долженъ сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семеvскимъ и несомнѣнно-доказывающія, что къ числу степныхъ-черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и Новороссію. Но, несмотря на это, я и теперь не могу признать свой комментарий вполнѣ ошибочнымъ, а объясненіе г. Семеvскаго совершенно правильнымъ. *Я думаю, что степными черноземными губерніями князь Мещерскій называлъ не только южныя—новороссійскія, но и юго-восточныя, т.-е., по крайней мѣрѣ, большую часть того района (между Окой, Дономъ и Волгой), на который я указывалъ въ своей статьѣ. И на это мнѣ кажется, уполномочиваетъ самый текстъ разби-*

¹⁾ „Міръ Божій“, 1902 г., № 2, стр. 164,

²⁾ „Русская Мысль“, 1902 г., № 4, стр. 137.

раемого письма: все время въ немъ противопологаются двѣ полосы—черноземная и нечерноземная, а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и весь юго-востокъ Европейской Россіи; а затѣмъ, князь Мещерскій опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противопологалъ имъ всего три губерніи—Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, игнорируя въ то же время рядъ другихъ черноземныхъ областей.

Итакъ, по моему мнѣнію, текстъ письма князя Мещерскаго, когда онъ говоритъ о черноземныхъ губерніяхъ, надо понимать гораздо шире, чѣмъ то раньше дѣлали мы—я, съ одной стороны, и г. Семевскій, съ другой. Но допустимъ, на минуту, что г. Семевскій правъ, а я ошибался, допустимъ, что подъ черноземной полосой надо разумѣть только Новороссію. Значить ли это, что вопросъ о распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ—между Окой, Дономъ и Волгой—долженъ быть снятъ съ очереди? Г. Семевскій, повидимому, думаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ ¹⁾, я держусь обратнаго взгляда. Разсмотримъ соображенія г. Семевского.

Прежде всего г. Семевскій указываетъ, что, по даннымъ 70-хъ годовъ XIX-го в., крестьянскій отходъ на земледѣльческія работы по вольному найму имѣлъ направленіе изъ сѣверной полосы чернозема на югъ или юго-востокъ, что стоитъ въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчьи съ моимъ предположеніемъ, что земледѣльческіе рабочіе въ 50-хъ годахъ направлялись съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. «Подобный переворотъ въ направленіи движенія на заработки въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно невозможенъ» ²⁾. На это я имѣю возразить слѣдующее: во-первыхъ, въ теченіе 15—20-ти лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ паденія крѣпостнаго права, совершился важный хозяйственный переворотъ, легко могли измѣниться и условія, и направленіе крестьянскаго отхода на земледѣльческіе заработки; во вторыхъ, я вовсе и не думаю и не думалъ утверждать, что не существовало отхода на югъ и юго-востокъ: могли существовать два и болѣе скрещивающихся теченій. Вопросъ объ отходѣ на земледѣльческіе заработки, во всякомъ случаѣ, рано еще считать рѣшеннымъ, и каждое свидѣтельство объ этомъ явленіи слѣдуетъ цѣнить.

Мой почтенный оппонентъ не ограничивается, впрочемъ, ука-

¹⁾ „Русская Мысль“ за 1902 г., № 4, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 128—129.

занієм на позднѣйшія явленія, а приводитъ также рядъ интересныхъ фактовъ по исторіи крестьянскаго отхода въ XVIII и XIX вѣкахъ: онъ указываетъ на отходъ крестьянъ на заработки въ XVIII в. изъ Рязанской провинціи, говоритъ объ отправленіи пензенскихъ крестьянъ тогда же въ Саратовъ и на Донъ и о приливѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ Оренбургскую губернію, о томъ, что въ самомъ началѣ XIX-го в. тульскіе крестьяне уходили на земледѣльческіе заработки въ Малороссію, на Донъ, въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи, что, наконецъ, крестьяне Тамбовской губерніи въ 1859 году промышляли извозомъ и по найму полевыми работами наиболѣе въ землѣ Войска Донскаго, а въ 40-хъ годахъ XIX-го в. широко примѣнялся вольнонаемный трудъ въ Херсонской губерніи ¹⁾. Но, внимательно присматриваясь къ этимъ наблюденіямъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего противорѣчащаго возможности прилива въ нѣкоторыя части тѣхъ же Рязанской, Пензенской и Тамбовской губерній, не говоря уже о другихъ областяхъ, и постороннихъ рабочихъ: этому въ дѣйствительности сплошь и рядомъ не мѣшаетъ отходъ части мѣстнаго населенія на сторону; что касается отхода рабочихъ въ Оренбургскую губернію и Новороссію, то я и не думалъ отрицать этотъ отходъ, но нельзя всѣхъ и даже большую часть этихъ рабочихъ выводить изъ губерній въ родѣ Рязанской, Пензенской или Тамбовской; наконецъ, свидѣтельство объ отправленіи тульскихъ крестьянъ на земледѣльческіе заработки въ Малороссію относится къ *самому началу* XIX-го вѣка; 50 лѣтъ спустя хозяйственныя условія Малороссіи не только могли измѣниться, но, какъ извѣстно, и дѣйствительно очень сильно измѣнились. Повторяю: категорически я ничего не утверждаю, я ставлю только вопросы и высказываю сомнѣнія, а разрѣшить первые и разрѣять вторые—дѣло слѣдующей ученой работы, для которой открывается очень широкое поле, вслѣдствіе крайней скудости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ.

Третій доводъ г. Семевского противъ распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ губерніяхъ между Волгой, Окой и Дономъ заключается въ томъ, что, по его наблюденіямъ надъ статистическими данными, собранными редакціонными комиссіями въ 1860 году объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ этихъ губерніяхъ оказалось только два имѣнія—Чадаева въ Нижегородской губ. и Александрова въ Рязанской, въ которыхъ примѣнялся вольнонаемный трудъ ²⁾. Нельзя не признать, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 129—131.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

если бы собранныя редакціонными комиссіями статистическія свѣдѣнія оказались въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрными въ смыслѣ полноты, то пришлось бы безусловно согласиться съ г. Семевскимъ и отказаться отъ бесплодныхъ поисковъ вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ черноземныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ передъ паденіемъ крѣпостного права. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ полнотой-то эти свѣдѣнія по данному вопросу и не отличаются по той, повидимому, причинѣ, что при собираніи ихъ обращали вниманіе въ отношеніи къ формамъ труда почти исключительно на то, на барщинѣ или на оброкѣ находились крѣпостные крестьяне, а наличность вольнонаемнаго труда обыкновенно игнорировалась. Это доказывается наличностью такихъ данныхъ о примѣненіи вольнонаемнаго земледѣльческаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ черноземнаго юго-востока между Дономъ, Окой и Волгой, какія не попали въ статистическія свѣдѣнія, собранныя редакціонными комиссіями. Одно изъ свидѣтельствъ въ этомъ смыслѣ, относящееся къ Тамбовской губерніи, извѣстно г. Семевскому и приведено имъ: это — свидѣтельство князя В. И. Васильчикова, что въ Тамбовской губерніи передъ крестьянской реформой существовали помѣщичьи экономіи, пользовавшіяся для разработки помѣщичьей запашки вольнонаемнымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ ¹⁾. Я могу въ этомъ отношеніи представить два новыхъ наблюденія, относящихся къ Тульской губерніи. Въ моемъ распоряженіи находится общій итогъ изъ «Журнала ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго (Тульской губ.) имѣнія» графа А. П. Бобринскаго въ 1859 и 1860 годахъ (съ 1-го апрѣля 1859 по 1-ое апрѣля 1860 г. ²⁾). Въ этомъ въ высокой степени любопытномъ документѣ различаются, прежде всего, два вида работъ: 1) «работы хуторскими рабочими», 2) «работы вольнонаемныя». Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видимъ, что имъ выдавалась опредѣленная денежная заработная плата; такъ, вычислено, что въ теченіе указаннаго годового періода хуторскіе рабочіе были заняты воздѣлываніемъ земли 3.276 $\frac{1}{2}$ рабочихъ дней, уборкой свекловицы 552 дня, молотью и вѣйкой 548 дней, каждый день цѣнился въ 23 коп., что, въ общемъ, составляло сумму заработка въ 1.006 р. 59 $\frac{1}{2}$ к.

¹⁾ Тамъ же, стр. 135—136.

²⁾ За доставленіе этого документа приношу искреннюю благодарность преподавателю Богородицкаго средняго сельскохозяйственнаго училища Д. А. Жаринову. Г. Жариновъ имѣетъ въ виду въ будущемъ подвергнуть хозяйственные документы этого имѣнія обстоятельному изученію.

(753 р. 59 $\frac{1}{2}$ коп. за воздѣлываніе земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотбу и вѣйку). Повидимому, хуторскими назывались крѣпостные графа А. П. Бобринскаго, а вольнонаемными чужіе крестьяне, можетъ быть, и прихожіе со стороны, не мѣстные. Что касается вольнонаемныхъ работъ, то онѣ были въ отношеніи къ земледѣлію еще болѣе напряженными, чѣмъ работы хуторскихъ рабочихъ: нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что на пахоту, бороньбу и возку хлѣба вольнонаемные рабочіе потратили 1.848 конныхъ дней, 806 $\frac{1}{2}$ пѣшихъ и 261 $\frac{1}{2}$ женскихъ, всего на сумму 2.061 р. 10 к., на уборку картофеля 108 женскихъ дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы 478 конныхъ дней, 85 $\frac{1}{2}$ пѣшихъ, 17.904 $\frac{1}{2}$ женскихъ на 2.265 р. 13 к., на молотбу и вѣйку хлѣба 581 $\frac{1}{2}$ пѣшій день и 320 женскихъ на 176 р. 50 к. Правда, хозяйство гр. Бобринскаго было въ значительной степени промышленнымъ — существовалъ сахарный заводъ и разводились свекловичныя плантаціи, требующія интенсивной обработки, но наряду съ этимъ, какъ мы только что видѣли, существовало и зерновое земледѣльческое хозяйство и организовано было оно какъ разъ на основѣ вольнонаемнаго труда.

Другой примѣръ относится къ той же Тульской губерніи, именно къ Бѣлевскому уѣзду, гдѣ въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка дворянинъ П. М. Хрущовъ владѣлъ селомъ Богородицкимъ — Жиморіно тожъ ¹⁾, при чемъ до самаго конца 50-хъ годовъ хозяйство здѣсь велось на старой, крѣпостной основѣ, какъ показываютъ дошедшіе до насъ документы. Но въ 1857 и 1858 годахъ наблюдается перемѣна: покупаются молотильная машина въ 700 р., вѣялка въ 192 р. 50 к., сортировочная машина за 105 р. Это введеніе машинъ въ земледѣльческую работу повело, повидимому, къ существеннымъ перемѣнамъ и въ способѣ эксплуатаціи труда. Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ, потому что документы 1859 и начала 60-хъ годовъ не сохранились, но уцѣлѣлъ договоръ П. М. Хрущова съ его управляющимъ, крестьяниномъ Барышниковымъ, составленный 15-го ноября 1867 года. Тогда крестьяне были еще обязаны «производить хозяйственныя работы» на помѣщика «издѣльною повинностью по урочному положенію», т.-е. хозяйственныя условія имѣнія еще очень мало измѣнились сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, но, несмотря на это, помѣщикъ предписываетъ

¹⁾ Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ П. С. Ванновскому. Документы любезно доставлены мнѣ въ пользованіе В. А. Щербой, которому приношу искреннюю благодарность.

управляющему также «нанимать» рабочих на годъ, поль-года или подесятинно «съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Можно догадываться, что такая практика установилась тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ въ помѣщичье полевое хозяйство въ 1858 году машинъ.

Эти примѣры наглядно показываютъ, сколь многими сюрпризами насъ могутъ подарить неизданные и часто находящіеся въ забросѣ и подвергающіеся уничтоженію хозяйственные документы крѣпостной эпохи. И это слѣдуетъ замѣтить не только для вопроса о формахъ земледѣльческаго труда, но и по вопросу о техникахъ земледѣльческаго производства: вѣдь и приведенные мною сейчасъ примѣры расширяютъ имѣвшійся раньше въ рукахъ изслѣдователей запасъ фактическихъ данныхъ о техническомъ прогрессѣ земледѣльческаго хозяйства въ половинѣ XIX-го вѣка, но я не могу удержаться, чтобы, пользуясь случаемъ, не привести еще одного факта, очень важнаго въ данномъ отношеніи: въ моихъ рукахъ имѣются документальныя доказательства того, что тверской помѣщикъ Воробьевъ уже въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка производилъ у себя въ имѣніи систематическіе посѣвы клевера ¹⁾.

Въ заключеніе своей статьи г. Семевскій ссылается для подтвержденія своего взгляда на одинъ очень высокій ученый авторитетъ, — именно на слова покойнаго Ю. Э. Янсона, что и въ пореформенной Россіи «хозяйствъ, которыя бы велись вольнонаемнымъ трудомъ, весьма немного въ трехпольной черноземной полосѣ. Всѣ помѣщичьи земли или обрабатываются по исполной системѣ, или за обработку (отработки), или сдаются мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ» ²⁾. Полагаю, что г. Семевскій напрасно сдѣлалъ эту ссылку: во-первыхъ, когда при господствѣ крѣпостныхъ юридическихъ отношеній идетъ рѣчь о вольнонаемномъ трудѣ, то нужно принимать во вниманіе не только вольнонаемный трудъ въ его совершенной, чистой формѣ, но и такія промежуточныя формы между крѣпостнымъ и вольнымъ трудомъ, какъ исполщина; во-вторыхъ, барская запашка при крѣпостномъ правѣ была обширнѣе, чѣмъ послѣ реформы, что требовало и большаго напряженія силъ при ея эксплуатаціи; въ-третьихъ, нельзя игнорировать въ данномъ вопросѣ значенія происшедшаго послѣ реформы упадка хлѣбныхъ цѣнъ на миро-

¹⁾ Документы по имѣнію Воробьева подарены мнѣ нынѣшнимъ владельцемъ имѣнія В. Д. Фонъ-Дервизомъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свою глубочайшую благодарность.

²⁾ „Русская Мысль“ за 1902 г., № 4, стр. 137.

вомъ рынкѣ, упадка, гибельно отражающагося какъ разъ на помѣщичьемъ хозяйствѣ и подвигающаго это хозяйство вспять.

Такимъ образомъ, я продолжаю сохранять твердую увѣренность, что вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ въ черноземныхъ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи—особенно между Окой, Волгой и Дономъ—имѣетъ чрезвычайно серьезное научное значеніе и требуетъ разработки на основаніи новыхъ источниковъ, главнымъ образомъ, на основаніи хозяйственныхъ документовъ крестьянской эпохи.

М. П. П.

291
194

АНЗЕТЪ ЮШ
16008

О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи.

Интересъ къ изученію исторіи народнаго хозяйства вызывается не однимъ только убѣжденіемъ, что экономической процессъ является *основнымъ* въ объясненіи всей исторической эволюціи; даже тѣ, кто не раздѣляетъ этого убѣжденія, не отрицаютъ и не могутъ отрицать важности хозяйственныхъ явленій и неразработанности экономической исторіи. Этимъ и опредѣляется одна изъ основныхъ очередныхъ задачъ современной научной работы въ области исторіи, сводящаяся къ тщательному подбору и обстоятельному изученію матеріала, характеризующаго историческое развитіе хозяйственныхъ явленій. Всякому, интересующемуся историческимъ знаніемъ, извѣстно, что въ этомъ отношеніи въ послѣднее время дѣлается немало и въ русской и въ иностранной литературѣ.

гуман Нельзя, однако, не замѣтить въ этой живой и дружной работѣ, совершающейся у насъ въ Россіи, одного важнаго пробѣла: до сихъ поръ очень мало и во всякомъ случаѣ недостаточно-документально изучается исторія хозяйственнаго развитія новой Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Важность изученія этого періода въ указанномъ отношеніи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: не только въ виду приведенныхъ уже сейчасъ общихъ соображеній, но и вслѣдствіе специальныхъ обстоятельствъ, сводящихся главнымъ образомъ къ тому, что вопросъ этотъ имѣетъ не одно теоретическое, научное, но и практическое, жизненное значеніе, потому что условія недалекаго историческаго прошлаго стоятъ въ непосредственной связи съ современностью. Правильное и основательное рѣшеніе многихъ жгучихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди въ наше время, возможно только при свѣтѣ историческаго изслѣдованія. И если, несмотря на всю несомнѣнность этихъ соображеній, дѣло почти не подвигается впередъ, то на это есть свои specialныя причины, устраненіе которыхъ, къ

сожалѣнію, превосходить силы отдѣльнаго человѣка и требуетъ дружной коллективной работы.

Основной вопросъ хозяйственной исторіи Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка—это вопросъ объ организаціи и разложеніи крѣпостного (помѣщичьяго и крестьянскаго) хозяйства. Для отвѣта на этотъ вопросъ существенно-необходимо широкое знакомство съ матеріалами, которые нельзя найти почти нигдѣ, кромѣ помѣщичьихъ экономій. Старые счета, приходо-расходныя книги, отчеты приказчиковъ, хозяйственная переписка—все это хранится еще до сихъ поръ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и чаще всего подвергается опасности совершеннаго уничтоженія. Собрать этотъ матеріалъ невозможно одному человѣку. Необходимо, чтобы въ средѣ мѣстныхъ жителей нашлись работники, которые подвергали бы изученію эти документы, руководясь опредѣленной, правильно-составленной программой. Конечно, если бы оказалось, что владѣльцы документовъ ничего не имѣютъ противъ высылки ихъ во временное пользованіе въ Москву, проще всего было бы воспользоваться этимъ ихъ согласіемъ ¹⁾, но на случай отказа необходимо составить армію работниковъ на мѣстѣ.

Представить программу такой работы на мѣстѣ, иллюстрируя отдѣльныя ея положенія конкретными примѣрами, и тѣмъ вызвать желающихъ на содѣйствіе важному и полезному дѣлу—вотъ задача настоящей статьи.

I. *Первый вопросъ*, который необходимо разрѣшить при изученіи того или другого хозяйства, это вопросъ о томъ, *какъ велики были размеры даннаго имѣнія?* Свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть, если не исключительно, то главнымъ образомъ изъ всякаго рода актовъ отчужденія недвижимой собственности, перехода ея изъ однѣхъ рукъ въ другія. Таковы купчія, закладныя, данныя, вводные листы, завѣщанія. Такъ, напр., въ числѣ имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ по селу Богородицкому—Жиморино тожъ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи, имѣется вводный листъ бѣлевскаго уѣзднаго суда отъ 15 декабря 1826 года, изъ котораго видно, что всей земли въ имѣніи числилось 166 десятинъ и 3 осминника. Или, по данной тульской гражданской палаты 18 февраля 1836 г., въ томъ же имѣніи значилось 807 десятинъ разной земли.

II. Тѣ же документы, а также инструкціи приказчикамъ, управляющимъ и бурмистрамъ даютъ матеріалъ для отвѣта на *второй вопросъ*—о томъ, *какова была относительная величина барской и*

¹⁾ Въ такомъ случаѣ, можно направлять документы по слѣдующему адресу: Москва, университетъ, Николаю Александровичу Рожкову.

крестьянской (т.-е. находившейся въ пользованіи крестьянъ) земли? Такъ, упомянутая сейчасъ данная тульской гражданской палаты 18 февраля 1836 года свидѣтельствуесть, что изъ 807 десятинъ 397 десятинъ (или 49,3%) было въ рукахъ барина, 210-ю десятинами (или 26%) пользовались крестьяне, а 199 дес. лѣсу не было распределено между землевладѣльцемъ и его крѣпостными.

III. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпается матеріалъ и для рѣшенія *третьяго вопроса—каково было распределение земли по угодьямъ (усадебная земля съ огородами и конопляниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгоны) у барина и у крестьянъ?* По цитированной уже сейчасъ два раза данной 1836 года, въ селѣ Богородицкомъ—Жиморинѣ изъ 398 десятинъ, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи барина, было: усадебной земли 14 десятинъ (въ томъ числѣ подъ домомъ и разными строеніями 5 десятинъ, подъ садомъ 4 дес., подъ конопляниками и гүменниками 4 дес., подъ прудами 1 дес.), распашной (пахотной) 354 дес., подъ лугами 30 десятинъ; у крестьянъ было: усадебной земли 10 дес., подъ выгономъ 15 дес., пашни 180 дес. и подъ покосами 5 дес.; кромѣ всего этого, въ имѣніи считалось 199 дес. лѣсу.

IV. *Четвертый вопросъ* касается того, сколько было крестьянъ въ имѣніи, и каковы были размѣры ихъ земельныхъ надѣловъ. Если бы удалось найти текстъ приговора мірскаго схода о передѣлѣ земли, то отвѣтъ на вторую часть этого вопроса легко было бы почерпнуть изъ такого текста. Могутъ быть данныя такого рода и въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ бурмистромъ, приказчикомъ или управляющимъ. Но на ряду со всѣмъ этимъ не разъ уже названные выше документы объ отчужденіи земли даютъ возможность опредѣлить число крестьянъ и среднюю величину надѣла на душу мужского пола и на тягло; такъ, по данной 1836 г. въ с. Жиморинѣ было 65 душъ крестьянъ мужского пола и 68 душъ женскаго пола; они распреѣлялись на 25 тяголь, и такъ какъ всей земли въ пользованіи крестьянъ было 210 дес., изъ которыхъ 180 дес. находилось подъ пашней, то, слѣдовательно, на одну душу мужского пола приходилось всего 3,23 дес., а пашни около 2,77 дес., и на тягло всей земли 8,4 дес., пахотной же 7,2 дес.

V. Указанные сейчасъ документы позволяютъ рѣшить и *пятый вопросъ: сколько было дворовыхъ въ имѣніи?* Та же данная 1836 г. указываетъ, что въ с. Жиморинѣ было налицо дворовыхъ 11 чел. мужск. пола и 23 чел. женскаго пола.

VI. *Шестой вопросъ* можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *производились ли передѣлы крестьянской земли, и если производились, то какъ часто?* Матеріала для отвѣта на этотъ во-

прось надо искать въ хозяйственной перепискѣ землевладѣльца съ его довѣренными лицами, — приказчиками, управляющими и бурмистрами, но въ тѣхъ документахъ, которые находятся въ моихъ рукахъ, нѣтъ прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ.

VII. *Седьмой пунктъ* сводится къ изслѣдованію *степени примѣненія барщины и оброка въ имѣніи*. Объ этомъ можно узнать изъ довольно разнообразныхъ документовъ. Прежде всего тѣ же акты отчужденія недвижимости заключаютъ въ себѣ нерѣдко указанія на барщину или оброкъ. Напр., данная тульской палаты гражданскаго суда 1 дек. 1826 г. свидѣтельствуетъ, что въ с. Жиморинѣ всѣ крестьяне «составляютъ 19 тяголъ на господской пашнѣ», т. е. отбываютъ барщину. Въ инструкціяхъ приказчикамъ и управляющимъ и въ условіяхъ съ ними также часто попадаются свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ: такъ, по условію управляющаго с. Жиморина, крестьянина Барышникова, съ помѣщикомъ П. М. Хрущовымъ 15 ноября 1867 года, еще тогда требовалось «всѣ хозяйственныя работы производить издѣльною повинностью по урочному положенію». Наконецъ, текущая хозяйственная переписка помѣщиковъ съ бурмистрами также иногда доставляетъ матеріалъ по вопросу объ оброкѣ и барщинѣ крестьянъ; въ такой перепискѣ встрѣчаются иногда расписанія работъ и платежей. Такъ, напр., въ моихъ рукахъ находится подобное расписаніе, составленное въ апрѣлѣ 1823 года по *тверскому* имѣнію Ефимовича. Изъ этого документа видно, что тогда здѣсь вполнѣ господствовала барщина, сверхъ которой полагались еще мелкіе поборы холстомъ, нитками, баранами, яйцами, грибами, брусникой и т. д.

VIII. Въ связи съ этимъ послѣднимъ стоитъ *восьмой вопросъ: не было ли вольнонаемныхъ рабочихъ въ имѣніи, и если были, то мѣстные это были крестьяне или приходцы изъ другихъ уѣздовъ или губерній?* Отвѣта надо искать въ тѣхъ же «расписаніяхъ», въ хозяйственной перепискѣ, инструкціяхъ приказчикамъ и условіяхъ съ ними. Въ упомянутомъ условіи Барышникова съ Хрущовымъ 1867 года, кромѣ издѣлья, указывается и наемъ рабочихъ «на годъ, полгода или подесятинно съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Сохранился для Тульской губерніи чрезвычайно любопытный «Журналъ ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго имѣнія гр. А. П. Бобринскаго» съ 1 апрѣля 1859 г. по 1 апр. 1860 года. Здѣсь *вся* работа производилась наймомъ, при чемъ различались свои крѣпостные, такъ-называемые «хуторскіе» рабочіе, и посторонніе, «вольнонаемные», но и первые получали денежную наемную плату.

IX. Тѣ же «расписанія» и «журналы», хозяйственная переписка,

инструкціи и условія съ приказчиками помогаютъ освѣтить *девятый вопросъ*: не было ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или у постороннихъ за деньги или за отработки на барской пашнѣ и на условіи исполщины (изъ половины, или вообще изъ какой-либо доли урожая)? По «расписанію», касающемуся имѣнія Ефимовича, въ Тверской губерніи въ 1823 году, «экономическіе крестьяне деревни Поддубокъ и села Покровскаго обязались» этому помѣщику «въ 5 лѣтъ вычистить на Трызновѣ пустоши сѣнокосъ» «и пни всѣ вырыть» и доставлять, кромѣ того, весной и осенью по 25 чел. рабочихъ на три дня, за что они пользуются землею въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Правда, это относится не къ крѣпостнымъ — владѣльческимъ, а къ казеннымъ—экономическимъ (бывшимъ церковнымъ) крестьянамъ, но отъ этого интересъ факта не теряется, да и возможны подобныя же явленія также въ жизни помѣщичьихъ крестьянъ.

X. *Десятый вопросъ* формулируется слѣдующимъ образомъ: *нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и крестьянъ?* Указанія въ этомъ смыслѣ даются прежде всего опять-таки актами отчужденія недвижимой собственности. Въ данной тульской палаты гражданскаго суда отъ 1 дек. 1826 г. на село Жиморино точно означено количество скота въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ: такъ, напр., у троихъ крестьянъ-родственникововъ, жившихъ со своими семьями на одномъ дворѣ, было 10 лошадей, 2 коровы, 15 овецъ, 10 русскихъ куръ и 1 пѣтухъ. Иногда попадаются прямо «описи скоту» въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: рядъ такихъ описей сохранился въ одной книгѣ по *тверскому* имѣнію Ефимовича за 1820, 1821 и 1822 годы; въ первый изъ этихъ годовъ считалось, напр., 15 дойныхъ коровъ и 10 телятъ. Не разъ уже цитированное выше «расписаніе» по тому же имѣнію 1823 года также содержитъ въ себѣ указанія на количество барскаго скота: здѣсь между прочимъ констатировано, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ тогда не было совсѣмъ овецъ.

XI. Переходимъ къ *одиннадцатому вопросу*: *какіе хлѣба съялись, въ какомъ количествѣ и какъ цусто?* Данныя для отвѣта на этотъ вопросъ могутъ попадаться нерѣдко въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ его довѣренными лицами, но всего чаще и въ надлежащей полнотѣ они встрѣчаются въ приходо-расходныхъ книггахъ и вѣдомостяхъ, въ которыхъ означались приходъ и расходъ хлѣба (для денежнаго прихода и расхода обыкновенно велись особыя книги). Такъ, въ селѣ Жиморинѣ по хлѣбной приходо-расходной вѣдомости 1853 года было высѣяно 142 четверти 3 мѣры 4 гарнца ржи на 126 десятинахъ, 209 четвертей

6 мѣръ овса на 92 десятинахъ и 57 четвертей 4 мѣры 4 гарнца гречи на 49 десятинахъ 20 квадр. сажняхъ.

ХІІ. Въ тѣсной связи съ предшествующимъ стоитъ *двенадцатый вопросъ*: какова была урожайность разныхъ хлѣбовъ? Матеріалъ для его рѣшенія надо искать въ хозяйственной перепискѣ и въ особыхъ вѣдомостяхъ и листкахъ объ умолотѣ и сборѣ хлѣбовъ. Такъ, въ началѣ второго десятилѣтія ХІХ вѣка приказчикъ помѣщика Воробьева писалъ ему изъ его *тверского* имѣнія, что изъ 950 сноповъ ржи онъ намолотилъ 3 четверти. Сопоставляя эти данныя съ ужиномъ и посѣвомъ, можно вывести урожайность.

ХІІІ. *Тринадцатый вопросъ*. — *какія употреблялись земледѣльческія орудія?*—освѣщается, если не исключительно, то главнымъ образомъ приходо-расходными книгами и вѣдомостями, въ которыхъ обозначается покупка орудій, и иногда встрѣчающимися инвентарными описями. По «денежному отчету» за 1857 и 1858 годы по имѣнію Хрущова, въ Тульской губерніи, были куплены молотильная машина, вѣялка, сортировка и маслобойка.

ХІV. Большое значеніе имѣетъ *четырнадцатый вопросъ*: *не съялись ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимовеевка)?* На это встрѣчаются указанія прежде всего въ книгахъ, тетрадяхъ и вѣдомостяхъ о сборѣ хлѣба и сѣна; напр., въ *тверскомъ* имѣніи Воробьева въ 1857 году было «убрано въ большой сарай» 194 воза клевера и въ малый сарай 42 воза. Отъ 40-хъ годовъ сохранилось письмо одного помѣщика къ А. И. Воробьеву съ просьбой продать ему 3 пуда клеверу. Въ связи съ этимъ полезно вообще отмѣчать всѣ факты, указывающіе на посѣвы усовершенствованныхъ породъ хлѣба. Отъ 23 іюля 1854 г. дошло письмо помѣщика Сонины къ тому же А. И. Воробьеву, съ благодарностью за снабженіе перваго послѣднимъ сѣменами нюландской и пенсильванской ржи.

Всѣ четырнадцать поставленныхъ выше вопросовъ представляютъ собою одно цѣлое: отвѣты на нихъ освѣщаютъ важнѣйшую сторону помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства въ крѣпостное время,—именно *сельскохозяйственное производство*. Но этимъ далеко еще не исчерпывается интересъ хозяйственныхъ документовъ крѣпостной эпохи, до сихъ поръ часто попадающихся въ помѣщичьихъ экономіяхъ. И другія двѣ стороны сельскохозяйственной промышленности,—*обмѣнъ и распределеніе*,—получаютъ надлежащее освѣщеніе черезъ посредство этихъ документовъ.

ХV—ХVІ. Для изученія *обмѣна* важны два вопроса: *пятнадцатый*—*какъ и въ какомъ количествѣ сбывались продукты сельско-*

хозяйственного производства баринами и крестьянами? и шестнадцатый,—*что, и въ какомъ количествѣ покупалось баринами и крестьянами для потребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цпей?* На оба вопроса даютъ отвѣтъ одни и тѣ же документы, — приходо-расходныя книги и вѣдомости и хозяйственная переписка землевладѣльцевъ съ управляющими и приказчиками. «Денежный отчетъ» по тульскому имѣнію Хруцова за 1857 и 1858 г.г. свидѣтельствуетъ, напр., что было продано ржи 502 ч. 4 м., овса 304 ч., гречи 198 ч., конопли 36 ч., льняного сѣмени 1 мѣра, картофелю 2 ч., коровьяго масла 17 пудовъ, творогу 31 пудъ, сукна 36½ аршинъ, 24 индѣйки, 39 утокъ, 53 куры, 8 вол., 40 овецъ и т. д.; покупались соль, деготь, лыко, свѣчи, коношяное масло, свиное сало, клей, косы, замки, сѣдла, коленкоръ, горшки и проч.

XVII—XIX. Три вопроса касаются *распредѣленія* хозяйственныхъ благъ: *семнадцатый*—*каковы были размѣры оброковъ и степень тяжести барщины? восемнадцатый* — *какова была степень доходности имѣнія? и девятнадцатый*—*состояло ли данное имѣніе въ залогъ, на какихъ условіяхъ и съ какого времени?* На первый изъ этихъ вопросовъ проливаютъ свѣтъ главнымъ образомъ инструкціи приказчикамъ и управляющимъ и спеціальныя «журналы» и «расписанія». Такъ, по «расписанію въ имѣніи помѣщика Александра Ефимовича дворовымъ людямъ сколько мѣсячины, на барщину сколько надобно выходить крестьянъ и крестьянокъ, и оброкъ, который съ нихъ слѣдуетъ», съ каждаго крестьянскаго двора полагалось въ 1823 году по одному мужчинѣ и одной женщинѣ для *ежедневной* земледѣльческой барщины, а съ нѣкоторыхъ дворовъ полагалось, сверхъ того, по одному рабочему черезъ день. Второй (по общему счету восемнадцатый) вопросъ разъясняется главнымъ образомъ документами объ отчужденіи недвижимости и приходо-расходными вѣдомостями: такъ, въ 1826 г., въ Тульской губ., по данной того времени, съ имѣнія, въ которомъ считалось 156 десятинъ, оцѣненныхъ въ 5 тыс. руб., и было 39 душъ крестьянъ мужского пола и 29 душъ женскаго пола, стоимившихъ 8300 руб., получалось въ годъ 1330 р. дохода. Наконецъ, въ этихъ же документахъ и въ хозяйственной перепискѣ почерпаются свѣдѣнія по девятнадцатому вопросу, — о залогѣ имѣнія.

Все вышеизложенное, какъ было сказано, касается сельскохозяйственной промышленности. Но легко можетъ случиться, что данное имѣніе не было чисто сельскохозяйственнымъ, что документы, къ нему относящіеся, характеризуютъ и другія отрасли хозяйства — *промышленность добывающую и обрабатывающую.*

Поэтому, изучая материалъ, хранящійся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, полезно имѣть въ виду еще слѣдующіе вопросы.

XX. Двадцатый вопрос: не было ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если были, то имѣлось ли при этомъ въ виду собственное потребленіе, или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначался для скупщика? Въ послѣднемъ случаѣ—не было ли раздачи сырья въ долъ скупщиками? Надо сознаться, что въ документахъ, касающихся помѣщичьего хозяйства, рѣдко и только случайно попадаются данныя по этому важному вопросу. Всего скорѣе на нихъ можно натолкнуться при изученіи свѣдѣній о оброкахъ: пряжа льна и приготовленіе холста и полотна, часто встрѣчающіяся въ числѣ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ въ тверскихъ имѣніяхъ Ефимовича и Воробьева, указываютъ, что эти и имъ подобные промыслы существовали среди крестьянъ. Тамъ же, какъ показываютъ приходныя вѣдомости, валяли сукно на помѣщика.

XXI. Двадцать первый вопрос: не было ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки? И здѣсь вѣдомости о приходѣ и хозяйственная переписка, отмѣчающія оброкъ, получаемый съ крестьянъ, могутъ сообщить интересныя свѣдѣнія. Въ тульскомъ имѣніи Хруцова въ 1856 году было въ отходѣ пятеро крестьянъ.

XXII. Двадцать второй вопрос: не было ли въ имѣніи эксплуатаціи какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предпріятій (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если были, то крестьяне ли того же помѣщика на нихъ работали, или посторонніе; на какихъ условіяхъ; добывалось ли все сырье въ данномъ имѣніи; были ли машины; куда и какъ сбывались продукты? Этотъ сложный вопросъ, имѣющій первостепенную важность, можетъ быть разъясненъ при помощи цѣлага ряда разнообразныхъ документовъ: о немъ говорится и въ купчихъ, и въ закладныхъ, и въ завѣщаніяхъ, и въ инструкціяхъ приказчикамъ, и въ перепискѣ, и въ «журналахъ» и «расписаніяхъ». Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить чрезвычайно любопытный «журналъ ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго, Тульской губ., имѣнія» гр. А. П. Бобринскаго съ 1 апрѣля 1859 по 1 ап. 1860 года. Здѣсь можно видѣть, какъ былъ организованъ въ этомъ имѣніи свеклосахарный заводъ. Во-первыхъ, свекловица производилась въ самомъ имѣніи: въ числѣ обычныхъ работъ встрѣчаемъ работы по уборкѣ свекловицы, по отвозу выжимокъ и т. д. Во-вторыхъ, употреблялись на заводѣ машины: такъ, значатся работы «по водяной машинѣ». Въ-третьихъ, на заводѣ примѣнялся все время исклю-

чительно наемный трудъ, — крѣпостныхъ того же помѣщика («хуторскихъ») и постороннихъ («вольнонаемныхъ»).

XXIII. Наконецъ, послѣдній *двадцать третій* вопросъ: *чѣмъ заняты были вообще дворовые и, въ частности, не отпускались ли они на оброкъ, и если отпускались, то куда и для какихъ занятій?* И здѣсь главными источниками являются инструкціи, переписка, приходо-расходныя вѣдомости, «журналы» и «расписанія». Въ хорошо уже намъ извѣстномъ «расписаніи» 1823 года по *тверскому* имѣнію Ефимовича всѣ дворовые значатся на мѣсячинѣ, т.-е. на содержаніи натурой отъ помѣщика, и заняты разными сельскохозяйственными работами: одна — старостиха, другою — садовникъ, третья — помощница старостихи, четвертая и пятая — скотницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтомъ ходять на земледѣльческую работу на барской пашнѣ, и т. д. Но уже въ 1814 г. И. И. Воробьевъ также изъ *тверского* своего имѣнія получилъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ относительно одного двороваго человѣка: «Петрушка вашъ живетъ на заводѣ, оброку вамъ заплатить 70 руб. на своемъ платьѣ и на своихъ харчахъ».

Само собою разумѣется, что чѣмъ богаче, обильнѣе будетъ матеріалъ, тѣмъ большее количество поставленныхъ выше вопросовъ найдетъ себѣ отвѣты. Но не слѣдуетъ смущаться, если хозяйственный матеріалъ по тому или другому имѣнію не захватитъ всего, потому что, во-первыхъ, въ такихъ экономіяхъ, которыя существовали на чисто сельскохозяйственной основѣ, многого, означеннаго въ нашихъ вопросахъ, и быть не могло; во-вторыхъ, многое — напр., усовершенствованныя орудія, вольнонаемный трудъ, травосѣяніе — несвойственно было отсталымъ помѣщичьимъ экономіямъ; въ — третьихъ, наконецъ, если бы оказалась неполнота данныхъ по другимъ, случайнымъ причинамъ (напр., вслѣдствіе утраты или уничтоженія части документовъ), — все-таки необходимо исчерпать все, имѣющееся налицо, такъ какъ и по сохранившимся остаткамъ можно возстановить цѣлое.

Всякая работа спорится, идетъ успѣшно лишь при томъ условіи, если работникъ любитъ и цѣнитъ ее, убѣжденъ въ ея плодотворности. Въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ разъясненія поставленныхъ вопросовъ. Отвѣчая на нихъ, мы можемъ уяснить себѣ механизмъ крѣпостнаго хозяйства и опредѣлить процессъ его паденія и силы, вызвавшія этотъ процессъ. Такъ, развитіе травосѣянія, введеніе машинъ, улучшенныхъ орудій, высшихъ сортовъ хлѣба, ростъ вольнонаемнаго труда, уменьшеніе барщины, развитіе аренды за отработки и исполщины, отпускъ дворовыхъ на оброкъ для фабричной работы, ростъ торговли хлѣбомъ, поступательное движеніе по-

мѣщичьихъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій—все это яркіе признаки упадка крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній и зарожденія и развитія новаго экономическаго строя. Великое историческое значеніе такого рода наблюденій выступаетъ такимъ образомъ съ совершенной очевидностью. Но не менѣе велико и ихъ практическое, житейское значеніе для современной намъ дѣйствительности: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что и теперь еще сохраняется въ крестьянской жизни много остатковъ крѣпостной старины, а новыя начала находятся только въ процессѣ развитія, далеко отъ своего полного завершенія. Познакомившись съ прошлымъ, мы, слѣдовательно, получимъ возможность правильнѣе и всестороннѣе освѣтить и вѣрнѣе рѣшить многіе наболѣвшіе, жгучіе вопросы текущаго времени.

Политическія партіи въ великомъ Новгородѣ XII— XV вѣковъ.

I.

Въ исторіи учрежденій Великаго Новгорода за тѣ времена, когда онъ былъ еще вольнымъ городомъ, до сихъ поръ немало неяснаго и спутаннаго. Этой неясности много способствуетъ то обстоятельство, что изслѣдователи, изучая новгородскія учрежденія, или совсѣмъ почти отдѣляли отъ послѣднихъ исторію партійной борьбы, не ставили ея въ непосредственную и необходимую связь съ эволюціей политическаго строя, или, хотя и старались уловить эту связь, но съ чисто-спеціальной точки зрѣнія—общерусскихъ междукняжескихъ отношеній. Такое отдѣленіе процесса развитія учрежденій отъ исторіи борьбы партій замѣчается, напримѣръ, въ «Сѣверно-русскихъ народоправствахъ» Костомарова, а преобладающій интересъ къ междукняжескимъ отношеніямъ и ихъ вліянію на новгородскій строй и отдѣльные классы новгородскаго общества—отличительная особенность работъ Соловьева. Если не считать отдѣльныхъ малообоснованныхъ и потому не выдерживающихъ критики замѣчаній Бѣляева и г. Иловайскаго, то единственной сколько-нибудь серьезной попыткой исторіи новгородскихъ партій придется признать статью Пассека «Новгородъ самъ въ себѣ»¹⁾. Правда, какъ мы убѣдимся въ свое время, выводы Пассека въ большинствѣ случаевъ должны быть отвергнуты, но самая идея изученія партійной борьбы по вопросамъ внутренней жизни Великаго Новгорода, въ связи притомъ съ распредѣленіемъ сторонниковъ каждой партіи по частямъ города, въ высшей степени плодотворна, и такимъ образомъ за авторомъ остается честь усвоенія впервые правильной точки зрѣнія на вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: для по-

¹⁾ „Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1869 г., кн. IV.

ниманія того историческаго процесса, который совершался въ вольныхъ городахъ древней Руси, совершенно необходимо одушевить схему развитія ихъ политическихъ особенностей изображеніемъ тѣхъ настроеній и побужденій, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали отдѣльныя соціальныя группы и ихъ представители; необходимо облечь въ плоть и кровь безличный процессъ политическихъ перемѣнъ, введя въ кругъ изученія борьбу партій. Не надо только забывать, что самою силою обстоятельствъ каждая партія принуждена была довольно точно опредѣлить свое отношеніе ко всей суммѣ наличныхъ очередныхъ задачъ внѣшней и внутренней политики, такъ что оцѣнивать, выражаясь современнымъ языкомъ, программу каждой партіи мы должны не съ одной какой-либо спеціальной стороны, а по возможности всесторонне, насколько, разумѣется, позволяютъ наши источники. Невозможно, наконецъ, предположить, что въ теченіе четырехъ вѣковъ (XII—XV) цѣли и составъ каждой партіи оставались во всѣхъ подробностяхъ неизмѣнными; необходимо, слѣдовательно, отличать вліяніе условій времени.

Въ своемъ изслѣдованіи мы не будемъ углубляться въ старину, такъ какъ при скудости данныхъ заключенія о древнѣйшихъ временахъ должны неизбежно отличаться ненадежностью. Притомъ же тогда не могло и существовать опредѣленныхъ партій, цѣльныхъ и сколько-нибудь сложившихся: онѣ находились только въ процессѣ зарожденія. Исходный хронологическій пунктъ изслѣдованія—княженіе Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), того самаго Всеволода, который оставилъ намъ два важныхъ памятника своей правительственной дѣятельности въ Великомъ Новгородѣ,—извѣстный церковный уставъ съ классическимъ мѣстомъ объ изгояхъ и уставную грамоту церкви св. Ивана на Опокахъ. Попытаемся сначала разобраться въ фактахъ, относящихся къ XII вѣку. *Внѣшними* признаками борьбы партій и перевѣса той или другой изъ нихъ служатъ перемѣны на княжескомъ столѣ и въ должности посадника. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ князья въ Новгородѣ XII вѣка,—это въ достаточной мѣрѣ установлено въ литературѣ и довольно легко можетъ быть отмѣчено на основаніи лѣтописнаго текста. Замѣтимъ только, что въ XII вѣкѣ на новгородскомъ столѣ сидѣли представители трехъ вѣтвей Рюрикава дома: Мстиславичи (потомки Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха), Юрьевичи (потомки Юрія Владимировича суздальскаго) и Ольговичи (потомки Олега Святославича черниговскаго). Юрьевичи и Ольговичи были постоянно во враждѣ другъ съ другомъ, почему каждая замѣна Юрьевича Ольговичемъ и обратно указываетъ на

извѣстный поворотъ въ партійной борьбѣ; Мстиславичи были то на сторонѣ Юрьевичей, то противъ нихъ, смотря по отдѣльнымъ личностямъ, такъ что здѣсь необходимо внимательнѣе присматриваться къ междукняжескимъ отношеніямъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ поспѣшнаго и ошибочнаго заключенія о перевѣсѣ той или другой партіи. Суздальскіе князья и тѣ изъ Мстиславичей, которые держались одного съ ними направленія, занимали новгородскій столъ въ слѣдующіе годы: 1) 1117 — 1136 (Всеволодъ Мстиславичъ), 2) 1138—1139 (Ростиславъ Юрьевичъ), 3) 1141—1142 (онъ же), 4) 1153—1157 (Мстиславъ Юрьевичъ), 5) 1160—1161 (Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Суздальскаго), 6) 1167 (Святославъ Ростиславичъ, сынъ Ростислава смоленскаго; онъ княжилъ въ Новгородѣ два раза; 1167 годъ — послѣдній годъ его второго княженія; только въ этотъ годъ онъ перешелъ на сторону Андрея Боголюбскаго ¹⁾); раньше онъ былъ сторонникомъ примиренія между Ростиславомъ смоленскимъ и Андреемъ суздальскимъ ²⁾, 7) 1170—1171 (Рюрикъ Ростиславичъ, посланецъ Андрея ³⁾), 8) 1171—1175 (Юрій Андреевичъ), 9) 1176—1177 (Ярославъ Мстиславичъ, племянникъ Всеволода суздальскаго ⁴⁾), 10) 1182 — 1184 (Ярославъ Владимировичъ, внукъ Мономахова старшаго сына Мстислава, своякъ Всеволода суздальскаго), 11) 1187—1196 (онъ же), 12) 1197—1199 (онъ же), 13) 1199—1205 (Святославъ Всеволодовичъ). Ольговичи и Мстиславичи, имъ сочувствовавшіе (это были въ большинствѣ случаевъ смоленскіе Ростиславичи), были новгородскими князьями въ такіе періоды времени: 1) 1136—1138 (Святославъ Ольговичъ), 2) 1139—1141 (онъ же), 3) 1142—1148 (Святополкъ Мстиславичъ: онъ близокъ къ Ольговичамъ и во враждѣ съ Юріемъ суздальскимъ ⁵⁾), 4) 1148 — 1153 (Ярославъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Мстиславича кievскаго), 5) 1153 (Ростиславъ Мстиславичъ и Давидъ Ростиславичъ), 6) 1158—1160 (Святославъ Ростиславичъ), 7) 1161 — 1166 (онъ же), 8) 1168—1170 (Романъ Мстиславичъ, внукъ Изяслава, сынъ Мстислава кievскаго), 9) 1177 (Ярополкъ Ростиславичъ, внукъ Юрія суздальскаго, единственный изъ княжившихъ въ Новгородѣ Юрьевичей, бывшій врагомъ Всеволода Большое Гнѣздо), 10) 1178 (Романъ Ростис-

¹⁾ Новгородскія 1 и 4 лѣтописи, подъ 6675 г.

²⁾ Тамъ же, 6669 г.: „урядися Ростиславъ съ Андреемъ о Новгородѣ и Святослава въведоша“.

³⁾ Новгор. 1 и 4 лѣт., 6678 г.

⁴⁾ См. варианты къ Новгор. 1 лѣт., 6684 г.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, изд. 2, Москва, 1856, стр. 126.

славить смоленскій), 11) 1179—1180 (Мстиславъ Ростиславичъ, его братъ), 12) 1180—1181 (Владимиръ Святославичъ, внукъ знаменитаго Олега черниговскаго), 13) 1184—1187 (Мстиславъ Давидовичъ, сынъ Давида смоленскаго), 14) 1197 (Ярополкъ Ярославичъ — изъ Чернигова). Такимъ образомъ князья первой изъ двухъ указанныхъ группъ сидѣли въ Новгородѣ приблизительно 55 лѣтъ изъ всего взятаго нами на первый разъ для изученія 89-лѣтняго періода (1117—1205 гг.); на долю Ольговичей и ихъ единомышленниковъ приходится такимъ образомъ 34 года. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что партія, которую мы для краткости будемъ пока называть суздальской, была сильнѣе противной партіи; какія были тому причины, — покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

Наблюдая по лѣтописямъ параллельно съ перемѣнами на княжескомъ столѣ за переходомъ должности посадника отъ одного лица къ другому въ XII вѣкѣ, мы замѣчаемъ то въ высшей степени любопытное явленіе, что почти всегда одновременно съ княземъ мѣнялся и посадникъ, при чемъ безъ труда можно убѣдиться, что князю извѣстной линіи и извѣстнаго направленія соотвѣтствовали и посадники извѣстныхъ боярскихъ фамилій, приверженныхъ, очевидно, къ той же партіи, какъ и князь. Мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь списокъ посадниковъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ періодъ времени между 1117— и 1205 годами: дѣло въ томъ, что хотя въ спеціальной литературѣ этотъ вопросъ и былъ подвергнутъ изученію ¹⁾, но есть нѣкоторыя неясности, въ которыхъ надо разобраться. Послѣдовательная смѣна новгородскихъ посадниковъ XII вѣка представляется намъ въ такомъ видѣ: 1) 1117—1118 Дмитръ Завидичъ; Прозоровскій, на основаніи словъ лѣтописи, что Дмитръ умеръ въ 1118 г., «посадничавъ 7 мѣсяць *одину*», т. е. одинъ послѣ смерти Добрыни въ 1117 г., заключаетъ, что «въ Новгородѣ въ началѣ XII вѣка было два посадника», и такъ какъ въ 1120 г. «приде Борисъ посадничать», очевидно, изъ Кіева, то — думаетъ тотъ же изслѣдователь — «одинъ изъ посадниковъ назначался великимъ княземъ» ²⁾; въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля истины, но цѣликомъ ихъ принять нельзя: вѣрно, что въ Новгородѣ было два посадника, но это вовсе не особенность начала XII вѣка: всегда въ Новгородѣ былъ посадникъ — новгородскій

¹⁾ *Григоровичъ*, Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ, Москва, 1821; *Прозоровскій*, Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ, въ „Вѣстникѣ археологій и исторіи“, вып. IX, Спб., 1892.

²⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 101.

бояринъ, выбранный вѣчемъ представитель народа, и съ другой стороны посадникъ новгородскаго князя, обыкновенно его бояринъ, часто не новгородецъ; послѣдній потомъ сталъ называться намѣстникомъ; не слѣдуетъ только, вмѣстѣ съ Прозоровскимъ, думать, будто этотъ послѣдній всегда назначался *великимъ* княземъ: его опредѣлялъ тотъ князь, который княжилъ въ Новгородѣ, хотя часто впоследствии этотъ князь и не жилъ тамъ; поэтому въ нашемъ спискѣ не найдутъ мѣста тѣ посадники, которые были представителями князя, назначались имъ, а не выбирались народомъ; 2) 1119 Константинъ Мосѣевичъ; 3) 1120 — 1125 неизвѣстно; 4) 1126 — 1128 Мирославъ Гюратиничъ; 5) 1128 Завидъ Дмитровичъ; 6) 1129 неизвѣстно; 7) 1130 — 1134 Петрило Микульчичъ; 8) 1134 Иванко Павловичъ; 9) 1134—1135 Мирославъ Гюратиничъ; 10) 1135—1136 Константинъ Микульчичъ; 11) 1137 — 1141 Якунь Мирославичъ; 12) 1141 Судило Иванковичъ; 13) 1142 — 1145 Нѣжата Твердятичъ; 14) 1146 Константинъ Микульчичъ; 15) 1147—1156 Судило Иванковичъ; 16) 1156—1160 Якунь Мирославичъ; мы считаемъ 1160 г. конечнымъ годомъ второго посадничества Якуна по той причинѣ, что, какъ увидимъ, Якунь былъ противникомъ суздальскихъ князей, а въ этомъ именно году на новгородскій столъ былъ возведенъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія суздальскаго; 17) 1160—1161 Нѣжата Твердятичъ; 18) 1161—1167 Захарія; 19) 1167—1170 Якунь Мирославичъ; Прозоровскій справедливо полагаетъ, что третье посадничество Якуна окончилось вскорѣ послѣ 1169 года ¹⁾, за это говорятъ два факта: посадничество Жирослава, окончившееся въ 1171 г., т. е. начавшееся раньше, вѣроятно въ 1170 г., и вступленіе на новгородскій столъ въ 1170 г. Рюрика Ростиславича, ставленника Андрея суздальскаго, противъ котораго былъ Якунь; 20) 1170 — 1171 Жирославъ; 21) 1171 — 1172 Иванко Захарьиничъ; 22) 1172 Жирославъ; 23) 1172—1175 Иванко Захарьиничъ; 24) 1175 Жирославъ; 25) 1175—1180 Завидъ Неревиничъ; 26) 1180—1182 Михаль Степаничъ; его посадничество, надо думать, кончилось въ 1182 г., такъ какъ Михаль—это будетъ доказано ниже—былъ противникомъ суздальскихъ князей, а въ 1182 г. на новгородскомъ столѣ появляется своякъ Всеволода суздальскаго — Ярославъ Владимировичъ; 27) 1182—1186 Завидъ Неревиничъ; 28) 1186 — 1189 Михаль Степаничъ; 29) 1189 — 1203 Мирошка Нездиничъ; 30) 1203—1205 Михаль Степаничъ.

Чтобы закончить изученіе вѣдшихъ признаковъ, по которымъ можно судить о группировкѣ новгородцевъ въ партіи, остается

¹⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 103.

опредѣлить, за какихъ князей стояли тѣ или другіе изъ новгородскихъ посадниковъ, только что указанныхъ. Сторонниками Всеволода Мстиславича были слѣдующіе посадники: Дмитръ Завидичъ, его сынъ Завидъ Дмитровичъ, Петрило Микульчичъ, его братъ Константинъ Микульчичъ, Иванко Павловичъ. Это подтверждается такими данными: отецъ Всеволода, Мстиславъ, былъ женатъ на дочери Дмитра Завидича¹⁾; о Константинѣ Микульчичѣ прямо сказано, что онъ былъ за Всеволода и бѣжалъ къ нему въ Псковъ²⁾; это замѣчено еще Костомаровымъ³⁾ и Прозоровскимъ⁴⁾; мы имѣемъ, слѣдовательно, основаніе причислить къ той же партіи его брата, Петрила; наконецъ, Иванко Павловичъ былъ выбранъ въ посадники передъ походомъ на Суздаль, предпринятымъ по почину Всеволода; слѣдовательно, онъ не былъ противъ этого князя; Петрило былъ замѣненъ Иванкомъ не потому, что они держались противоположныхъ взглядовъ, а по той причинѣ, что Иванко былъ лучшимъ воиномъ, былъ «мужъ храбръ зѣло»⁵⁾, что было необходимо при начатой войнѣ. Но Мстиславичи послѣ Всеволода нѣсколько измѣнили свои отношенія къ двумъ другимъ главнымъ княжескимъ линіямъ современной имъ Руси или, точнѣе, къ одной изъ нихъ—Ольговичамъ: сблизившись съ послѣдними, Мстиславичи измѣнили традиціонной политикѣ Мономаховичей. Это не могло не отразиться на составѣ партіи, имъ приверженной въ Новгородѣ: нѣкоторые изъ ея членовъ остались, правда, вѣрны имъ, но другіе прямо перешли на сторону суздальскихъ князей. Первыхъ было меньше— всего двое: упомянутый выше Константинъ Микульчичъ, не примирившійся сначала съ Ольговичами, пока они были врагами Мстиславичей⁶⁾, но потомъ стоявшій горой за Святополка Мстиславича, несмотря на его сближеніе съ Ольговичами, и умершій въ походѣ противъ Юрія суздальскаго⁷⁾,—и Нѣжата Твердятичъ, который впрочемъ, повидимому, не отличался особенной твердостью убѣжденій и затруднялся занять опредѣленное положеніе въ новыхъ обстоятельствахъ: не даромъ въ 1146 году онъ былъ лишенъ посадничества въ пользу болѣе рѣшительнаго Констан-

1) Новг. лѣт., 6630 г.

2) Тамъ же, 6645 г.

3) Историческія монографіи, т. VII, С.-Пб., 1868, стр. 64.

4) „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 102.

5) Новг. 1 лѣт., 6642 г.

6) Новг. 1 лѣт., 6644 г.

7) Тамъ же, 6655 г.

тина ¹⁾, а потомъ былъ посадникомъ въ 1160—1161 гг., уже при внука Юрія суздальскаго, и опять былъ замѣненъ другимъ лицомъ ²⁾: очевидно, и суздальская партія ему не довѣряла. Колѣбанія Нѣжаты и одинокое положеніе Константина какъ нельзя лучше показываютъ, что большая часть бывшихъ приверженцевъ Всеволода Мстиславича перешла на сторону суздальскихъ князей: ея представителями и являются посадники: Судило Ивановичъ (очевидно, сынъ Ивана Павловича), Захарія, его сынъ Иванко Захарьиничъ, Жирославъ, Завидъ Неревиничъ и, наконецъ, Миропка Нездиничъ. Въ самомъ дѣлѣ: не говоря уже о родствѣ Судила съ Иванкомъ Павловичемъ, родствѣ, подтверждающемъ еще разъ, что всѣ упомянутыя лица принадлежали къ партіи, поддерживавшей прежде Всеволода Мстиславича, — лѣтописныя свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что Судило сталъ приверженцемъ Юрьевичей: при Святославѣ Ольговичѣ онъ бѣжалъ *въ Суздаль* «Святослава дѣля и Якуна» ³⁾, при Ростиславѣ *Юрьевичъ* онъ былъ посадникомъ и палъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ ⁴⁾; ставъ, наконецъ, посадникомъ въ третій разъ, Судило старается помирить новгородцевъ съ Юріемъ ⁵⁾ и теряетъ власть наканунѣ изгнанія новгородцами Юрьева сына Мстислава ⁶⁾. Захарія былъ человекъ новый, его дѣятельнаго участія въ политической борьбѣ въ болѣе раннее время мы не замѣчаемъ; вотъ почему онъ оказался очень удобнымъ кандидатомъ въ посадники, когда обѣ враждующія стороны, Андрей суздальскій и Ростиславъ смоленскій, рѣшили «урядиться» между собою, войти въ соглашеніе относительно новгородскаго стола ⁷⁾; но дальнѣйшій ходъ событія показываетъ, что Захарія опирался на суздальскую партію: самъ Святославъ Ростиславичъ напелъ защиту у Андрея, а не у Ростислава, и Захарія былъ убитъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ Нервиномъ и Нездой вслѣдствіе подозрѣнія въ сношеніяхъ съ Святославомъ ⁸⁾. Суздальскія симпатіи Иванка Захарьинича, помимо того, что онъ былъ сыномъ Захаріи, доказываются еще тѣмъ, что онъ былъ посадникомъ при Рюрикѣ Ростиславичѣ, ставле-

¹⁾ Тамъ же, 6654 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6669 г.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6649 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6649 и 6650 гг.

⁵⁾ Тамъ же, 6656 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6664 г.

⁷⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6669 г.

⁸⁾ Тамъ же, 6675 г.

никъ Андрея ¹⁾, а также въ княженіе Андрея сына Юрія ²⁾. Жирославъ, не ладившій лично съ Рюрикомъ, пользовался довѣріемъ Андрея, къ которому онъ бѣжалъ, и который самъ провелъ его въ посадники ³⁾. Завидъ Неревиничъ былъ сыномъ того Неревина, который поплатился жизнью за единомысліе съ Захаріей ⁴⁾, и въ 1186 г. былъ удаленъ въ Смоленскъ ⁵⁾, такъ какъ князь Мстиславъ Давидовичъ, очевидно, считалъ его своимъ врагомъ. Наконецъ, отецъ Мирошки, Незда, тоже вмѣстѣ съ Захаріей погибъ за приверженность къ суздальскимъ князьямъ, и самъ Мирошка во всѣ 14 лѣтъ исполненія имъ должности посадника старался поддержать на столѣ новгородскомъ Ярослава Владимировича и Святослава Всеволодовича ⁶⁾, т. е. принадлежалъ, несомнѣнно, къ суздальской партіи.

Партія Ольговичей и тѣхъ Мстиславичей, которые были за одно съ ними, имѣла своими представителями остальныхъ посадниковъ періода времени между 1117 и 1205 гг. Таковы были: Мирославъ Гюратичъ, сынъ его Якунь Мирославичъ и, наконецъ, Михаль или Михалко Степаничъ. Многочисленныя указанія новгородскихъ лѣтописей убѣждаютъ въ томъ, что эти лица, дѣйствительно, были врагами суздальскихъ князей и Всеволода Мстиславича и сторонниками ихъ противниковъ. Будучи избранъ въ посадники въ 1126 году, въ отсутствіе Всеволода, Мирославъ скоро былъ замѣненъ явнымъ сторонникомъ этого князя, Завидомъ; въ 1132 году едва ли не онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей возстанія противъ Всеволода: и позднѣе новгородцы разсылали главъ побѣжденныхъ партій по пригородамъ въ посадники, и тутъ Мирославу дали посадничество въ Псковѣ ⁷⁾. Якунь Мирославичъ былъ выбрашъ вскорѣ послѣ утвержденія въ Новгородѣ Святослава Ольговича,—въ 1137 году: онъ смѣнилъ «пріятели» Всеволодова, Константина; что Якунь былъ приверженцемъ Ольговичей, это доказывается еще тѣмъ, что онъ едва не погибъ, когда князь бѣжалъ, а новгородцы его не пустили до прихода обѣщаннаго Всеволодомъ Ольговичемъ сына ⁸⁾;

¹⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6680 и 6683 гг.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., лѣт., 6675 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6694 г.

⁶⁾ Новгор. лѣтописи, 6697—6711 гг.

⁷⁾ „А Рагуилу въ *Ладотѣ*“: такъ надо читать по варианту, потому что въ Новгородѣ посадникомъ оставался Петрило; см. Новг. 1 лѣт. 6636 и 6642 гг.

⁸⁾ Новг. 1 лѣт., 6649 г.

далѣ: Юрій суздальскій увелъ его къ себѣ и держалъ въ чести ¹⁾),—лучшій способъ парализовать враждебную силу; политическая дѣятельность Якуна Мирославича однако этимъ не окончилась: мы видимъ его опять посадникомъ наканунѣ изгнанія Мстислава Юрьевича, послѣ смѣны приверженца послѣдняго, Судила, и, надо думать, онъ поддерживалъ Святослава Ростиславича ²⁾); когда однако этотъ князь, во второе свое княженіе, явно принялъ сторону Андрея Боголюбскаго, Якунъ выступилъ противъ него и суздальцевъ, остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ ³⁾). Остается доказать, что Михалъ Степанычъ былъ за Ольговичей и противъ суздальскихъ князей. Это видно уже изъ того, что онъ сдѣлался посадникомъ въ первый разъ послѣ утвержденія въ Новгородѣ Владимира Святославича, внука Всеволода Ольговича ⁴⁾). Это его посадничество продолжалось, какъ было уже сказано, вѣроятно до 1182 года, до торжества суздальской партіи, а во второй разъ онъ появляется въ должности посадника при Мстиславѣ Давидовичѣ, который попалъ въ Новгородъ вопреки волѣ Всеволода владимиросуздальскаго; съ перевѣсомъ суздальской партіи власть была отнята у Михалы ⁵⁾); наконецъ въ 1203 году, по смерти вѣрнаго сторонника суздальскихъ князей, Мирошки Нездинича, противная партія, очевидно, подняла голову, и посадничество дали Михалку Степановичу ⁶⁾). Это, очевидно, встревожило великаго князя Всеволода, и онъ прислалъ въ Новгородъ своего старшаго сына Константина вмѣсто слишкомъ молодого Святослава, мотивируя официально эту перемѣну тѣмъ, что «въ земли вашей рать ходитъ, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ» ⁷⁾); такая мотивировка не должна однакоже насъ обманывать: истинная цѣль Всеволода заключалась въ томъ, чтобы въ лицѣ старшаго сына дать суздальской партіи въ Новгородѣ болѣе прочную опору: не даромъ тотчасъ же послѣ этого въ лѣтописи читаемъ: «тогда же отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницу».

Итакъ, внѣшнія рамки новгородскихъ партій нами очерчены. Надо оживить эти внѣшнія формы реальнымъ содержаніемъ, точнѣе и *возможно-всестороннѣе* опредѣлить стремленія и цѣли

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6664 и слѣд. гг.

³⁾ Тамъ же, 6675 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6688 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6694 г.; Новг. 1 и 4 лѣт., 6697 г.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт., 6711 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6713 г.

каждой партіи. Эту задачу нельзя назвать особенно легкой: правда, мы имѣемъ превосходные, очень цѣнные источники для изученія новгородскихъ учрежденій—договорныя грамоты Новгорода съ князьями, трактаты съ иностранцами и донесенія нѣмецкихъ посольствъ и кущцовъ, но, во первыхъ, эти источники относятся къ позднѣйшему времени, именно начинаются со второй половины XIII вѣка, а во вторыхъ, они ясно изображаютъ статику новгородскаго государственнаго строя, рисуютъ его намъ въ окончательно-сложившемся, развитомъ состояніи, не касаясь почти его динамики, того процесса, посредствомъ котораго слагались учрежденія Великаго Новгорода съ ихъ своеобразнымъ характеромъ. Вотъ почему не только для XII вѣка, но и для болѣе поздняго времени приходится часто довольствоваться скудными указаніями лѣтописей.

Отмѣтимъ прежде всего, что существовалъ вопросъ, по отношенію къ которому сходились всѣ въ Новгородѣ XII вѣка и позднѣе,— вопросъ о внѣшней политикѣ, объ отношеніи къ сосѣднимъ инородцамъ. Всѣ новгородскіе жители безъ исключенія, къ какому бы классу они ни принадлежали, въ какомъ бы экономическомъ положеніи ни находились, заинтересованы были въ томъ, чтобы Новгородъ и его земля не подвергались опустошительнымъ набѣгамъ и нападеніямъ, и чтобы община пользовалась внѣшней безопасностью и миромъ. Вотъ почему князья — безразлично, суздальской ли линіи или противоположнаго направленія,— совершаютъ походы на Чудь, на тѣ финскія племена, которыя безпокоили предѣлы новгородской земли своими нападеніями и мѣшали свободнымъ торговымъ сношеніямъ съ иноземцами. Укажемъ на походы, съ одной стороны, Ярослава Владимировича въ 1191 и 1192 гг. ¹⁾, съ другой, Мстислава Ростиславича въ 1179 г.; рассказъ о послѣднемъ походѣ превосходно указываетъ и на причины войнъ съ Чудью: князь говоритъ новгородцамъ: «братіе! се обидятъ ны поганьи, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на святѣй Богородици помочь, помъстили себе и свободили быхомъ Новгородцкую землю отъ поганыхъ» ²⁾.

Но уже въ вопросѣ о политическомъ значеніи вѣча и его отношеніи къ княжеской власти и выборнымъ органамъ администраціи объ партіи далеко не всегда сходились, хотя въ большинствѣ случаевъ и здѣсь между взглядами противниковъ замѣчается большое согласіе. Кто читалъ новгородскія лѣтописи XII вѣка, тотъ знаетъ, что объ отмѣченныя нами партіи считали не-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6699 и 6700 гг.

²⁾ Новг. 4 лѣт., 6687 г.

отъемлемымъ правомъ вѣча выбирать и изгонять князей и чинить судъ и расправу надъ административными органами, подлежащими также народному выбору. Приведемъ нѣсколько типическихъ примѣровъ. Въ 1136 году былъ выгнанъ Всеволодъ Мстиславичъ и избранъ Святославъ Ольговичъ—подъ вліяніемъ партіи, въ послѣдствіи враждебной суздальскимъ князьямъ; эта же партія грабитъ дома Константина и Нѣжаты и убиваетъ Юрія Жирославича ¹⁾). Въ 1138 году противная партія добивается изгнанія Святослава Ольговича и проситъ Юрія суздальскаго прислать сына своего Ростислава, т. е. выбираетъ этого князя на вѣчѣ ²⁾). Эта же суздальская партія, очевидно, на вѣчѣ—чинитъ въ 1205 году расправу надъ Олексой Сбыславичемъ ³⁾); значитъ, она тоже считала политическій судъ правомъ вѣча. Примѣры эти, особенно относящіяся къ избранію и изгнанію князей, можно было бы при желаніи умножить, при чемъ было бы видно, что это практиковалось въ одинаковой мѣрѣ обѣими партіями. Но степень самостоятельности князя въ его отношеніи къ вѣчу и выборной администраціи понималась не одинаково новгородскими партіями XII вѣка. Повидимому, князья суздальской линіи позволяли себѣ болѣе своеволія, и ихъ сторонники ничего противъ этого не имѣли; такъ Рюрикъ Ростиславичъ, посаженный на новгородскій столъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1171 году отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города, хотя Жирославъ принадлежалъ къ суздальской партіи; и мы не видимъ при этомъ никакого протеста со стороны приверженцевъ суздальскихъ князей: они даютъ посадничество другому лицу изъ своей среды,—Иванку Захарыничу ⁴⁾). Не такъ вели себя въ подобныхъ случаяхъ ихъ противники или, точнѣе, тѣ, кого слѣдуетъ считать историческими наслѣдниками идей этихъ послѣднихъ: когда въ 1218 году князь Святославъ Мстиславичъ потребовалъ смѣны посадника Твердислава Михалковича, онъ получилъ отказъ; ему отвѣчали: «тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не владимъ» ⁵⁾). Вообще посланцы великихъ князей суздальскихъ и владимірскихъ, сидѣвшіе въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ, имѣли наклонность дѣйствовать насильственно; особенно много злоупотреблялъ своею властью Ярославъ Владимировичъ; утвердившись въ Новгородѣ въ 1182 году, онъ въ 1184 году былъ принуж-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6643 и 6644 гг.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6647 г.

³⁾ Тамъ же, 6713 г.

⁴⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

день оставить занятый столъ, «негодовахуть бо ему новгородци, зане много творяху пакости волости Новгородскѣи» ¹⁾. Въ этотъ разъ онъ былъ свергнутъ, вѣроятно, противной партией, такъ какъ послѣ этого въ Новгородѣ появляется Мстиславъ Давидовичъ, но въ 1195 году, когда Ярославъ опять сидѣлъ въ Новгородѣ, новгородцы послали къ Всеволоду суздальскому «Мирошку посадника, и Бориса Жирославиця, Микифора съцьскаго, просяче сына, а Ярослава негодующе»: судя по именамъ посланныхъ и по тому, къ кому они были отправлены, негодовала на Ярослава въ этотъ разъ уже суздальская партія,—такъ велики были его насилія; впрочемъ скоро партія помирилась съ Ярославомъ и тѣмъ еще разъ доказала свою терпимость къ княжескому своеволію ²⁾.

Противники суздальскихъ князей привыкли видѣть въ князѣ защитника и покровителя простого народа: недаромъ въ числѣ обвиненій, выставленныхъ противъ Всеволода Мстиславича при его изгнаніи въ 1136 г., мы находимъ то, что онъ «не блюдетъ смердовъ» ³⁾. Это наблюденіе очень цѣнно; оно послужило основаніемъ для справедливо замѣчанія Соловьева ⁴⁾, что противъ Всеволода были простые люди. Поэтому мы будемъ теперь называть эту партію демократической. Здѣсь необходимо указать еще и на другой элементъ въ составѣ партіи, противной Всеволоду Мстиславичу: этотъ элементъ — новгородское купечество, какъ видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго текста: новгородцы въ 1135 г. разграбили дома «Къснятинъ, Нѣжатинъ и инѣхъ много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду пріятель *бояръ*, тѣ имапа на нихъ нѣ (они?) съ полуторы тысяцѣ гривень и дапа *купцемъ* крутиться на воину» ⁵⁾. Это мѣсто важно еще въ одномъ отношеніи: оно указываетъ, что за Всеволода были бояре, по крайней мѣрѣ большая часть бояръ, такъ что партія, которую мы раньше называли суздальской, была аристократической. Но теперь для насъ важнѣе всего тотъ фактъ, что купцы были заодно съ черными людьми, т. е. стояли противъ аристократіи и за то, чтобы княжеская власть была введена въ извѣстные предѣлы. Благодаря этому становится понятенъ историческій смыслъ извѣстной уставной грамоты Всеволода церкви св. Ивана на Опокахъ ⁶⁾. Главное

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6692 г.

2) Тамъ же, 6703 и 6705 г.

3) Новг. 1 лѣт., 6644 г.

4) Исторія Россіи, т. II, изд. 2, стр. 115.

5) Новг. 1 лѣт. 6643 г.

6) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, № 3.

значение этой грамоты, какъ это превосходно разъяснено Никитским¹⁾, заключается въ томъ, что торговый судъ, прежде бывшій въ рукахъ князя и посадника, сталъ вѣдаться купцами, точнѣе ихъ выборными старостами подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго. Это былъ важный правительственный актъ, явившійся послѣдствіемъ союза купчества съ черными людьми, съ «простой чадью», и направленный къ ограниченію княжеской власти и къ стѣсненію боярства, по крайней мѣрѣ той его части, которая занималась торговлей: яедаромъ въ грамотѣ сказано: «а Мирославу посаднику въ то не вступатца и инымъ посадникомъ въ Иванское ни въ что же, ни бояромъ новгородскимъ». Надо думать, что Всеволодъ не особенно охотно сдѣлалъ эту уступку, и купцы, опасаясь, что онъ отъ нея откажется, были на сторонѣ Ольговичей.

Впрочемъ не одно это связывало купцовъ съ демократической партіей въ первой половинѣ XII вѣка: другимъ связующимъ элементомъ былъ взглядъ на необходимость установленія мирныхъ отношеній Новгорода ко всѣмъ русскимъ областямъ, взглядъ, первоначально господствовавшій среди представителей народной партіи. Мирныя отношенія были въ интересѣ купцовъ: новгородская торговля была по преимуществу транспортной, передаточной, новгородскіе купцы продавали за границу продукты большею частью не новгородскіе—воскъ, мѣха, византійскую парчу и камни, ленъ, пеньку, продукты скотоводства — и покупали (хлѣбъ, сукно, вино, деньги) только отчасти для продажи на мѣстѣ, въ Новгородской землѣ²⁾, а большею частью съ цѣлью продать въ другихъ русскихъ областяхъ. При такой системѣ торговли мирныя отношенія къ русскимъ землямъ составляли существенный интересъ купцовъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ же миръ былъ необходимъ и чернымъ людямъ, владѣвшимъ въ то время большею частью земель³⁾ и подвергавшимся опасности лишиться всего достоянія во время войны. И лѣтописныя данныя дѣйствительно доказываютъ, что демократическая партія въ первой половинѣ XII вѣка была сторонницей мира Новгорода со всѣми областями тогдашней Руси. Это видно уже изъ того, что Мирославъ Гюрятиничъ стоялъ за миръ: его выбрали въ посадники въ 1134 г., послѣ возвращенія изъ похода на Суздаль, выразивъ этимъ несочувствіе воинственнымъ планамъ Всеволода⁴⁾; въ слѣдующемъ году Мирославъ отпра-

1) *Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода*, Москва, 1893. стр. 19.

2) Ср. *Никитскій*, *Исторія экономич. быта*, стр. 24 и др.

3) *Никитскій*, *Исторія экономич. быта*, стр. 10.

4) Новг. 1 лѣт. 6642 г.

вился мирить киевлянъ съ черниговцами ¹⁾, и въ этомъ нельзя не видѣть новаго указанія на его мирное направленіе. Наконецъ, въ 1139 г. новгородцы не захотѣли участвовать въ борьбѣ Юрія суздальскаго съ Ольговичами ²⁾.

Аристократическая партія, державшаяся суздальскихъ князей, всегда стояла за дѣятельное участіе Новгорода въ общерусской междукняжеской борьбѣ, что доказывается упомянутымъ выше походомъ Всеволода на Суздаль и такими, напримѣръ, фактами, какъ участіе новгородцевъ въ походѣ на киевскихъ Ростиславичей въ 1173 г., при князѣ Юріи Андреевичѣ и посадникѣ Иванкѣ Захарьиничѣ ³⁾, и въ походѣ Всеволода суздальскаго на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя, въ 1195 г., при князѣ Ярославѣ Владимировичѣ и посадникѣ Мирошкѣ Нездиничѣ ⁴⁾.

Во второй половинѣ XII вѣка демократическая партія, однако, оставила прежнюю систему мирныхъ отношеній со всѣми областями удѣльной Руси. Причина такой перемѣны коренится въ самой жизни, въ практической неосуществимости старой системы: при постоянной борьбѣ однѣхъ княжескихъ линій съ другими, при живомъ участіи, какое волей или неволей принимало въ этой борьбѣ все населеніе страны, Новгородъ не могъ себя изолировать отъ остальной Руси, съ которой онъ былъ связанъ слишкомъ прочными узами, экономическими, политическими и культурными; притомъ невозможно было бы найти и князя, который былъ бы равнодушенъ къ перипетіямъ междукняжеской борьбы. Такимъ образомъ сама жизнь принудила новгородскихъ демократовъ принять дѣятельное участіе въ общерусскихъ междусобіяхъ и, конечно, всѣ симпатіи ихъ склонились на сторону Ольговичей: уже въ 1145 г. новгородцы помогаютъ киевлянамъ, которые стоятъ за Ольговичей, а въ 1146 и 1148 гг. идутъ на Юрія суздальскаго при князѣ Владимирѣ Святославичѣ и совершаютъ походы на Суздаль, Друзкъ и берега Волги ⁵⁾.

Наконецъ, можно отмѣтить еще одну черту, сближавшую купечество съ черными людьми: оба класса были живо заинтересованы въ томъ, чтобы переложить часть лежавшихъ на нихъ финансовыхъ тягостей на бояръ, — припомнимъ цитованное уже выше лѣтописное свидѣтельство 1135 года, что новгородцы, по-

¹⁾ Тамъ же, 6643 г.

²⁾ Тамъ же, 6647 г.

³⁾ Тамъ же, 6683 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6703 г.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6653, 6654, 6656, 6688, 6689.

бѣдивъ аристократическую партію, собирали деньги *съ бояръ*, чтобы дать средства *кущамъ* снарядиться на войну. Понятно, что финансовое отягощеніе массы населенія и собственныя податныя привилегіи были въ интересахъ боярства.

Итакъ бояре составляли основное ядро аристократической партіи. Всѣ ли, однако, бояре? Разумѣется, не всѣ: вѣдь были же посадники изъ демократовъ, каковы Мирославъ Гюрятиничъ, Якунь Мирославичъ, Михаль Степаничъ, а намъ извѣстно, что посадниками могли быть только бояре. Значить, нѣкоторые бояре,— конечно, меньшинство—были за одно съ черными людьми. Спрашивается теперь: нельзя ли подмѣтить, какія причины дробили боярскій классъ между двумя партіями? Есть признаки, руководясь которыми можно придти къ нѣкоторому заключенію по этому вопросу. Въ литературѣ неоднократно указывалось, что бояре сосредоточивали въ своихъ рукахъ массу земли ¹⁾. Правда, въ XII вѣкѣ они, вѣроятно всего, еще не были особенно крупными землевладѣльцами ²⁾, но все-таки нельзя отрицать, что и въ это время бояре владѣли землей въ довольно значительномъ количествѣ. Существуетъ впрочемъ, какъ извѣстно, взглядъ, по которому главная экономическая сила бояръ заключалась не въ землевладѣніи, а сначала въ торговлѣ, потомъ въ движимомъ капиталѣ, въ деньгахъ, пускавшихъ ими въ оборотъ путемъ дачи въ заемъ изъ процентовъ, путемъ кредита ³⁾. Не раздѣляя крайностей этого взгляда, можно однако, сдѣлать слѣдующія любопытныя наблюденія при чтеніи лѣтописей и документовъ: 1) уставная грамота Всеволода, данная церкви св. Ивана на Опокахъ, ставила бояръ, занимавшихся торговлей, въ подчиненное положеніе къ купеческимъ старостамъ, которымъ исключительно подвѣдомственъ сталъ съ этого времени торговый судъ; значить, она дѣлала торговлю непріятной и даже не всегда выгодной для бояръ; уставная грамота церкви св. Ивана направлена была, слѣдовательно, противъ тѣхъ бояръ, которые занимались торговлей; мы знаемъ уже, что этотъ актъ былъ результатомъ побѣды демократической партіи; слѣдовательно, въ первой половинѣ XII вѣка бояре, посвятившіе себя коммерческой дѣятельности, принадлежали къ аристократической партіи; 2) въ началѣ XIII вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что у посадника Дмитра Мироскинича,

¹⁾ *Костомаровъ*, Сѣвернорусскія народоправства, т. II, Спб. 1863, стр. 21; *Биллаевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, кн. II, М., 1866, стр. 49.

²⁾ *Никитскій*, Исторія экономич. быта, стр. 9.

³⁾ *Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, изданіе I, М., 1881, стр. 248—249.

извѣстнаго вождя аристократовъ, было множество досокъ, на которыхъ «безъ числа», т. е. въ громадномъ количествѣ, были записаны суммы, розданныя этимъ посадникомъ въ заемъ разнымъ лицамъ; итакъ къ концу изучаемаго періода бояре-торговцы, принадлежавшіе къ аристократической партіи, превращаются въ капиталистовъ-банкировъ ¹⁾; 3) все это не исключаетъ однакоже землевладѣнія у бояръ аристократовъ, такъ какъ у того же Дмитра и его приверженцевъ были «села» ²⁾. Итакъ, къ аристократической партіи принадлежали бояре, обладавшіе, правда, земельной собственностью, но въ началѣ XII вѣка занимавшіеся главнымъ образомъ торговлей, а позднѣе постепенно перешедшіе къ банкирской дѣятельности. Не слѣдуетъ ли отсюда, что на сторонѣ черныхъ людей стояли бояре, исключительно въ землевладѣніи черпавшіе экономическую мощь? Утвердительно отвѣтъ тѣмъ вѣроятнѣе, что тогда понятно, съ одной стороны, насколько разьединены были интересы бояръ-капиталистовъ и бояръ-землевладѣльцевъ, съ другой, почему именно послѣдніе были близки къ черному народу: земледѣлецъ и землевладѣлецъ всегда ближе другъ къ другу, чѣмъ земледѣлецъ къ лицу, обладающему движимымъ капиталомъ.

Чтобы закончить рѣчь о новгородскихъ политическихъ партіяхъ XII вѣка, остается указать на то, что представители обѣихъ партій неравномѣрно распредѣлялись по городу уже и въ то время. И позднѣе мы будемъ имѣть случай отмѣчать неоднократно враждебныя отношенія между правой, Торговой, и лѣвой, Софійской, стороною Великаго Новгорода. Столкновения наблюдаются и въ XII вѣкѣ, и при томъ Торговая сторона явно выступаетъ съ аристократическимъ характеромъ: такъ въ 1157 г. она защищаетъ Мстислава Юрьевича ³⁾, князя суздальской линіи, всегда поддерживавшейся боярствомъ. Выдающіеся сторонники аристократической партіи жили въ XII вѣкѣ на Торговой сторонѣ: въ 1198 г. дочь Жирослава поставила монастырь св. Евѳимія въ Плотницкомъ концѣ ⁴⁾; въ слѣдующемъ году мы видимъ игуменьей во вновь построенномъ женою князя Ярослава Владимировича монастырѣ Рождества Богородицы на Михалицѣ вдову посадника Завида, одного изъ видныхъ представителей боярства ⁵⁾;

¹⁾ Новг., 1 и 4 лѣт. 6717 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6665 г.

⁴⁾ Новг. 1, 6705 г.; Новг. 3 лѣт., 6706 г.

⁵⁾ Новг. 1, 2 и 3 лѣт., 6707 г.

Михалица или Михайловская улица находилась, какъ извѣстно, въ Славянскомъ концѣ ¹⁾, т. е. также на Торговой сторонѣ. Если такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что аристократическая партія группировалась, главнымъ образомъ, на правомъ берегу Волхова, то лѣвый берегъ его или Софійская сторона была, очевидно, средоточіемъ демократической партіи. Это можно усмотрѣть и изъ одного лѣтописнаго извѣстія: въ 1185 г., въ правленіе демократическаго князя Мстислава Давидовича, Миронѣтъ поставилъ церковь Вознесенія на Прусской улицѣ ²⁾; одна изъ новгородскихъ лѣтописей свидѣтельствуетъ при этомъ, что Миронѣтъ занималъ въ то время должность тысяцкаго ³⁾, слѣдовательно принадлежалъ къ господствовавшей тогда партіи, т. е. демократической, а Пруская улица находилась въ Загородскомъ концѣ ⁴⁾, на Софійской сторонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что причиной такого раздѣленія партій между обѣими сторонами города служилъ социальный составъ населенія послѣднихъ: черное ремесленное населеніе, отчасти и купцы жили по преимуществу на Софійской сторонѣ, бояре — на Торговой. Это подтверждается и нѣкоторыми позднѣйшими извѣстіями: въ 1403 г. купцы-прасолы строятъ церковь на «Дослани» или Даньславѣ улицѣ ⁵⁾, слѣдовательно, въ Неревскомъ концѣ ⁶⁾, на Софійской сторонѣ; военный агентъ шведскаго посольства Оксеншерны 1673 г. Эрикъ Пальмквистъ свидѣтельствуетъ, что Софійская сторона была населена по преимуществу ремесленниками, а Торговая знатнѣйшими гражданами и купцами ⁷⁾. Изложенныя наблюденія должны сослужить важную службу въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ качествѣ вспомогательнаго средства для изученія политической борьбы въ Великомъ Новгородѣ. Они будутъ пополнены ниже соотвѣтствующими данными за послѣдующія столѣтія.

II.

XII вѣкъ былъ временемъ, когда слагались первоначальныя новгородскія политическія партіи. Слѣдующее затѣмъ столѣтіе,

¹⁾ *И. Красовъ*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Новгородъ, 1851, стр. 90.

²⁾ Новг. 1, 2 и 4 лѣт., 6693 г.

³⁾ Новг. 4 лѣт., 6693 г.

⁴⁾ *Красовъ*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 26.

⁵⁾ Новг. 3 лѣт., 6911 г.

⁶⁾ *Красовъ*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 35.

⁷⁾ *Готье*, Извѣстія Пальмквиста о Россіи (изъ „Археолог. Извѣстій и Запѣтокъ“ за 1899 г.), стр. 6.

какъ сейчасъ увидимъ, внесло значительныя перемѣны въ партійную группировку и въ политическія программы борющихся сторонъ. Но прежде чѣмъ перейти къ XIII вѣку, укажемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ на результаты партійной борьбы XII вѣка, на политическія измѣненія, произведенныя ею въ Великомъ Новгородѣ.

Въ государственномъ устройствѣ Новгорода имѣли значеніе три основныхъ политическихъ силы,—князь, вѣче и правительственный совѣтъ. Уяснить себѣ взаимныя отношенія этихъ силъ—значитъ понять исторію новгородскаго политическаго строя. Новгородскій князь первоначально былъ тѣмъ же, чѣмъ были князья въ другихъ областяхъ древней Руси,—верховнымъ судьей и военачальникомъ. Князь, несомнѣнно, являлся въ то время органомъ верховной власти, дѣлилъ ее съ вѣчемъ, а роль боярскаго совѣта была сравнительно второстепенна. Ярославовы грамоты, по справедливому мнѣнію Соловьева ¹⁾, налагали на князя лишь извѣстныя финансовыя ограниченія. Исслѣдователи обыкновенно думаютъ, что въ 1126 г. введено было серьезное ограниченіе княжеской власти: посадникъ, до тѣхъ поръ всегда назначавшійся княземъ, сталъ выбираться на вѣчѣ. Но лѣтопись говорить о выборѣ Мирослава, не придавая этому особаго значенія, какъ о явленіи обычномъ; при томъ же, какъ выше было отмѣчено, есть слѣды одновременнаго существованія въ Новгородѣ двухъ посадниковъ — выборнаго и назначаемаго княземъ; поэтому мы не рѣшаемся причислить выборный характеръ посадника къ пріобрѣтеніямъ XII вѣка. Тѣмъ не менѣе политическая борьба этого времени сильно ограничила власть князя: во-первыхъ, какъ мы знаемъ, онъ лишился права торговаго суда, перешедшаго въ руки купечества; во-вторыхъ, вѣче присвоило себѣ право избирать и изгонять князей (первый примѣръ—Всеволодъ Мстиславичъ), чѣмъ значительно поколебалось положеніе князя, какъ участника въ *верховой* власти. Оба ограниченія были результатомъ дѣятельности демократической партіи. Тѣмъ не менѣе за княземъ оставались еще важныя права: право проѣзжаго суда, т. е. рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ при объѣздѣ волости, помимо всѣхъ областныхъ судей и безъ всякихъ ограниченій на основаніи презумпціи, что князь—единственный самостоятельный органъ судебной власти; затѣмъ обширныя финансовыя права: право совершать два раза въ годъ — весной и осенью—поѣздки въ новгородскую область на полюдье, собирать

¹⁾ Исторія Россіи, т. III, М. 1853, стр. 32—33.

дары на себя, и право получать опредѣленную денежную сумму съ иностранныхъ купеческихъ каравановъ, прибывавшихъ въ Новгородъ. Даже право вѣча выбирать и смѣнять посадниковъ не было еще въ достаточной мѣрѣ ограждено въ XII вѣкѣ и подвергалось нарушеніямъ, самымъ яркимъ примѣромъ которыхъ является упомянутая въ свое время смѣна Жирослава Рюрикомъ Ростиславичемъ. Сохраненіемъ этихъ важныхъ правъ князь XII вѣка былъ почти всецѣло обязанъ содѣйствию боярской партіи, всего больше опасавшейся въ это время полного торжества черныхъ людей. Совершенно очевидно, что правительственный со- вѣтъ не игралъ еще въ это время видной роли, и самое большее, вѣроятно, добились здѣсь бояре,—это право участія въ немъ старыхъ, отбывшихъ уже свою должность посадниковъ и тысяцкихъ: по крайней мѣрѣ, въ XIII вѣкѣ этотъ элементъ становится уже замѣтнымъ въ составѣ новгородскаго правитель- ственнаго совѣта ¹⁾.

При такихъ условіяхъ продолжалась политическая борьба въ XIII вѣкѣ, борьба въ высшей степени напряженная и горячая. Необходимо прослѣдить партійныя отношенія всѣхъ извѣстныхъ намъ степенныхъ посадниковъ этого времени. 1205 годъ былъ первымъ годомъ посадничества Дмитра Мирошкиничя, остававшагося посадникомъ до 1209 года. Опредѣленіе политическихъ симпатій Дмитра не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Прежде всего онъ былъ сынъ Мирошки Нездиничя, одного изъ ревностнѣйшихъ аристократовъ XII вѣка. Симпатіи Мирошкиничей къ Всеволоду владимиро-суздальскому подтверждаются еще слѣдующимъ извѣстіемъ 1208 года: «приде Лазарь, Всеволожь мужь, изъ Володимиря и Борисе Мирошкиничи: повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на Ярославли дворѣ, и убиша и безъ вины, въ субботу, марта въ 17, на святого Аляксія, а завтра плака святая Богородица у святого Якова, въ Неревскѣмъ концѣ» ²⁾. Мы видимъ здѣсь, что братъ посадника Дмитра дѣйствуетъ вмѣстѣ съ бояриномъ Всеволода на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, т. е. на аристократической Торговой странѣ, противъ представителя противной, т. е. демократической, партіи, при чемъ опять оказы- вается, что члены послѣдней группировались на Софійской сто- ронѣ: не даромъ сложилось сказаніе о чудѣ въ *Неревскомъ* концѣ по случаю убійства Олексы. Наконецъ, рассказъ о событіяхъ

¹⁾ *Никитскій*, Очерки изъ жизни Великаго Новгорода. „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ за 1869 г., октябрь, стр. 296; *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1, стр. 256.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6716.

1209 года прямо свидѣтельствуеъ о враждѣ демократической партіи къ Дмитру: посадника съ его братьями новгородцы обвиняють въ томъ, что «ти повелѣша на новгородѣщихъ сребро имати, а по волости куны брати, по кущемъ виру дикую и по-возы возити» ¹⁾: купцы и черные люди и поднялись, очевидно, на Дмитра Мирошкинича. Неудивительно поэтому, что во все время посадничества Дмитра на новгородскомъ столѣ сидѣлъ Константинъ Всеволодовичъ. Съ 1209 по 1211 годъ посадникомъ былъ Твердиславъ Михалковичъ, сынъ Михалка Степанича, демократа, какъ мы видѣли, что заставляеъ и въ Твердиславѣ предполагать сторонника народной партіи. Это предположеніе подтверждается другими данными: во-первыхъ, становится понятнымъ, почему съ избраніемъ Твердислава недолго—всего годъ—продержался въ Новгородѣ Святославъ Всеволодовичъ: демократическая партія была противъ суздальской линіи; понятно, почему новгородскій столъ занялъ Мстиславъ Мстиславичъ, любимецъ народа; во-вторыхъ, получаетъ особый и вполне естественный смыслъ извѣстіе 1211 года, что когда вернулся въ Новгородъ Дмитръ Якуничъ, сынъ извѣстнаго демократа XII вѣка Якупа и внукъ Мирослава Гюрятинича, то «сѣступися Твердиславъ посадничества по своей воли старѣишу себе» ²⁾: очередь старшинства соблюдалась, очевидно, лишь между членами одной партіи; наконецъ, въ-третьихъ, во время исполненія должности посадника Твердиславомъ во второй и третій разъ въ 1218 и 1220 годахъ, за него стояли части города, населенныя простымъ народомъ: сначала Людишъ конецъ и Прусская улица, потомъ также Загородскій конецъ, а противъ него были главнымъ образомъ «ониполовцы» ³⁾, т. е. жители Торговой стороны аристократы, потому что «онимъ поломъ» или «оной стороной» въ Новгородѣ называлась сторона Торговая ⁴⁾. Слѣдующій затѣмъ посадникъ, Дмитръ Якуничъ (1211—1215 гг.), какъ было сейчасъ доказано, принадлежалъ также къ народной партіи, почему его посадничество совпадаетъ хронологически съ княженіемъ Мстислава Мстиславича, знаменитаго защитника новгородской вольности. 1215 г. мы только предположительно считаемъ послѣднимъ годомъ посадничества Дмитра Якунича, — на томъ основаніи, что въ этомъ году появился на столѣ въ Новгородѣ аристократическій князь Ярославъ Всеволодовичъ и, главное, въ

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6717.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6719 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

⁴⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6848 г.

качествѣ посадника упомянуть Юрій Ивановичъ ¹⁾, смѣненный новгородцами годъ спустя, когда и Ярославъ былъ снова замѣненъ Мстиславомъ ²⁾. Уже это совпаденіе посадничества Юрія съ княженіемъ Ярослава способно убѣдить насъ въ аристократическихъ тенденціяхъ Юрія; онѣ становятся совершенно-несомѣнными, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ 1217 г. князь Мстиславъ съ цѣлью обезсилить боярскую партію увезъ Юрія въ Кіевъ ³⁾. Понятна становится и замѣна Юрія съ побѣдой народной партіи въ 1216 г. Твердиславомъ, второе посадничество котораго длилось до 1219 г., при чемъ на столѣ были демократическіе князья Мстиславъ Мстиславичъ и Святославъ Мстиславичъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ XIII вѣкѣ дѣло съ партіями, ничѣмъ не отличавшимися отъ партій XII вѣка; и демократы, и аристократы сохраняли прежнее отношеніе къ извѣстнымъ княжескимъ линіямъ, имѣли предводителей почти всегда изъ тѣхъ же фамилій, распредѣлялись по старому по частямъ города и даже не измѣнили своихъ политическихъ программъ: боярская партія по прежнему ограничивалась строго-оборонительною ролью, имѣла въ виду исключительно подавленіе стремленій вѣча къ безусловному и неограниченному верховенству, постепенно и незамѣтно усиливая господство боярскаго совѣта; что же касается до народной партіи, то она, какъ мы уже видѣли, и теперь, какъ и въ XII вѣкѣ, отстаивала свободу чернаго населенія отъ княжескихъ поборовъ и свободу купцовъ отъ повозовъ и дикой виры ⁴⁾; этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ до извѣстной степени успѣшно; позднѣе, въ договорахъ съ князьями, постоянно встрѣчается условіе, освобождающее купечество отъ повозовъ и виры ⁵⁾; но этимъ не ограничивались демократы въ своихъ политическихъ стремленіяхъ: въ 1218 г. они прямо и ясно поставили князю на видъ, что онъ имъ присягалъ не лишать должности никого безъ вины ⁶⁾. Извѣстно, что и это ограниченіе княжеской власти вошло въ позднѣйшіе договоры Новгорода съ князьями. Итакъ демократическая партія продолжала упорную и стойкую борьбу въ пользу власти вѣча и противъ верховенства князей и достигала въ этомъ отношеніи значительныхъ и прочныхъ успѣховъ.

1) Новг. 1 лѣт., 6723 г.

2) Тамъ же, 6724 г.

3) Тамъ же, 6725 г.

4) Новг. 1 и 4 лѣт., 6717 г.

5) Соб. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, № 1, 2, 3, 4, 5, и др.

6) Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

Но традиціи XII вѣка сохранялись неприкосновенными только до конца второго десятилѣтія XIII столѣтія. Съ этого времени начинается кризисъ. Начало кризиса относится къ 1218 году, когда господствовала демократическая партія въ лицѣ посадника Твердислава Михалковича, а княземъ былъ Святославъ Мстиславичъ. Господство народной партіи было, очевидно, непріятно для Торговой стороны, и вотъ одинъ изъ видныхъ членовъ боярской партіи Матвѣй Душильцевичъ, жившій именно на Торговой сторонѣ, такъ какъ его братъ Иванъ названъ «ониполовцемъ»¹⁾, бѣжалъ изъ города, но былъ пойманъ и отведенъ къ князю. Распространился слухъ, что Матвѣя выдалъ князю посадникъ Твердиславъ, и Торговая сторона поднялась на послѣдняго: въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ ониполовцы были аристократы, а Твердиславъ—предводитель народной партіи, но *замѣчательно, что къ Торговой сторонѣ впервые примкнулъ противъ демократическаго посадника Неревскій конецъ*²⁾, и это не было простой случайностью, потому что и въ 1220 г. того же Твердислава изъ трехъ концовъ Софійской стороны не защищаль только одинъ Неревскій³⁾. Такъ нарушена была одна изъ традицій XII вѣка: въ демократической партіи становится замѣтнымъ раздѣленіе; можно догадываться, что купцы стали расходиться съ черными людьми,—припомнимъ, что изъ концовъ Софійской стороны именно Неревскій былъ купеческимъ по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени: не даромъ же здѣсь въ началѣ XV вѣка купцы-прасолы построили церковь⁴⁾. Мы можемъ даже различить мотивы этого раскола: купцы усмотрѣли въ выдачѣ Матвѣя князю наклонность Твердислава къ усилению княжеской власти, т. е. нарушеніе старинныхъ традицій демократической партіи.

Разъ начавшись, кризисъ не могъ ограничиться однимъ столкновениемъ: онъ продолжался въ слѣдующемъ году. Въ лѣтописи читаемъ: «поиде тоя зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги ни Ярославъ сквозѣ свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ. И замыслиша: Твердиславъ и Якунъ тысяцьскыи заслаша къ Гюргю не пустити ихъ туда, и възвадиша городъ. Тогда отъяша посадничество у Твердислава и даша Смену Борисовицу, а тысяцьское у Якуна и даша

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

2) Тамъ же.

3) Новг. 1 и 4 лѣт., 6728 г.

4) Новг. 3 лѣт., 6911 г.

Семьюну Емину» ¹⁾). Твердиславъ былъ, какъ мы знаемъ, вождемъ народной партіи. Что касается до Смена Борисовича, выступившаго противъ него, то онъ въ 1230 г. былъ заодно съ Внѣздомъ Водовикомъ ²⁾, а Внѣздъ былъ посадникомъ при князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ, несомнѣнномъ кандидатѣ народной партіи, въ угоду которой онъ «вда свободу смърдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити» ³⁾; притомъ, когда въ 1230 г. новгородскій столъ былъ занятъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, то Внѣздъ бѣжалъ, Сменъ Борисовичъ былъ убитъ, а Ярославъ увезъ изъ Новгорода своихъ противниковъ, «мужи *моложьшая*» ⁴⁾, которые, очевидно, были за Смена и Внѣзда. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что Сменъ Борисовичъ, какъ и Внѣздъ Водовикъ, были также демократами. Итакъ въ 1219 г. мы наблюдаемъ снова разладъ въ демократической партіи, причѣмъ Твердиславъ обвиняется въ тайныхъ сношеніяхъ съ сильными князьями суздальской линіи, бывшими прежде кандидатами аристократовъ. Опять можно такимъ образомъ подмѣтить его стремленіе опереться на болѣе или менѣе сильную княжескую власть, избѣгая дальнѣйшихъ ея ограниченій. Но и на этотъ разъ разладъ въ демократической партіи былъ преходящимъ, временнымъ, зарождавшимся еще только явленіемъ: очень скоро, въ томъ же году, Твердиславъ и Якунь получили свои прежнія должности ⁵⁾.

Лѣтописи ясно свидѣтельствуютъ ⁶⁾, что въ періодъ времени между 1220 и 1229 годами посадникомъ былъ Иванъ Дмитровичъ. Можно догадываться, что онъ былъ сыномъ Дмитра Мироскинича и, слѣдовательно, принадлежалъ къ боярской партіи. Это подтверждается и тѣмъ, что во время посадничества Ивана, въ 1228 г., «простая чадь» возмутилась и напала на архіепископа и тысяцкаго Вячеслава ⁷⁾. Тысяцкій, слѣдовательно, былъ аристократомъ (это былъ, кстати сказать, Вячеславъ Прокшиничъ, т. е. извѣстный основатель монастыря Варлаамъ Хутынской ⁸⁾), а это значить, что такихъ же возрѣній держался и посадникъ того времени, т. е. Иванъ Дмитровичъ. Характерно далѣе, что на новгородскомъ столѣ во все время посадничества Ивана си-

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6727 г.

2) Тамъ же, 6738 г.

3) Тамъ же, 6737 г.

4) Тамъ же, 6738 г.

5) Новг. 1 лѣт., 6727 г.

6) Новг. 1 и 4 лѣт., 6728 г. и Новг. 1 лѣт., 6737 г.

7) Новг. 1 и 4 лѣт., 6736 г.

8) Новг. 1 лѣт., 6751 г.

дѣли несомнѣнно-аристократическіе князья, дѣйствовавшіе противъ чернаго народа: Всеволодь Юрьевичъ (1222 и 1223—1224 гг.) и Ярославъ Всеволодовичъ (1222—1223 и 1225—1228). Исключеніе представляетъ только Михайль Всеволодовичъ, внукъ знаменитаго Олега Святославича черниговскаго ¹⁾, впослѣдствіи прямо стремившійся облегчить податное бремя, лежавшее на черныхъ людяхъ ²⁾, но онъ княжилъ въ это время недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ въ 1225 году. Демократическія симпатіи Михайла обнаруживались опредѣленно уже во второе его княженіе, въ 1228 - 1230 гг., и въ это время посадникомъ является Витѣздъ Водовикъ, уже извѣстный намъ членъ демократической партіи въ смыслѣ XII вѣка, т. е. противникъ сильной княжеской власти и сторонникъ усиленія власти вѣча, поддерживавшійся, какъ надо думать, съ особенной силой купцами. Въ политической борьбѣ, обострившейся въ 1228 г., старая демократическая партія продолжала держаться прежнихъ принциповъ и выговорила еще одно ограничивающее княжескую власть условіе: «судьи по волости не слати» ³⁾: другими словами, князь долженъ былъ отказаться отъ права проѣзжаго суда, вѣроятно, за опредѣленную откупную сумму, что опять-таки утверждено было, какъ извѣстно, позднѣйшими договорами Новгорода съ князьями и должно быть, слѣдовательно, признано за прочное политическое приобрѣтеніе добывавшейся ограниченіи князя партіи.

Въ 1230 г. мы наблюдаемъ въ третій разъ проявленіе раскола въ демократической партіи: «томъ же лѣтѣ распрѣся Степанъ Твердиславиць съ Водовикомъ» ⁴⁾, читаемъ мы въ лѣтописи; такъ какъ Степанъ былъ сынъ Твердислава Михалковича, слѣдовательно, какъ и Водовикъ, принадлежалъ къ числу демократовъ, то, очевидно, распря была столкновеніемъ двухъ единомышленниковъ, во взглядахъ которыхъ обнаружились различія. И, по видимому, дѣло не ограничилось только личной борьбой, потому что Степанъ, подобно своему отцу въ послѣдніе годы его политической дѣятельности, измѣнилъ одному изъ основныхъ принциповъ старой народной партіи: онъ пожелалъ видѣть на новгородскомъ столѣ сильнаго князя, неспособнаго поступаться своими правами и допускать дальнѣйшія ограниченія своихъ полномочій. Это можно усмотрѣть изъ того, что послѣ смѣны

1) Тамъ же, 6733 г.

2) Новг. 1 и 4 лѣт., 6737 г..

3) Новг. 1 и 4 лѣт., 6736 г.

4) Тамъ же, 6738 г.

Михаила Всеволодовича новгородскими князьями надолго сдѣлались привыкшіе къ самостоятельности князя владимиросуздалской линіи—Ярославъ Всеволодовичъ (1230—1236 гг.) и сынъ его Александръ Невскій (1236—1253 гг.), и въ то же время въ теченіе почти 13-ти лѣтъ посадничалъ Степанъ Твердиславичъ (1230—1243 гг.)¹⁾. Переходъ Степана прямо на сторону аристократовъ является невѣроятнымъ уже въ силу семейныхъ традицій; къ тому же мы увидимъ ниже, что боярская партія имѣла другихъ вождей, и завѣдомо-демократическіе посадники, какъ Онанья, защищали сына Степанова, Михаила²⁾. Итакъ въ народной партіи произошелъ расколъ, изъ нея окончательно выдѣлилась давно и постепенно слѣгавшаяся группа, во главѣ которой стояли потомки Михалки Степанича. Эта группа признавала, подобно всѣмъ демократамъ, главенство вѣча, но считала опаснымъ для народа дальнѣйшее ограниченіе княжеской власти и, быть можетъ, была готова даже на нѣкоторыя уступки послѣдней. Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ новыхъ, сложившихся въ началѣ XIII вѣка, хозяйственныхъ и неразрывно связанныхъ съ ними юридическихъ и политическихъ явленіяхъ. Мы уже упоминали въ первой главѣ, что въ XI и XII вѣкахъ въ Новгородской области преобладало мелкое землевладѣніе, свободное занятіе земель поселенцами, не подчинявшимися высшимъ собственникамъ. Но постепенно развивавшаяся внѣшняя торговля произвела важный элементъ, поколебавшій старинныя поземельныя отношенія, — произвела вторженіе въ твердыню натурального хозяйства крупнаго капитала. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что новгородское народное хозяйство сдѣлалось денежнымъ: нѣтъ, масса населенія попрежнему удовлетворяла всѣмъ своимъ потребностямъ собственнымъ трудомъ, продукты производства каждой хозяйственной единицы вовсе не поступали на рынокъ въ видѣ товара, а потреблялись самими производителями³⁾. Но капиталъ, проникшій въ высшіе классы общества, главнымъ образомъ въ боярство, образовалъ бездну между ними и черными людьми и въ то же время далъ его обладателямъ фактическую возможность подчинить своимъ интересамъ массу населенія. Успѣхи

¹⁾ Новг. 1, 2 и 4 лѣт., 6751 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6763 г.

³⁾ Это всего лучше видно изъ того, что еще въ концѣ XV вѣка владѣльческой оброкъ почти всегда платился въ Новгородской области натурой, а не деньгами: см. нашу книгу „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ“, М., 1899, стр. 235—236.

земледѣльческой культуры, смѣна добывающей промышленности земледѣліемъ, неизбѣжная вслѣдствіе роста населенія, вызывали живую, неутолимую потребность въ капиталѣ, несравненно болѣе необходимомъ для земледѣльца, чѣмъ для звѣролова или рыбака, потому что земледѣльцу нужны и смѣна для посѣва и пропитанія, и рабочей скотъ, и земледѣльческія орудія, и хозяйственныя постройки. Безсильный собственнымъ трудомъ добыть себѣ необходимыя средства за отсутствіемъ рынка и избытковъ въ продуктахъ, земледѣлецъ охотно поступался своею землею боярину-капиталисту, получая отъ него взаменъ ссуду на обузаведеніе: путемъ закладничества—этого подобія западно-европейской коммѣндаціи ¹⁾),—покупки, приѣма въ залогъ, оккупаціи свободныхъ земель новгородскіе бояре-капиталисты сосредоточили въ своихъ рукахъ въ XIII вѣкѣ чрезвычайно обширныя земельныя владѣнія ²⁾). Черезъ ихъ посредство бояре держали въ своихъ рукахъ черное сельское населеніе, смердовъ, а занимаясь банкирской дѣятельностью, столь необходимой при сильномъ развитіи транспортной торговли, они подчиняли себѣ и городскіе классы,—кушцовъ, ремесленниковъ и проч. Такъ боярство въ XIII вѣкѣ стало экономически-господствующимъ классомъ новгородскаго общества, и притомъ это было то самое боярство, которое составляло партію, названную нами выше аристократическою. Вотъ почему эта партія, поддерживая въ XII и первой половинѣ XIII вѣка сильныхъ князей на новгородскомъ столѣ изъ боязни полного господства вѣча, въ то же время имѣла возможность обратить въ свою пользу всѣ ограниченія княжеской власти, которыхъ добился демократы. Такой невыгодный для массы народа оборотъ въ политическомъ положеніи былъ еще неясенъ въ первой половинѣ XIII вѣка никому, кромѣ отдѣльныхъ выдающихся личностей, обладавшихъ достаточной политической проницательностью: такую личность и является Степанъ Твердиславичъ, а послѣ него его сынъ Михаилъ, посадившій въ 1255—1257 гг. и стоявшій за сына Александра Невскаго, Василя, а потомъ, когда Василій склонился къ политикѣ, противоположной тенденціямъ Невскаго, воспротивившійся князю и убитый за это въ 1257 г. ³⁾). И Степанъ, и Михаилъ первые увидѣли въ сильномъ князѣ опору простого народа про-

¹⁾ См. объ этомъ *Павлова-Сильванскаго*. „Закладничество-патронатъ“, въ Запискахъ Имп. Русск. Арх. Общ. за 1898 г.

²⁾ *Никитскій*, Исторія экономич. быта Великаго Новгорода, стр. 39 и слѣд.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6765 г.

тивъ знати. Это была идея, которой суждено было будущее, но первые ея провозвѣстники должны были потерпѣть и дѣйствительно потерпѣли неудачу.

Въ промежутокъ времени между посадничествами указанныхъ двухъ новаторовъ, именно въ 1243—1255 годахъ, — должность посадника принадлежала Онаньѣ. Разсказъ о событіяхъ 1255 г. убѣждаетъ въ томъ, что Онанья былъ на сторонѣ простого народа, потому что «меньшіе» были противъ Александра Невскаго, и этотъ князь, восторжествовавъ, добился смѣны Онаньи ¹⁾; это указываетъ, что послѣдній былъ за одно съ чернью противъ Невскаго; кромѣ того видно, что Онанья пользовался авторитетомъ среди черныхъ людей, такъ какъ ему удается спасти отъ разграбленія домъ Михаила Степанича ²⁾. Этотъ послѣдній фактъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще то значеніе, что свидѣтельствуетъ объ умѣренности Онаньи, о его стремленіи помирить Михаила съ старыми друзьями: не даромъ при этомъ сказано, что Онанья дѣйствовалъ «хотя добра» Михаилу.

Въ періодъ времени между 1257 и 1303 годами степенными посадниками послѣдовательно были слѣдующія лица: 1) 1257 — 1268 Михаилъ Ѳедоровичъ; 2) 1268—1273 Павша Онаньичъ; 3) 1273 — 1280 Михаилъ Мишиничъ; 4) 1280 — 1286 Смень Михайловъ; 5) 1286—1290 Андрей Климовичъ; 6) 1290—1293 Юрій Мишиничъ; 7) 1293—1299 Андрей Климовичъ; 8) 1299—1303 Семень Климовичъ. Годы исполненія посадничьей должности всѣми этими лицами, кромѣ двухъ послѣднихъ, точно указаны въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Что же касается до Андрея и Семена, то первый упоминается въ качествѣ посадника впервые въ 1293 г. ³⁾, хотя, конечно, возможно, что онъ сдѣлался имъ и раньше. Предположительно поставленъ послѣдній годъ его посадничества—1299, потому что въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ онъ значится еще посадникомъ ⁴⁾. Подъ 1303 годомъ неожиданно читаемъ: «отъяша посадничество у *Семена Климовича*» ⁵⁾: этимъ опредѣляется послѣдній годъ его посадничества, первый падаетъ на промежутокъ времени отъ 1299 до 1303 г.

Въ то время какъ Михаилъ Ѳедоровичъ занималъ должность посадника, новгородскими князьями были сначала Александръ

¹⁾ Тамъ же, 6763 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6801 г.

⁴⁾ Новг. 1, 2 и 3 и 4 лѣт., 6807 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6811 г.

Невскій (1257—1258), потомъ сынъ его Дмитрій (1258—1264), наконецъ Ярославъ Ярославичъ Тверской, княженіе котораго началось въ 1265 г. и окончилось въ 1272. Спрашивается: какая политическая партія поддерживала посадника и князей? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ помогаетъ извѣстіе 1259 года: въ этомъ году въ Новгородъ пріѣхали татары, чтобы произвести перепись («число») и собрать дань. Князь (Александръ Невскій) содѣйствовалъ татарамъ въ производствѣ переписи; за это же стояли и «вятшіи», а «меньшіе» противились этому; побѣда осталась за княземъ, и «вятшими», дань была собрана, при чемъ при раскладкѣ «творяху бояре собѣ легко, а меньшимъ зло»¹⁾. Очевидно, господствовала аристократическая партія, она поддерживала въ Новгородѣ Александра Невского и оставленнаго имъ тотчасъ затѣмъ его сына Дмитрія, а посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ числу видныхъ вождей этой партіи. Но Дмитрій былъ еще малъ²⁾, и когда умеръ Невскій, новгородцы призвали Ярослава Ярославича; это сдѣлано было тою же боярской партіей, какъ видно изъ того, во-первыхъ, что руководителемъ вѣчевого рѣшенія оставался тотъ же посадникъ Михаилъ («сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ», сказано въ лѣтописи), и во-вторыхъ, изъ состава посольства, отправленнаго къ Ярославу, посланы были «сынъ посадничъ и лучшіи бояры»³⁾. Что замѣна Дмитрія Ярославомъ на княжескомъ столѣ не имѣла политическаго значенія,—это видно также изъ совмѣстнаго похода обоихъ князей въ 1268 г. на нѣмцевъ⁴⁾. Въ этомъ походѣ былъ убитъ посадникъ Михаилъ, «и даша посадничество Павшѣ Онаньичю». По справедливой догадкѣ Прозоровскаго⁵⁾, Павша былъ сынъ Онаньи, посадничавшаго въ 1243—55 гг. и извѣстнаго какъ умѣренный демократъ, пытавшійся примирить оба враждебныхъ теченія, которыя обнаружались въ народной партіи со временъ Твердислава. Мы имѣемъ, слѣдовательно, право предполагать и въ Павшѣ демократическія тенденціи стараго направленія, но значительно смягченныя, не особенно сильныя. Это подтверждается исторіей посадничества Павши: уже на слѣдующій годъ послѣ его избранія ставленикъ боярской партіи, великій князь Ярославъ, выказываетъ недовольство новгородцами, выражаетъ желаніе лишить волостей лицъ, которыхъ онъ, оче-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6767 г.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6772 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6776 г.

⁵⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 109.

видно, считалъ за своихъ особенныхъ враговъ, — Жirosлава Давыдовича, Михаила Мишинича и Юрья Сбыславича ¹⁾). Такія притязанія, какъ намъ извѣстно, были прямо противоположны традиціямъ старыхъ демократовъ, строго проводившихъ принципъ «безъ вины князю мужа волости не лишити». Недоразумѣнія на этотъ разъ, правда, скоро были прекращены, — въ виду вышней опасности, войны съ нѣмцами, — компромиссомъ, выборомъ тысяцкаго «на княжи воли», но они возобновились, какъ только окончилась война, въ слѣдующемъ 1270 г., при чемъ дома «пріятелей» князя были разграблены, а самому князю были предъявлены такія обвиненія: «чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси зайчими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро ни Мкифоръ Манускинич и на Романъ Болдыжевичи и на Вареоломъѣ? а иное чему выводишь отъ насъ иноземца, которыя у насъ живутъ?» ²⁾). Всѣ эти обвиненія продиктованы, несомнѣнно, интересами простого народа и купцовъ: гагачьи или гоголиные ловы — занятіе черныхъ людей; иноземцы жили въ Новгородѣ для торговли; народная партія всегда была противъ отдѣльныхъ насилій князей, особенно противъ денежныхъ поборовъ. Итакъ нѣтъ сомнѣнія: Павша былъ демократомъ. Его умѣренность обнаружилась какъ въ примиреніи съ Ярославомъ въ томъ же 1270 г. такъ и въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью этого князя; изъ лѣтописнаго разсказа 1272 и 1273 годовъ видно, что Павша былъ за Дмитрія Александровича, стараго кандидата аристократической партіи, почему, когда на столѣ утвердился Василій Ярославичъ костромской, то Павша былъ лишень посадничества въ пользу болѣе крайняго демократа стараго закала, Михаила Мишинича, но ненадолго: князь Василій, уведшій было сначала Павшу къ себѣ въ Кострому, вернулъ его, и онъ снова сдѣлался посадникомъ ³⁾).

Есть, наконецъ, основаніе думать, что именно въ то время, когда посадничалъ Павша, новгородская демократія сдѣлала еще одинъ шагъ по пути ограниченія княжеской власти: тогда именно, по договору съ нѣмцами 1269 — 70 г., князь потерялъ право суда надъ иностранцами, пребывавшими въ Новгородѣ, при чемъ судъ этотъ былъ переданъ коллегіи подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго ⁴⁾). Эта мѣра, какъ намъ извѣстно, также соотвѣтствуетъ традиціямъ старой новгородской демократической партіи.

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6777 г.

²⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6778 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6780 и 6781 гг.

⁴⁾ *Никитскій*, Исторія эконоическаго быта Великаго Новгорода, стр. 21.

Слѣдовавшій за Павшей посадникъ, Михайль Мишиничъ, былъ также, какъ было уже сказано, демократомъ старой закваски, только болѣе крайнимъ, чѣмъ Павша. Это видно не только изъ того, что онъ былъ посадникомъ при Василии костромскомъ, но и изъ ожесточенныхъ нападокъ на него со стороны Ярослава Ярославича въ 1269 г., отмѣченныхъ нами въ свое время. Не надо также забывать, что отцомъ его былъ тотъ самый Миша, который былъ за одно съ Водовикомъ въ 1232 г. ¹⁾. Другимъ сыномъ Миши былъ посадникъ 1290—1293 г. Юрій Мишиничъ, такъ что и его нужно причислить къ той же партіи. Помимо родственныхъ связей Юрія за это говорятъ и другія данныя: волненія 1290 года и убійство Самойла Ратьшинича ²⁾, отецъ котораго, Ратьша, въ 1255 г. принадлежалъ къ боярской партіи ³⁾.

Остается такимъ образомъ опредѣлить, къ какой партіи принадлежали Смень Михайловъ и два брата, Семень и Андрей Климовичи? Разсматривая этотъ вопросъ, не трудно убѣдиться, что кризисъ, начавшійся въ первой половинѣ XIII вѣка въ демократической партіи, сталъ проявляться въ концѣ этого столѣтія и въ партіи аристократической. Политическая борьба XII и XIII вѣковъ совершенно лишила новгородскаго князя верховной власти, оставивъ въ его рукахъ лишь власть военачальника, сдѣлавъ его чисто исполнительнымъ органомъ новгородской администраціи, дѣйствовавшимъ притомъ непремѣнно совмѣстно съ посадникомъ, этимъ органомъ господствующей партіи. Верховная власть юридически перешла къ вѣчу, а фактически — къ боярскому совѣту. Дальше идти въ этомъ отношеніи было некуда, и передъ аристократической партіей возникалъ вопросъ: пригодны ли тѣ средства, какими она раньше пользовалась въ политической борьбѣ, для сохраненія достигнутаго фактическаго преобладанія? Опираясь на сильныхъ и склонныхъ къ самовластію князей, боярская партія, правда, не могла ограничить демократическія тенденціи вѣча, но приобрѣла фактическій перевѣсъ, добившись экономического господства. Слѣдовало ли и послѣ этого поддерживать такихъ князей? Большинство членовъ партіи не сознавало еще необходимости переменъ въ этомъ отношеніи, но отдѣльныя болѣе талантливые лица опередили толпу: они поняли, что дальнѣйшая поддержка сильныхъ князей опасна, потому что великіе князья всея Руси, за которыми теперь все болѣе и болѣе укрѣпляется новгородскій столъ, — слишкомъ могущественны,

¹⁾ Новг. 1 лѣт., 6740 г.

²⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6798 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6763 г.

проникнуты стремленіемъ подавить не только вѣча, но и боярскій совѣтъ; что и подавленіе вѣча, находящагося въ рукахъ боярь-капиталистовъ и землевладѣльцевъ, невыгодно для аристократической партіи, что, наконецъ, среди сторонниковъ чернаго народа стали проявляться тенденціи въ сторону сильныхъ, могущественныхъ князей, какъ естественныхъ защитниковъ черни противъ знати. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ наиболѣе талантливые представители аристократической партіи начали склоняться къ поддержкѣ болѣе слабыхъ и мягкихъ князей въ Новгородѣ.

Первый тому примѣръ представляетъ посадникъ Смень Михайловъ или Михайловичъ, сынъ Михаила Ѳедоровича ¹⁾, посадничавшаго въ 1257—68 г., и извѣстнаго уже намъ въ качествѣ аристократа. Въ 1280 г. Смень выступилъ за князя Дмитрія Александровича, стараго кандидата аристократической партіи ²⁾; и въ 1282 г. онъ еще дѣйствовалъ противъ брата его Андрея ³⁾, но въ томъ же году Смень уже не пускаетъ въ городъ намѣстниковъ Дмитріевыхъ ⁴⁾, содѣйствуетъ въ 1284 г. вступленію на столъ Андрея ⁵⁾; наконецъ, въ 1286 г., когда утверждается Дмитрій Александровичъ, Смена лишаютъ посадничества, а въ слѣдующемъ году даже разграбляютъ его дворъ ⁶⁾: провозвѣстникъ новой политики, какъ это всегда бываетъ, терпитъ неудачу. Но его идея не умерла, потому что имѣла корни въ дѣйствительности. Продолжателемъ его дѣла былъ Семень Климовичъ, какъ можно, по крайней мѣрѣ, предполагать. Этотъ посадникъ занималъ высшую должность въ новгородской выборной администраціи три раза: 1) въ 1299 — 1303 гг., т. е. въ княженіе Андрея Александровича, 2) съ 1311 года, неизвѣстно, по какой годъ, 3) въ 1315 году. Андрей Александровичъ былъ менѣе сильный князь, чѣмъ его братъ и соперникъ Дмитрій; поэтому первое посадничество Семена Климовича говоритъ за то, что онъ примкнулъ къ новому теченію въ аристократической партіи. Это же подтверждается и разборомъ данныхъ о двухъ другихъ случаяхъ исполненія имъ должности посадника: въ 1312 г., тотчасъ послѣ избранія Семена, великій князь Михаилъ Ярославичъ

¹⁾ *Прозоровскій*, въ „Вѣстникѣ археологій и исторіи“, выпускъ IX, стр. 110.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6788 г.

³⁾ Тамъ же, 6790 г.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6792 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6794 г., и Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6795 г.

тверской, вообще много вредившей новгородцам¹⁾ и бывший въ то время сильнѣйшимъ изъ русскихъ князей, «заратися» противъ Новгорода²⁾). Въ 1315 г., какъ только Семень Климовичъ сдѣлался посадникомъ въ третій разъ, намѣстники Михайловы были выгнаны изъ Новгорода³⁾). Что Семень принадлежалъ не къ демократамъ, а къ боярской партіи, это видно уже изъ того, что князь Михайлъ Ярославичъ признавалъ врагами своими бояръ: укrotивъ новгородцевъ, князь «изъима бояры новгородскыи и посла на Тферъ въ тали» (заложники)⁴⁾). При томъ, какъ увидимъ ниже, представитель демократической партіи, Михайлъ Павшиничъ, былъ за Михаила. Характерно также, что въ 1303 г. Семень Климовичъ былъ замѣненъ его братомъ Андреемъ, и при этомъ не пострадалъ, не былъ разоренъ и скоро построилъ церковь⁵⁾), слѣдовательно былъ достаточно богатъ: все это указываетъ, что смѣна его братомъ была не торжествомъ противной партіи, не щадящей побѣжденныхъ, а признакомъ временнаго преобладанія другого оттѣнка въ аристократической партіи, именно стараго оттѣнка, представителемъ котораго и надо считать Андрея Климовича.

III.

Представленный детальный разборъ лѣтописныхъ извѣстій о посадникахъ XIII вѣка доказываетъ, что въ это время партійная борьба въ Великомъ Новгородѣ осложнилась и измѣнилась подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ: старыя партіи начали подвергаться разложенію, стали измѣняться въ существенныхъ пунктахъ ихъ программы, намѣтились и новыя основныя силы, которымъ предстояло столкнуться въ будущемъ. Но если XIII вѣкъ приходится такимъ образомъ характеризовать какъ время *начала* разложенія старыхъ партій, то XIV столѣтіе слѣдуетъ признать періодомъ *завершенія* этого разложенія. Къ шестидесятымъ годамъ XIV вѣка послѣдніе обломки старой партійной группировки исчезаютъ окончательно, и новгородскія партіи этого времени нисколько не похожи уже на тѣ, борьбу которыхъ мы наблюдали въ XII столѣтіи.

Наши источники, къ сожалѣнію, не даютъ намъ возможности составить полный и точный списокъ степенныхъ посадниковъ

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6820 и 6824 гг.

2) Тамъ же, 6820 г.

3) Тамъ же, 6823 и 6824 гг.

4) Тамъ же, 6823 г.

5) Новг. 1 лѣт., 6811 г., и Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6813 г.

XIV вѣка. Здѣсь недостижима та степень полноты и точности, которая возможна для двухъ предшествующихъ столѣтій. Насколько позволяютъ источники, можно составить слѣдующій списокъ степенныхъ посадниковъ, смѣнявшихся за это время: 1) 1303—1309 Андрей Климовичъ; 2) 1309—1311 Михаилъ Павшиничъ; 3) съ 1311—неизвѣстно, до какого года—Семень Климовичъ; 4) 1315 Семень Климовичъ; 5) 1319 Михаилъ ¹⁾; 6) 1325—1328 Даниль ²⁾; 7) 1331 Варѣоломей Юрьевичъ ³⁾; 8) 1331—1332 Ѳедоръ Ахмыль, по Прозоровскому—Даниловичъ ⁴⁾; 9) 1332 Захарія Михайловичъ ⁵⁾; 10) 1332 Матвѣй Коска; 11) 1335 Ѳедоръ Даниловичъ, т. е. Ахмыль; 12) 1340—1345 Остафій Дворянинецъ: первый годъ его посадничества показанъ на основаніи лѣтописнаго извѣстія 1340 года, въ которомъ уже упоминается «Варѣоломей *посадничъ* сынъ Остафѣинъ» ⁶⁾; 13) 1345—1347 Матвѣй Варѣоломеевичъ; послѣдній годъ его посадничества показанъ предположительно, на томъ основаніи, что въ 1347 г. была смута, а въ слѣдующемъ году значится уже опять въ качествѣ степеннаго посадника Ѳедоръ Даниловичъ ⁷⁾; 14) 1347—1350 Ѳедоръ Даниловичъ (Ахмыль); 15) 1350—1354 Онцифоръ Лукинъ; 16) 1354 Александръ Дворянинцевъ братъ; 17) 1354—59 Андреянъ Захарьиничъ; первый годъ его посадничества поставленъ предположительно на основаніи соображеній о его политическихъ взглядахъ; 18) 1359 Сильвестръ Лентѣевичъ; 19) 1359 Никита Матвѣевичъ, сынъ Матвѣя Варѣоломеевича, по справедливому указанію Прозоровскаго ⁸⁾; 20) 1372 Иванъ ⁹⁾; 21) 1375 Юрій ¹⁰⁾; 22) 1384 Ѳедоръ Тимофеевичъ; 23) 1388 Есипъ Захарьиничъ ¹¹⁾; 24) 1388 Василій Ивановичъ; 25) 1391

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 13.

²⁾ Тамъ же, № 15; годы ставимъ по указанію *Прозоровскаго*: „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 111.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6839 г. Что онъ *Юрьевичъ*, — см. Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.: онъ былъ внукомъ Миши.

⁴⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 112.

⁵⁾ Онъ былъ, вѣроятно, сыномъ Михаила Павшинича; по *Прозоровскому* (стр. 112), онъ сынъ Михаила Федоровича.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт., 6848 г.

⁷⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6855 и 6856 г.

⁸⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 113.

⁹⁾ Акты археографической экспедиціи, I, № 8.

¹⁰⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, № 17.

¹¹⁾ По *Прозоровскому* (стр. 115), онъ былъ сыномъ Захарія Михайловича, съ чѣмъ едва-ли можно согласиться, потому что Есипа отъ Захарія отдѣляетъ слишкомъ много времени: послѣдній посадничалъ еще въ 30-хъ годахъ.

Тимофѣй Юрьевичъ; 26) 1394 Есипъ Захарьиничъ; 27) 1394 Богданъ Обакуновичъ; 28) 1397 Тимофѣй Юрьевичъ.

Къ этому списку можно было бы прибавить еще нѣсколько именъ, но время исполненія посадничьей должности ихъ носителями остается неизвѣстнымъ: они упомянуты въ лѣтописяхъ уже въ качествѣ старыхъ посадниковъ, чего напрасно не допускаетъ Прозоровскій, дѣлающій при этомъ невѣроятное заключеніе, что въ Новгородѣ XIV вѣка бывало одновременно по нѣсколько степенныхъ посадниковъ ¹⁾.

Какъ ни значительны получившіеся въ нашемъ списокѣ пробѣлы, все-таки большая часть степенныхъ посадниковъ XIV вѣка намъ извѣстна, что для нашей цѣли вполне достаточно. Всего въ списокѣ значится 22 лица, изъ которыхъ нѣкоторые посадничали нѣсколько разъ. Политическая роль двухъ лицъ — Андрея и Семена Климовичей — намъ уже извѣстна. Для опредѣленія партійной группировки остальныхъ необходимы детальныя наблюденія. Посадничество Михаила Павшинича падаетъ на годы княженія въ Новгородѣ Михаила Тверского; слѣдовательно, Михаилъ Павшиничъ былъ сторонникомъ этого сильнаго и склоннаго къ самовластію князя. Это видно и изъ того, что тотчасъ послѣ смѣны посадника князь началъ войну съ Новгородомъ ²⁾, усмотрѣвъ, очевидно, въ этой смѣнѣ торжество враждебной себѣ партіи. Съ другой стороны, такъ какъ Михаилъ Павшиничъ былъ сыномъ Павши Онаньинича, извѣстнаго уже намъ вождя народной партіи, то мы должны признать Михаила демократомъ, но, очевидно, въ лицѣ его возродилось замершее было теченіе въ демократической партіи, представителями котораго въ XIII вѣкѣ были отчасти Твердиславъ и всецѣло сынъ его Степанъ Твердиславичъ и внукъ Михаилъ Степаничъ; не даромъ Михаилъ Павшиничъ, какъ и названные демократическіе посадники XIII вѣка, поддерживалъ сильнаго князя. Партійное положеніе слѣдующихъ затѣмъ посадниковъ, — Михаила (котораго, кстати сказать, нельзя смѣшивать съ Михаиломъ Павшиничемъ, потому что послѣдній былъ убитъ въ 1315 году ³⁾) и Ивана, — неизвѣстно, но такъ какъ они посадничали въ княженіе Ивана Калиты, то, вѣроятно все, были его сторонниками, можетъ быть также демократами новаго направленія. Отецъ Варѣоломея Юрьевича посадникъ XIII вѣка Юрій Мишиничъ, былъ, какъ мы знаемъ, демократъ стараго закала: то же, слѣдовательно, можно предполагать

¹⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 113.

²⁾ Новг. 1, 6819 г., и Новг. 1 и 4 лѣт., 6820 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6823 г.

и относительно самого Варееоломея, такъ что онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Калиты. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Варееоломей, очевидно, не долго продержался въ посадничьей должности при Калитѣ: на его мѣстѣ уже въ слѣдующемъ году появляется Ѳеодоръ Ахмыль (Даниловичъ), посадничавшій послѣ того еще два раза и все время бывший представителемъ аристократической партіи стараго закала, поддерживавшій сильныхъ князей. Его приверженность къ Ивану Калитѣ доказывается не только тѣмъ, что онъ былъ сынъ посадника 1325 — 1328 гг. Данила, бывшаго за Калиту, но и разрывомъ новгородцевъ съ великимъ княземъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ за смѣной Ѳеодора Ахмыла ¹⁾. За то же говоритъ и новый выборъ Ѳеодора въ 1335 году тотчасъ послѣ заключенія мира съ Калитой ²⁾. Нѣтъ также сомнѣнія, что Ѳеодоръ Ахмыль былъ членомъ боярской, а не народной партіи: 1) «крамолници», лишившіе его посадничества въ 1332 году, возвели въ санъ посадника Захарію Михайловича ³⁾, демократа, какъ ниже увидимъ, слѣдовательно сами принадлежали къ демократической партіи; 2) въ 1337 и 1342 году «простая чадь» или «черные люди» поднимаютъ волненія противъ Ѳеодора ⁴⁾. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Ѳеодоръ Даниловичъ былъ *послѣднимъ* въ исторіи Новгорода представителемъ стараго теченія въ боярской партіи, такъ что *кризисъ въ послѣдней половинѣ XIV вѣка закончился исчезновеніемъ старыхъ аристократовъ и побѣдой новаго направленія*: очевидно, политическая опытность боярскаго сословія, бывшаго фактическимъ руководителемъ новгородской государственной жизни, и безспорное единство интересовъ большинства членовъ этого сословія помогли ускоренію этого кризиса, несмотря на то, что послѣдній начался позднѣе, чѣмъ переломъ въ народной партіи.

Изъ остальной массы посадниковъ къ числу демократовъ *стараго* направленія принадлежали: Матвѣй Коска, Остафій Дворянинецъ, Матвѣй Варееоломеевичъ, Онцифоръ Лукинъ, Александръ Дворянинцевъ братъ и Никита Матвѣевичъ. Политическое направленіе Матвѣя Коски и Онцифора Лукина ясно изъ разсказа о волненіяхъ въ Новгородѣ въ 1342 году: черные люди выступили тогда на защиту Онцифора Лукина противъ господствовавшей партіи, а Матвѣй Коска дѣйствовалъ за одно съ

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6840 г.

2) Новг. 1 лѣт., 6843.

3) Новг. 1 и 4 лѣт., 6840 г.

4) Новг. 1 лѣт., 6845 г.; Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.

Онцифоромъ ¹⁾); итакъ и Матвѣй и Онцифоръ были демократы; что они держались стараго теченія въ своей партіи.— это видно изъ войны съ Калитой въ посадничество Коски ²⁾ и изъ того, что Онцифоръ, будучи посадникомъ, стоялъ за утвержденіе въ Новгородѣ слабаго князя Константина суздальскаго и былъ противъ Ивана Ивановича московскаго ³⁾, такъ какъ самовластная тенденція московскихъ Даниловичей успѣли уже опредѣлиться достаточно ясно. Что Остафій Дворянинецъ былъ демократъ стараго закала,—это доказывается слѣдующими наблюденіями: онъ былъ тысяцкимъ въ 1331 г. при посадникѣ Варѣоломѣѣ Юрьевичѣ, извѣстномъ старомъ демократѣ ⁴⁾); 2) онъ всегда считался врагомъ московскихъ князей: въ 1327 году его домъ былъ разграбленъ во время мятежа, слѣдствіемъ котораго была посылка намѣстниковъ Иваномъ Калитой ⁵⁾); 3) въ 1340 году его сынъ дѣйствовалъ противъ Семена Гордаго ⁶⁾). Но если вѣрно, что Остафій былъ старымъ демократомъ, то къ той же партіи слѣдуетъ причислить и Матвѣя Варѣоломеевича, потому что смѣна перваго послѣднимъ не повела къ раздору, «не бысть лиха между има» ⁷⁾). Впрочемъ отсюда не слѣдуетъ, что въ политическомъ отношеніи между Остафіемъ и Матвѣемъ не было никакой разницы: во-первыхъ, въ такомъ случаѣ не было бы и замѣны одного другимъ; а во-вторыхъ, въ 1340 году обнаруживается любопытное явленіе, что Матвѣй предводительствуетъ войскомъ въ борьбѣ противъ Семена Гордаго, а масса чернаго народа противится этой борьбѣ, желаетъ примиренія съ великимъ княземъ ⁸⁾). Очевидно, неумолимая дѣйствительность, практическіе интересы народа влекли его въ сторону сильнаго князя, оправдывали, слѣдовательно, новое теченіе въ демократической партіи. Подъ вліяніемъ этого среди старыхъ демократовъ возникли несогласія: одни, какъ Остафій Дворянинецъ, держались твердо старины и отрѣзывали себя отъ аристократовъ и новыхъ демократовъ; другіе, подобно Матвѣю Варѣоломеевичу, поняли, какъ мало различія осталось между ними и новымъ направленіемъ въ аристократической партіи, и стали сближаться съ приверженцами этого

1) Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.

2) Тамъ же, 6841 г.

3) Новг. 1 лѣт., 6861 г.

4) Новг. 1 и 4 лѣт., 6839 г.

5) Тамъ же, 6835 г.

6) Новг. 1 лѣт. 6848 г.

7) Тамъ же, 6853 г.

8) Тамъ же, 6848 г.

направленія. Партийное положеніе Александра опредѣляется его родственными связями: онъ былъ братъ Остафія Дворянина. Что же касается до Никиты Матвѣевича, то чтобы понять причины появленія его на посадничьей степени, необходимо остановиться на политическихъ событіяхъ 1359 года. Мы уже знаемъ, что къ этому времени въ аристократической партіи исчезли всякія разногласія: вся она прониклась новымъ взглядомъ на необходимость въ интересахъ боярства поддерживать на новгородскомъ столѣ слабыхъ князей, неопасныхъ для всесильнаго на дѣлѣ правительственнаго совѣта, состоявшаго уже исключительно изъ бояръ ¹⁾). Извѣстно также, что Торговая сторона была центромъ, гдѣ группировалось основное ядро аристократической партіи. Въ 1359 году одинъ изъ концовъ Торговой стороны— Славянскій поднялъ шумное возстаніе на посадника Андреяна Захарьинича, который, какъ и отецъ его Захарій Михайловичъ, былъ, очевидно, новымъ демократомъ. Славянскому концу удалось смѣнить Андреяна и поставить въ посадники своего кандидата, Сильвестра Лентеевича. Но тутъ поднялась Софійская сторона, недовольная столь очевиднымъ торжествомъ аристократовъ, и началась ожесточенная борьба, завершившаяся компромиссомъ («тако смиришася», говорятъ лѣтописи): избраніемъ въ посадники Никиты Матвѣевича ²⁾). Почему это избраніе должно быть признано компромиссомъ? Потому, очевидно, что Никита не былъ ни новымъ демократомъ, какъ Андрейнъ, ни новымъ аристократомъ, какъ Сильвестръ; а такъ какъ старыхъ аристократовъ уже не оставалось, то, значить, Никита былъ эпигономъ старой демократической партіи. Это подтверждается еще и тѣмъ, что, какъ доказалъ Прозоровскій ³⁾, Никита былъ сынъ Матвѣя Вареоломеевича, а не Матвѣя Коски, а Матвѣй Вареоломеевичъ былъ, какъ мы только что видѣли, старымъ демократомъ, склоннымъ при томъ къ сближенію съ окончательно сложившейся въ новомъ видѣ аристократической партіей. Вотъ почему Никита и явился такимъ удобнымъ кандидатомъ при компромиссѣ борющихся сторонъ: не порвавъ связей съ демократами, онъ былъ очень близокъ и къ аристократамъ и, повидимому, даже ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ: не даромъ вскорѣ по его избраніи въ посадники новгородцы хлопочуть за Дмитрія Константиновича суздальскаго и дѣйствуютъ противъ Дмитрія Донскаго ⁴⁾).

¹⁾ *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1-е, стр. 259.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6867 г.

³⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 113.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6868 г.

Мы должны, наконецъ, замѣтить, что Никита Матвѣевичъ былъ послѣднимъ представителемъ старыхъ демократовъ, слившихся, очевидно, со вновь сформировавшейся аристократической партіей въ одно цѣлое. Такимъ образомъ къ началу шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка новгородскія партіи окончательно сложились въ новомъ направленіи, кризисъ и расколъ въ нихъ кончились. Такъ какъ юридическое всемогущество вѣча оказалось фикціей при экономическомъ господствѣ боярства, то центромъ тяжести политической борьбы съ этого времени становится окончательно вопросъ о власти князя: демократы стремятся всѣми силами поддержать на новгородскомъ столѣ сильныхъ московскихъ князей племени Калиты и готовы даже идти на уступки ихъ самовластію; аристократы стоятъ за дальнѣйшее расширеніе новгородской самостоятельности путемъ увеличенія правъ вѣча и дарованія самостоятельности архіепископу новгородскому¹⁾ и посредствомъ узурпаціи верховной власти правительственнымъ совѣтомъ: въ своихъ стремленіяхъ аристократическая партія все болѣе склоняется къ мысли лишить московскихъ великихъ князей новгородскаго стола.

Политическая борьба въ Валикомѣ Новгородѣ послѣднихъ десятилѣтій XIV вѣка характеризуется постепенными успѣхами аристократической партіи. Къ ней принадлежали изъ числа извѣстныхъ намъ степенныхъ посадниковъ этого времени Ѳедоръ Тимоѣевичъ, Есипъ Захарьиничъ и Тимоѣй Юрьевичъ, причѣмъ двое послѣднихъ посадничали по два раза. Посадники Иванъ, Юрій, Василій Ивановичъ и Богданъ Обакуновичъ принадлежали къ демократической партіи. Характерно при этомъ, что въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, т. е. ближе къ концу столѣтія, преобладають аристократическіе посадники. Остается только оправдать фактами выводъ о партійномъ положеніи названныхъ посадниковъ, чтобы закончить рѣчь о XIV вѣкѣ.

Аристократическія симпатіи Ѳедора Тимоѣевича замѣтны прежде всего по той видной роли, какую игралъ въ его посадничество Славянскій конецъ: когда большая часть города поднялась на князя Патрикія Наримунтовича, державшаго на кормленіи Орѣшекъ и Корѣлу, то Славянскій конецъ успѣлъ отстоять этого князя и добился того, что ему дали Русу и Ладогу²⁾,

¹⁾ См. *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1879 г., июнь, стр. 206—217.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6892 г.

пригороды лучшіе, чѣмъ Орѣховъ и Корѣла. Далѣе: во время исполненія должности посадникомъ Ѳеодоромъ Тимоѳеевичемъ аристократическая партія сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ по пути къ достиженію полной самостоятельности: «чѣловаша новгородци крестъ на томъ: не зватися къ митрополиту на Москву на судъ, но судити владыкѣ Алексію по Манакунуну» ¹⁾. Это стремленіе добиться автокефальности новгородской церкви повело, какъ извѣстно, къ острому столкновенію новгородскаго владыки съ митрополитомъ и къ продолжительной борьбѣ Новгорода съ московскими великими князьями ²⁾. Наконецъ, при томъ же посадникѣ Новгородъ началъ войну съ Дмитріемъ Донскимъ ³⁾, что также подтверждаетъ антимосковскія, аристократическія тенденціи главы новгородской администраціи. На Есипа Захарьинича въ 1388 году поднимается демократическая Софійская сторона, за него стоитъ аристократическая Торговая ⁴⁾. Можно догадываться, что ея враждебное отношеніе къ Дмитрію Донскому и вызвало народный бунтъ: не безъ причины и въ 1394 году Есипъ былъ смѣненъ тотчасъ послѣ заключенія мира съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ ⁵⁾. Тимоѳей Юрьевичъ былъ, надо думать, сыномъ Юрія Тимоѳеевича и унаслѣдовалъ отъ отца его аристократическое направленіе. Послѣднее подкрѣпляется рядомъ фактовъ: 1) въ 1392 году въ его посадничество новгородцы воевали съ великимъ княземъ ⁶⁾; 2) въ слѣдующемъ году Тимоѳей стоялъ во главѣ войска, отправленнаго противъ великаго князя Василя ⁷⁾; 3) во второе его посадничество—въ 1397 году—война съ Василіемъ Дмитріевичемъ московскимъ возобновилась съ новою силой ⁸⁾; 4) въ то же время вернулся въ Новгородъ Патрикій ⁹⁾, которому, какъ мы только что видѣли, оказывалъ поддержку аристократическій Славянскій конецъ и противъ котораго былъ черный народъ: возвращеніе этого князя было возможно, очевидно, лишь при господствѣ аристократической партіи, все болѣе и болѣе склонявшейся въ пользу литовскихъ князей. Переходимъ къ демо-

¹⁾ Новг. 4 лѣт., 6892 г.

²⁾ *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1879 г., июнь, стр. 206—217.

³⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6894 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6896 г.

⁵⁾ Новг. 5 лѣт., 6902 г.

⁶⁾ Новг. 4 лѣт., 6900 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6901 г.

⁸⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6905 г.

⁹⁾ Тамъ же.

кратическим посадникамъ. Что къ ихъ числу принадлежалъ Иванъ, посадничавшій въ 1372 году, это видно изъ того, что новгородцы въ это время были въ мирѣ съ Иваномъ Ивановичемъ московскимъ и вели войну съ Михаиломъ тверскимъ ¹⁾, а намъ уже извѣстны враждебныя отношенія боярской партіи къ московскимъ князьямъ, особенно сильно проявившіяся, напримеръ, въ дѣйствіяхъ «большихъ бояръ» въ 1386 году ²⁾. На такихъ же основаніяхъ ³⁾ слѣдуетъ признать демократомъ и Юрія, посадника 1375 года; этого же Юрія мы встрѣчаемъ въ 1380 году во главѣ отправленнаго къ Дмитрію Донскому посольства, которое было принято великимъ княземъ «въ любовь» ⁴⁾ — очевидно по той причинѣ, что Донской видѣлъ въ Юріи своего сторонника. Въ посадничество Василя Ивановича мы также наблюдаемъ мирныя отношенія Новгорода къ великому князю ⁵⁾. Точно также, наконецъ, и Богданъ Обакуновичъ сдѣлался посадникомъ, какъ только заключенъ былъ миръ съ Василиемъ Дмитріевичемъ московскимъ ⁶⁾; сохранилось также извѣстіе, что Богданъ «съ своею братією и съ уличаны поставиша церковь камену святаго Симеона на Чюдинцевѣ улицѣ» ⁷⁾, которая находилась на демократической Софійской сторонѣ ⁸⁾, такъ что и этимъ извѣстіемъ подтверждается заключеніе о принадлежности Богдана Обакуновича къ народной партіи.

IV.

Въ предшествующемъ изложеніи намъ неоднократно приходилось отмѣчать, что, несмотря на то, что демократическая партія выдвинула изъ своей среды, можетъ быть, наиболѣе талантливыхъ политическихъ дѣятелей Великаго Новгорода, и что она вынесла на своихъ плечахъ всю первоначальную тяжесть борьбы за новгородскія вольности, — результатами этой борьбы и дѣятельности въ большинствѣ случаевъ пользовалась боярская партія, болѣею частью достигавшая перевѣса. Такъ было уже въ

¹⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6880 г.

²⁾ Новг. 4 лѣт., 6894 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6883 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6888 г.

⁵⁾ Тамъ же, 6896 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6901 г.; Новг. 3 лѣт., 6902 г.

⁷⁾ Новг. 1 и 2 лѣт., 6900 г.; Новг. 3 лѣт., 6903 г.

⁸⁾ Именно въ Загородскомъ концѣ. *Красовъ*, О мѣстоположеніи В. Новгорода, стр. 123.

ХІІ, ХІІІ и ХІV вѣкахъ. Къ ХV столѣтію эта общая характеристика относительной силы борющихся сторонъ подходитъ въ гораздо еще большей степени: въ это время аристократическая партія окончательно восторжествовала и подавила противниковъ. Такое политическое положеніе совершенно явственно выступаетъ изъ цѣлага ряда важныхъ наблюдений надъ источниками.

Прежде всего нѣсколько лѣтописныхъ свидѣтельствъ прямо указываютъ на полную невозможность для демократической партіи собственными силами бороться съ партіей бояръ. Безпомощныя жалобы и готовность отказаться даже отъ новгородской свободы въ пользу московскаго великаго князя — вотъ что остается народной партіи. «А въ то время», жалобно причитаетъ одна изъ новгородскихъ лѣтописей подь 1446 годомъ, «не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изѣѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права»¹⁾. Подь слѣдующимъ годомъ опять встрѣчаемъ сѣтованія на «безправдивыхъ бояръ» и ихъ злоупотребленія²⁾. Въ концѣ концовъ «новгородцы люди житии и молодшии сами его (Ивана ІІІ) иризвали на тыя управы, что на нихъ насилья держать, какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, ти насилники творили, то ихъ такоже иметь князь великой судомъ по ихъ насилству по мздѣ судити»³⁾.

Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ слышенъ голосъ отчаянія и полного разочарованія въ благѣ для народа отъ тѣхъ политическихъ учрежденій, которыя составляли особенность Новгорода. Отчаяніе и протрація народной партіи доходятъ до такой степени, что о прежнихъ бурныхъ народныхъ возстаніяхъ, ниспровергавшихъ на время могущество бояръ, въ ХV вѣкѣ нѣтъ и помина. Правда, и это время не особенно бѣдно волненіями въ Новгородѣ, но это — большею частью волненія особаго рода: это или торжество побѣдителей, безъ удержу и ограниченій примѣнявшихъ на практикѣ принципъ «горе побѣжденнымъ», или внутреннія, случайныя несогласія по частнымъ поводамъ, не колебавшія установившагося соотношенія партій. Примѣромъ

¹⁾ Новг. 4 лѣт., 6954 г.

²⁾ Тамъ же, 6955 г.

³⁾ Псковс. 1 лѣт., 6984; ср. Никоновс. лѣт., VI, стр. 17, 73.

перваго могутъ служить волненія 1418 года, образцомъ второго— возстаніе 1421 г. Въ 1418 г. аристократическая Торговая сторона, собравшись на вѣче на Ярославлѣ дворѣ, рѣшила сокрушить тѣхъ изъ бояръ Софійской стороны, которые оставались еще вождями демократовъ. Вѣче направилось бурнымъ потокомъ на Софійскую сторону и разграбило улипы Кузьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу, Прусскую¹⁾. Архіепископъ утишилъ волненіе, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены. Въ 1421 г. «возсташа два конца, Неревскій и Славенскій, за Клементіа Артемьина про землю на посадника Андреа Ивановича и разграбиша дворъ его въ доспѣсѣхъ и иныхъ бояръ разграбиша дворы напрасно; и убиша Андрѣевыхъ посадниковыхъ 20 человекъ до смерти, а неревлянъ 2 человекъ и смиришася»²⁾. Возстаніе было направлено, слѣдовательно, противъ бояръ и посадника боярской партіи. Но кто же возсталъ? Славянскій конецъ былъ аристократическимъ, а Неревскій все болѣе и болѣе дѣлался таковымъ, потому что въ немъ жили не только, какъ мы видѣли, ремесленники и богатое купечество, но въ XV вѣкѣ и аристократическіе бояре: здѣсь именно на Великой улицѣ находилъ «чюдный дворъ» Марѳы посадницы, этой вдохновительницы аристократическихъ противниковъ Ивана III³⁾. И такъ на бояръ аристократовъ поднялись свои же люди. Поэтому и возстаніе имѣло частный поводъ и очень скоро кончилось примиреніемъ.

Третьей характерной чертой политической исторіи XV вѣка служить отсутствіе въ лѣтописяхъ прямыхъ указаній на насильственную смѣну посадниковъ, на то, что новгородцы прогнали одного и замѣнили его другимъ, тогда какъ эти указанія совершенно обычны въ предшествующія столѣтія. Это молчаніе лѣтописей о насильственныхъ перемѣнахъ посадниковъ нельзя признать стучайностью, особенно если сопоставить его съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ Ляннуа, что въ XV вѣкѣ посадники въ Новгородѣ мѣнялись ежегодно. Допустимъ даже, вслѣдъ за другими изслѣдователями, что Ляннуа ошибался, допустилъ преувеличеніе,—мы все-таки должны признать, что посадники тогда исполняли свою должность недолго, уступая ее другимъ: это видно по значительному числу старыхъ посадниковъ, постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ. Итакъ посадники мѣнялись часто, но не насильственно. Что же это значить? Это значить, что за смѣ-

1) Новг 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6926 г.

2) Новг. 2 и 4 лѣт., 6929 г.

3) Новг. 4 лѣт., 6985 г. Великая ул. находилась въ Неревскомъ концѣ. *Красовъ*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 38.

ной посадниковъ въ XV вѣкѣ не скрывается партійная борьба, что всѣ посадники или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ принадлежало въ это время къ одной господствующей аристократической партіи, наиболѣе выдающіеся члены которой и занимали эту важную, выгодную и почетную должность въ извѣстной очереди. И дѣйствительно въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разглядѣть по источникамъ политическое направленіе степенныхъ посадниковъ XV вѣка, — они являются всегда аристократами. Это, какъ мы видѣли, можно сказать о посадникѣ 1415 года Андрей Ивановичъ ¹⁾. Въ 1418 г. упоминается посадникъ (степенный) Василий Есиповичъ ²⁾. Въ этомъ году, какъ намъ извѣстно, аристократическая Торговая сторона поднялась на Софійскую, и изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Василий Есиповичъ былъ заодно съ Торговой стороной на ея вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, потому что туда («на Ярославль дворъ») отпразднѣлъ съ примирительными цѣлями архимандрита и протодьякона владыка, «да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василию Есиповичу и тысяцскому Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ домы свои» ³⁾. Враждебныя отношенія новгородцевъ къ великому князю въ посадничество Василия ⁴⁾ также указываютъ на аристократическія тенденціи посадника. Посадникъ Тимошей Васильевичъ въ 1421 г. былъ, какъ и вообще Новгородъ въ это время, въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ великаго князя, Константиномъ Дмитріевичемъ ⁵⁾, котораго еще за два года передъ тѣмъ новгородцы «пріяпа въ честь», несмотря на его ссору съ великимъ княземъ ⁶⁾ или можетъ быть именно вслѣдствіе этой ссоры. Значитъ, Тимошей былъ противникомъ великокняжеской власти, т. е. аристократомъ. То же самое надо сказать о посадникѣ 1434 г., Самсонѣ Ивановичѣ ⁷⁾, такъ какъ въ это время новгородцы находились въ войнѣ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ ⁸⁾. Извѣстно, наконецъ, какую ожесточенную борьбу вели новгородцы съ Иваномъ III въ 1471 и 1476—1478 годахъ. И степенные посадники этихъ лѣтъ Ти-

¹⁾ См. Новг. 1 и 4 лѣт., 6929 г.

²⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6926 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6925, 6927 и 6928 гг.

⁵⁾ Тамъ же, 6929 г.

⁶⁾ Тамъ же, 6927 г.

⁷⁾ Псковская 1 лѣт., 6942 г.

⁸⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6942 г.

моёй Остафьевичъ 1). Василій Опаньинъ 2), Оома Андреевичъ 3), несомнѣнно, принадлежали къ аристократической партіи: первый изъ нихъ былъ уведень въ плѣнъ Иваномъ III 4), второй былъ схвачень и сосланъ по приказанію великаго князя 5), а потомъ былъ убитъ новгородцами за переходъ на сторону послѣдняго 6); наконецъ, Оома Андреевичъ былъ послѣднимъ представителемъ новгородской выборной администраціи, оказывавшимъ сопротивление великокняжеской власти. Многочисленныя указанія нашихъ источниковъ на старыхъ посадниковъ, пострадавшихъ въ 70-хъ годахъ отъ Ивана III 7), служатъ также доказательствомъ того, что въ XV вѣкѣ громадное большинство посадниковъ принадлежали къ боярской партіи, противодѣйствовавшей московскому великому князю и склонявшейся къ мысли о подчиненіи собирателямъ западной Руси, литовскимъ князьямъ.

Наконецъ, четвертымъ признакомъ торжества аристократической партіи въ Великомъ Новгородѣ XV вѣка служитъ несомнѣнно господствующее положеніе правительственнаго боярскаго совѣта въ новгородскомъ управленіи этого времени. Изслѣдователями въ достаточной степени выяснено, что именно въ XV вѣкѣ совѣтъ сдѣлался исключительно боярскимъ по составу, такъ какъ изъ него исчезли купеческіе старосты; иначе нельзя объяснить, какъ эти старосты могли жаловаться въ 1412 г. на то, что совѣтъ скрылъ отъ нихъ претензіи нѣмецкихъ купцовъ. Кромѣ того и вѣдомство правительственнаго совѣта въ XV вѣкѣ чрезвычайно расширилось: совѣтъ самовластно распоряжается посадникомъ, даетъ важныя спеціальныя порученія своимъ членамъ, дѣлаетъ предписанія органамъ кончанскаго управленія, даже совѣтъ безъ вѣча рѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла 8).

Но господство боярской олигархіи не могло быть прочнымъ,

1) Акты Арх. Эксп., т. I, №№ 91, 93.

2) Псков. 1 лѣт., 6984 г.

3) Новг. 2 лѣт., 6984 г.; Никонов. лѣт., VI, стр. 82; Псков. 1 лѣт., 6984 г.

4) Пск. 1 лѣт., 6984 г.

5) Тамъ же.

6) Псков. 1 лѣт., 6985 г.

7) Псков. 1 лѣт., 6984 г.; Новг. 4 лѣт., 6984 г.; Никонов. лѣт., VI, стр. 28, 30, 103, 104.

8) *Никитскій*, Очерки изъ жизни В. Новгорода, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1869 г., октябрь, стр. 305—309; *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1, стр. 253—267.

потому что оно слишком сильно противорѣчило интересамъ массы населенія и вызывало въ послѣдней полное равнодушіе къ новгородскимъ политическимъ волностямъ. Черный народъ, страдая, несмотря на эти вольности, отъ боярской неправды, искалъ защиты отъ «старѣйшинъ» у великаго князя и готовъ былъ поступиться вѣчевымъ строемъ въ пользу великокняжеской власти. Новгородское купечество, также чувствуя на себѣ тяжесть послѣдствій торжества олигархіи, сознавало въ то же время тѣсную экономическую связь съ московскимъ центромъ. Такъ политическое паденіе Новгорода было подготовлено ходомъ его внутренней исторіи, внѣшнимъ выраженіемъ котораго является борьба новгородскихъ политическихъ партій, которую мы старались изобразить.

Наша схема политической борьбы и партійной группировки, какъ, несомнѣнно, замѣтилъ внимательный читатель, кореннымъ образомъ противорѣчитъ построенію, предложенному Пассекомъ въ названной въ началѣ нашей работы его статьѣ. Пассекъ полагаетъ, что Торговая сторона Великаго Новгорода преисполнена была демократическими стремленіями, Софійская же была населена по преимуществу аристократами. Поэтому многихъ дѣятелей, которыхъ мы считаемъ вождями народной партіи, онъ признаетъ аристократами. Мы старались доказать, что указанный исходный пунктъ построения Пассека — о партійномъ значеніи сторонъ Великаго Новгорода—невѣренъ, что наоборотъ Торговую сторону надо считать аристократической, а Софійскую демократической. Вотъ первый важный пунктъ разногласія между пишущимъ эти строки и Пассекомъ. Второй не менѣе серьезный: конечнымъ пунктомъ борьбы Пассекъ признаетъ побѣду демократовъ; мы старались выяснить, что демократы въ концѣ концовъ были подавлены боярскою партіей. Во-третьихъ, Пассекъ считаетъ заключительнымъ моментомъ внутренней политической борьбы въ Великомъ Новгородѣ половину XIII вѣка: послѣ этого хронологическаго термина борьба, по его мнѣнію, теряетъ свою остроту; мы видѣли, что ожесточенныя распри, сопровождавшіяся перевѣсомъ то одной, то другой партіи, продолжались не только въ XIII, но и въ XIV вѣкѣ, и только XV столѣтіе было временемъ окончательной побѣды одной стороны. Наконецъ, въ-четвертыхъ, у Пассека каждая партія является все время сама себѣ равной, не мѣняетъ программы, — мы старались прослѣдить въ этомъ отношеніи извѣстныя перемѣны, нѣкоторый процессъ развитія, совершавшійся подъ вліяніемъ условій хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго быта Великаго Новгорода за четыре столѣтія,—отъ XII до XV. Охотно признаемъ, что окончательное

рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ—дѣло будущаго, что предложенныя здѣсь отвѣты на нихъ подлежатъ критикѣ не въ меньшей степени, чѣмъ взгляды Пассека, но нельзя отрицать важности поставленной нами себѣ вслѣдъ за Пассекомъ задачи, и потому нужно надѣяться, что найдутся изслѣдователи, которые возьмутъ на себя трудъ ея окончательнаго рѣшенія.

Очерки юридического быта по Русской Правдѣ.

Очеркъ первый.

Происхожденіе и составъ Русской Правды.

I.

О происхожденіи Русской Правды въ литературѣ существуетъ три мнѣнія: одни признаютъ Правду официальнымъ законодательнымъ актомъ, другіе считаютъ ее частнымъ юридическимъ сборникомъ, третьи—позднѣйшей поддѣлкой. Первое мнѣніе старѣе двухъ другихъ и ведетъ свое происхожденіе еще отъ Татищева и Шлёцера. Его держались также Болтинъ, Карамзинъ, П. Строевъ, Эверсъ, Рейцъ, Погодинъ, Тобинъ, Невольинъ, Ланге и пр. Доказательства, на которыя опираются послѣдователи этого мнѣнія, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) имена Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха находятся во всѣхъ спискахъ, 2) въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1016 г. сказано, что Ярославъ, добывъ Кіевъ, наградилъ новгородцевъ и далъ имъ правду и уставъ, сказавъ: «по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писахъ вамъ»; къ этимъ старымъ доказательствамъ¹⁾ болѣе поздній изслѣдователь, Ланге, присоединилъ еще слѣдующія: 3) порядокъ статей въ разныхъ спискахъ Русской Правды приблизительно одинаковъ, 4) въ Правдѣ есть и внѣшнее единство: всѣ ея постановленія — законы, основанные на юридическихъ обычаяхъ и отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, 5) все русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ: уставомъ долженъ быть, слѣдовательно, и исходный пунктъ его, какимъ

¹⁾ Они приводятся почти всѣми послѣдователями перваго мнѣнія о происхожденіи Русской Правды. См., напр., *Погодина* „Изслѣдованія, замѣчанія и лекція“, т. III, М., 1846, стр. 369, и т. I, М., 1846, стр. 233.

является Русская Правда¹⁾); наконецъ, Грыцько указываетъ, 6) что при Ярославѣ была нужда въ законодательствѣ, такъ какъ происходило столкновеніе языческихъ и христіанскихъ понятій²⁾. Ланге кромѣ того старался еще оправдѣргнуть мнѣніе о Русской Правдѣ, какъ частномъ юридическомъ сборникѣ, указаніями на то, что частные сборники никогда не появляются на зарѣ исторіи права, и что они встрѣчаются лишь тогда, когда имъ предшествуетъ многосложное, запутанное и развитое право³⁾; Бѣляевъ пытался отстоять примѣнимость текста новгородскихъ лѣтописей о дарованіи Ярославомъ правды и устава къ Русской Правдѣ замѣчаніемъ, что краткая Правда—льготная грамота: въ ней «нѣтъ и помину о пошлинахъ въ пользу князя»,—значить, ея новгородцы отъ этихъ пошлинъ были освобождены⁴⁾.

Вотъ аргументація въ пользу взгляда на Русскую Правду, какъ памятникъ официальнаго законодательства. Зародышъ взгляда на Правду, какъ частный юридическій сборникъ, находится еще въ мнѣніи Эверса о такъ называемой Правдѣ XIII столѣтія: неодинаковый составъ и различный порядокъ статей въ разныхъ спискахъ пространнаго текста внушили Эверсу мысль, что этотъ текстъ—«трудъ частныхъ людей, собиравшихъ отдѣльно выходяшія по временамъ постановленія»⁵⁾. Со времени Калачева⁶⁾, это наблюденіе стало однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу новаго взгляда⁷⁾. Ниже, при изученіи взаимныхъ отношеній разныхъ редакцій Русской Правды, мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что по вопросу о причинахъ различія въ по-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб. 1860, стр. 20—22.

²⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Калачева, книга 5, Спб., 1863, стр. 122—123.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб., 1860, стр. 4.

⁴⁾ *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, изданіе 2-е, Москва, 1888, стр. 178.

⁵⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, переводъ съ нѣмецкаго И. Платонова. Спб., 1835, стр. 368.

⁶⁾ Калачевъ доказываетъ неофициальное происхожденіе Русской Правды въ I отдѣленіи „Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣній“, при разборѣ взглядовъ Погодина.

⁷⁾ См. еще у *Попова*: Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, Москва, 1841, стр. 25. Послѣ Калачова у *Дювернуа*: Источники права и судъ въ древней Россіи, Москва, 1869, стр. 85—90 и 151.

рядкѣ статей между отдѣльными редакціями правы именно сторонники неофициальнаго происхожденія Правды.

Другимъ важнымъ шагомъ впередъ была критика второго доказательства, выставленнаго изслѣдователями, видѣвшими въ Правдѣ княжеское законодательство: Розенкампфъ первый указалъ, что слова «по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писахъ вамъ» и самый краткій текстъ нашего источника находятся въ такихъ лѣтописныхъ сборникахъ, которые имѣютъ, очевидно, одинъ общій источникъ, почему не слѣдуетъ слѣпо довѣрять этому извѣстію; съ другой стороны, и «по содержанію грамота, данная Ярославомъ для утвержденія новгородскаго управления, не можетъ походить на Русскую Правду»¹⁾; дальнѣйшее развитіе послѣдней мысли встрѣчаемъ у Попова, но приемы его критики нѣсколько иные: онъ исходитъ изъ положенія, что такъ называемыя Ярославовы грамоты заключали въ себѣ утвержденіе «неприкосновенности народныхъ правъ въ отношеніи къ князю»; о содержаніи этихъ Ярославовыхъ грамотъ, по мнѣнію Попова, лучше всего можно судить, выдѣливъ общую постоянную основу изъ позднѣйшихъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, а въ нихъ постоянными условіями являются какъ разъ такія, которыхъ нѣтъ въ Русской Правдѣ: ограниченія княжеской власти и опредѣленія даровъ и доходовъ князя и его мужей; ясно, что «Ярославовы грамоты, данныя новгородцамъ, и Русская Правда—два памятника совершенно различныя»²⁾; эти соображенія Попова о приблизительномъ содержаніи Ярославовыхъ грамотъ можно считать лучшимъ возраженіемъ на приведенное выше мнѣніе Бѣляева, что Правда — льготная грамота: будь это такъ, ея содержаніе было бы иное. Наконецъ, Калачевъ указываетъ, что разбираемому лѣтописному извѣстію нельзя довѣрять по слѣдующимъ причинамъ: 1) и пространный текстъ Правды въ «Софійскомъ Временникѣ» называется грамотой Ярослава; 2) въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды къ тексту ея присоединенъ судебникъ царя Константина, который лѣтописцемъ тоже приписывается такимъ образомъ Ярославу; 3) лѣтописецъ считалъ законодательствомъ Ярослава и вторую половину краткой редакціи, что невозможно. Въ критикѣ лѣтописнаго извѣстія и въ указаніи на неодинаковый составъ разныхъ списковъ Русской Правды и неодинаковый порядокъ статей Калачевъ такимъ

¹⁾ Обзоръне Корячей книги въ историческомъ видѣ, Москва, 1829, стр. 222.

²⁾ Поповъ. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 6—11.

образомъ имѣлъ предшественниковъ, хотя честь болѣе полнаго освѣщенія этихъ выводовъ и принадлежитъ ему. Онъ однако выставилъ еще два новыхъ доказательства того, что Русская Правда—частный сборникъ: первое изъ нихъ заключается въ наблюдении за тѣмъ, что въ Правдѣ нѣтъ внѣшняго единства, господствуетъ разнообразіе формъ: на ряду съ народными обычаями въ ней встрѣчаются законодательныя постановленія князей и судебныя рѣшенія по отдѣльнымъ случаямъ; мы не будемъ пока останавливаться на этомъ соображеніи и разбирать возраженіе на него, высказанное, какъ мы выше видѣли, Ланге; заняться этимъ придется въ другомъ мѣстѣ, при изученіи состава Правды; второе новое доказательство Калачева — указаніе, что, если бы Русская Правда была законодательствомъ Ярослава, то въ ней, какъ въ современныхъ западныхъ уложеніяхъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ упоминалось бы имя Ярослава. Г. Дювернуа ¹⁾ видоизмѣняетъ эту мысль Калачева, отмѣчая, что въ официальномъ законодательномъ актѣ законодатель говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, тогда какъ въ Правдѣ мы встрѣчаемъ указанія на князей только въ третьемъ лицѣ: «по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его» ²⁾; «Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны» ³⁾; «яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ» ⁴⁾; «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою... и оуставили до третьяго рѣза» ⁵⁾. Этотъ доводъ принять и г. Сергѣевичемъ ⁶⁾. Г. Дювернуа ⁷⁾ справедливо указываетъ еще на объясненія мотивовъ, совершенно неумѣстныхъ въ официальномъ памятникѣ, напримѣръ: «Аже будутъ холопи татие... ихъ же князь продажею не казнить, зане суть невольни» ⁸⁾; «занеже ему въ болого дѣль и хоронилъ товаръ того» ⁹⁾; «занеже пагуба отъ Бога, а не виновать асть» ¹⁰⁾; «а то есть не скотъ, не лзѣ рчи: (не вѣдаю) оу кого

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 151.

²⁾ Троицкій списокъ, ст. 2 (всѣ ссылки на Русскую Правду дѣлаются по изданію Калачева, Текстъ Русской Правды, М., 1847).

³⁾ Троицкій списокъ, статья 58.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 21.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 48.

⁶⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 172—173.

⁷⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 151—152.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 42.

⁹⁾ Тамъ же, статья 45.

¹⁰⁾ Тамъ же, статья 50.

есмь купиль»¹⁾. Наконецъ, мысли о томъ, что Русская Правда официальное законодательство, противорѣчить, по справедливому замѣчанію г. Сергѣевича²⁾, рядъ встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго текста статей, не имѣющихъ даже никакого отношенія къ праву; въ нихъ рѣчь идетъ о приплодѣ отъ скота въ теченіе 12-ти лѣтъ, приплодѣ пчелъ и «прибыткѣ» отъ хлѣба и сѣна³⁾.

Мы старались съ возможной полнотой изложить два наиболѣе распространенныхъ возрѣнія на происхожденіе Русской Правды. Аргументація той и другой стороны отличается такой обстоятельностью, что, за малыми исключениями, не остается прибавить ничего. Уже одно простое сопоставленіе доводовъ обихъ направленій показываетъ, мы думаемъ, что соображенія сторонниковъ неофициальнаго происхожденія Правды болѣе основательны, нежели взглядъ на нее, какъ на законодательство Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха. Въ самомъ дѣлѣ: первое доказательство сторонниковъ официальности Правды совершенно уничтожено вѣскими замѣчаніями Калачева и г. Дювернуа: упоминаніе княжескихъ именъ говорить не въ пользу того, что Русская Правда была издана этими князьями, а напротивъ представляетъ собою доводъ въ противоположномъ направленіи, такъ какъ о князьяхъ говорится не отъ ихъ имени, а въ третьемъ лицѣ: очевидно, кѣмъ-то записаны только отдѣльные ихъ уставы. Ссылка на слова новгородской лѣтописи и лѣтописныхъ сборниковъ, ей родственныхъ, оказывается также не имѣющей того значенія, какое ей придавали. Мы коротко говорили пока о различіяхъ въ порядкѣ статей и о составѣ Правды, но въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что и въ этомъ отношеніи мнѣніе Эверса, Калачева и г. Дювернуа заслуживаетъ предпочтенія передъ взглядомъ Ланге. Что же остается отъ доводовъ изслѣдователей, признающихъ изучаемый памятникъ официальнымъ княжескимъ законодательствомъ?

Одни только общія разсужденія о томъ, что русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ, что при Ярославіи вслѣдствіе колебанія «пошлины» необходимъ былъ княжескій уставъ, что частные сборники появляются только въ болѣе позднія историческія эпохи, притомъ при наличности залутаннаго и развитого права. Но вѣдь никто и не отрицаетъ появленія отдѣльных не письменныхъ княжескихъ уставовъ, т.-е. законодательныхъ рѣшеній, а колебаніе «пошлины», стариннаго преданія и обычая, если мы признаемъ его за фактъ, должно было именно

¹⁾ Тамъ же, статья 33.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, стр. 174.

³⁾ Карамзинскій списокъ, статьи 49—65.

создать путаницу въ юридическихъ понятіяхъ общества, слѣдовательно, хотя и не развитоое, но запутанное право,—другими словами должно было послужить почвой для появленія частныхъ юридическихъ сборниковъ. Такимъ образомъ и общія соображенія говорятъ не противъ частнаго происхожденія Русской Правды. Вообще взглядъ на нее, какъ на частный юридическій сборникъ, надо считать однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній исторической литературы въ изучаемой области ¹⁾. Исслѣдователи, держащіеся этого взгляда, должны сдѣлать попытку рѣшенія вопроса о томъ, какая среда создала Русскую Правду, въ какомъ общественномъ слоѣ зародилась мысль о необходимости составить сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній. Мы имѣемъ немного предположеній въ этомъ направленіи, но тѣ, которыя существуютъ, заслуживаютъ вниманія. Еще Морошкинъ ²⁾ полагалъ, что Русская Правда могла быть составлена какимъ либо дьякомъ-докладчикомъ, но это замѣчаніе осталось одинокимъ. Несравненно интереснѣе взглядъ г. Дювернуа: частный юридическій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Русской Правды, составили всего скорѣе лица духовныя, такъ какъ, съ одной стороны, они «знали не одинъ кругъ интересовъ», имъ «ихъ греческое образованіе давало возможность стать на точку зрѣнія организованнаго и исторически развивающагося юридическаго быта», они «могли быть въ настоящемъ смыслѣ юристами», съ другой стороны,—«лица духовныя съ самаго начала стремятся подчинить своему вліянію юридическую практику», какъ это видно изъ того, что «сборниковъ переводныхъ, церковныхъ уставовъ, разныхъ статей юридическаго содержанія великое множество находится въ нашихъ Кормчихъ книгахъ» ³⁾.

Третье мнѣніе о происхожденіи Русской Правды, заключающееся въ томъ, что она—позднѣйшая поддѣлка, было высказано Каченовскимъ. Доказательствами этого взгляда служили «дипломатическая справка», «историческая справка» и, наконецъ, «археологическая справка» ⁴⁾. Сущность «дипломатической справ-

¹⁾ Кромѣ указанныхъ въ текстѣ сторонниками этого взгляда были Полевой, Морошкинъ и въ настоящее время г. Владимірскій-Будановъ и—отчасти, по отношенію къ пространному тексту,—Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, Сиб., 1892, стр. 219).

²⁾ Въ примѣчаніяхъ къ переводу „Опыта исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ Рейца (М., 1836), стр. 391.

³⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 153. Этотъ взглядъ развитъ г. Ключевскимъ см. его „Курсъ русской исторіи“, ч. I-я.

⁴⁾ О дипломатической и исторической справкахъ см. „Мой взглядъ на Русскую Правду“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1829 г., №№ 13—15; объ археологической справкѣ тамъ же, но особенно въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета“ за 1835 г., сентябрь, № III.

ки» заключается въ слѣдующемъ: «Правда Русская не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ съ официальными признаками достовѣрности»; «нѣтъ надобности даже повѣрять и графическіе признаки, когда знаемъ, полагаясь на слова самихъ археологовъ нашихъ, что древнѣйшій списокъ Правды новѣ двумя столѣтіями подлинника, неизвѣстнаго никому въ цѣломъ свѣтѣ»; невѣроятно, чтобы на зарѣ христіанства и книжнаго ученія проявились такіе успѣхи въ письменности, примѣры которыхъ нельзя видѣть на западѣ. «Историческая справка» Каченовскаго сводится къ указаніямъ на то, что новгородская торговля въ XI вѣкѣ была невозможна: новгородцамъ, окруженнымъ только полудикими финнами, не съ кѣмъ было торговать, нечѣмъ и нечего было получать въ обмѣнъ на свои товары; затѣмъ Каченовскій отрицаетъ возможность существованія въ Новгородѣ городского общества, «въ смыслѣ собранія людей, занимающихся торговлею, заботящихся о сохраненіи муниципальных правъ своихъ и преимуществъ»: некому было дать Новгороду эти права, да и невозможна такая степень гражданской зрѣлости въ то время, чтобы понадобились писанные законы. Наконецъ, «археологическая справка» состоитъ въ критическомъ разборѣ отдѣльных словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ. Мы не будемъ приводить всѣхъ замѣчаній основателя скептической школы, ограничимся лишь нѣкоторыми: въ XI в. Русью называлась южная Русь, а русинами южно-русы, а не новгородцы; новгородцы же впервые названы русинами лишь въ 1188 г., въ привилегіи императора Фридриха I Любеку; слѣдовательно, слово «русинъ» въ Русской Правдѣ — анахронизмъ; законъ о присягѣ истца, посредствомъ которой онъ получаетъ долгъ съ купца, съ одной стороны, противорѣчитъ положенію, что при займѣ должны быть свидѣтели, съ другой, представляетъ вопіющую нелѣпность: въ такомъ случаѣ никто не могъ бы чувствовать себя въ безопасности: стоило недобросовѣстному человѣку присягнуть, чтобы съ cadaго взять деньги, никогда не бывшія предметомъ займа; постановленія объ уплатѣ долга сначала князю, потомъ гостямъ — иностранцамъ, наконецъ своимъ соотечественникамъ встрѣчаются еще въ договорахъ Смоленска и Новгорода съ нѣмцами; «не можетъ быть, чтобы Русская Правда учила нѣмцевъ наукѣ о торговлѣ»; названія должностныхъ лицъ, какъ ябетникъ, мечникъ, металъникъ, — недостовѣрны, такъ какъ нигдѣ кромѣ Правды не встрѣчаются.

Въ свое время Погодинъ¹⁾ представилъ рядъ возраженій на

¹⁾ Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. I, Москва, 1846, стр. 233—256.

замѣчанія Каченовскаго. Онъ доказывалъ прежде всего достовѣрность Правды тѣмъ, что ея содержаніе соотвѣтствуетъ положенію Руси въ то время и не противорѣчитъ другимъ даннымъ, представляетъ общее сходство съ законами родственныхъ народовъ, «выводится самымъ естественнымъ образомъ а priori изъ первоначальныхъ отношеній русскаго общества», наконецъ, «является въ употребленіи и въ слѣдующихъ узаконеніяхъ». Погодинъ считаетъ неубѣдительною «дипломатическую справку» Каченовскаго: вѣдь ни одно древнѣйшее законодательство, какому бы народу оно ни принадлежало, не дошло въ подлинникѣ или спискахъ съ оффиціальными признаками достовѣрности; письменность на Руси, по Погодину, должна была развиваться рано, подъ влияніемъ христіанства и главнымъ образомъ того обстоятельства, что Библія была переведена на славянскій языкъ. Безъ труда опровергаетъ Погодинъ и «историческую справку»: легко доказываетъ возможность и дѣйствительность торговли и справедливо замѣчаетъ, что въ Русской Правдѣ нѣтъ и рѣчи о городскомъ обществѣ съ муниципальными правами. Мы можемъ теперь прибавить еще, что не имѣетъ значеніе и замѣчаніе Каченовскаго о невозможности писанныхъ законовъ въ то время: вѣдь Русская Правда вовсе не писанный законъ, а частный юридическій сборникъ, хотя и имѣвшій, несомнѣнно, практическое значеніе. Намъ нѣтъ необходимости долго останавливаться на разборѣ «археологической справки» у Погодина; замѣтимъ только, что онъ справедливо доказываетъ, что слово «русь» должно было быть извѣстнымъ въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ. Впрочемъ при современномъ скептическомъ отношеніи изслѣдователей къ знаменитому лѣтописному тексту, говорящему объ уставѣ, данномъ именно Новгороду, и при взглядѣ на Правду, какъ на частный сборникъ, не имѣютъ совершенно значенія замѣчанія Каченовскаго о времени, когда новгородцы стали называться русинами: нѣтъ никакой необходимости приурочивать происхожденіе Русской Правды именно къ Новгороду. Присяги истца при тяжбѣ о займѣ купца не было: присягалъ въ этомъ случаѣ отвѣтчикъ¹⁾: этимъ совершенно устраняются замѣчанія Каченовскаго по этому поводу. Незачѣмъ и говорить о томъ, что Правда не могла быть «ручною книгою для нѣмцевъ по наукѣ о торговлѣ»: постановленія о порядкѣ удовлетворенія требованій при несостоятельности должны были необходимо сложиться при существованіи внѣшней торговли, да и нѣтъ необходимости признавать статью «о долзѣ» оригинальною: она могла создаться и подъ иностраннымъ

¹⁾ Такъ слѣдуетъ понимать 44-ю статью Троицкаго списка.

вліяніємъ. Наконецъ, сомнѣнія Коченовскаго по поводу ябетника, мечника, металника и пр. слишкомъ голословны, чтобы нуждаться въ мотивированномъ опроверженіи.

Скептическая школа давно уже представляетъ собою пройденную ступень въ развитіи русской исторіографіи; было время, когда воззрѣнія скептиковъ вызывали страшное негодованіе и запальчивыя возраженія; теперь мы можемъ спокойно и безпристрастно сопоставить доводы обѣихъ сторонъ и должны признать, что истина на сторонѣ противниковъ скептицизма. Это не умаляетъ, конечно, исторической заслуги Коченовскаго и его послѣдователей, давшихъ толчокъ критическому изслѣдованію источниковъ древнѣйшей русской исторіи ¹⁾.

II.

По установившемся въ ученой литературѣ общепринятому взгляду, слѣдуетъ различать два основныхъ текста Русской Правды—краткій и пространный; послѣдній раздѣляется еще на нѣсколько редакцій. Для изученія происхожденія Русской Правды въ высшей степени важно опредѣлить взаимныя отношенія различныхъ ея редакцій. И этотъ вопросъ не былъ оставленъ безъ вниманія изслѣдователями нашего источника.

Относительно краткой редакціи сначала существовалъ взглядъ, что она—сокращеніе пространной. Такъ думали Карамзинъ ²⁾ и Розенкампфъ ³⁾. Мнѣніе это лишало краткій текстъ Русской Правды всякаго самостоятельнаго значенія и дѣлало невозможнымъ хоть какое-либо, даже приблизительное и неполное, восстановление исторіи текста источника и изображеніе послѣдовательнаго развитія правовыхъ институтовъ въ эпоху дѣйствія Русской Правды. Изслѣдователи нашего источника скоро стали приходить къ убѣжденію, что взглядъ Карамзина и Розенкампфа ошибоченъ. Уже Эверсъ выразилъ увѣренность, что краткій текстъ—древнѣйшій и самостоятельный, именно потому, что онъ кратокъ; въ немъ нѣтъ, напримѣръ, законодательства о наслѣдствѣ, какъ и въ законахъ Дракона: «доколѣ имущество во всей своей совокупности остается собственностью племени или семейства, дотолѣ

¹⁾ Ср. замѣчанія г. *Иконникова*: „Опытъ русской исторіографіи“, томъ первый, книга первая, Киевъ, 1891, стр. 80—82.

²⁾ *Исторія Государства Россійскаго*, изд. 5, Эйнерлинга, книга I, томъ II, прим. 65.

³⁾ *Обозрѣніе Кормчей Книги въ историческомъ видѣ*. Москва, 1829, стр. 221.

законы наслѣдства бывають совершенно излишни»¹⁾). Затѣмъ, по Тобину, система и простота краткой Правды, несмотря на всю ея краткость, доказываютъ ея самостоятельность и говорятъ противъ фрагментарности²⁾. Погодинъ приводилъ слѣдующія доказательства того же взгляда: 1) Русская Правда по тексту, типическимъ представителемъ котораго является Академическій списокъ, отличается краткостью, а краткость—признакъ древности; 2) если бы краткій текстъ былъ сокращеніемъ или отрывкомъ, то въ немъ было бы только *одно* заглавіе (именно «Правда Росская»³⁾), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ есть еще *второе* заглавіе («Правда оуставлена Роуськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микфоръ Кьянинъ, Чюдинъ, Микула»⁴⁾); 3) краткій текстъ нельзя считать отрывкомъ и потому, что въ немъ нѣтъ статей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ предполагаемомъ полномъ текстѣ Русской Правды (т.-е., по Карамзину, въ Синодальномъ списокѣ); 4) наконецъ, онъ—не сокращеніе, потому что не обнимаетъ *всѣхъ* статей Синодальнаго списка⁵⁾. Эти доводы Погодина приняты Калачовымъ, однакоже они далеко не достаточны: краткость сама по себѣ не можетъ еще служить доказательствомъ древности: она можетъ проистекать именно изъ желанія представить сокращеніе или отрывокъ полнаго текста; точно также два заглавія вмѣсто одного свободно могъ поставить и сократитель; третій доводъ тоже не доказателенъ, ибо составитель, желая представить лишь отрывокъ, могъ сократить вмѣстѣ съ тѣмъ статьи, отчего и могла произойти разница въ ихъ видѣ; притомъ невѣрно, будто бы ни одна статья Академическаго списка не сходна вполне ни съ одной статьей Троицкаго или Синодальнаго списковъ; такъ сходны, даже тождественны между собою 4-я

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, перев. Платонова, Спб., 1835, стр. 304—306. Оригинально, хотя едва ли вѣрно, мнѣніе Бѣляева о причинахъ отсутствія постановленій по гражданскому праву въ древнѣйшемъ текстѣ: причины заключаются въ томъ, что при Владимирѣ и Ярославѣ въ области гражданского права дѣйствовалъ Законъ Судный Людемъ. (Лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1888, стр. 182).

²⁾ Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, B. I, Dorpat, 1844, S. 20—21.

³⁾ Калачовъ. Текстъ Русской Правды, стр. 1.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 3, послѣ 17-ой статьи.

⁵⁾ Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 370—371.

статья Академического списка, 17-я ¹⁾ Синодального и 18-я Троицкаго, трактующія объ ударѣ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой; точно также 8-я статья Академического списка, 18-я Синодального и 19-я Троицкаго, въ которыхъ говорится о наказаніи за покушеніе ударить мечемъ; такое же тождество по содержанию и формѣ представляютъ статьи 11-я Академического списка, 26-я Синодального и 27-я Троицкаго, содержащія постановленія о карѣ за ѣзду на чужомъ конѣ безъ спроса хозяина. При желаніи, можно бы увеличить число примѣровъ. Наконецъ, хотя краткій текстъ и не заключаетъ въ себѣ *всѣхъ* статей пространнаго, но могъ быть сокращеніемъ послѣдняго, ибо, сокращая, составитель краткой редакціи могъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выбросить нѣкоторыя статьи. Такимъ образомъ доказательства, приводимыя Погодинымъ, не рѣшаютъ еще вопроса.

Послѣдней попыткой его рѣшенія въ томъ же направленіи были соображенія г. Сергѣевича, доказывавшаго, что первыя семнадцать статей краткихъ списковъ—самыя древнія; это по его мнѣнію, видно изъ того, что, во-первыхъ, «въ этихъ семнадцати статьяхъ мы находимъ всего болѣе указаній на право мести», во-вторыхъ, вмѣсто денегъ въ нихъ говорится—«скотъ», въ третьихъ, при выкупахъ не обращается вниманія на общественное положеніе убитаго ²⁾). Послѣднее, какъ увидимъ ниже, вопросъ спорный, но первыя два замѣчанія названнаго изслѣдователя довольно убѣдительны, хотя нельзя сказать, чтобы онъ исчерпалъ всѣ возможныя доказательства отстаиваемаго имъ мнѣнія.

Въ самостоятельности и большей древности краткаго текста Русской Правды сравнительно съ пространнѣе были убѣждены, хотя и не пытались доказать свое убѣжденіе, также г. Дювернуа ³⁾, Бѣляевъ ⁴⁾, Поповъ ⁵⁾ и Грыцько ⁶⁾. Любопытны замѣчанія двухъ послѣднихъ изслѣдователей, что краткая Правда—не законодательная, а частная; Поповъ доказываетъ это тѣмъ, что въ ней встрѣчаются добавленія изъ новыхъ статей, не представляющія цѣлаго, а также пропуски нѣкоторыхъ частныхъ постановленій Ярослава: «такъ статья объ урокахъ вирнику стоять

¹⁾ Нумерація статей Синодального списка произведена примѣнительно къ нумераціи статей списка Троицкаго въ „Текстъ Русской Правды“ Калачова.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, часть I, Спб., 1883, стр. 170—171.

³⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 48.

⁴⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 181.

⁵⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

⁶⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ Калачова, книга 5, 1863, стр. 114.

въ прибавленіи сыновей Ярослава, между тѣмъ въ ней говорится: а се покони вирнии были при Ярославѣ¹⁾; въ Правдѣ Владимира Мономаха тоже встрѣчается указаніе на статью Ярослава: если холопъ ударить, то убить его²⁾; а въ краткой Правдѣ это измѣнено уже согласно съ рѣшеніемъ сыновей Ярослава³⁾. По мнѣнію Грыцько, Академическій списокъ и сходные съ нимъ «есть не что иное, какъ выписка постановленій, бывшая въ практическомъ употребленіи у какого-нибудь чиновника временъ Ярослава и сыновей его, — выписка, сдѣланная изъ полной Правды Ярослава и приписанныхъ къ этой Правдѣ, послѣ ея изданія частныхъ рѣшеній князей до изданія полного свода Изяславомъ⁴⁾. Оставляя въ сторонѣ мнѣніе Грыцько объ официальномъ прототипѣ краткаго текста, нельзя не видѣть въ замѣчаніяхъ обоихъ изслѣдователей новаго довода въ пользу того, что Русская Правда — частный сборникъ.

Чѣмъ внимательнѣе будемъ мы сравнивать между собою оба основныхъ текста нашего источника, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что краткая редакция — древнѣйшая и самостоятельная, а не сокращеніе и не отрывокъ пространной. Въ спискахъ первой редакціи Калачовъ нашель четыре статьи (2-я, 17-я, 18-я и 20-я статьи Академическаго списка), соотвѣтствующихъ которымъ нѣтъ въ спискахъ другихъ редакцій⁵⁾. Допустимъ даже, что вторая статья Академическаго списка вмѣстѣ съ 28-й сведены въ одну 22-ую Синодальнаго списка (23-ю Троицкаго, 24-ю Карамзинскаго, 2-ю списка князя Оболенскаго) — во всѣхъ этихъ статьяхъ рѣчь идетъ о доказательствахъ при побояхъ; — что, далѣе, 18-я статья Академическаго списка вошла въ содержаніе первой статьи Синодальнаго (1-й Троицкаго, 1-й Карамзинскаго, 1-й князя Оболенскаго) — всѣ трактуютъ о наказаніи за убійство; — наконецъ, что 20-я статья краткой редакціи отнесена къ 35-й статьѣ Синодальнаго списка (36-ой Троицкаго, 37-й Карамзинскаго, 13-й списка князя

1) Троицкій списокъ, статья 7-я; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

2) Троицкій списокъ, статья 58-я; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

3) Академическій списокъ, статья 16-я: „да бьютъ его“; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 25. Другіе изслѣдователи впрочемъ полагаютъ, что „бить“ надо понимать здѣсь въ смыслѣ „убить“, и это, кажется, вѣрнѣе объясненія Попова, такъ какъ краткая Правда не имѣетъ слѣдовъ передѣлокъ.

4) Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, книга 5, Спб., 1863, стр. 117.

5) Калачовъ, Текстъ Русской Правды, Москва, 1847, таблица статей разныхъ редакцій въ концѣ изданія.

Оболенскаго); все-таки эти соображенія не могутъ ослабить приведенный доводъ, такъ какъ, допуская даже ихъ справедливость, нельзя признать краткую редакцію сокращеніемъ или отрывкомъ другихъ, т. е. редакцій пространнаго текста: вѣдь никакому сократителю, преслѣдующему цѣли краткости и простоты, не могла притти въ голову мысль дробить статьи сокращаемаго текста на нѣсколько каждую, т. е. увеличивать число статей, другими словами совершать работу, прямо противоположную своимъ видамъ. Кромѣ того 17-ю статью Академическаго списка уже никакъ нельзя вдвинуть въ содержаніе какой бы то ни было статьи пространной Правды: въ послѣдней нигдѣ не говорится о юридическихъ послѣдствіяхъ того казуса, когда кто-либо «изломить копые, любо щить, любо портъ».

Такимъ образомъ очевидно, что въ первой редакціи есть статьи, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ въ пространныхъ редакціяхъ, или которыя сведены въ другихъ въ одну статью. Къ этому наблюденію можно присоединить другое: нѣтъ полного соответствія въ порядкѣ статей между краткой редакціей и пространными: такое соответствіе существовало бы и притомъ было бы полнымъ и точнымъ, будь краткій текстъ сокращеніемъ пространнаго. Присмотримся теперь ближе къ различіямъ въ содержаніи между статьями краткой Правды и имъ соответствующими въ Правдѣ пространной; въ результатѣ получатся слѣдующія наблюденія: 5-я статья Академическаго списка содержитъ постановленіе о томъ, что за отсѣченіе руки назначается 40 гривенъ пени, и затѣмъ прибавлено: «аще будетъ нога цѣла или начнетъ хромати, то чада смирать». Этой статьѣ соответствують въ Синодальномъ спискѣ 20-я, въ Троицкомъ 21-я, въ Карамзинскомъ 22-я, опредѣляющія за отсѣченіе руки, ноги и порчу глаза полувирью—20 гривенъ и «за вѣкъ» (т. е. за увѣче) потерпѣвшему 10 гривенъ. Наказаніе за вышеуказанное преступленіе не могло быть сначала ниже, а потомъ выше: способность человѣка къ труду въ болѣе древнее время всегда цѣнится дороже, чѣмъ въ позднѣйшія времена. Такъ и въ Академическомъ спискѣ она цѣнится наравнѣ съ жизнью. Но кромѣ того болѣе древность краткаго текста сравнительно съ пространнымъ доказывается еще фразой «чада смирать». Слова эти несомнѣнно указываютъ на какой-то способъ личной мести и находятся только въ спискахъ краткой редакціи: ихъ, какъ и слова 2-ой статьи Академическаго списка «оже ли себе не можетъ мстити», и имѣлъ въ виду г. Сергѣевичъ, говоря, что въ первыхъ 17-ти статьяхъ краткихъ списковъ заключается всего болѣе указаній на право мести. А такъ какъ признаніе законности личной мести составляетъ черту;

характеризующую болѣе древнее время, то отсюда ясно, что текстъ, типическимъ представителемъ котораго служить Академическій списокъ, древнѣе редакцій пространныхъ. Затѣмъ, по указанію самого пространнаго текста Правды (см. 80-ю статью Синодальнаго списка, 58-ю Троицкаго, 76-ю Карамзинскаго), 16-я статья Академическаго списка и съ нимъ сходныхъ имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ соотвѣтствующія ей статьи остальныхъ редакцій: эта 16-я статья заключаетъ въ себѣ постановленіе Ярослава о правѣ убить холопа за оскорбленіе, нанесенное имъ свободному человѣку, тогда какъ въ пространныхъ спискахъ изложено другое постановленіе по этому поводу, изданное дѣтьми Ярослава, со ссылкой на старый уставъ послѣдняго. Эта ссылка и даетъ намъ право думать, что слава «да бьютъ его» (16 статья Академическаго списка) надо понимать въ смыслѣ «да убьютъ», вопреки мнѣнію Попова¹⁾. Сравнимъ теперь 29-ю статью Академическаго списка съ 36-ой Синодальнаго (37-й Троицкаго, 38-й Карамзинскаго, 14-й списка князя Оболенскаго). Въ Академическомъ списокѣ сказано, что, если воровъ было 18, то каждый изъ нихъ платитъ 3 гривны 30 рѣзань. Это, очевидно, судебное рѣшеніе по дѣлу о воровствѣ, въ которомъ участвовало 18 человѣкъ. Въ спискахъ всѣхъ прочихъ редакцій вмѣсто «будетъ ли ихъ 18» сказано: «будетъ ли ихъ *много*»—это позднѣйшая передѣлка: случайное число 18 показалось позднѣйшему редактору или переписчику Русской Правды страннымъ, и онъ употребилъ болѣе общее выраженіе. Точно также 34-я статья Академическаго списка древнѣе 86-й статьи Синодальнаго (73-й Троицкаго, 91-ой Карамзинскаго), ибо въ этой послѣдней много подробностей, опредѣляющихъ различные платежи за разные виды лодокъ и отсутствующихъ въ краткихъ спискахъ. Переработка частнаго судебного рѣшенія въ болѣе общую форму замѣчается также при сравненіи 40-й статьи Академическаго списка, гдѣ сказано: «аже оукрадоутъ овъцоу или козоу или свинью, *а ихъ боудеть 10* одному овъцоу оукрали», съ 37-й статьей Синодальнаго (38-й Троицкаго, 39-й Карамзинскаго), гдѣ читаемъ: «аже крадетъ скоть на поли, или овци, или козы, или свинье, 60 коунъ; *будетъ ли ихъ много*, то всѣмъ по 60 коунъ». Наконецъ, также и 42-я статья Академическаго списка представляетъ болѣе древнія черты сравнительно съ 7-й статьей Синодальнаго (7-й Троицкаго, 7-й Карамзинскаго): кое-что,—напримѣръ, количество хлѣба

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что краткая правда не носитъ слѣдовъ какой-либо передѣлки. Мнѣніе Попова см. „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“, стр. 24—25.

и шена, даваемыхъ вирнику,—еще не опредѣлено точно въ спискахъ первой редакціи, что однакоже уже сдѣлано въ пространныхъ редакціяхъ Правды.

Изложенныя наблюденія, опровергнуть которыя невозможно, съ полной достовѣрностью убѣждаютъ насъ, что краткій текстъ Русской Правды древнѣе пространнаго и, слѣдовательно, составленъ независимо отъ послѣдняго.

Въ краткомъ текстѣ Русской Правды различаютъ обыкновенно двѣ части: первая 17 статей отдѣляютъ отъ остальныхъ. Главными основаніями такого дѣленія въ глазахъ изслѣдователей служатъ, во-первыхъ, два заглавія—одно въ началѣ текста, другое послѣ 17-ой статьи, во-вторыхъ, разница въ порядкѣ статей, замѣчаемая при сравненіи обѣихъ частей текста. Уже Эверсъ различалъ Правду Ярослава (первая 17 статей) и «Распространеніе Правды Ярослава сыновьями его»¹⁾; впрочемъ это дѣленіе принадлежитъ не ему, а еще Шлецеру²⁾. Его держался и Погодинъ³⁾. Изъ другихъ сторонниковъ мнѣнія объ официалномъ происхожденіи Русской Правды оригинальный взглядъ высказанъ Ланге: онъ не признаетъ и вторую половину краткихъ списковъ изданной позднѣе Ярослава; она, по его мнѣнію, составлена еще при жизни этого князя, что видно, во-первыхъ, изъ 2-ой статьи Троицкаго и Карамзинскаго списковъ, гдѣ сказано: «по Ярославѣ-же *паки* совокупившеся сынове его»; значить, былъ и первый съѣздъ, до смерти Ярослава: о немъ и говорится въ заглавіи, помѣщенномъ послѣ 17-ой статьи краткой редакціи; во-вторыхъ, то же видно изъ словъ 42-й статьи краткой редакціи: «то ти урокъ Ярославль» (т. е. теперь есть), между тѣмъ какъ въ пространномъ текстѣ (см. 7-ю статью Троицкаго списка) читаемъ: «а се покони вирни *были* при Ярославѣ⁴⁾».

Замѣтимъ, что даже съ точки зрѣнія теоріи официалнаго происхожденія Русской Правды мнѣніе Ланге не выдерживаетъ критики: слово «паки» едва ли указываетъ на то, что для одного и того-же рѣшенія сыновья Ярослава собирались два раза: при жизни отца и по его смерти; это тѣмъ болѣе невѣроятно, что, толкуя текстъ сообразно мнѣнію Ланге пришлось бы допустить въ обѣихъ случаяхъ одинаковый составъ думы князей: и въ за-

¹⁾ Древнѣйшее русское право, Спб., 1835, стр. 359.

²⁾ Изданіе Русской Правды Шлецера, Спб. 1767 г.

³⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 369.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб., 1860, стр. 7—8.

главиі передъ 18-й статьёй Академическаго списка и въ текстѣ 2-ой статьи Троицкаго одинаково упоминаются «мужи» Ярославичей, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ. Разница въ выраженіяхъ «то ти урокъ Ярославль» и «а се цокони вирниі были при Ярославѣ» объясняется именно тѣмъ, что въ пространномъ текстѣ мы встрѣчаемъ новое постановленіе о получаемомъ вирниками (см. статью 8-ю Троицкаго списка). Мы уже не говоримъ о томъ, что предположеніе о частномъ характерѣ Правды дѣлаетъ излишними всѣ тонкія и однако не вполне удачныя объясненія Ланге¹⁾. Характерно однако, что и тѣ изслѣдователи, которые склонны были считать Правду частнымъ юридическимъ сборникомъ, раздѣляли мнѣніе своихъ противниковъ о дѣленіи краткаго текста на двѣ части. Уже Поповъ, у котораго замѣтны зародыши новаго взгляда на происхожденіе нашего источника, находилъ, что первая 17 статей «составляютъ полное цѣлое, проникнутое одною мыслию» — ограничить мѣсть и ввести денежное вознагражденіе. Вторая часть краткой редакціи, по мнѣнію того же изслѣдователя, «представляетъ выборъ нѣкоторыхъ частныхъ постановленій сыновей Ярослава, но въ ней нѣтъ ни одного изъ главныхъ, а потому она не составляетъ цѣлаго, но отрывки, какъ добавленія къ первой части»²⁾. Калачовъ замѣчаетъ, что вторая половина краткаго текста, будучи частнымъ собраніемъ различныхъ постановленій, служила дополненіемъ къ первой половинѣ³⁾. Наконецъ, Дювернуа считаетъ краткую редакцію также сложившеюся изъ двухъ сборниковъ положеній для руководства суда⁴⁾. Вторая половина редакціи, второй сборникъ, по г. Дювернуа, рѣзко отличается отъ перваго по характеру: «Ярославова Правда представляетъ собою законченный и какъ цѣлое выработанный сборникъ, а Правда сыновей есть не болѣе, какъ разновременная приписка изъ княжескихъ уставовъ отдѣльныхъ положеній, касающихся того же круга предметовъ, но взятыхъ болѣею частью съ другой точки зрѣнія. Входили эти положенія въ составъ сборника и группами, и отдѣльными статьями. Указаніе на группы мы видимъ въ рядѣ статей объ убійствахъ, въ рядѣ оцѣночныхъ по-

¹⁾ Грыцько выразилъ взглядъ близкій къ мнѣнію Ланге, говоря, что краткая Правда—«выписка, сдѣланная изъ полной Правды Ярослава и приписанныхъ къ этой Правдѣ, послѣ ея изданія, частныхъ рѣшеній князей до изданія новаго свода Изяславомъ». (Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ „Архивѣ“ Калачова, книга 5, Спб., 1863, стр. 117).

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе I, разборъ взглядовъ Неймана.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 56.

ложеній за кражу разныхъ вещей. Отдѣльныя статьи перебиваютъ совершенно случайно такія группы (статья 38-я)¹⁾.

Итакъ, повидимому, изслѣдователи, какого бы мнѣнія о происхожденіи Русской Правды они ни держались, единогласно признаютъ, что древнѣйшій текстъ Правды представляетъ собою два хронологическихкихъ пласта, сначала возникъ текстъ первыхъ 17-ти статей, потомъ прочихъ. И это доказывается, какъ мы видѣли, наличностью двухъ заглавій (у изслѣдователей, признававшихъ нашъ источникъ официальнымъ законодательствомъ Ярослава), различіемъ въ самомъ содержаніи статей, наконецъ, въ системѣ ихъ расположенія. Первое доказательство въ нашихъ глазахъ не имѣетъ цѣны: признавая Правду частнымъ сборникомъ, можно допустить, что и запись Ярославовыхъ постановленій и постановленій Ярославичей могла быть произведена одновременно, хотя и подъ разными заголовками; два заглавія свободно могъ поставить редакторъ частнаго сборника. Можно ли считать важнымъ для рѣшенія вопроса о томъ, изъ двухъ ли сборниковъ составила краткая правда, или она представляетъ собою одинъ сборникъ, соображеніе, что содержаніе статей обѣихъ половиць текста различно? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный: различіе въ содержаніи обуславливается вовсе не тѣмъ, что были два разныхъ сборника, а скорѣе тѣмъ, что занесенныя во вторую половину краткаго текста постановленія принадлежатъ позднѣйшему времени. Вѣдь, повторяемъ, ничто не даетъ намъ права думать, что Ярославовы постановленія записаны его современникомъ, а рѣшенія его сыновей—лицомъ, при нихъ жившимъ и притомъ позднѣе, чѣмъ «судъ Ярослава». Наконецъ, указываютъ, что такъ называемая «Ярославова Правда»—законченное цѣлое²⁾, что въ основу расположенія статей въ ней положено стремленіе къ точному порядку: сначала идутъ статьи о нарушеніи личныхъ правъ—убійствѣ, панесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ,—потомъ о нарушеніи правъ собственности—неправильномъ пользованіи чужой собственностью, законныхъ способахъ возвращенія своей собственности изъ чужихъ рукъ, поврежденіи чужой собственности³⁾. Такой цѣльности и систематичности не видятъ во 2-ой части краткаго текста. Этотъ доводъ, повидимому, серіознѣе: указанная разница какъ будто свидѣтельствуетъ, что у составителя первой половины текста были иныя цѣли и иной

1) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 73.

2) Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22; Дювернуа, Источники права и судъ древней Россіи, стр. 72—73.

3) Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7.

планъ, чѣмъ у составителя второй, а это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что было два составителя, т. е. и два сборника. Но если внимательно присмотрѣться къ системѣ расположенія статей въ обѣихъ половинахъ краткихъ списковъ, то придется значительно ограничить, если даже не совсѣмъ уничтожить, тотъ контрастъ между ними, на который обыкновенно указываютъ: система статей въ первой половинѣ текста вовсе не строго выдержана: Лапге ¹⁾ справедливо указалъ, что 16-я статья—объ ударѣ холопомъ свободнаго человѣка—нарушаетъ предполагаемый планъ; точно также 10-я и 15-я статьи Академическаго списка близко родственны между собою по содержанію—обѣ трактуютъ о способахъ возвращенія своего «челядина»,—однако онѣ раздѣлены между собою рядомъ статей; съ другой стороны, и во-второй половинѣ краткаго текста сначала говорится о нарушеніи личныхъ правъ (статьи 18—24 Академическаго списка), потомъ о нарушеніи правъ имущественныхъ. Конечно, и здѣсь попадаются отступленія, отъ этого порядка, на примѣръ вставка двухъ статей (31 и 32 Академическаго списка) о мукѣ между постановленіями о кражѣ—38-ую статью (объ убійствѣ татя) мы не принимаемъ въ счетъ, такъ какъ, при слабомъ развитіи систематизаторской работы и при группировкѣ статей по чисто-внѣшнимъ признакамъ, неудивительно, что составитель краткой редакціи помѣстилъ ее между статьями о татѣбѣ,—но вѣдь и въ первой половинѣ текста есть такія отступленія и притомъ въ неменьшемъ количествѣ. Вообще мнѣніе о болѣе систематичности и цѣльности первыхъ 17-ти статей, скорѣе всего, простой результатъ традиціи,—переживаніе стараго взгляда на эти статьи, какъ законодательство Ярослава, «при всей своей краткости, совершенно достаточное по тѣмъ временамъ» ²⁾.

Въ пользу мнѣнія о томъ, что краткій текстъ Русской Правды сложился изъ двухъ сборниковъ, составленныхъ въ разное время и разными лицами, можно, какъ намъ кажется, выставить еще два доказательства, болѣе серьезныхъ, чѣмъ разобранныя выше: первое заключается въ томъ, что Русская Правда, будь она даже и частнымъ сборникомъ, несомнѣнно предназначалась для пракческаго употребленія; слѣдовательно, въ ней едва ли нашли бы мѣсто отжившія правовыя нормы: очевидно, значить, что постановленія о мести и пр. записаны въ сборникъ еще тогда, когда они дѣйствовали, т.-е. былъ сборникъ, составленный еще при

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7.

²⁾ Слова Эверса, Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, стр. 356.

Ярославъ; этотъ доводъ опровергается однако тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ пространной Правдѣ также помѣщены постановленія Ярослава, потерявшія уже дѣйствительную силу: ясно, что практическая цѣль сборниковъ не мѣшала присоединенію статей, имѣвшихъ только историческое значеніе. Второе возможное доказательство разбираемаго мнѣнія состоитъ въ указаніи на повтореніе статьи о «кровавомъ мужѣ» (см. Академическій списокъ, ст. 2-я и 28-я): если не было двухъ сборниковъ, то зачѣмъ было повторять эту статью? Это недоумѣніе разрѣшается очень просто: стоитъ только сравнить 2-ю и 28-ю статьи Академическаго списка, чтобы убѣдиться, что между ними есть существенное различіе, что вторая статья вовсе не простое повтореніе первой: въ ней именно уничтожено право мести за удары до синяковъ и крови, существовавшее при Ярославѣ. Надо думать, что это нововведеніе Ярославичей и послужило для составителя краткой редакціи поводомъ къ внесенію статьи «о кровавомъ мужѣ» во вторую половину текста, содержащую постановленія этихъ князей.

Итакъ мнѣніе о возникновеніи извѣстнаго намъ краткаго текста Русской Правды изъ двухъ сборниковъ построено на шаткихъ основаніяхъ, и едва ли возможно найти убѣдительныя доказательства справедливости этого взгляда. Противъ него говоритъ то весьма важное обстоятельство, что изъ всего того множества списковъ Русской Правды, которое до насъ дошло, нѣтъ ни одного, заключающаго въ себѣ только 17 первыхъ статей краткаго текста. Пока такого списка не будетъ отыскано—а мы убѣждены, что его никогда и не существовало,—до тѣхъ поръ *opus probandi* будетъ лежать на сторонникахъ мнѣнія о происхожденіи краткой редакціи изъ двухъ сборниковъ.

Чтобы покончить съ краткимъ текстомъ Русской Правды, намъ остается остановиться еще на двухъ вопросахъ — о времени и мѣстѣ его возникновенія.

По отношенію къ этимъ вопросамъ между всѣми изслѣдователями Правды, ставившими себѣ задачей ихъ разрѣшеніе, существуетъ полное согласіе. Всѣ тѣ изслѣдователи, которые считали Русскую Правду официальнымъ законодательствомъ Ярослава и его сыновей, естественно, относили происхожденіе краткаго текста къ XI вѣку и полагали, что этотъ законодательный актъ относится къ Новгороду, хотя потомъ былъ распространенъ въ своемъ дѣйствіи на всю Русь. Наиболѣе ясное выраженіе этотъ взглядъ нашелъ себѣ у Неймана¹⁾, Погодина и Бѣляева. По-

¹⁾ Въ *Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands*, Dorpat, 1830.

слѣдніе два изслѣдователя не ограничились догматическимъ утверженіемъ, а пытались представить и доказательства. Что Русская Правда относится ко времени Ярослава,—это, по Бѣляеву, доказывается, во-первыхъ, заглавіемъ—«Судъ Ярослава», во-вторыхъ, свидѣтельствомъ лѣтописей, въ третьихъ, соответствіемъ содержанія Правды духу времени: различаются русинъ, варягъ, славянинъ, что не могло быть позднѣе дѣтей Ярослава¹⁾. Доводами въ пользу того, что «этотъ законъ написанъ первоначально въ Новгородѣ», служатъ слѣдующія замѣчанія Погодина: въ 1-й статьѣ сказано: «аще боудеть роусинъ... любо словенинъ»; «словеннами назывались только новгородцы, и имя это извѣстно было только въ Новгородѣ; въ Кіевѣ были бы упомянуты поляне, въ Черниговѣ сѣверяне и т. п.»; затѣмъ—«Русская Правда встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ»²⁾. По поводу аргументаціи Погодина нѣсколько важныхъ критическихъ замѣчаній сдѣлалъ Калачовъ: слова о «словенинѣ» и «русинѣ» «въ предложеніи, составленномъ, очевидно, изъ частныхъ практическихъ случаевъ, не могутъ быть признаны достаточнымъ доказательствомъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ читается вмѣсто словянинъ—селянинъ, а вмѣсто русинъ—горожанинъ»; съ другой стороны невѣрно, что Русская Правда встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ, «ибо краткій списокъ, о которомъ говоритъ авторъ, извѣстенъ намъ только по двумъ лѣтописямъ XV вѣка, совершенно сходнымъ между собою и, можетъ быть, списаннымъ съ одного подлинника, между тѣмъ какъ Татищевъ нашелъ его съ дополненіями въ Ростовской лѣтописи, а списокъ XIII в. встрѣчается только въ Кормчихъ и Сборникахъ, изъ коихъ многіе писаны не въ одномъ Новгородѣ». Впрочемъ, критикуя доказательства Погодина, Калачовъ оговаривается, что не имѣлъ въ виду отрицать возможность составленія краткой Правды въ Новгородѣ, а хотѣлъ лишь указать на недостаточность разбираемыхъ доводовъ³⁾. Полевой также признавалъ за краткимъ текстомъ древнее происхожденіе и считалъ Правду собраніемъ, составленнымъ въ Новгородѣ разными посадниками и въ разные сроки⁴⁾. Изъ другихъ сторонниковъ мнѣнія о томъ, что Правда не была законодательствомъ Ярослава, мы должны остановиться на Поповѣ

1) Лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1888, стр. 178.

2) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, стр. 366—367.

3) См. разборъ взглядовъ Погодина въ «Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ для полнаго объясненія Русской Правды», отдѣленіе первое.

4) Исторія Русскаго Народа. т. I.

и г. Дювернуа. Поповъ полагалъ, что сначала существовали частные сборники «въчевыхъ или думскихъ рѣшеній подѣ предсѣдательствомъ князей», составленные въ разныхъ мѣстахъ и потому неполные. Однимъ изъ такихъ сборниковъ была Правда новгородская. «Разматривая ея содержаніе, можно заключить, что она составлена во времена сыновей Ярославовыхъ, ибо въ ней нѣтъ многихъ имъ принадлежащихъ законовъ и ни одного изъ законовъ Владимира Мономаха»¹⁾. У г. Дювернуа, наконецъ, мы встрѣчаемся съ попыткой болѣе обстоятельнаго обоснованія взгляда, что древнѣйшая редакція Правды имѣла мѣстное, новгородское значеніе—по крайней мѣрѣ первоначально: онъ повторяетъ первое доказательство Погодина (о русинѣ и словенинѣ), принимаетъ и второй его доводъ и кромѣ того присоединяетъ три своихъ: лѣтопись говоритъ, что Правда дана Новгороду; это подтверждается и статьями, не ограничивающимися Новгородомъ (слѣдующими за 17-й статьей Академическаго списка): «необходимость сдѣлать на югѣ такъ близко ко времени Ярослава перемѣны противъ Ярославовой Правды служить указаніемъ, что она возникла именно не на югѣ»; за это же говоритъ, наконецъ, большее сравнительно съ другими развитіе новгородской общины²⁾.

Мы имѣли уже случай указать выше на разрушительную критику лѣтописныхъ извѣстій о Правдѣ у Розенкампа, Попова и Калачова; послѣ ихъ замѣчаній не имѣютъ значенія въ вопросѣ о времени происхожденія нашего источника никакія ссылки на свидѣтельство лѣтописей. Лишено важности и замѣчаніе Бѣляева о заглавіи «Судъ Ярослава», приводимое имъ въ доказательство того, что Русская Правда относится ко времени Ярослава: въ первыхъ заглавіе «Судъ Ярославъ Володимѣричъ» помѣщено только въ спискахъ пространнаго текста (см., напримѣръ, Троицкій), въ краткихъ же спискахъ находится только заголовокъ: «Правда Росьская», такъ что это указываетъ, что составитель краткой редакціи сознавалъ неправильность мнѣнія о принадлежности всего, занесеннаго имъ въ свою рукопись, Ярославу; это чрезвычайно характерно, такъ какъ служитъ подтвержденіемъ мысли, что дошедшій до насъ краткій текстъ Правды не сложился изъ двухъ разновременныхъ сборниковъ, и лишній разъ убѣждаетъ насъ въ необходимости отрицательно относиться къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ о Русской Правдѣ: слова лѣтописателя находятся въ противорѣчьи не только съ приводимымъ имъ тек-

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 29.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 61—62.

стомъ нашего источника, но и съ взглядами составителя этого текста: очевидно, лѣтописатель и первый редакторъ краткой Правды—разные люди; во-вторыхъ, доводъ Бѣляева несостоятеленъ еще потому, что, даже при наличности указываемаго имъ заголовка, не было бы основанія утверждать, что частный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ краткой Правды, возникъ при Ярославі: самое большее, что можно и должно вывести изъ факта существованія въ краткой редакціи Ярославовыхъ постановленій, заключается въ томъ, что эта редакція не могла возникнуть до Ярослава. Остается третій доводъ Бѣляева—соотвѣтствіе содержанія Правды духу времени, но онъ самъ признаетъ, что это доказательство свидѣтельствуеетъ только, что краткій текстъ не могъ составиться *позднѣ сыновей Ярослава*, а не самого его. Итакъ, пока не доказано существованіе сборника, содержащаго постановленія, которыя относятся только ко времени одного Ярослава, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ никакихъ основаній относить возникновеніе краткой редакціи къ его княженію. Наличность постановленій Изяслава съ братьями несомнѣнно указываетъ, что краткая Правда образовалась не раньше 1054 года. Опредѣливъ *terminus a quo*, намъ остается еще указать на *terminus ante quem*. Въ этомъ отношеніи цѣнно мнѣніе Попова, отмѣчающаго, что въ краткомъ текстѣ нѣтъ постановленій Мономаха и нѣкоторыхъ рѣшеній Ярославичей. Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ краткую редакцію нельзя считать ни сокращеніемъ, ни отрывкомъ пространнаго текста, то и отсутствіе этихъ постановленій нельзя объяснить произволомъ составителя первой редакціи. Они не помѣщены, слѣдовательно, потому, что еще не были готовы въ эпоху составленія краткаго текста. Что дѣйствительно не всѣ «уставы» Изяслава съ братьями вошли въ составъ краткихъ списковъ,—это видно изъ слѣдующаго примѣра: 58-я статья Троицкаго списка (76-я Карамзинскаго, 80-я Синодальнаго) читается слѣдующимъ образомъ: «а се аже холопъ оударитъ свободна мужа, а оубѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити дань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ, аче и кдѣ налѣзетъ оударенны ть своего истъця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на кунны, любо бити и развязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ;» въ Академическомъ списокѣ мы не находимъ того постановленія сыновей Ярослава, которое отмѣчено въ этой статьѣ: въ 16-й статьѣ Академическаго списка помѣщено только постановленіе самого Ярослава. Этотъ примѣръ важенъ еще потому, что даетъ основаніе для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда былъ составленъ краткій текстъ: тутъ, очевидно, идетъ рѣчь о

постановленіи по крайней мѣрѣ трехъ старшихъ Ярославичей, которые *вмѣстѣ* правили русской землею до 1073 г., когда Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева братьями. Такимъ образомъ краткій текстъ Русской Правды поставленъ былъ до 1073 г., т.-е. въ теченіе третьей четверти XI вѣка (1054—1073 гг.).

Приведенныя выше возраженія Калачова на доказательства новгородскаго происхожденія краткой Правды, выставляемыя Погодинымъ, чрезвычайно вѣски: въ самомъ дѣлѣ, лѣтописи въ донномъ вопросѣ не заслуживаютъ довѣрія, а статья о русинѣ и словянинѣ, хотя бы даже она возникла изъ судебного рѣшенія, состоявшагося въ Новгородѣ, ничего не говоритъ въ пользу новгородскаго происхожденія цѣлаго сборника. Неубѣдительно замѣчаніе г. Дювернуа о томъ, что необходимость скорыхъ перемѣнъ въ Ярославовой Правдѣ на югѣ указываетъ на ея сѣверное происхожденіе: какое основаніе имѣемъ мы приписывать происхожденіе этихъ перемѣнъ вліянію *мстныихъ* условій, особенностей южной Руси? не вѣрнѣе ли дѣйствія условій *времени*, потребности котораго стали въ противорѣчія съ стариннымъ обычаемъ кровной мести? Не даромъ это новое рѣшеніе принадлежитъ не одному какому-либо князю съ его дружиной, но троимъ Ярославичамъ, владѣвшимъ уже, очевидно, всею Русью, въ томъ числѣ Изяславу, которому былъ подчиненъ и Новгородъ, куда имъ посланъ былъ посадникъ Остромиръ¹⁾; стало быть, и въ Новгородѣ должно было дѣйствовать постановленіе съѣзда Ярославичей съ ихъ «мужами». Остается указываемое г. Дювернуа большее сравнительно съ другими развитіе новгородской общины, но, не говоря уже о томъ, что это — косвенное доказательство, не имѣющее значенія безъ другихъ, большее развитіе новгородскаго общества относится, какъ извѣстно, къ позднѣйшему времени: первый выборный посадникъ упоминается подъ 1126 г.²⁾, выборы владыки впервые встрѣчаются подъ 1156 г.³⁾, Владимиръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ⁴⁾ и судятъ новгородцевъ въ Кіевѣ⁵⁾.

Изложенныя соображенія заставляютъ признать недоказаннымъ мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи частнаго юридическаго сборника, называемаго краткой Русской Правдой. Вообще по вопросу о томъ, гдѣ возникъ этотъ сборникъ, возможны только

1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6572 г., стр. 70-я.

2) Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей, т. III, 6634 г., стр. 5.

3) Тамъ же, 6664 г., стр. 12.

4) Тамъ же, 6628 г., стр. 5.

5) Тамъ же, 6626 г., стр. 4.

однѣ догадки, не обоснованныя прочными данными. Если признать, что Русская Правда составилаь подъ вліяніемъ потребностей духовнаго суда, редактирована духовными лицами, то самой вѣроятной догадкой окажется въ такомъ случаѣ предположеніе, что краткій текстъ составленъ былъ въ Кіевѣ, этою центрѣ духовной юрисдикціи, бывшемъ мѣстопребываніемъ верховнаго іерарха русской церкви. Это, конечно, не исключаетъ возможности того, что на многихъ постановленіяхъ лежитъ мѣстный, въ томъ числѣ и новгородскій, колоритъ: записаны были законы, обычай и судебныя рѣшенія, имѣвшіе мѣсто въ разныхъ областяхъ русской земли.

III.

Списки пространнаго текста Русской Правды классифицированы Калачовымъ. Въ «Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ для полнаго объясненія Русской Правды» онъ раздѣлилъ ихъ на три редакціи или фамилии: 1) списки въ Кормчихъ Кирилловскаго разряда и «Мѣрилахъ Праведныхъ», дѣлящіеся въ свою очередь на три разряда съ такими типическими представителями: первый разрядъ—Синодальный списокъ, второй—Троицкій, третій—списокъ князя Оболенскаго; 2) списки Софійскихъ Временниковъ; 3) списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей различнаго содержанія (—Пушкинскій, Погодинскій, Троицкій IV, сдѣланный Бардинымъ для Царскаго и Болтинское изданіе); эти списки сходны съ Троицкимъ, но имѣютъ лишнія статьи «о копы» и «о конѣ порченомъ», не имѣютъ статьи «о судебныхъ уроцѣхъ» и одной статьи о холопствѣ¹⁾. Въ другомъ изданіи своемъ—«Текстѣ Русской Правды»—Калачовъ нѣсколько видоизмѣнилъ свою классификацію: типическими представителями разныхъ редакцій пространнаго текста здѣсь признаны списки Троицкій (въ «Мѣрилѣ Праведномъ» конца XIV вѣка, хранящемся въ монастырской библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры), Карамзинской (находится въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Засѣцкому, а потомъ Карамзину, и относится къ XV вѣку; съ нимъ сходны списки, помѣщенные въ Софійскомъ Временникѣ) и князя Оболенскаго (находится въ Кормчей, принадлежавшей прежде князю Оболенскому и подаренной имъ московскому Архиву министерства иностранныхъ дѣлъ; это списокъ второй половины XVII вѣка; съ нимъ сходенъ лишь одинъ списокъ—въ

¹⁾ См. второе отдѣленіе „Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣній для полнаго объясненія Русской Правды“.

Кормчей, принадлежащей Императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ)¹⁾. Здѣсь справедливо оставлены безъ вниманія списки Пушкинскій, Погодинскій и прочіе имъ подобныя, такъ какъ они имѣютъ лишь незначительныя отнѣны сравнительно съ Троицкимъ и потому самостоятельной редакціи не должны составлять. Но слѣдуетъ выдѣлить въ особую редакцію Синодальный списокъ, помѣщенный въ Кормчей конца XIII вѣка, хранящейся въ библиотекѣ св. синода. Такимъ образомъ можно считать четыре редакціи пространнаго текста Русской Правды: первая представляется Синодальнымъ спискомъ, вторая Троицкимъ, къ третьей принадлежатъ списки сходныя съ Карамзинскимъ, типическимъ представителемъ четвертой служитъ списокъ князя Оболенскаго.

Исслѣдователи Русской Правды не оставили безъ вниманія важнаго вопроса о хронологической послѣдовательности и преемственной связи этихъ редакцій пространнаго текста. По мнѣнію большинства, Синодальный списокъ представляетъ собою редакцію болѣе древнюю, чѣмъ прочіе списки пространной Правды. Такого взгляда держался еще Тобинъ, указывавшій также, что статьи краткаго текста перешли въ Синодальную редакцію въ точномъ порядкѣ ихъ первоначальной системы, но перебились еще дополнительными статьями²⁾. Такъ же думалъ г. Дювернуа: онъ видѣлъ главное различіе между краткимъ и пространнымъ текстами Правды въ томъ, что первый—хронологическая редакція, а второй систематическая; допуская существованіе простѣйшихъ систематическихъ сборниковъ, чѣмъ намъ извѣстныя, г. Дювернуа все-таки считалъ древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ Синодальный списокъ. Систематизаторъ, результатомъ работы котораго явился текстъ этого списка, старался сохранить порядокъ статей Ярославовой Правды: сначала объ убійствѣ, затѣмъ о личныхъ обидахъ, объ имущественныхъ правонарушеніяхъ и обязательствахъ, возникающихъ изъ договоровъ. «По мѣрѣ накопленія новыхъ предметовъ, составитель терялъ изъ виду планъ цѣлаго сборника и заботился лишь о соединеніи ихъ въ одну группу». Статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ сначала входили въ другой какой-либо сборникъ, потомъ уже внесены въ Правду. Статья «о женѣ» образовалась позднѣе: это доказывается мѣстомъ, ею занимаемымъ. Результаты работы позднѣйшаго систематизатора

¹⁾ *Каламовъ*, Русская Правда. Четыре списка разныхъ редакцій, Москва, 1847, предисловіе.

²⁾ *Tobien*. Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. I Band. Die Prawda Russkaia, Dorpat, 1844, S. 24, 26

(см. Троицкій списокъ) заключались въ слѣдующемъ: онъ не выбросилъ отмѣненныхъ законовъ Ярослава, а лишь отмѣтилъ ихъ отмѣну (Троицкій списокъ, статьи 2-я, 7-я, 8-я, 58-я); всѣ статьи объ убійствѣ изъ обѣихъ частей краткой Правды соединены вмѣстѣ, за исключеніемъ статьи «о женѣ», очевидно, вошедшей позднѣе въ составъ Правды; при этомъ въ статьяхъ объ убійствѣ рядъ обобщеній: «вмѣсто отдѣльныхъ казусовъ общія положенія»; такъ обобщены 19-я, 20-я, 21-я, 38-я статьи Академическаго списка; статьи о личныхъ обидахъ подверглись также лучшей группировкѣ: сначала сказано объ ударѣ мечомъ не обнаженнымъ, потомъ обнаженнымъ, другимъ орудіемъ, о послѣдствіяхъ удара; наконецъ, прибавлено новое постановленіе объ ударѣ мечомъ съ послѣдствіемъ—смертью; статьи объ имущественныхъ преступленіяхъ—въ прежнемъ порядкѣ, но встрѣчаются новыя положенія о сводѣ, гдѣ новая точка зрѣнія: говорится о сводѣ уже не въ своемъ міру, а по городамъ; 29-я и 40-я статьи Академическаго списка поставлены вмѣстѣ и обобщены (нѣтъ перечисленія видовъ скота, и число лицъ—10, 18—оставлено безъ вниманія), притомъ въ основу положено свойство воровства (смотря по тому, совершенно ли оно изъ клѣти, или нѣтъ) ¹⁾.

Соображеніямъ г. Дювернуа нельзя отказать въ цѣнности и вѣрности; только какъ будто выходитъ, что и позднѣйшіе систематизаторы имѣли дѣло непосредственно съ краткимъ текстомъ, обходясь безъ посредствующихъ пособій, безъ систематизаторскихъ работъ болѣе ранняго времени. Мы полагаемъ, что, напротивъ, они имѣли дѣло съ этими первоначальными попытками сведенія статей Правды въ систему и, пользуясь ими, усовершенствовали порядокъ статей. Для того, чтобы въ этомъ отношеніи не оставалось никакихъ недоразумѣній, сравнимъ между собою редакціи списковъ Синодальнаго и Троицкаго. Сорокъ девять первыхъ статей Троицкаго списка, исключая одну—15-ую, имѣютъ себѣ точно соответствующія по содержанію 1—48 статьи Синодальнаго списка; 15-ой статьи Троицкаго списка («о поклепной вирѣ») нѣтъ въ Синодальномъ. Далѣе въ Троицкомъ списокѣ находятся двѣ статьи (50-я и 51-я), которыя въ списокѣ Синодальномъ помѣщены гораздо ближе къ концу (73-я и 74-я статьи Синодальнаго списка). Очевидно, составитель позднѣйшей редакціи имѣлъ въ рукахъ списокъ болѣе древней (Синодальной) и перенесъ эти двѣ статьи къ началу списка. Причина переноса ясна: 50-я и 51-я статьи

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 80—87.

Троицкаго списка (73-я и 74-я Синодальнаго) посвящены вопросу о несостоятельности; въ Синодальномъ списокѣ статьи эти находятся въ слѣдующемъ обществѣ: въ предшествующей имъ статьѣ (72-й) говорится «объ урокахъ ротныхъ», а въ слѣдующей за ними (75-й) идетъ рѣчь объ отвѣтственности закупа за потерю хозяйскихъ вещей, и то и другое не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію статей, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь; зато ихъ содержаніе чрезвычайно близко подходитъ къ содержанію 46—49-й статей Троицкаго списка, послѣ которыхъ онѣ тамъ и помѣщены: 46—49 статьи говорятъ о займѣ съ процентами, а занимающія насъ статьи—о несостоятельности, т. е. фактъ, имѣющемъ отношеніе къ займу. Вотъ первый примѣръ систематизаціи. Далѣе: 52-я статья Троицкаго списка вполне соответствуютъ 49-й статьѣ Синодальнаго. Очевидно, составитель Троицкой редакціи оставилъ эту статью на прежнемъ мѣстѣ, и различіе въ нумераціи статей произошло тутъ, во-первыхъ, оттого, что въ Синодальномъ списокѣ нѣтъ статьи «о поклепной вирѣ», и, во-вторыхъ, оттого, что въ Троицкомъ списокѣ, какъ мы видѣли, двѣ статьи перенесены впередъ. Затѣмъ въ Троицкомъ списокѣ помѣщены статьи (53—58-я), которыя въ Синодальномъ находятся опять гораздо ниже (75—80-я). Статьи эти, которыя содержатъ постановленія о закупѣ и о наказаніи холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку, не имѣютъ въ Синодальномъ списокѣ никакой связи ни съ предыдущими—74-я говоритъ о порядкѣ конкурса при несостоятельности,—ни съ послѣдующими—въ 81-й говорится о борти. Напротивъ въ Троицкомъ списокѣ онѣ поставлены между тѣми статьями, которыя чрезвычайно подходятъ къ нимъ по содержанію: 52-я статья Троицкаго списка трактуетъ о закупѣ, а 59-я о случаяхъ, когда послухами могутъ быть холопъ и закупъ. Вотъ новое проявленіе систематизаторскихъ цѣлей и притомъ на основѣ знакомства съ тѣмъ текстомъ, представителемъ котораго служить Синодальный списокъ. Статьи 50—58 Синодальнаго списка оставлены въ Троицкомъ на томъ же мѣстѣ. 84—95 статьи Синодальнаго списка содержатъ въ себѣ постановленія о кражѣ, мукѣ, уничтоженіи чужой собственности и процессуальныхъ особенностяхъ въ дѣлахъ объ этихъ преступленіяхъ, т. е. тутъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о преступленіяхъ, нарушающихъ имущественныя права. Въ Синодальномъ списокѣ статьи эти опять не имѣютъ никакого отношенія ни къ предыдущимъ (80-я ст. трактуетъ объ ударѣ, нанесенномъ холопомъ свободному человѣку), ни къ послѣдующимъ (96-я опредѣляетъ «урокъ городникамъ»). Что же касается Троицкаго списка, то тутъ можно уловить нѣкоторую связь: въ

предыдущихъ статьяхъ (62—66-й) говорится также о преступленіяхъ противъ имущественныхъ правъ. Конечно, эта систематизаторская попытка съ современной точки зрѣнія можетъ быть названа несовершенною, такъ какъ между перенесенными съ цѣлью систематизаціи статьями, представляющими взаимную связь, замѣшались двѣ статьи «о мѣкѣ», къ нимъ по содержанію не подходящія, но это указываетъ на невыдержанность плана, на недостатокъ систематизаціи, а не на отсутствіе ея. 83—89-я статьи Троицкаго списка стоятъ въ томъ же порядкѣ, какъ и соответствующія имъ 59—65-я Синодальнаго, оставлены безъ перемѣны мѣста. Далѣе: 96—100 статьи Синодальнаго списка, содержащія опредѣленіе уроковъ за постройку городскихъ стѣнъ и мостовъ, а также постановленія о наслѣдствѣ, опять не имѣютъ связи ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими статьями этого списка. Поэтому онѣ перенесены въ Троицкомъ списокѣ впередъ (см. 90—94 статьи Троицкаго списка) и помѣщены между статьями о наслѣдствѣ (89-й Троицкаго списка съ одной стороны и 95-й съ другой). Составитель редакціи Троицкой, очевидно, хотѣлъ соединить въ одномъ мѣстѣ всѣ статьи о наслѣдствѣ, хотя вмѣстѣ съ ними неумѣло перенесъ также статьи объ урокахъ городнику и мостнику. Наконецъ, благодаря всѣмъ предыдущимъ перестановкамъ, 66—72 статьи Синодальнаго списка оказались соответствующими 95—100-й статьямъ Троицкаго списка. Въ концѣ расположеніе статей обѣихъ редакцій одинаково: статьи 103—115 Троицкаго списка соответствуютъ 101—114 Синодальнаго.

Мы старались возстановить процессъ систематизаторской работы позднѣйшаго редактора съ цѣлью, главнымъ образомъ, убѣдиться въ томъ, что болѣе поздняя систематическая редакція (Троицкая) слагалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ не хронологической—краткой, а ранней систематической (Синодальной). Сдѣланныя наблюденія лишній разъ подтверждаютъ справедливость мнѣнія Тобина и г. Дювернуа о болѣе древности Синодальной редакціи сравнительно съ Троицкой. Того же мнѣнія держится и г. Мрочекъ-Дроздовскій¹⁾. Но Ланге высказалъ противоположный взглядъ: онъ объяснялъ отличія въ порядкѣ расположенія статей Синодальнаго списка сравнительно съ Троицкимъ тѣмъ, что «Синодальный списокъ искаженъ при перепискѣ», что «переписчикъ сначала дѣлалъ неизвѣстно съ какою цѣлью пропуски, а потомъ въ концѣ пропущенныя имъ статьи прибавилъ»²⁾. Другими сло-

¹⁾ Изсѣдованія о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. XXXVII.

²⁾ Изсѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 19.

вами, по мнѣнію Ланге, текстъ редакціи Троицкаго списка болѣе древній, составитель же болѣе новой редакціи, представителемъ которой является Синодальный списокъ, перемѣнилъ порядокъ статей. Такое объясненіе чрезвычайно натянуто, не имѣетъ прочныхъ основаній: принимая его, приходится предполагать «неизвѣстную цѣль», которую имѣлъ въ виду составитель Синодальной редакціи, дѣлая совершенно-безсмысленныя перестановки. Мы видѣли, насколько яснымъ представляется дѣло при противоположной точкѣ зрѣнія.

Обратимся теперь къ сравненію 2-ой и 3-ей редакцій пространной Правды, т. е. Троицкаго списка съ Карамзинскимъ. Различія между ними сводятся къ слѣдующему: I. Въ Карамзинскомъ списокѣ нѣтъ статьи «оуроци ротнии» (Троицкій списокъ, статья 101): II. Въ Троицкомъ списокѣ нѣтъ слѣдующихъ статей Карамзинскаго: 1. 49—65-ой, опредѣляющихъ приплодъ и приростъ на извѣстное количество скота или земледѣльческихъ продуктовъ въ теченіе 12-ти лѣтъ; 2. 18-ой статьи, гласящей: «а суднымъ кунамъ росту нѣтъ»; 3. 133-ей Карамзинскаго списка, по которой человекъ, бѣжавшій изъ извѣстной мѣстности безъ уплаты долговъ, лишается довѣрія; 4. 134-й, содержащей новгородскій уставъ «о мостѣхъ»; 5. 135-ой статьи—о мѣкѣ; всего въ Троицкомъ списокѣ недостаетъ двадцати одной статьи Карамзинскаго. III. Наконецъ, мы замѣчаемъ слѣдующія различія въ расположеніи статей: статьи 62-я и 63-я Троицкаго списка расположены въ Карамзинскомъ въ обратномъ порядкѣ: сначала помѣщена статья, соотвѣтствующая 63-ей Троицкаго списка (80-я Карамзинскаго), а потомъ соотвѣтствующая 62-ой (81-я Карамзинскаго); также въ обратномъ порядкѣ помѣщены въ Карамзинскомъ списокѣ 99-я и 100-я статьи Троицкаго списка (см. 117 и 118 Карамзинскаго).

Отсутствіе статьи о «ротныхъ урокахъ» въ Карамзинскомъ списокѣ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ это—признакъ не цѣлой редакціи списковъ, а только одного Карамзинскаго: въ другихъ спискахъ той же редакціи статья эта есть ¹⁾ и, значить, она не попала въ Карамзинскій по небрежности переписчика или по какому-либо недоразумѣнію, вообще по причинамъ случайнымъ. Слѣдовательно, такъ какъ мы изучаемъ собственно не отдѣльные списки, а цѣлыя редакціи списковъ, то и имѣемъ право оставить эту частность безъ вниманія: она не составляетъ признака, характеризующаго цѣлую редакцію. Со-

¹⁾ См. *Калачовъ*, Русская Правда, четыре списка разныхъ редакцій, Москва. 1847, примѣчаніе на стр. 39—40.

вершенно другое значеніе имѣеть то обстоятельство, что двадцать одной статьи Карамзинскаго списка нѣтъ въ Троицкомъ: это признакъ, характеризующій уже не отдѣльные списки, а цѣлыя редакціи: во *всѣхъ* спискахъ третьей редакціи пространнаго текста Русской Правды есть эти статьи, во *всѣхъ* спискахъ второй редакціи того же текста ихъ нѣтъ. Замѣчательно еще и то, что этихъ статей нѣтъ вообще *ни въ одной* редакціи Правды, кромѣ Карамзинской. Все это даетъ поводъ думать, что Карамзинская редакція относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ Троицкая. Предположеніе это подтверждается и соображеніями о порядкѣ статей. Изучая порядокъ статей Карамзинскаго списка и сравнивая его съ списками Синодальнымъ и Троицкимъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи Карамзинскій списокъ ближе къ Троицкому, чѣмъ къ Синодальному: тѣ статьи, которыя во второй (Троицкой) редакціи пространнаго текста перенесены въ другое мѣсто сравнительно съ первой (Синодальной) редакціей, находятся въ томъ же порядкѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ во второй редакціи, и въ спискахъ, типическимъ представителемъ которыхъ является Карамзинскій. Все различіе между Карамзинскимъ и Троицкимъ списками въ отношеніи порядка и нумераціи статей произошло вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, въ Карамзинскомъ списокѣ больше статей, чѣмъ въ Троицкомъ, во-вторыхъ, составитель редакціи Карамзинскаго списка проявилъ также стремленіе къ систематизаціи. Это послѣднее видно уже изъ того, какое мѣсто занимають въ Карамзинскомъ списокѣ вставныя, новыя статьи: такъ 18-я статья помѣщена между статьями, имѣющими съ ней нѣкоторую, хотя и виѣшнюю, связь по содержанію. Точно также 49—65 статьи помѣщены вслѣдъ за статьями о процентахъ, съ которыми онѣ находятся также въ тѣсной связи. Исключеніе, можетъ быть, представляютъ лишь 133-я, 134-я и 135-я статьи Карамзинскаго списка, помѣщенныя въ концѣ и не имѣющія ни между собой ни съ предшествующими статьями никакой связи. Но это, вѣроятно же всего, произошло оттого, что составитель не умѣлъ, а не нежелалъ распредѣлить ихъ въ лучшемъ порядкѣ. Нельзя не видѣть систематизаторской попытки и въ перестановкѣ 99-й и 100-й статей Троицкаго списка (100-я статья Троицкаго списка=117-й Карамзинскаго, 99-я Троицкаго=118-й Карамзинскаго), 100-я статья имѣеть отношеніе къ статьямъ о наслѣдствѣ, отъ которыхъ она отдѣлена въ Троицкомъ списокѣ 99-й статьей; составитель редакціи Карамзинскаго списка нашелъ болѣе естественнымъ связать эту статью съ статьями о наслѣдствѣ и сдѣлалъ указанную перестановку. Неясны только соображенія, по которымъ 62-я и 63-я статьи Троицкаго списка поставлены въ Карамзинскомъ въ обратномъ порядкѣ.

Какъ бы то ни было, но эти перестановки являются дополненіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ той систематизаторской работы, которая произведена составителемъ Троицкой редакціи. А если это такъ, то этимъ подтверждается предположеніе, что 3-я редакція пространнаго текста составлена позднѣе двухъ первыхъ.

Такъ какъ предшествующія страницы были посвящены вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между второй и третьей пространными редакціями Русской Правды, то здѣсь будетъ уместно указать на мнѣніе Ланге объ этомъ вопросѣ. Онъ признаетъ первую половину пространной Правды законодательствомъ Изяслава: это, по его мнѣнію, новое изданіе Ярославова законодательства съ новѣйшими дополненіями. При этомъ слѣдуетъ различать два хронологическихъ слоя: списки, сходные съ Троицкимъ, представляютъ собою первую редакцію Изяславова устава, списки же, сходные съ Карамзинскимъ,—вторую, дополненную семнадцатью статьями. Этотъ выводъ основывается на слѣдующемъ наблюдении: въ 41-й статьѣ Троицкаго списка и 43-й Карамзинскаго кобыла цѣнится въ 60 кунъ, корова въ 40 кунъ, овца въ 5 кунъ, а по 49-й, 54-й и 56-й статьямъ Карамзинскаго списка—кобыла 3 гривны, корова 2 гривны, овца 6 нагать; это указываетъ на измѣненіе цѣнности скота и заставляетъ предполагать позднѣйшее внесеніе ряда статей въ уставъ Изяслава; такъ какъ Ланге считаетъ доказаннымъ официальное происхожденіе Русской Правды, то, слѣдовательно, внесены эти статьи тоже Изяславомъ, но позднѣе ¹⁾).

Вторую половину пространнаго текста Ланге признаетъ законодательствомъ Владимира Мономаха—на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) во всѣхъ пространныхъ спискахъ находится написанное киноварью съ особыми заставками заглавіе: «Оуставъ Володимѣрь Всеволодича», 2) послѣ этого заглавія система расположенія статей иная, чѣмъ до него, 3) не могъ Владимиръ только для одного постановленія «о рѣзѣ» созвать дружину: она была создана для многихъ рѣшеній ²⁾).

Оставляя въ этомъ взглядѣ въ сторонѣ все то, что обусловлено убѣжденіемъ автора въ официальномъ характерѣ Правды, мы должны признать, что въ общемъ онъ раздѣляетъ мнѣніе о болѣе позднемъ происхожденіи Карамзинской редакціи сравнительно съ Троицкой.

Разсматривая, наконецъ, порядокъ статей въ четвертой редакціи пространной Правды, представляемой спискомъ князя Обо-

¹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7, 8 и 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 15 и 16.

ленскаго, замѣчаемъ, что онъ находится въ прямой противоположности съ порядкомъ статей въ Синодальномъ списокѣ: такъ 21—23 статьи списка князя Оболенскаго соответствуютъ 51-й, 52-й и 54-й статьямъ Синодальнаго Списка, а 19-я и 20-я статьи списка князя Оболенскаго соответствуютъ 73-й и 74-й Синодальнаго. Точно также статьи, соответствующія въ Синодальномъ списокѣ 24—33 статьямъ списка князя Оболенскаго, помѣщены въ первомъ списокѣ ниже статей, соответствующихъ 34—39 статьямъ второго (см. съ одной стороны 81-ю, 82-ю, 87—94-ю статью Синодальнаго списка, съ другой—59-ю, 60-ю, 62—65-ю того же списка). Итакъ нѣтъ никакого соответствія въ расположеніи статей между первой и четвертой пространными редакціями Русской Правды. Зато, начиная съ 8-ой статьи списка кн. Оболенскаго, замѣчается большая аналогія въ расположеніи статей между четвертой и второй (Троицкой) редакціей, если не считать, конечно, пропусковъ. Это даетъ право предполагать, что текстъ Синодальной редакціи не повліялъ непосредственно на редакцію князя Оболенскаго, и эта послѣдняя составила, всего вѣроятнѣе, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Троицкаго текста. Правда, порядокъ статей Карамзинскаго списка тоже сходенъ съ порядкомъ ихъ въ списокѣ князя Оболенскаго, но это объясняется тѣмъ, что составители 3-й и 4-й редакцій одинаково имѣли подъ руками вторую, которая и послужила имъ матеріаломъ для обработки; догадка о томъ, что составитель 4-й редакціи не пользовался третьей (Карамзинской), подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ списокѣ князя Оболенскаго не проскользнула ни одна изъ тѣхъ двадцати одной статей Карамзинскаго списка, которыхъ нѣтъ въ Троицкомъ. Есть еще одно обстоятельство, дѣлающее несомнѣннымъ выводъ, что 4-я редакція позднѣе 1-й: въ списокѣ кн. Оболенскаго есть статья «о поклепной вирѣ», которой недостаетъ въ Синодальномъ. Не можетъ быть принято и предположеніе, что 4-я редакція древнѣе второй (Троицкой): если бы это было такъ, то текстъ четвертой редакціи служилъ бы посредствующимъ звеномъ между редакціями Троицкой и Синодальной; въ порядкѣ расположенія статей между спискомъ кн. Оболенскаго и Синодальнымъ, какъ мы видѣли, нѣтъ сходства; слѣдовательно, мы должны предположить, что составитель четвертой пространной редакціи раньше составителя второй (Троицкой) или, хотя и не раньше, но совершенно независимо отъ него сдѣлалъ значительныя перемѣны въ расположеніи статей, вставилъ статью о поклепной вирѣ, измѣнилъ редакцію нѣкоторыхъ статей, наконецъ, многія (цѣлыхъ 59 статей Синодальнаго списка) выбросилъ; но, во-первыхъ, при такомъ

сокращенія въ количествѣ статей, перемѣна ихъ порядка теряетъ тотъ логическій смыслъ, который она имѣетъ, какъ мы въ этомъ убѣдились, во второй редакціи; во-вторыхъ, при столь очевидныхъ стремленіяхъ составителя редакціи списка кн. Оболенскаго къ сокращеніямъ, странно было бы предполагать, что онъ вставилъ новую статью; въ-третьихъ, наконецъ, было бы необъяснимо, почему статьи, измѣнившія свою редакцію въ текстѣ 4-й редакціи, приняли снова прежній видъ во второй: для перемѣны такого рода должны быть серьезныя причины, которыя не могли имѣть мимолетное значеніе. Итакъ, четвертая редакція пространной Русской Правды позднѣе всѣхъ другихъ. Замѣтимъ еще, что при внимательномъ разсмотрѣніи содержанія списка кн. Оболенскаго, выясняется тотъ немаловажный фактъ, что составитель 4-й редакціи какъ-будто игнорируетъ подробности, имѣвшія въ эпоху дѣйствія Русской Правды первостепенную важность на практикѣ, и такіе институты, которые въ послѣдствіи исчезли. Ограничимся наиболѣе рельефными примѣрами: такъ въ спискѣ кн. Оболенскаго нѣтъ 10-ти статей Троицкаго списка, посвященныхъ вопросу о вознагражденіяхъ различныхъ княжескихъ чиновниковъ, участвовавшихъ въ судопроизводствѣ (7, 8, 16, 67, 82, 90, 91, 99, 100 и 101 Троицкаго списка); точно также въ статьяхъ объ убійствѣ въ спискѣ кн. Оболенскаго опущены опредѣленія размѣровъ головничества (11, 12, 14 статьи Троицкаго списка) и статья, регулирующая порядокъ и срокъ уплаты виры, вносимой вервью (4-я Троицкаго списка); чрезвычайно замѣчательно также полное отсутствіе въ спискѣ кн. Оболенскаго статей о закупѣ (52, 55—59 статьи Троицкаго списка) и т. д. И эти наблюденія подтверждаютъ взглядъ на четвертую пространную редакцію, какъ на позднѣйшую.

Нѣтъ ли возможности точнѣе опредѣлить время появленія каждой изъ четырехъ редакцій пространной Русской Правды? Этотъ вопросъ также занималъ нѣкоторыхъ изслѣдователей. Г. Дювернуа относитъ переходъ отъ хронологическихъ къ систематическимъ сборникамъ еще ко временамъ Ярославичей: это видно изъ того, что въ краткой Правдѣ нѣтъ важной отмѣны 16-й статьи Академическаго списка, которая есть въ пространной (58-я статья Троицкаго списка) и сдѣлана сыновьями Ярослава, такъ что краткая Правда уже при дѣтяхъ Ярослава была неполна и непригодна для практики. Но эти соображенія г. Дювернуа не относятся собственно къ Синодальной редакціи, которой, по его мнѣнію, предшествовали другіе, дѣйствительно первообразные систематическіе сборники¹⁾. Попытку болѣе точнаго

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 80.

опредѣленія времени происхожденія Синодальной и Троицкой редакцій представилъ г. Мрочекъ-Дроздовскій: указавъ, что, по Калайдовичу и Строеву, «Мѣрила Праведныя» составлены въ первой половинѣ XII вѣка, и что Троицкій списокъ находится въ одномъ изъ нихъ, онъ заключаетъ изъ этого, что Троицкая редакція относится къ тому же времени; текстъ Синодальнаго списка сложился, значить, раньше: такъ какъ въ немъ есть Мономаховы уставы, то въ первой четверти XII вѣка¹⁾.

О времени образованія третьей (Карамзинской) редакціи иностраннаго текста Русской Правды можно составить себѣ представленіе на основаніи одного замѣчанія Ланге: онъ говоритъ, что «статья «о мѣцѣ», вѣроятно, прибавлена не раньше XIV столѣтія, такъ какъ упоминается здѣсь наказаніе *кнутомъ*, и слово *дворянинъ* не было извѣстно у насъ въ древнія времена»²⁾, такимъ образомъ Карамзинскій текстъ окончательно сложился лишь въ XIV в.; впрочемъ этотъ выводъ не исключаетъ еще возможности существованія редакціи Русской Правды, которая заключала бы въ себѣ всѣ добавочныя статьи Карамзинскаго списка сравнительно съ Троицкимъ, за исключеніемъ послѣдней, 135-й, и даже, можетъ быть, новгородскаго устава «о мостѣхъ» (134 статья Карамзинскаго списка). Мы уже имѣли случай отмѣтить, что 4-я редакція составила въ то время, когда Русская Правда имѣла уже чисто историческое значеніе, постановленія, въ ней записанныя, перестали уже дѣйствовать на практикѣ. По мнѣнію Ланге, въ словахъ «любо разсудити по мужи смотря» (1-я статья списка кн. Оболенскаго) «такъ и слышится современникъ постановленій XVI или XVII вѣка, въ которыхъ часто употреблялось выраженіе: наказати по человѣку смотря». «Составитель... внести иногда въ Правду современные ему языкъ и понятія, напримѣръ, понятіе о безчестіи (2-я, 4-я статьи), о которомъ въ другихъ ея спискахъ вовсе не упоминается»³⁾.

Когда закончилось образованіе Русской Правды? Разрѣшая этотъ вопросъ, мы оставимъ въ сторонѣ редакцію списка князя Оболенскаго, какъ не имѣющую важности для изученія нашего источника, а также тѣ *leges erraticae*, о которыхъ говоритъ Тобинъ и которыя онъ относитъ къ половинѣ XIII вѣка (урокъ городникамъ къ 1262 г., а уставъ «о мостѣхъ» къ 1240)⁴⁾, наконецъ,

¹⁾ Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. XXXVI—XXXVII.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 19.

³⁾ Тамъ же, стр. 5 и 6.

⁴⁾ Sammlung kritisch — bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, I Band, S. 29—31.

даже статью «о мѣкѣ», сложившуюся, по Ланге, въ XIV в. Для насъ важно знать, когда образовалась окончательно Русская Правда въ существенныхъ своихъ чертахъ, когда сложились тѣ юридическія нормы, которыя, войдя въ Правду, имѣли практическое значеніе наравнѣ съ большей частью другихъ ея статей, хотя и были послѣднимъ въ хронологическомъ отношеніи элементомъ Правды. Въ литературѣ на этотъ вопросъ существуетъ два взгляда: одинъ высказанъ Поповымъ¹⁾ и состоитъ въ томъ, что составленіе Правды въ полномъ видѣ относится къ концу XIII в.: это, какъ думалъ Поповъ, видно изъ того, что пространная Русская Правда встрѣчается въ Кормчихъ Кирилловскаго разряда, которыя окончательно составились къ 1274 г.; представитель другого взгляда—г. Дювернуа, полагающій, что Русская Правда окончательно сложилась раньше XIII в.: это видно изъ ея состава и сравненія ея по содержанію съ юридическими памятниками XIII и XIV вѣковъ: въ Русской Правдѣ «ни въ статьяхъ о займѣ, ни въ способахъ возникновенія холопства—никакихъ признаковъ письменности», а между тѣмъ отъ XIII в. мы имѣемъ указанія на доски, которыми доказывалось право требованій одного лица къ другому (Новгородская первая лѣтопись, 1209 годъ), грамоты суженія (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, № 1), имѣемъ письменныя купчія, данныя (Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, № 5; Акты, относящіяся до юридическаго быта, т. I, № 63, I) и пр.; вообще въ Правдѣ «весь оборотъ гражданскій ограничивается однимъ движимымъ имуществомъ. Всѣ формы сдѣлокъ и процесса исключительно устныя». Къ тому же заключенію ведетъ сличеніе Русской Правды съ безсудной Мстиславовой грамотой²⁾. Мнѣніе г. Дювернуа раздѣляетъ и г. Ведровъ на томъ основаніи, что «послѣднія статьи Правды, въ особенности «о холопствѣ», по своему изложенію даютъ поводъ предполагать, что онѣ составлены послѣ Владимира Мономаха»³⁾. Мы говорили уже о времени происхожденія отдѣльныхъ редакцій нашего источника. Такъ какъ послѣдней по времени важной въ юридическомъ отношеніи редакціей была Троицкая, то, говоря о томъ, когда, заключилось составленіе Правды, какъ практическаго юридическаго сборника, мы должны имѣть въ виду именно эту редакцію, а она, какъ извѣстно, составлена въ первой половинѣ XII в.: вотъ время, когда закончилось составленіе Русской Правды;

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 32.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 50—51.

³⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, предисловіе, стр. IX.

соображенія же Попова и г. Дювернуа имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они устраняютъ возможность приуроченія юридическихъ нормъ, содержащихся въ нашемъ памятникѣ, къ болѣе позднему времени. Мнѣніе г. Ведрова объ изложеніи послѣднихъ статей Правды необосновано и не можетъ поэтому служить аргументомъ противъ взгляда на образованіе Троицкой редакціи въ первой половинѣ XII вѣка.

Въ связи съ только что разобраннымъ вопросомъ стоитъ другая,—о времени дѣйствія Русской Правды, точнѣе, тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя нашли въ ней свое выраженіе. Обыкновенно предполагаютъ, что эти нормы дѣйствовали приблизительно до конца XIII вѣка, но г. Пахманъ думаетъ, что онѣ имѣли силу и позднѣе, такъ какъ «1) Русская Правда включена въ Кормчія, въ число такъ называемыхъ *русскихъ статей*,—статей, имѣвшихъ практическое употребленіе, 2) въ теченіе XIII и XIV вѣковъ Русская Правда дополнялась новыми статьями, имѣвшими практическое значеніе, напримѣръ, статья о мостѣхъ; и вообще до XVI вѣка она постоянно подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ, а измѣненія и дополненія свидѣтельствуютъ обыкновенно о практической силѣ памятника». Г. Пахманъ расширяетъ хронологическія рамки дѣйствія Русской Правды до XV или начала XVI вѣка, ибо «1. съ этого времени появляются уже Судебники, 2. въ спискахъ XVI и XVII вѣковъ Русская Правда представляется уже неизмѣнною по содержанію и формѣ»¹⁾. Это мнѣніе раздѣляетъ и г. Ведровъ²⁾, а г. Леонтовичъ думаетъ, что Русская Правда дѣйствовала въ Литвѣ со времени присоединенія къ ней западно-русскихъ областей и въ главныхъ чертахъ сохраняла свое значеніе почти до статутовъ, т. е. до второй четверти XVI вѣка и даже въ эпоху статутовъ³⁾. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что отдѣльные институты и нормы права, нашедшіе себѣ выраженіе въ нашемъ памятникѣ, пережили XIII и даже XIV вѣкъ—это можно, напримѣръ, наблюдать по литовско-русскимъ «привилеямъ»⁴⁾,—но мы имѣемъ въ виду не эти исключе-

1) О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи, Москва, 1851, стр. 9.

2) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, предисловіе, стр. I.

3) Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ за 1865 г., февраль, стр. 5 и слѣд.

4) Такъ, по Бѣльскому привилею, найдя вещь, можно было ее держать у себя только 3 дня; по Полоцкому, Смоленскому, Кіевскому, Жмудскому привилеямъ мать-вдова была домоправительницей и пр. См. *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, Кіевъ, 1889, стр. 159, 168—171.

нія, какъ бы многочисленны они ни были, а главную массу постановленій Правды. Съ этой точки зрѣнія не только замѣчанія г. Леонтовича, но и мнѣнія гг. Пахмана и Ведрова не выдерживаютъ критики: мы имѣемъ Синодальный списокъ конца XIII вѣка; здѣсь содержаніе пространнаго текста сложилось уже почти совсѣмъ; въ этомъ отношеніи (оставляя въ сторонѣ порядокъ статей) Троицкая редакція не представляетъ существенныхъ отмѣнъ, а добавочныя статьи редакціи Карамзинской или не имѣютъ юридическаго значенія, или относятся явно къ позднѣйшему времени и не предполагаютъ необходимости дѣйствія тѣхъ статей, которыя дѣйствительно составляютъ существенное содержаніе памятника. Мы тѣмъ менѣе права имѣемъ предполагать эту необходимость, что Русская Правда—частный сборникъ, а частный редакторъ или любознательный читатель свободно могъ къ устарѣвшимъ и не дѣйствующимъ уже положеніямъ прибавить два-три новыхъ, имѣющихъ реальное практическое значеніе. Такимъ образомъ будетъ осторожнѣе не расширять предѣлы дѣйствія Русской Правды далѣе конца XIII вѣка, и мы, при изслѣдованіи ея, будемъ помнить, что мы изучаемъ источникъ русской исторіи до конца этого столѣтія.

IV.

Опредѣленіе источниковъ Русской Правды представляетъ первостепенную важность. Понятно вслѣдствіе этого то вниманіе, которое посвятали этой работѣ многіе изслѣдователи, и неудивительно, что здѣсь осталось сравнительно немного разногласій, и въ общемъ взглядъ на составъ изучаемаго памятника надо считать окончательно установившимся.

Важнѣйшимъ источникомъ Русской Правды былъ, безъ сомнѣнія, юридическій обычай: его разумѣлъ еще Эверсъ, говоря о вліяніи на Правду «общаго правоваго сознанія»¹⁾; Розенкампфъ прямо называлъ Правду собраніемъ «судебныхъ обычаевъ»²⁾; по Калачову, многія статьи нашего памятника—«древніе обычаи, записанные даже въ той общей формѣ, которую они могли имѣть въ устахъ народа»: таковы статьи о частной мести за убійство и увѣчья, о «кровавомъ мужѣ», значеніи свода и пр.³⁾. Это

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, Спб. 1835, стр. 11.

²⁾ Обзорѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, М., 1829, стр. VIII.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, М., 1846, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

мнѣніе въ сущности принято и Ланге, который признаетъ, что однимъ изъ источниковъ княжескихъ уставовъ былъ и правовой обычай¹⁾. Съ Калачовымъ согласны, наконецъ, г. Дювернуа²⁾, г. Сергѣевичъ, думающій, что и статья о происхожденіи рабства заимствована изъ обычнаго права³⁾, и всѣ другіе новѣйшіе изслѣдователи. Къ указаннымъ у Калачова и г. Сергѣевича постановленіямъ, несомнѣнно заимствованнымъ изъ юридическаго обычая, слѣдуетъ по нашему мнѣнію прибавить еще рядъ другихъ: если вервь—древне-славянское учрежденіе, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, то все то, что говорится въ Русской Правдѣ о судебномъ и полицейскомъ ея значеніи, не можетъ быть вполне чуждо обычному праву, хотя, быть можетъ, нѣкоторыя частности (напримѣръ, платежъ дикой виры князю) сложились и внѣ его вліянія; точно такое же происхожденіе имѣютъ, конечно, и постановленія о такихъ судебныхъ доказательствахъ, какъ присяга (ротъ), испытаніе желѣзомъ и водой; наконецъ, на юридическомъ обычѣ основано непремѣнное участіе послуховъ при совершеніи гражданскихъ сдѣлокъ: займъ (не всегда), купль-продажъ и пр.; статья о поклажѣ сложилась, быть можетъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ.

Вторымъ источникомъ Русской Правды слѣдуетъ признать княжескіе уставы, законодательныя постановленія, сдѣланныя князьями по разнымъ вопросамъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны были даже преувеличивать значеніе этого источника, приписывали ему исключительное вліяніе на составъ Правды; такъ думалъ, напримѣръ, Поповъ⁴⁾, а Ланге утверждалъ, что въ Русской Правдѣ есть только постановленія, основанныя на обычаяхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, что «вообще всѣ статьи Правды имѣютъ одну, свойственную законамъ, форму предписаній»⁵⁾. Этотъ крайній взглядъ не находитъ себѣ послѣдователей въ настоящее время, тѣмъ не менѣе весьма многіе, можно сказать, всѣ изслѣдователи Русской Правды признаютъ княжескіе уставы однимъ изъ ея источниковъ. Указанія въ этомъ смыслѣ можно найти у Эверса⁶⁾, Розенкампфа⁷⁾; Калачовъ отмѣчаетъ постановленія Изяслава съ

1) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 21.

2) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 152.

3) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 175.

4) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22 и 29.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 21.

6) Древнѣйшее русское право, стр. 11.

7) Обзоръніе Кормчей книги, предисловіе, стр. VIII.

братьями, статью о содержаніи вирника («то ти урокъ Ярославль»), урокъ мостникамъ¹⁾; еще подробнѣе старался опредѣлить вліяніе княжескихъ уставовъ г. Дювернуа; ему приписывалъ онъ въ краткой Правдѣ законъ объ изгоѣ, русинѣ, гридинѣ; вліяніе князя сказалось «въ перечисленіи людей, которые могутъ за себя мстить, въ той въ высшей степени важной чертѣ именно Ярославовой Правды, что она говоритъ не объ огнищанинѣ, княжомъ тунѣ, конюхѣ и пр., а о *свободномъ мужѣ* вообще. Къ этой отвлеченной точкѣ зрѣнія не можетъ притти міръ, знающій только своихъ членовъ. Право, созданное общиною и ею охраняемое, расширяется на всякаго свободнаго мужа, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ общинѣ»²⁾). Замѣтимъ только, что постановленія объ изгоѣ, русинѣ и гридинѣ, всего вѣроятнѣе, не результатъ законодательной дѣятельности князей, а практическія судебныя рѣшенія, какъ справедливо замѣтилъ Калачовъ. Далѣе, по г. Дювернуа, Правда Изяслава—по преимуществу княжескій уставъ, такъ какъ содержитъ виры и штрафы за княжихъ людей, уроки за княжескаго коня и борть, да и «при воровствѣ точка зрѣнія условливается не правомъ хозяина на вознагражденіе, а количествомъ продажи, которое слѣдуетъ взять съ вора»; въ заключеніе идутъ одни продажи и судебныя сборы князя³⁾). Кажется, что и здѣсь г. Дювернуа допускаетъ ту же ошибку: не дѣлаетъ различія между законодательнымъ постановленіемъ и практическимъ судебнымъ рѣшеніемъ. На княжескіе уставы указываетъ и г. Сергѣевичъ⁴⁾). Дѣйствительно, кромѣ указанныхъ выше есть еще другіе княжескіе уставы въ числѣ источниковъ Русской Правды: таковы—законъ Владимира Мономаха «о рѣзѣ», постановленіе Ярослава и его сыновей о наказаніи холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку, уроки судебныя и ротныя.

Весьма важное вліяніе на составъ Русской Правды имѣла юридическая практика: многія постановленія—не что-иное какъ простая запись отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній. Честь перваго опредѣленнаго указанія на это принадлежитъ Калачову. Онъ считалъ записью судебныхъ рѣшеній слѣдующія статьи Правды: 21-ю статью Академическаго списка, гдѣ сказано, что за убійство «конюха стараго» платится 80 гривенъ, «яко оуставиль

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Прады, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 60—61.

³⁾ Тамъ-же, стр. 71.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб. 1883, стр. 176.

Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ дорогободудци»; 29-ю того же текста, содержащую постановленіе о кражѣ скота или воровствѣ изъ клѣти: если одинъ украсть, то платить 3 гр. 30 рѣзань, если 18, то каждый по столько; далѣе 40-ю статью Академическаго списка: о кражѣ овцы, козы или свиньи 10-ю человеками; наконецъ, сюда же, по Калачову, относится статья о 40-гривенной пенѣ за убійство; статья эта, «очевидно, составлена изъ нѣсколькихъ практическихъ рѣшеній, выраженныхъ въ одной общей формѣ, при чемъ различныя названія лицъ (по должностямъ или сословіямъ), коихъ убійство служило къ тому основаніемъ, были естественно удержаны; вотъ почему это—номенклатура довольно не полная и расположенная въ порядкѣ произвольномъ или случайномъ». Изъ судебныхъ же рѣшеній образовались, какъ думалъ тотъ же изслѣдователь, и тѣ статьи, въ которыхъ упоминается о варягѣ и колбягѣ¹⁾. Г. Сергѣевичъ признаетъ даже судебную практику главнымъ источникомъ Русской Правды²⁾. Вообще надо думать, что различныя указанія на платежи, продажи, уроки, головничества—судебныя рѣшенія. (См., напримѣръ, 18—37 статьи Академическаго списка и въ Троицкомъ спискѣ статьи 9—14, 37—41, 60—66, 68, 69, 71—78 и пр.).

Таковы три основныхъ источника Русской Правды. Г. Дювернуа указываетъ еще кромѣ того на два: «ряды» князей и истолкованія собирателей; но первый подразумевается въ сущности подъ указаніями на княжескіе уставы, какъ источникъ Правды, а истолкованія собирателей имѣли, несомнѣнно, второстепенное значеніе.

Гораздо больше разногласій и споровъ вызвалъ вопросъ объ иностранномъ вліяніи на Русскую Правду. Указывалось вообще на три источника иностраннаго воздѣйствія на изслѣдуемый памятникъ: варяжское или норманское вліяніе, вліяніе варварскихъ кодексовъ начала среднихъ вѣковъ, преимущественно салическихъ законовъ, наконецъ византійскій элементъ.

Мнѣніе о томъ, что Русская Правда—законодательство, если не исключительно, то преимущественно варяжское, ведетъ свое начало еще со времени Струбе де Пирмонта³⁾ и Шлецера⁴⁾:

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

²⁾ Лекція и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 175.

³⁾ Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes, St—Petersb., 1756.

⁴⁾ Несторъ. Русскія Лѣтописи. Переводъ Языкова, часть I, Спб., 1809, стр. 324.

оба указываютъ на сходство съ скандинавскими законами, особенно на статью о ѣздѣ на чужомъ конѣ безъ дозволенія хозяина. Особенно ревностнымъ поборникомъ этого взгляда былъ Погодинъ, доказывавшій его справедливость заглавіемъ памятника—*Русская Правда*—и различіемъ въ текстѣ его «русина» отъ «словенина», а также сравненіемъ содержанія Правды съ содержаніемъ шведскихъ законовъ и нѣкоторыми лингвистическими сближеніями. Такъ постановленіе о кровавой мести и денежной пенѣ за убійство и увѣче существовали и въ Швеціи, при чемъ, по указанію Струбе, принималось въ расчетъ различіе сословій и должностей, но не происхожденіе; судъ 12-ти гражданъ былъ и въ Скандинавіи; законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ—ютландскій (замѣчаніе это принадлежитъ, какъ мы уже говорили, Струбе де Пирмонтю); «числа 3, 6, 12, 40 въ пеняхъ общи руссамъ съ сѣверными народами, такъ что, по сему сходству, марку и гривну можно почитать однозначительными»; испытаніе желѣзомъ было и въ Скандинавіи; источники рабства въ Русской Правдѣ и шведскомъ правѣ одинаковы. Важнѣйшія лингвистическія сближенія Погодина заключаются въ слѣдующемъ: вира—германскій Wehrgeld, вервь—Hwarf, бояринъ—Baeagmen, люди—Lente, leudes; тиунъ—Thienstmann, Diener; ябетникъ—Aembet¹⁾. Калачовъ также не отрицалъ ни германскаго вліянія на Русскую Правду, ни того, что этотъ элементъ былъ внесенъ въ нее пришлыми варягами; онъ однако возставалъ противъ крайностей Погодина: на Русскую Правду еще больше вліянія оказало туземное славянское право. Возраженія Калачова Погодину сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) «нигдѣ не упоминается, чтобы та или иная статья относилась исключительно къ варягамъ», 2) встрѣчаются въ Правдѣ и чисто-славянскіе обычаи (статьи, указывающія на сводъ и на мѣръ въ значеніи общины), 3) «судебныя рѣшенія, какъ видно изъ ихъ изложенія, относятся въ одинаковой мѣрѣ какъ къ руссамъ, такъ и къ славянамъ, и хотя при этомъ неоспоримо, что внѣшняя сторона большей части постановленій (названія пеней, ихъ количество, имена должностей и званій) указываетъ на германское происхожденіе, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такова же была и внутренняя ихъ основа», 4) могли быть обычаи общіе обоимъ народамъ, 5) «составъ и содержаніе памятника не указываютъ на германскій элементъ больше, чѣмъ на славянскій», 6) «и названіе *Русская Правда* ничего не значитъ, ибо въ другомъ мѣстѣ того же списка оно замѣняется названіемъ *Правда земли Рус-*

¹⁾ Исслѣдованія, лекціи и замѣчанія о русской исторіи, т. III, М., 1846, стр. 359—360, 379—411.

ской, т. е. земли подвластной Руси или русскимъ князьямъ¹⁾. Въ этомъ мнѣніи Калачова формулированы главныя черты, характеризующія современный взглядъ на вопросъ: указаніе на вѣдшее вліяніе варяговъ (на норманскую терминологию) и на сходство юридическихъ обычаевъ у народовъ, находящихся на первоначальныхъ ступеняхъ развитія. Въ литературѣ Русской Правды послѣ Калачова встрѣчаются отдѣльныя указанія на норманское вліяніе: Дешпъ замѣчаетъ, что круговая порука принесена на Русь варягами: «*русскія верви, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ русскимъ выкупамъ, совершенно соотвѣтствовали германскимъ маркамъ*»²⁾; г. Пахманъ справедливо указываетъ, что, вслѣдствіе дружинности и воинственности варяговъ и призванія ихъ для «наряда», «вліяніе германскаго элемента ограничивалось отношеніями, принадлежавшими къ сферѣ государственнаго права, не проникая въ частныя, гражданскія»: оно сказалось лишь въ названіяхъ должностей, званій, количествѣ пеней, быть можетъ, на вѣдшей формѣ доказательствъ (обрядѣ клятвы, способахъ совершенія испытаній водою и желѣзомъ)³⁾. Г. Загоровскій выводитъ институтъ 12-ти судей изъ Даніи, Скандинавіи и Великобританіи⁴⁾. Вообще въ настоящее время можно считать установившимся мнѣніе, что вліяніе варяговъ на Русскую Правду было незначительно: черты сходства объясняются естественнымъ тождествомъ учреждений первобытныхъ народовъ; остается только норманнская терминологія⁵⁾, да и то нельзя принять всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Погодинымъ: такъ Соловьевъ считаетъ не безъ основанія словянскими слова «вервь» и «вира», сближая ихъ съ выраженіями, употребляемыми въ сербскомъ и хорутанскомъ языкахъ⁶⁾. Несомнѣнно-норманскими можно считать «ябетникъ»—Aembet, тунъ—Diener, гридь—Hirdman.

1) См. Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 359—360, 379—411 и Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе I, разборъ взглядовъ Погодина.

2) О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, Сиб., 1849, стр. 32—34.

3) О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 26 и 31.

4) Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII столѣтія, Кіевъ, 1875, стр. 11.

5) Такова, напримѣръ, точка зрѣнія *Владимірскаго-Буданова* въ его «Обзорѣ исторіи русскаго права», выпускъ I.

6) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, прим. 376 на стр. 368.

Еще менѣе основательно мнѣніе, что Русская Правда испытала сильное воздѣйствіе со стороны средневѣковыхъ варварскихъ кодексовъ. Впервые этотъ взглядъ высказанъ Успенскимъ, найдшимъ, что «великое сходство Русской Правды съ законами Салическими... заставляетъ думать, что Русская Правда весьма много заимствована изъ сихъ законовъ»¹⁾. Сходство Правды съ скандинавскими и вообще германскими законами Успенскій объяснялъ тѣмъ, что и эти послѣдніе—«какъ бы отрасли тѣхъ же законовъ Салическихъ»²⁾. Затѣмъ Эверсъ дѣлалъ то же сближеніе и бесплодно пытался обосновать его фактами, указывающими на сношенія Кіевской Руси съ западной Европой³⁾. Наконецъ, Морощкинъ считалъ возможнымъ утверждать, что «Русская Правда есть чадо одной семьи съ варварскими кодексами, особенно близкое къ саксонскому, англо-веринскому, фризскому и салическому. Можетъ быть и она прибыла къ намъ вмѣстѣ съ руссами въ какомъ-либо письменномъ видѣ»⁴⁾. Вотъ все, что было сказано въ литературѣ о вліяніи средневѣковыхъ законовъ на Русскую Правду. Все это—совершенно бездоказательныя утверженія, относящіяся притомъ къ давно-прошедшему времени, когда разработка нашего источника только что начиналась, и вполне естественны были такія неосновательныя предположенія.

Мысль о византійскомъ элементѣ въ Русской Правдѣ можно найти еще у Діева въ его вполне, конечно, неосновательныхъ сближеніяхъ терминовъ Русской Правды съ греческими словами. Такъ «вира», по его мнѣнію, происходитъ отъ *βαρα*, «клепать», «поклепъ»—отъ *χλέπτο*, «метельникъ» и «мечникъ»—отъ *μετέρχομαι* или *μετέχω*, «смердъ»—отъ *σμερδύω*, «продажа»—отъ *πρόδοσις*⁵⁾, «войскій конь»—*βόειος*, «копа»—отъ *κόπεον* и пр.⁶⁾. Конечно, объясненія Діева не могли сдѣлать популярной идею о византійскомъ вліяніи на Правду. Калачовъ, признавая это вліяніе, не разбиралъ подробно вопроса. Это впервые обстоятельно исполнено Невוליнымъ, показавшимъ, что многія постановленія Рус-

¹⁾ Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Харьковъ, 1818, стр. 456—457, примѣч. с.

²⁾ Тамъ-же, прим. а на стр. 460.

³⁾ Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для російской исторіи, книга I, М., 1825.

⁴⁾ Примѣчанія къ переводу сочиненія Рейца, стр. 392.

⁵⁾ О вирахъ у россиянъ X и XI столѣтій, въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, т. I, книга 2, стр., 31, 43, 49, 52, 65.

⁶⁾ Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1839 г., часть XXII, стр. 54, 56.

ской Правды о наследовании заимствованы изъ «Законы суднаго людемъ» — славянской передѣлки Эклоги византійскихъ иконоборческихъ императоровъ VIII вѣка ¹⁾). Этотъ взглядъ раздѣляется большинствомъ изслѣдователей наследственнаго права Русской Правды: такъ онъ принятъ Бѣляевымъ ²⁾ и Кавелинымъ ³⁾; ему же слѣдуетъ Никольскій; онъ находитъ впрочемъ въ Правдѣ особенности сравнительно съ Эклогой: «1) Правда ничего не говоритъ о вдовомъ отцѣ, по отношенію къ которому византійскія постановленія были бы лишними: онъ и такъ былъ полнымъ господиномъ имущества жены; 2) Правда вовсе не упоминаетъ объ имуществѣ жены, котораго она, разумѣется, не имѣла у насъ въ это время; наконецъ, 3) сквозь благодать христіанскихъ идей, которыя переносятся теперь на мать-вдову, все-таки въ постановленіяхъ Правды просматриваетъ горькое ея положеніе, какъ женщины вообще»: дѣти могли не хотѣть держать ее на дворѣ, бывало, что всѣ дѣти были къ ней лихи, такъ что она поселялась у замужнихъ дочерей ⁴⁾. И г. Дювернуа признавалъ вліяніе церкви и византійскаго права въ области наследственнаго права ⁵⁾. Еще шире понимаетъ византійское вліяніе на Русскую Правду г. Сергѣевичъ: признавая его въ постановленіяхъ о наследованіи, онъ думаетъ, что законъ о поимкѣ вора съ поличнымъ тоже византійскаго происхожденія (изъ «Законовъ Моисея»), равно какъ и 110-я статья Троицкаго списка ⁶⁾ («Аче же холопъ кдѣ куны вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати или лишитися его; вѣдая ли будетъ даль, а кунъ ему лишитися»). Отдѣльно стоятъ въ разбираемомъ вопросѣ только два изслѣдователя гг. Ведровъ и Цитовичъ. Первый учрежденіе свидѣтелей — видоконъ считаетъ единственнымъ проникшимъ въ Русскую Правду постановленіемъ византійскаго права, чуждымъ нашему древнему обычному ⁷⁾. Второй названный изслѣдователь

¹⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. III, Спб. 1858, стр. 350, 351.

²⁾ О наследствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Москва, 1858, стр. 21—25, 32, 37—38, 40—41, 42—43.

³⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наследованія: „Современникъ“, 1860 года, N II.

⁴⁾ О началахъ наследованія въ древнѣйшемъ рускомъ правѣ, Москва, 1859, стр. 317—321.

⁵⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 111, 133.

⁶⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 176; здѣсь же указаніе, что даже потокъ и разграбленіе византійскаго происхожденія, видоизмѣненіе правила: „publicatis bonis relegantur“.

⁷⁾ О денежныхъ пеньяхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами саліческихъ франковъ, Москва, 1877, стр. 53.

настаиваетъ на національномъ характерѣ наследственнаго права Русской Правды, но основаніе, имъ выставленное слишкомъ общеоно говоритъ, что наследственное право всегда держится на обычаяхъ¹⁾,—да и вообще его мнѣніе противорѣчитъ сравнительнымъ наблюденіямъ надъ текстомъ Русской Правды и Эклоги.

Такимъ образомъ нельзя отрицать довольно сильнаго византійскаго вліянія на Русскую Правду; слѣдуетъ его признать особенно въ сферѣ наследственнаго права, хотя и здѣсь преувеличенія были бы излишни: замѣчанія Никольскаго и г. Сергѣевича (о томъ, что византійскія статьи модифицировались²⁾) имѣютъ несомнѣнную цѣнность; припомнимъ еще и правила Русской Правды о наследованіи послѣ бояръ и смердовъ, и мы поймемъ тогда еще яснѣе необходимость ограничить выводъ о сильномъ вліяніи византійскаго права.

Здѣсь необходимо изложить еще одно мнѣніе, отличительною чертой котораго является также признаніе византійскаго вліянія, но проявлявшагося не непосредственно, а путемъ воздѣйствія духовенства, которое внесло въ древнерусскую жизнь новыя христіанскія и греко-римскія начала. Мнѣніе это высказано г. Ключевскимъ. Указанное воздѣйствіе, по его взгляду, выразилось въ нарушеніи христіанской церковью цѣльности, однообразія и безусловности древнерусскаго холопства и введеніи ею въ него различія и условности: такъ, духовенство еще въ эпоху Русской Правды установило обязательный даровой отпускъ на волю рабы, прижившей дѣтей съ своимъ господиномъ, при чемъ на свободу выходили и эти дѣти; участіе духовенства въ установленіи такого закона «обличается тѣмъ, что въ Русской Правдѣ онъ отнесенъ къ числу постановленій семейнаго права, которое со времени введенія христіанства на Руси регулировалось преимущественно духовенствомъ»; тутъ «примѣнялась греко-римская презумпція молчаливаго освобожденія»; съ другой стороны, внесеніе церковью въ рабовладѣльческое право начала условности создало возможность появленія отношеній закупничества; даже терминъ «наймитъ» является, по всей вѣроятности, переводомъ греческаго *μισθωτός*, совершенно не подходящаго къ русскому закупу³⁾. Эти замѣчанія цѣнны потому, что указываютъ не только на ту

¹⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, Харьковъ, 1870, стр. 27.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 176.

³⁾ Подушная подать и отгѣна холопства: „Русская Мысль“ за 1886 г., № 7, стр. 7, 8; № 9, стр. 78, 79.

среду, которая явилась проводникомъ византійскаго вліянія, но и на тѣ средства, какими это вліяніе проникало: компромиссъ и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ. Не надо только забывать, что закуповъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать заноснымъ, заимствованнымъ явленіемъ, что этотъ общественный классъ выросъ на русской почвѣ и вызванъ былъ къ жизни мѣстными, русскими условіями; единственно-заимствованнымъ можно признать развѣ только терминъ «наймитъ». Слѣдовательно, и здѣсь иностранное вліяніе на Русскую Правду было сравнительно не велико: оно сказалось отчасти въ области рабовладѣльческаго права, отчасти въ терминологіи.

Очеркъ второй.

Уголовное право Русской Правды.

I

При изученіи уголовного права Русской Правды первая задача изслѣдователя—выяснить понятіе о преступленіи и наказаніи въ Правдѣ. При этомъ необходимо рассмотретьъ этотъ вопросъ отдѣльно по отношенію къ краткой и пространной Правдѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія изслѣдователей о понятіи преступленія въ каждой изъ этихъ основныхъ редакцій памятника различны.

Существуетъ прежде всего взглядъ, что въ понятіи о преступленіи въ краткомъ текстѣ Русской Правды нѣтъ совершенно общественнаго элемента, что здѣсь господствуетъ полное смѣшеніе уголовного преступленія съ гражданскимъ правонарушеніемъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ Эверсъ, утверждавшій, что въ краткой Правдѣ основное юридическое понятіе уголовного, какъ и гражданскаго, права—понятіе о личной обидѣ, почему нѣтъ вѣрь и продажъ, то-есть, платежей въ пользу князя, а существуютъ лишь частныя вознагражденія потерпѣвшихъ¹⁾. Такъ же думали Максимоичъ²⁾, Поповъ и г. Сергѣевичъ. Последніе два изслѣдователя не ограничиваются догматическимъ

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, переводъ *Платонова*, Спб., 1835, стр. 341—342.

²⁾ О развитіи идея преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, Кіевъ, 1845, стр. 8, 12—14.

утвержденіемъ, а пытаются обставить свой взглядъ доказательствами, которыя почерпаются изъ разсмотрѣнія сущности наказаній: указываютъ, что месть—частное дѣло, самосудъ, самоуправство; а что всѣ платежи, указанія на которыя встрѣчаются въ краткой Правдѣ, поступаютъ въ пользу потерпѣвшаго,— это доказывается слѣдующими соображеніями: плата за убійство называется платой «за голову», что равняется головничеству, а головничество—частное вознагражденіе; плата «за обиду» шла потерпѣвшему, такъ какъ, во-первыхъ, за это говоритъ самое названіе— «за обиду», во-вторыхъ, въ краткой Правдѣ нѣтъ слова «продажа», въ-третьихъ, во 2-й статьѣ Академическаго списка сказано: «ожели себе не можеть мстити, то *взяти емоу* за обидоу 3 гривнѣ»; все это—соображенія Попова¹⁾; г. Сергѣевичъ прибавилъ къ нимъ указаніе на то, что «первоначальный выкупъ явился какъ замѣна мести, а потому весь шель въ пользу мстителя»²⁾. Прибавимъ, что и Бѣляевъ, очевидно, принадлежалъ къ числу сторонниковъ изложеннаго мнѣнія³⁾.

Но преобладаетъ другой взглядъ, по которому уже и въ краткой Правдѣ понятію о преступленіи не чужды были общественные элементы. Выразителями его являются Ланге⁴⁾, Чебышевъ-Дмитріевъ, г. Владимірскій-Будановъ и г. П. Бѣляевъ⁵⁾. И здѣсь опорой служитъ изученіе сущности наказаній. Чебышевъ-Дмитріевъ доказываетъ, что месть имѣла государственное или общественное значеніе, такъ какъ она была обязанностью, и общество слѣдило за ея выполненіемъ; притомъ, допуская месть, общество считало преступника безправнымъ и такимъ образомъ наказывало за нарушеніе не частнаго права, а обычая; наконецъ, для мести надо было доказать фактъ обиды, какъ видно изъ 2-й статьи Академическаго списка⁶⁾. Здѣсь уместно отмѣтить слѣдующій взглядъ г. Сергѣевича: месть, по его мнѣнію, предшествовала

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. Москва, 1841, стр. 41, 42.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883, стр. 448.

³⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М., 1888, стр. 178. Впрочемъ, по его мнѣнію, въ другихъ областяхъ, кромѣ Новгородской, виру собирались. См. тамъ же, стр. 179.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр. 99—102.

⁵⁾ Говоря о вирѣ, онъ ссылается на 18—19 статьи *Академическаго* списка. См. Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды въ „Сборникѣ правовѣднія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18.

⁶⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 7, 19, 21, 28.

суду, и затѣмъ судъ разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, нанеся ударъ мечомъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести¹⁾. Этотъ взглядъ на условія мести находится въ очевидномъ противорѣчїи съ мнѣніемъ того же изслѣдователя о частномъ характерѣ преступленія въ эпоху первой Правды и подтверждаетъ наблюденія Чебышева-Дмитріева. Г. Владимірскій-Будановъ на слѣдующихъ основаніяхъ полагаетъ, что въ мести общественные и частные элементы смѣшаны: месть не только признана, но и предписана закономъ; она соединяется съ судомъ, то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при добояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка), или послѣдующей санкции (чаще); въ законѣ опредѣленъ кругъ мстителей²⁾.

Нельзя не признать, что соображенія названныхъ изслѣдователей о характерѣ мести весьма замѣчательны и убѣждаютъ въ томъ, что въ этомъ первобытномъ способѣ уголовного возмездія— по крайней мѣрѣ въ эпоху краткой Русской Правды — былъ общественный элементъ.

Другое доказательство мнѣнія объ общественномъ характерѣ понятія о преступленіи въ краткой Правдѣ предложено г. Владимірскимъ-Будановымъ; оно состоитъ въ томъ, что платы краткаго текста въ количественномъ отношеніи соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ вирамъ и продажамъ, слѣдовательно, онѣ соотвѣтствуютъ имъ и въ отношеніи качественномъ, то-есть, тоже платились въ пользу князя³⁾.

Дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при Ярославѣ существовали виры: не говоря уже о лѣтописномъ извѣстїи о сборѣ на себя вирь Владиміромъ⁴⁾, 42-я статья Академическаго списка содержитъ «оурокъ *Ярославль*», а между тѣмъ въ ней говорится о «поклонѣ *вирномъ*» и о томъ между прочимъ, что «*виру* сберуть *вирници*». Поповъ замѣтилъ, что это противорѣчитъ его теорїи, и попытался дать объясненіе съ своей точки зрѣнія: онъ предполагаетъ именно, что «виря значила прежде всякаго рода плату, которую давали князю, вообще дань», такъ что вира при Владимірѣ — плата князю съ каждой верви за то, что онъ не вмѣшивается въ ея судные обычаи. Все это построеніе основывается у Попова на лингвисти-

1) Лекціи и изслѣдованія по исторїи русскаго права. Спб., 1883, стр. 444.

2) Обзоръ исторїи русскаго права, выпускъ II, Кіевъ, 1886, стр. 21 и 22.

3) Тамъ же, стр. 8.

4) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6504 г., стр. 54.

чешкомъ сближеніи виры съ вервью: корень обоихъ словъ будто бы одинъ, такъ какъ слово «вервь» иногда замѣняется словомъ «вира» («вирное платити, въ ней же *вири* голова ляжетъ»), въ послѣдствіи вира называется «вѣрою»; вмѣсто «вира», «вирное» въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ «вервенное» или «вирьвная»¹⁾. Не говоря уже о томъ, что, какъ увидимъ въ свое время, судебной самостоятельности ни верви, ни какія-либо другія общины не имѣли, объясненіе Попова не можетъ быть принято уже и потому, что основанія лингвистическаго сближенія виры и верви въ высшей степени шатки: слово «ви.ри» въ 19-й статьѣ Академическаго списка испорчено: по изданію Калачова видно, что здѣсь пропущено двѣ буквы; слово «вервенное» совсѣмъ не встрѣчается ни въ одномъ спискѣ²⁾, и «вирьвная» такимъ образомъ является единственнымъ выраженіемъ, на которое могъ бы до нѣкоторой степени опираться Поповъ; едва ли однакоже можно дѣлать важный выводъ, основываясь на сомнительномъ, тѣмъ болѣе единственномъ, различеніи; замѣтимъ еще, что, какъ извѣстно, для понятія «дань» существовалъ уже во времена Начальной лѣтописи и терминъ «дань», что дѣлаетъ совершенно излишнимъ употребленіе слова «вира» въ томъ же самомъ смыслѣ.

Остается разобрать основанія перваго изъ изложенныхъ взглядовъ на понятіе о преступленіи въ краткой Правдѣ. Первый доводъ Попова—о платѣ «за голову»—и замѣчаніе г. Сергѣевича о выкупѣ, какъ замѣнѣ мести, теряютъ свое значеніе, если мы попробуемъ сравнить 1-ю статью краткаго текста съ первыми двумя пространнаго: такое сравненіе необходимо для правильнаго пониманія краткой Правды; мы видимъ при этомъ, что то, что нужно «положити за голову», отличается отъ выкупа: Ярославъ постановилъ, что при убійствѣ примѣняется мечь, но «оже ли не будетъ кто его мьсти», надо «положити за голову» такую то сумму: это не выкупъ, а плата князю; о выкупѣ говорится только при Ярославичахъ, которые «отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»; при этомъ прибавлено: «а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша». Эти слова обыкновенно толкуются въ смыслѣ подтвержденія всѣхъ постановленій, когда-либо сдѣланныхъ Ярославомъ; но намъ кажется, что вѣрнѣе отнести ихъ только къ уставу Ярослава объ убій-

1) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 54 и 55.

2) Исслѣдованія о Русской Правдѣ, часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, ст. LXXXVIII.

ствѣ: «іно все»,—то-есть, надо было попрежнему «положить за голову» въ пользу князя. Такимъ образомъ платежъ въ пользу князя существовалъ еще до отмѣны мести и послѣ этого пріобрѣлъ только болѣе общее значеніе, распространился на всѣ почти случаи убійства. Остается, дѣйствительно, трудно-объяснимое мѣсто 2-й статьи Академическаго списка: «взяти емоу за обиду»; если мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ ошибкой въ текстѣ, то придется признать, что платѣжи за побои и личные обиды шли—при существованіи законнаго права мести за нихъ и невозможности мстить—въ пользу потерпѣвшаго. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ надо считать еще открытымъ. На то, что при Ярославичахъ князю поступали платежи въ 3 и 12 гривенъ, можно найти указаніе въ 41-й статьѣ Академическаго списка, гдѣ сказано: «а отъ грние мечнику коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, и князю 10 гривенъ».

Итакъ, почти всѣ основанія въ пользу мнѣнія, что въ краткой Правдѣ понятіе о преступленіи не заключало въ себѣ общественныхъ элементовъ, не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны наличность этого общественнаго элемента выступаетъ съ несомнѣнностью, если мы обратимъ надлежащее вниманіе на сущность и условія мести, какъ признаннаго обычая и закономъ способа уголовнаго возмездія, и на несомнѣнный фактъ существованія виры при Владимірѣ и Ярославѣ.

Еще съ большей увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной Русской Правдѣ, что и признается почти всѣми изслѣдователями, касавшимися этого вопроса: Эверсомъ, Поповымъ, Власевымъ, Ланге, Чебышевымъ-Дмитріевымъ, г.г. Стефановскимъ, Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Взглядъ Эверса виденъ изъ его перевода Синодальнаго текста¹⁾. Попову принадлежатъ первыя обстоятельныя доказательства этого взгляда. Они состоятъ прежде всего въ указаніи, что существовало такое наказаніе, какъ «потокъ и разграбленіе», то-есть изгнаніе изъ міра, лишеніе всѣхъ правъ, такъ что всякій могъ убить преступника, и предоставленіе имущества обвиненнаго въ преступленіи—въ пользованіе всякому; съ утвержденіемъ князей потокъ и разграбленіе стали заключаться въ выдачѣ преступника съ семьею и его имущества князю (см. 79 статью Троицкаго списка)²⁾. Затѣмъ Поповъ доказываетъ, что виры и продажи шли князю. Относительно вирь

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи. прибавл. II.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 65, 66.

это несомнѣнно по слѣдующимъ даннымъ: 1) Владимиръ бралъ виры на содержаніе дружины; 2) въ предисловіи къ Софійскому Временнику говорится: «ти бо (т.-е., древніе) князи не събирааху много имѣнія, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въ складааху на люди; но оже будяше праваа вира, а ту възымааше и дааше дружинѣ на оружье»; 3) въ грамотѣ Мстислава 1125 г. князь даритъ монастырю св. Георгія вотчины съ данью, вирами и продажами ¹⁾. Къ этимъ, предложеннымъ Поповымъ, доказательствамъ общественнаго характера вирь Власьевъ присоединилъ еще слѣдующія: 4) въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича, относящемся къ 1137 г., сказано, что онъ данъ «имати пискупомъ десятину отъ даніи и отъ вирь и продажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего»; 5) въ 1150 г. Ростиславъ Мстиславичъ, учреждая смоленскую епископію, далъ ей десятину отъ даней, кромѣ вирь, продажъ и полюдьа; 6) въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: «свадебное, сговорное, бой, убійство, душегубство... платятъ виру князю наполю со владыкою»; 7) въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ княжеская власть была менѣе значительна, и виры были меньше: въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями постоянно встрѣчается условіе: «виры брать по старинѣ»; по Псковской судной грамотѣ виры незначительны; 8) въ Московскомъ государствѣ («вѣра», «вѣрное» — плата въ казну ²⁾). Что продажа также пла къ князю, это подтверждается, согласно указанію Попова: 1) предисловіемъ къ Софійскому Временнику; 2) грамотой Мстислава; 3) словами Русской Правды (Троицкій списокъ, статья 41): «то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу» ³⁾; къ этому Власьевъ прибавляетъ: 4) гдѣ въ краткой Правдѣ плата «за обиду», тамъ въ пространной продажа въ той же суммѣ и часто рядомъ съ ней въ другой суммѣ частное вознагражденіе; 5) въ 23-й статьѣ Троицкаго списка (=2-й статьѣ Академическаго) 3 гривны названы продажей, а «платити ему» — онъ (т.-е., отвѣтчикъ) долженъ платить; (во 2-й статьѣ Академическаго списка слова «взяти ему», по Власьеву, лишнія: ихъ и пѣтъ въ одномъ изъ списковъ краткой редакціи, какъ видно изъ своднаго текста Калачова); 6) что 3 и 12 гривенъ платились князю, видно изъ 41-й статьи Академическаго списка: отъ 12 гр. емцу 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гр.; въ первой половинѣ этой статьи говорилось, вѣроятно, о платѣ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1860, стр. 130—131.

³⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 45.

3 гривны, но цифра 3 пропущена, ибо она изображалась буквою Г, да и слово «грние» испорчено¹⁾). Наконецъ, Ланге еще увеличиваетъ количество свидѣтельствъ о платежѣ продажи князю: 7) въ 32-й статьѣ Троицкаго списка сказано: «а князю продаю»; 8) въ 34-й: «а князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ»; 9) въ 42-й читаемъ: «аже будутъ холопи татіе... ихъ же князь продажею не казнить»; 10) наконецъ, 84-я статья Троицкаго списка гласитъ: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубіенъ; то за холопѣ оуроку платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ». Относительно вирь у Ланге тѣ же доказательства, что и у Попова и Власьева²⁾. Г.г. Стефановскій³⁾, Сергѣевичъ⁴⁾ и Владимирскій-Будановъ⁵⁾ раздѣляютъ мнѣнія названныхъ изслѣдователей, не обставляя его новыми доводами, что впрочемъ и не нужно, такъ какъ приведенныя выше доказательства достаточно убѣдительны.

Противъ общественнаго значенія вирь и продажъ высказался одинъ только Деспъ; по его мнѣнію, виры—вознагражденіе законныхъ мстителей убитаго за утраченное ими право мщенія; это доказывается, во-первыхъ, ссылкой на договоры съ греками, гдѣ говорится: «часть его... да возьметъ ближній убіеннаго», «да возьмутъ его имѣніе ближніе убіеннаго»; во-вторыхъ, словами Русской Правды: «отложиша убіеніе за голову, по кунами ся выкупати»—не у князя, конечно, ибо не онъ казнилъ убійцу при существованіи мести; въ-третьихъ, другимъ мѣстомъ того же источника: «аще не будетъ кто его мстя... то 40 гривенъ положить зань»—эти 40 гривенъ шли не князю, потому что за численными въ этой статьѣ родственниками оставались еще близкіи степени родства; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ служить замѣчаніе, что въ Правдѣ установлено различіе въ суммахъ платежей: такое различіе было бы невозможно въ томъ случаѣ, если бы эти платежи шли князю: въ послѣднемъ случаѣ, напримѣръ, за свободнаго и раба была бы равная плата. Въ виду лѣ-

¹⁾ О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 162—167.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр. 99—101.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1873 г., мартъ, стр. 16. Авторъ полагаетъ, что въ древнѣйшей Правдѣ не было платежей князю. Тамъ же, прим. 2 на стр. 13.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 450.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 23, 24.

тописнаго извѣстія, что Владимиръ бралъ виру на оружіе и коней, Деппъ допускаетъ, что часть виру шла князю, но незначительная: изъ 40 гривенъ—8, изъ 80—16, изъ 20—4. Впрочемъ самъ онъ признаетъ противорѣчащую его мнѣніямъ 21-ю статью Троицкаго списка—полувирье 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ—и затрудняется разрѣшить это противорѣчіе. Статьи, гдѣ говорится о продажѣ князю, относятся, по Деппу, къ холопамъ, «которыхъ юридическія отношенія должны быть объяснены совершенно самостоятельнымъ образомъ», слова же «а князю 12 гривенъ продажи»—прибавка позднѣйшая, относящаяся ко времени полнаго утвержденія княжеской власти¹⁾.

Мнѣніе Деппа слишкомъ сильно противорѣчитъ пространному тексту Русской Правды, а потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано вѣрнымъ. Его попытки примирить это противорѣчіе—натянуты и неосновательны: 16 гривенъ отъ виру въ 80 гривенъ шли не князю, а вирнику, ему же шли и 8 гривенъ съ 40-гривенной виру²⁾; статьи о продажѣ князю нельзя относить къ холопамъ: это противорѣчитъ и понятію о холопствѣ въ то время, и прямымъ указаніямъ Правды, что продажу платили смерды³⁾, а холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни»⁴⁾; наконецъ, ни на чемъ не основано и утверженіе, что слова «а князю 12 гривенъ продажи»—позднѣйшая прибавка. Что касается до самыхъ основаній мнѣнія Деппа, то еще Ланге справедливо замѣтилъ по этому поводу, что постановленія договоровъ съ греками объ отдачѣ имѣнія бѣжавшаго убійцы родственникамъ убитаго и выраженіе «кунами ся выкупоти» относятся не къ вирѣ, а къ головничеству⁵⁾. Затѣмъ непонятно, почему количественное различіе въ платежахъ не совмѣстимо съ поступленіемъ ихъ въ пользу князя. Остается только замѣчаніе, что 40 гривенъ, которыя убійца долженъ «положить» за убитаго, шли не князю, потому что за исчисленными тутъ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства. Но, во-первыхъ, нѣкоторые изслѣдователи⁶⁾ думаютъ, что перечень родственниковъ тутъ только примѣрный, не полный, а во-

1) О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Спб., 1849, стр. 38—49.

2) Троицкій списокъ, статья 7-я и 8-я.

3) Тамъ же, статья 41.

4) Тамъ же, статья 42.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

6) *Ланге*. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95; *Сергеевичъ* Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 443—444.

вторыхъ, слова «аще ли не будетъ кто его мстыя» указываютъ на полное отсутствіе законныхъ мстителей, на несуществованіе родственниковъ у убитаго; кто же въ такомъ случаѣ будетъ получать эти 40 гривенъ, какъ не князь? Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ¹⁾, что здѣсь разумѣется и тотъ случай, когда лица, имѣющія право мстить, отказываются отъ него; можно ли допустить даже и въ этомъ случаѣ замѣну мести однимъ частнымъ вознагражденіемъ? Нѣтъ, такъ какъ въ мести былъ, какъ мы видѣли, общественный элементъ.

Итакъ, существованіе въ пространной Русской Правдѣ такихъ наказаній, какъ потокъ и разграбленіе, вира и продажа ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что понятіе о преступленіи имѣло общественный характеръ. Другой вопросъ, насколько силенъ былъ общественный элементъ въ этомъ понятіи? Слѣдуетъ признать его— вмѣстѣ съ г. Сергѣевичемъ ²⁾—довольно слабымъ: общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъ бы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что сама эта власть смотрѣла на свои функціи съ фискальной точки зрѣнія, а интересы общаго блага и общественнаго спокойствія стояли на второмъ планѣ; поэтому и общественный элементъ въ понятіи о преступленіи не могъ быть сильнымъ. Только слишкомъ важныя преступления, какъ убійство «въ разбоѣ», коневая татьба и поджогъ, слишкомъ явно нарушавшія общее благо или грозившія совершеннымъ разореніемъ, наказывались «потокѣмъ и разграбленіемъ»—такимъ видомъ уголовного возмездія, который, при всей своей примитивности, заключалъ въ себѣ больше общественныхъ элементовъ, чѣмъ денежныя платежи въ княжескую казну.

Слабость общественнаго элемента въ понятіи о преступленіи по Русской Правдѣ выступаетъ для насъ съ еще болѣею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это—обида, матеріальный вредъ, а не формальное нарушеніе закона. «Всякое право, взятое въ своей цѣлости», говоритъ Эверсъ, «получаетъ начало свое въ понятіи объ обидѣ... Первоначально все—обида и рѣчи только объ обидахъ» ³⁾. Этотъ же взглядъ,

¹⁾ *Поповъ*. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; *Латке*. Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 98.

²⁾ Лекціи и исслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 440—441.

³⁾ Древнѣйшее русское право. Спб., 1835, стр. 350.

только болѣе обстоятельно, развитъ у Максимовича: въ эпоху Правды Ярослава, по его мнѣнію, господствовало понятіе обиды, то-есть, матеріальнаго, физическаго вреда; въ Правдѣ XIII столѣтія понятіе обиды расширяется: въ него входитъ, какъ элементъ, и оскорбленіе чести другого, но господствующій характеръ преступленія все же зло физическое, матеріальное, выражаемое терминами «мѹка» (по отношенію къ лицамъ) и «пагуба» (по отношенію къ вещамъ) ¹⁾. Точно также и Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что «дѣйствіе считалось преступнымъ въ силу заключающагося въ немъ матеріальнаго (дѣйствительнаго), непосредственнаго зла. Отвлеченнаго понятія о преступности дѣйствія ради одного только зла формальнаго (нарушенія закона), хотя бы это дѣйствіе было само по себѣ и по ближайшимъ, непосредственнымъ своимъ результатамъ безразлично,—въ періодъ Русской Правды не было» ²⁾, и г. Сергѣевичъ ³⁾ присоединяется къ этому взгляду. Вообще онъ не оспаривается, да и едва ли можно что-либо сказать противъ него.

Въ виду этого вполне понятно, что объектомъ преступленія по Русской Правдѣ считаются лишь права лицъ физическихъ, и что нашъ памятникъ не знаетъ цѣлаго ряда преступленій—противъ государства и общества. Это отмѣчено еще Эверсомъ, который, впрочемъ, объяснялъ такое явленіе не понятіемъ о преступленіи, а тѣмъ, что государственная власть имѣла въ то время патріархальное основаніе ⁴⁾. Максимовичъ только отмѣтилъ фактъ, не поставивъ его въ связь съ выясненнымъ имъ же самимъ понятіемъ о преступленіи по Русской Правдѣ ⁵⁾. Такое же замѣчаніе находимъ и у г. Владимірскаго-Буданова ⁶⁾. По нашему мнѣнію, связь между понятіемъ о преступленіи и объектомъ преступленія въ Правдѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но права не всѣхъ физическихъ лицъ подлежали въ тѣ времена уголовной защитѣ и охранѣ. Эта мысль особенно рѣзко выражена Чебышевымъ-Дмитріевымъ. Такъ, права лицъ несвободныхъ — холопа и рабы—не объектъ преступленія: убійство

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 12 и 18.

²⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. Казань. 1862, стр. 92.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 437.

⁴⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 355.

⁵⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 8.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 12.

холопа постороннимъ есть лишь нарушеніе имущественныхъ правъ его господина, наказывается, какъ истребленіе чужой собственности,—«продажей»; убійство несвободнаго своимъ господиномъ ненаказуемо: это видно изъ 84 статьи Троицкаго списка, говорящей о наказаніи за убійство *только чужихъ* холопа и рабы, и признается всѣми изслѣдователями—Чебышевымъ-Дмитріевымъ¹⁾, г. Ведровымъ²⁾, г. Владиміровымъ-Будановымъ³⁾ и др., но оспаривается Ланге, по мнѣнію котораго такой порядокъ существовалъ лишь съ Владиміра Мономаха, да и то лишь при убійствѣ холопа на «свадѣ», за убійство же его «въ разбоѣ» — потокъ и разграбленіе; до Мономаха, по Ланге, убійство холопа наказывалось сорока-гривенною вирой. Онъ доказывалъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, если за кражу холопа князь получилъ 12 гривенъ, а владѣлецъ, въ случаѣ невозвращенія ему его, 5, то должна быть вира или продажа и за убійство холопа; во-вторыхъ, до Мономаха за убійство холопа взымалась всегда вира, ибо при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями она взыскивалась за лишеніе жизни тѣна боярскаго, тѣнъ же боярскій могъ быть и холопомъ; въ-третьихъ, слова 84 статьи Троицкаго списка: «а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтуть» — свидѣтельствуютъ объ отмѣнѣ стараго постановленія о вирѣ за ихъ убійство, такъ какъ «нѣтуть» = «да не будетъ»⁴⁾. Г. Ведровъ дѣлаетъ слѣдующія, вполнѣ основательныя возраженія на эти аргументы: за убійство холопа и платилась продажа; въ статьѣ о вирѣ за убійство тѣна боярскаго рѣчь идетъ о тѣнѣ боярскомъ съ *рядомъ*, то-есть, не холопѣ; объясненіе слова «нѣтуть» въ смыслѣ «да не будетъ» — произвольно⁵⁾.

Чебышевъ-Дмитріевъ не останавливается однако на констатированіи факта непризнанія правъ несвободныхъ въ Русской Правдѣ; онъ утверждаетъ еще, что «вира платилась только за убійство члена извѣстнаго союза, вошедшаго въ составъ тогдашняго общества, или по крайней мѣрѣ за челоуѣка вѣдомаго»; поэтому она не платилась, когда найденъ скелетъ или трупъ неизвѣстнаго: «а по костехъ и по мертвеци не платитъ верви, аже имене не вѣдають, ни знаютъ его» (Троицкій списокъ, статья 15); поэтому же за убійство иностранца князь не получалъ виры: въ

1) О преступномъ дѣйствіи по русскому де-Петровскому праву, стр. 63—66.

2) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, стр. 73, 75.

3) Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 12, 13.

4) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 57—58.

5) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 70—75.

договорахъ Олега и Игоря съ греками говорится только о частныхъ вознагражденіяхъ; то же самое замѣтно и въ договорѣ Смоленска съ Ригой въ 1229 и 1230 годахъ, какъ видно изъ статьи, опредѣляющей 5 гривенъ серебра за насилье дѣвкѣ: этотъ платежъ соотвѣтствуетъ 5 гривнамъ серебра частнаго вознагражденія за это же преступленіе, по церковному уставу Ярослава; наконецъ и договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами въ 1269—1270 годахъ содержитъ тоже только частныя вознагражденія: въ самомъ дѣлѣ, здѣсь прямо сказано, что за сломку старой ограды надо выстроить новую и *ничего болѣе не взыскивать*, между тѣмъ какъ въ Русской Правдѣ за это назначается 3 гривны продажи ¹⁾. Это мнѣніе вызвало критическія замѣчанія гг. Ведрова и Владимірскаго-Буданова. По указанію перваго, нельзя признать правоспособными лицами однихъ только членовъ извѣстныхъ союзовъ по той причинѣ, что за изгоевъ платилась 40 гривенная вира, а они не были членами союзовъ ²⁾. Второй названный изслѣдователь считаетъ невѣрнымъ мнѣніе Чебышева-Дмитріева, опираясь на то наблюденіе, что «права лицъ съ ограниченою правоспособностью ограждаются уголовнымъ закономъ въ одинаковой мѣрѣ съ свободными»: указаніе на это можно видѣть, напримѣръ, въ статьяхъ о закупахъ, а иностранцы — варяги и колбяги — имѣютъ въ этомъ отношеніи даже преимущества передъ гражданами (см. Троицкій списокъ, статья 25); и по договору Новгорода съ нѣмцами, граждане и иностранцы равноправны: «если убьютъ купчину нѣмца въ Новгородѣ, то за голову 10 гривенъ», что равняется 40 гривнамъ Русской Правды ³⁾.

Такимъ образомъ нѣтъ основаній раздѣлять взглядъ Чебышева-Дмитріева на то, что права лицъ, не принадлежащихъ къ какому либо союзу, не были объектомъ преступленія во времена дѣйствія нашего памятника. Чтобы закончить рѣчь объ объектѣ преступленія, остается указать на замѣчаніе г. Владимірскаго Буданова, что правоспособныя лица «пользовались уголовною защитой своихъ правъ не всѣ въ одинаковой степени; такъ, жизнь княжихъ мужей ограждается двойною вирою, за «мѹку» огнищанина 12 гривенъ продажи, а за «мѹку» смерда 3» ⁴⁾. Разборъ спорной статьи «о женѣ» откладываемъ до разсмотрѣнія постановленій объ убійствѣ.

1) О преступномъ дѣйствіи по русскому де-Петровскому праву, стр. 55—62.

2) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 80.

3) Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 13.

4) Тамъ же.

II.

Перейдемъ теперь къ трудному вопросу о субъектѣ преступленія по Русской Правдѣ.

Кто могъ быть преступникомъ по понятіямъ того времени? Г. Владимірскій-Будановъ выражаетъ общепринятый взглядъ, утверждая, что «злудѣнія холоповъ — не преступленія и не навлекаютъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій»¹⁾: такъ за кражу, совершенную холопомъ, продажа князю не взыскивалась (см. Карамзинскій списокъ, ст. 43); господинъ могъ выкупить совершившаго такое преступленіе холопа или выдать виновнаго потерпѣвшему, но продажи не платилъ: ей подлежали только свободные соучастники преступленія, если таковые были (Карамзинскій списокъ, ст. 132); если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и убѣжитъ въ домъ своего господина, то послѣдній обязанъ или выдать его потерпѣвшему или заплатить ему же 12 гривенъ, а затѣмъ, если оскорбленный холопомъ встрѣтитъ его, то, по рѣшенію Ярослава, можетъ его убить, а по уставу Ярославичей бить его, раздѣвши, или взять гривну кунъ «за соромъ» (Карамзинскій списокъ, статья 76). Мы видимъ изъ этихъ постановленій, что взглядъ г. Владимірскаго-Буданова не лишенъ оснований: кража холопа разсматривалась, повидимому, какъ гражданское правонарушеніе, за ударъ, нанесенный холопомъ, не платилась продажа. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться мыслью, что холопъ совершенно не признавался преступникомъ: уже самое право обиженнаго убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи холопа его господиномъ потерпѣвшему указываютъ, что практиковались *личныя* наказанія холоповъ, и эта практика санкціонировалась закономъ. Итакъ въ Русской Правдѣ уже замѣтенъ зародышъ признанія личности холопа, и хотя нѣтъ сомнѣній, что по отношенію къ преступленіямъ свободныхъ и несвободныхъ точка зрѣнія не была одна и та же, все-таки самую княжескою властью въ холопѣ признавалась свободная воля, дурныя проявленія которой подлежали известной уголовной карѣ; мы говоримъ — уголовной, потому что убить или бить холопа — значило примѣнять къ нему личную месть, а месть между тѣмъ, какъ мы видѣли, имѣла несомнѣнное значеніе *общественнаго* наказанія. Можно даже думать, что причина непримѣнимости продажи при преступленіяхъ холоповъ,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 8.

выраженная въ Русской Правдѣ словами «зане суть несвободни», заключается именно въ томъ, что холопъ совершенно не имѣлъ *имущественныхъ* правъ, а не въ томъ, что не признавалась его личность: послѣднее, строго говоря, невѣрно.

Лица правоспособныя, свободныя, всѣ безъ исключенія могли быть преступниками во времена Русской Правды. Это положеніе не нуждается въ доказательствахъ и признано всѣми изслѣдователями.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался изученіемъ Русской Правды, одинъ только Максимовичъ высказался за то, что въ нашемъ памятникѣ не было понятія ни объ отношеніи дѣйствій человѣка къ его разумно-свободной волѣ, ни объ умыслѣ; это, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ признанія въ Русской Правдѣ существеннымъ признакомъ преступления—внѣшняго дѣйствія ¹⁾. Взглядъ Максимовича, построенный на основаніи однихъ только общихъ соображеній, находится въ слишкомъ явномъ противорѣчій съ текстомъ источника, чтобы найти себѣ послѣдователей. Слѣдуетъ считать безспорнымъ, что степенъ участія злой воли въ Русской Правдѣ различалась; вопросъ только въ томъ, какъ далеко проведено было это различіе, и насколько силенъ былъ субъективный элементъ правонарушенія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія прежде всего замѣчанія Ланге: по его словамъ, въ Правдѣ различалось убійство «въ обиду» или «въ разбоѣ», то-есть, злоумышленное, отъ убійства «въ свадѣ» или на пиру, то-есть, въ раздраженіи; впрочемъ, на основаніи 24-й статьи Троицкаго списка ²⁾ Ланге указываетъ, что въ Правдѣ, при опредѣленіи наказанія, послѣдствія преступления цѣнились болѣе, нежели самое направленіе воли; названный изслѣдователь идетъ даже дальше и утверждаетъ, что и при нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ различались два случая, въ свадѣ или безъ свады они нанесены (подробно объ этомъ см. ниже); наконецъ, онъ указываетъ на различіе кражи разныхъ предметовъ, животныхъ и птицъ изъ клѣтки или перевѣса и съ поля ³⁾. По Власьеву, за имущественныя преступленія продажа назначается лишь при наличности злого умысла: такъ она платилась лишь въ томъ случаѣ, если закличуть на

¹⁾ О развитіи идеи преступления по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 10.

²⁾ Аже оударить мечемъ, а не оутнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лечебное; потнетъ ли на смерть, а вира.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 150, 200.

торгу о пропажѣ холопа или покражѣ вещи ¹⁾; при сводѣ платилъ лишь дѣйствительно виновный ²⁾; при неосторожной винѣ, то-есть, отсутствіи злаго умысла, и закушѣ платилъ лишь частное вознагражденіе ³⁾: кто «*пакощами*» порѣжетъ скотъ, тотъ платитъ продажу ⁴⁾; то же назначается и за *злонамѣренный* отказъ платить долгъ ⁵⁾. Власевъ утверждалъ однако, что не было различій въ степени умысла ⁶⁾. Весьма любопытныя соображенія по занимающему насъ вопросу высказалъ Чебышевъ-Дмитріевъ, вообще считающій весьма важнымъ субъективный элементъ въ правонарушеніи по Русской Правдѣ: по его мнѣнію, въ это время «главнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ понятіи преступнаго дѣйствія является преступная злонамѣренность воли, а не извѣстный способъ нарушенія права»; въ Правдѣ такимъ образомъ «въ понятіи преступнаго дѣйствія преобладающимъ является субъективный моментъ»; злонамѣренность дѣйствія—тотъ признакъ, который отличаетъ уголовное преступленіе отъ гражданского правонарушения: «такъ относительно истребленія и поврежденія чужого имущества Русская Правда различаетъ дѣйствія смотря по тому, совершено ли оно «пакощами» («пакости дѣя»), или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ истребленіе и поврежденіе считается преступленіемъ, вызываетъ поэтому платежъ продажи, во второмъ—гражданскимъ правонарушеніемъ, обязывающимъ виновнаго къ одному вознагражденію хозяина вещей ⁷⁾». Сторонниками мнѣнія о вниманіи Русской Правды къ отношенію между преступнымъ дѣйствіемъ и волей дѣятеля являются и гг. Сергѣевичъ ⁸⁾ и Владимірскій-Будановъ. Послѣдній, вопреки Власеву, признаетъ, что въ Правдѣ различается *степень* умысла: «количество злой воли предполагается большимъ при истребленіи, чѣмъ при кражѣ тѣхъ же самыхъ вещей»: за злонамѣренное истребленіе чужого скота—12 гривенъ продажи, а за кражу его 3 гривны. Вмѣстѣ съ Ланге г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что «при наличности злой воли различіе *результата-*

1) Троицкій списоць, статьи 26 и 27.

2) Тамъ же, статьи 29 и 33.

3) Тамъ же, статьи 53 и 54.

4) Тамъ же, статьи 80.

5) Тамъ же, статья 43.

6) О вывѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 183—185.

7) О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 91, 86, 85.

8) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 439.

тово преступленія вліяеть на уголовную оцѣнку дѣянія»¹⁾. Весьма любопытно, наконецъ, мнѣніе г. П. Бѣляева: онъ думаетъ, что Русская Правда «лишь въ нѣкоторыхъ правонарушеніяхъ требуетъ для бытія наказуемой неправды наличности субъективнаго элемента»: такіа правонарушения—убійство, татьба, злонамѣренное истребленіе скота, нарушеніе правильныхъ закупническихъ отношеній. Но гораздо чаще Правда «заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушенія на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушения къ наличной внѣшней»: такъ татемъ считается тотъ, кто не отвелъ отъ себя слѣда, и тотъ, кто обладаетъ чужою вещью, но не можетъ указать своего аuctor'a; подобное же явленіе замѣчается въ 55 статьѣ Троицкаго²⁾ списка и въ 14 статьѣ Академическаго³⁾. Наконецъ, весьма часто Русская Правда «проводитъ чисто-объективную точку зрѣнія на наказаніе и возмѣщеніе ущерба—игнорируетъ совершенно внутреннюю сторону дѣянія», «знаетъ наказаніе безъ вины», какъ видно, по мнѣнію г. Бѣляева, изъ 50-й статьи Троицкаго списка; та же объективная точка зрѣнія—при мести: игнорируется, былъ ли виновенъ, или нѣтъ, тотъ, кому мстять; то же при нанесеніи ранъ, увѣчій, мученій, преступленій противъ чести и пр. (Троицкій списокъ, статьи 18, 22, 23, 25, 60, 61, 71, 72; Карамзинскій списокъ, статья 28; Троицкій списокъ, статьи 64—66, 74, 79, 84 и пр.)⁴⁾.

Попытаемся разобраться въ этихъ довольно разнообразныхъ взглядахъ. Уже одно сопоставленіе изложенныхъ здѣсь нами мнѣній и ихъ основаній въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что отличительною чертой преступленія въ Русской Прав-

1) Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 9.

2) Аже господинъ переобидитъ закоупа, а оувидитъ купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити кунъ, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ: а, господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ; аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть: бьетъ ли не смысла пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободномъ платежъ, такоже и въ закупѣ.

3) Аще гдѣ възышетъ на друзѣ проче, а онъ ся заирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да аще боудеть обидя не вдалъ, боудеть достойно емоу свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.

4) Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды, въ „Сборникѣ правовѣднія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18—19, 23, 25 и 26.

дѣлать служить наличность злой воли дѣятеля: въ этомъ отношеніи правы Чебышевъ-Дмитріевъ, Власьевъ и др. Можно принять и достаточно обоснованную текстомъ памятника поправку г. П. Бѣляева, что Правда дѣлаетъ заключеніе о наличности злой воли по внѣшнимъ признакамъ, но едва ли вѣрно другое замѣчаніе того же изслѣдователя—о томъ, что Русская Правда «знаетъ наказаніе безъ вины», держится чисто-объективной точки зрѣнія на преступленіе, то-есть, если мы вѣрно понимаемъ г. Бѣляева, наказываетъ, напримѣръ, за ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой, не обращая вниманія, нанесенъ ли онъ умышленно, или по неосторожности или случайности. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ ему подобныхъ, на которые ссылается г. Бѣляевъ, Правда такъ же, «примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной внѣшней», какъ она дѣлаетъ это въ статьяхъ о «сводѣ». Совершенно непонятно, какъ можетъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Бѣляева 50-я статья Троицкаго списка; въ ней находятся неопровержимыя доказательства вниманія Русской Правды къ субъективной, внутренней сторонѣ дѣянія: тутъ противоплагаются два случая: первый, когда купецъ съ чужими деньгами «истопиться, либо рать возметъ, ли огонь»,—тогда нѣтъ преступленія, а купецъ возмѣщаетъ убытки довѣрителей, не стѣсняясь сроками платежа: второй случай—«аже ли *пробьетъ* или *протѣтъ*, а въ *безуми* чюжь товаръ испортитъ»,—тогда онъ виновенъ и можетъ быть проданъ въ рабство. Неубѣдительно, наконецъ, и ссылка на мечь: вѣдь мечь назначалась главнымъ образомъ за убійство, а при наказаніи за это преступленіе принимался во вниманіе субъективный элементъ, какъ признаетъ и самъ г. Бѣляевъ. Итакъ: наличность злой воли и умысла была непремѣннымъ условіемъ признанія факта преступленія, хотя иногда Правда и заключала объ умыслѣ по однимъ внѣшнимъ признакамъ; объективнаго отношенія къ преступленію въ Правдѣ не было.

Другой вопросъ—о *степени* умысла: кто правъ, Власьевъ ли, отрадающій различеніе ея въ Русской Правдѣ, или Ланге и г. Владимірскій-Будановъ, признающіе, что нашъ памятникъ различаетъ степень умысла? Въ дѣлахъ объ убійствѣ, какъ показываютъ термины убійство «въ разбоѣ» и убійство «въ свадѣ или на пиру явлено» и различная степень наказуемости каждаго изъ этихъ видовъ убійства¹⁾, различалась степень умысла. То же самое надо сказать и о воровствѣ-кражѣ: отличается кража изъ клѣти или изъ хлѣва и кража съ поля²⁾ и послѣдняя считается

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 3, 4 и 5.

²⁾ Тамъ же, статья 37 и 38.

не гражданскимъ правонарушеніемъ, а уголовнымъ преступленіемъ, обнаруживающимъ однако меньшее напряженіе злой воли, чѣмъ первая, почему караемымъ меньшею продажей. Такимъ образомъ правы Ланге и г. Владимірскій-Будановъ, — но только отчасти: не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Ланге признавать вниманіе Русской Правды къ *степени* напряженности злой воли въ постановленіяхъ о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ: ни въ одной статьѣ, посвященной этимъ преступленіямъ, нѣтъ ни намека на вниманіе къ этому; степень наказуемости при этихъ преступленіяхъ опредѣлялась не напряженностью преступной воли, а результатами преступнаго дѣянія и большею или меньшею его оскорбительностью для потерпѣвшаго. Вотъ почему, напримѣръ, за ударъ какимъ либо тупымъ орудіемъ или необнаженнымъ мечемъ назначено было 12 гривенъ продажи, а за ударъ обнаженнымъ мечемъ, не причинившій смерти потерпѣвшему, только 3 гривны, тогда какъ въ случаѣ его смерти платилась вира ¹⁾. Не различалась степень умысла также и въ другихъ имущественныхъ преступленіяхъ, кромѣ воровства-кражи, — здѣсь, какъ и по отношенію къ увѣчьямъ, ранамъ и побоямъ, надо согласиться съ Власевымъ ²⁾.

Пойдемъ далѣе въ анализѣ субъективной стороны преступнаго дѣянія. Г. Владимірскій-Будановъ дѣлаетъ весьма важное указаніе на то, что въ Русской Правдѣ признавалось вліяніе аффекта на степень наказуемости: если кто либо, получивъ ударъ какимъ либо тупымъ орудіемъ, не стерпѣвъ, ударить обидчика мечемъ, «то вины ему въ томъ нѣтъ» (Троицкій списокъ, статья 20 ³⁾): Этотъ случай нельзя, подобно Калачову ⁴⁾, отнести исключительно къ законной самооборонѣ, такъ какъ тутъ центръ тяжести лежитъ въ словахъ «не терпя», несомнѣнно указывающихъ на аффектъ.

Спорнымъ является вопросъ о томъ, существуетъ ли въ Русской Правдѣ понятіе о сообщничествѣ или соучастіи? Максимовичъ не признавалъ его существованія въ то время ⁵⁾. Противоположную крайность представляетъ мнѣніе Ланге, видѣвшаго понятіе о сообщничествѣ и въ статьяхъ Русской Правды объ убійствѣ: это онъ выводилъ изъ 18-й статьи Академическаго

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 18, 20, 24.

²⁾ Тамъ же, статьи 63—66, 68, 69, 74 и пр.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып., II, стр. 10.

⁴⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, заключеніе е изъ III главы III отдѣленія—объясненіе конца статьи ХCVIII.

⁵⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 18.

списка: «аще оубьютъ (то-есть, нѣсколько человѣкъ) огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ оубійци», то-есть, каждому изъ убійць¹⁾. Ясно однако же, что выраженіе «оубьютъ» вовсе не указываетъ на нѣсколько убійць, а есть выраженіе безличное, въ смыслѣ «если кто либо убьетъ». Тѣмъ не менѣ нельзя отрицать существованіе понятія о соучастіи въ Русской Правдѣ, только оно ограничено случаями воровства-кражи: такъ въ 37-й статьѣ Троицкаго списка говорится: «Аже крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ или клѣть, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны по 30 кунъ платитъ», въ 38-й—читаемъ: «Аже крадетъ скоть на поли, ілі овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ»; соответствующія этимъ постановленія находимъ и въ краткой Правдѣ²⁾; наконецъ, на соучастіе въ кражѣ указываетъ еще слѣдующая статья пространнаго текста: «Аже холопъ крадетъ кого либо, то господину выкупати ѿ любо выдати ѿ съ кимъ будетъ крадь, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будутъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати; пакн ли а выкупаешъ господинъ; аже будетъ свободни съ нимъ крали или хоронили, то князю въ продажѣ»³⁾. На основаніи этихъ статей Власевъ совершенно справедливо признаетъ понятіе о соучастіи въ Русской Правдѣ мало развитымъ⁴⁾, что правильно разъясняется г. Владимірскимъ-Будановымъ въ томъ смыслѣ, что въ Правдѣ не различается главное виновничество: всѣ сообщники наказываются одинаково⁵⁾.

Далѣе Максимовичъ⁶⁾ и Власевъ⁷⁾ находятъ, что въ Русской Правдѣ нѣтъ понятія о покушеніи, и причину этого первый видитъ въ признаніи необходимымъ условіемъ преступленія пагубнаго послѣдствія его, второй же въ отсутствіи въ Правдѣ понятія о степени умысла и въ недостаточномъ развитіи процесса. Противоположный взглядъ высказанъ Поповымъ⁸⁾, Кала-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 113.

²⁾ Академическій списокъ, статьи 29 и 40.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 115.

⁴⁾ О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 187—188.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 11.

⁶⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 11 и 19.

⁷⁾ О вмѣненіи, стр. 186—187.

⁸⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 87.

човымъ ¹⁾ и г. Владимірскимъ-Будановымъ ²⁾, и къ нему нельзя не присоединиться, такъ какъ онъ опирается на текстъ источника, именно на статью: «Аже ли вынезь мечь, а не оутнетъ, то гривна кунь» ³⁾ или, какъ сказано въ краткой редакціи, «то той гривноу положить» ⁴⁾.

Чтобы закончить рѣчь о субъектѣ преступленія въ изучаемомъ памятникѣ, остается упомянуть о правѣ законной самообороны; признаніе этого права Калачовъ ⁵⁾ и г. Владимірскаго-Буданова ⁶⁾ видятъ въ дозволеніи убить ночнаго татя на мѣстѣ преступленія (см. 38-ю статью Академическаго списка и 36-ю Троицкаго).

III.

Выяснивъ общее понятіе о преступленіи въ нашемъ источникѣ, мы должны теперь произвести подробный обзоръ постановленій Русской Правды объ отдѣльныхъ видахъ уголовныхъ преступленій.

За убійство, по древнѣйшей Правдѣ, назначалась мечь, причемъ въ текстѣ источника перечислены слѣдующіе мстителі: отецъ, сынъ, братъ, двоюродный братъ, племянникъ ⁷⁾. Одни видятъ здѣсь полный перечень законныхъ мстителей, другіе—только примѣрный. Если держаться порваго мнѣнія, то надо признать, что тутъ введено ограниченіе первобытнаго, основаннаго лишь на обычай, права мести. Такъ думаютъ Эверсъ ⁸⁾, Поповъ ⁹⁾, Иванишевъ, видѣвшій цѣль ограниченія числа мстителей въ финансовой выгодѣ отъ виры ¹⁰⁾, Чебышевъ-Дмитріевъ, полагавшій, что ограниченіе состояло въ замѣнѣ междусюзной мести вирой и въ томъ, что осталась лишь мечь родственниковъ внутри общины ¹¹⁾,

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе С статьи.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 12.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 19.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 8.

⁵⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXXV и LXXXVI и заключенія изъ главы.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 10.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 1.

⁸⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 338.

⁹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 37.

¹⁰⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирой. Кіевъ, 1840, стр. 103.

¹¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 13.

Бѣляевъ ¹⁾, г. Стефановскій ²⁾ и г. Ведровъ ³⁾. Сторонники мнѣнія о примѣрномъ перечнѣ—Ланге и г. Сергѣевичъ. Ланге доказываетъ, что въ данномъ мѣстѣ нельзя понимать текстъ Правды буквально, такъ какъ тогда пришлось бы утверждать, что дядя не имѣлъ права мстити за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ въ случаѣ убійства дяди, и что Правда дозволяла мстити однимъ мужчинамъ, а не женщинамъ и единственно за убійство мужчинъ ⁴⁾. Г. Сергѣевичъ подкрѣпляетъ послѣднее соображеніе Ланге—о томъ, что мстили и за женщинъ,—ссылкой на извѣстіе Начальной лѣтописи, что, по приказанію Святославова «мужа», Яна, волхвамъ, появившимся въ Бѣлозерской области и убивавшимъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ мѣшаютъ урожаю, мстили за убійство матерей и сестеръ ⁵⁾. Въ доказательство мнѣнія со стороны женщинъ можно указать на извѣстную месть Ольги за Игоря.

Итакъ несомнѣнно, что указанія Русской Правды на кругъ мстителей и на лица, за которыхъ мстили, имѣютъ значеніе только примѣрнаго перечня. Слѣдовательно, мы не имѣемъ права утверждать, что въ этомъ отношеніи Ярославомъ произведены были какія либо перемѣны въ обычномъ правѣ: юридическій обычай продолжалъ дѣйствовать во всей своей неприкосновенности: месть «членовъ рода» ⁶⁾ за убійство—не Ярославово нововведеніе, а правовой обычай.

Но и въ періодъ дѣйствія кровной мести существовали условія, при которыхъ месть не примѣнялась. Эти условія выражены въ Русской Правдѣ словами: «аще ли не будетъ кто его мсты»; въ этомъ случаѣ полагался платежъ по древнѣйшей Правдѣ, всегда 40 гривенъ, а по позднѣйшей, 80 гривенъ, если убитый былъ «князь мужъ» или княжескій тиунъ, и 40 гривенъ, если то былъ русинъ гридь, купецъ, тиунъ боярскій, мечникъ, изгой, славянинъ ⁷⁾. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе три вопроса: о значеніи словъ «оже ли не будетъ кто его мсты», о томъ, кому платились эти 80 и 40 гривенъ, наконецъ, почему мы тутъ встрѣ-

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 183.

²⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 13, прим. 2.

³⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 49.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95.

⁵⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 443—444.

⁶⁾ Слова г. *Владимірскаго-Буданова*. Очеркъ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 22.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 1; Троицкій списокъ, статья 1.

чаемся съ этимъ перечнемъ лицъ разныхъ общественныхъ состояній? Относительно перваго вопроса всѣ согласны, что тутъ разумѣется случай, когда нѣтъ мстителей ¹⁾, но Поповъ ²⁾ и Ланге ³⁾ кромѣ того еще полагаютъ что вообще можно отказываться отъ права мести. Мнѣніе послѣднихъ двухъ изслѣдователей слѣдуетъ признать вполне справедливымъ: выраженіе «оже ли не будетъ кто его мстыя» соотвѣтствуетъ грамматически выраженіямъ «оже будетъ убиль», «будетъ ли самъ почаль» и отличается отъ нихъ лишь временемъ причастія (съ одной стороны «мстыя», съ другой «убиль», «почаль»): въ послѣднихъ выраженіяхъ прошедшее, а въ первомъ настоящее время; поэтому точный переводъ будетъ: «если же никто не мститъ». Отвѣтъ на второй поставленный выше вопросъ,—кому шли платежи въ 80 и 40 гривенъ, данъ нами раньше при изслѣдованіи общаго понятія о преступленіи въ Русской Правдѣ: эти суммы поступали князю. Третій вопросъ рѣшается не всѣми одинаково. Иванишевъ дѣлаетъ предположеніе, что перечень лицъ разныхъ общественныхъ состояній приведенъ съ цѣлью отмѣнить личность права, будто бы господствовавшую раньше, и ввести *ius territorii* ⁴⁾; но правильнѣе, вслѣдъ за Калачовымъ ⁵⁾, объяснить дѣло тѣмъ, что тутъ мы встрѣчаемся со слитіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній въ одну общую форму.

Сыновья Ярослава, послѣ его смерти, уничтожили мечь за убійство и ввели денежный выкупъ ⁶⁾. О какомъ выкупѣ здѣсь говорится? Въ пользу ли князя онъ шелъ, или въ пользу родственниковъ убитаго? Это—во-первыхъ. А затѣмъ высказываются сомнѣнія и въ полной отмѣнѣ мести Ярославичами. На этомъ и надо намъ теперь сосредоточить свое вниманіе. Еще Иванишевъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи родственниковъ убитаго, головничествѣ ⁷⁾. Этотъ взглядъ

¹⁾ См., напр., „Правда Русская“, изданіе любителей отечественной исторіи, М., 1799, стр. 1; *Эверс*, Древнѣйшее русское право, стр. 309 и 370; *Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

⁴⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 90—91.

⁵⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе первое, разборъ мнѣній Погодина.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁷⁾ О платѣ за убійство, стр. 95—96.

имѣть также и другихъ представителей въ лицѣ Ланге¹⁾ и г. Сергѣевича²⁾. Мы уже говорили, что такое объясненіе слѣдуетъ признать вѣрнымъ, но это еще не значитъ, что при Ярославичахъ не платилась вира князю за убійство: на ея существованіе въ то время, какъ было уже замѣчено, указываютъ слова: «а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже і сыновѣ его оуста-виша»³⁾. Два изслѣдователя—Эверсъ и Нейманъ—высказались за то, что дѣти Ярослава не отмѣнили мести за убійство. Доказательство этого первый видѣлъ въ томъ, что Правда XIII столѣтія представляетъ собою сборникъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ, между тѣмъ въ ней есть постановленіе о мести. Ярославичи, по Эверсу, замѣнили мечь денежнымъ выкупомъ лишь въ томъ случаѣ когда мертвое тѣло найдено будетъ въ предѣлахъ верви, а убійца не отысканъ: они запретили мстить всей верви и установили денежное взыскаііе съ нея⁴⁾. По Нейману, виры и при Ярославичахъ платились только въ случаяхъ, во-первыхъ, незаконности убійства (то-есть, при убійствѣ не изъ мести и не изъ-за обороны), притомъ при отсутствіи мстителей; во-вторыхъ, когда мечь, по древнему праву, падала на вервь. Мнѣніе обо-ихъ названныхъ изслѣдователей о законности мести при сыновьяхъ Ярослава опровергается подлинными словами Русской Правды «по Ярославі же паки совкупившеса сыновѣ его... і отложиша оубиеніе за голову»⁵⁾.

Остается еще выяснитъ, въ чемъ состояла мечь, и чѣмъ обезпечивалось правильное ея выполненіе. Прежде смѣшивали мечь съ судебнымъ поединкомъ или «полемъ», о которомъ въ дѣйствительности не упоминается въ Русской Правдѣ: такое смѣшеніе находимъ у Болтина⁶⁾, Успенскаго⁷⁾, Раковецкаго⁸⁾, Калайдовича⁹⁾. Это мнѣніе давно и заслуженно оставлено; достаточно замѣтить только одно: «поле» — видъ судебныхъ доказательствъ, родъ

1) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

2) Лекціи и изслѣдованія, стр. 448—449.

3) Троицкій списокъ, статья 2.

4) Древнѣйшее русское право, стр. 418, прим. 5.

5) Троицкій списокъ, статья 2.

6) „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 11.

7) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ, 1818, стр. 491.

8) Prawda Ruska, t. II, w Warszawie, 1822, стр. 133, прим. 36.

9) Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ, въ „Русскомъ Историч. Сборникѣ“, т. I, книга IV, стр. 4—6.

суда Божія, мечь—не процессуальный актъ, а уголовное взысканіе; уже изъ этого видно, какъ глубоко заблуждались Болтинъ и его послѣдователи. Ланге высказалъ мнѣніе, что мечь даже и за убійство не состояла непременно въ убійствѣ же, а просто была правомъ самосуда, опредѣлялась волей мстителя, ибо нельзя допустить, чтобы за увѣчье убивали, а между тѣмъ въ Правдѣ прямо сказано, что за увѣчье существовало мщеніе. Итакъ мститель могъ нанести побои, убить, изувѣчить, взять выкупъ и даже примириться ¹⁾. Совершенно расходится съ Ланге Чебышевъ-Дмитріевъ: онъ убѣжденъ, что при мщеніи руководились преданіемъ или обычаемъ, а не личнымъ произволомъ ²⁾. Г. Сергѣевичъ присоединяется къ Ланге: по его мнѣнію, родъ мести опредѣлялся въ каждомъ частномъ случаѣ темпераментомъ ³⁾. Правильное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса зависитъ отъ того, чѣмъ обезпечивалось законное выполненіе мести. Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что для мести надо было доказать фактъ обиды, и ссылается при этомъ на 2-ю статью Академическаго списка ⁴⁾, судя по которой, только доказавъ фактъ обиды, можно было мстить ⁵⁾, Г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что мстить можно было только взволнованному человѣку и немедленно послѣ нанесенія ему обиды: такъ въ 3-й статьѣ Академическаго списка ⁶⁾ выкупъ назначается за ударъ только въ томъ случаѣ, если обиженный «не постигнетъ» обидчика, то-есть, если онъ его постигнетъ, то можетъ отомстить; изъ 20-й статьи Троицкаго списка ⁷⁾ видно, что, если обиженный перенесъ оскорбленіе дѣйствіемъ въ моментъ его нанесенія, то послѣ нельзя уже отомстить за него ударомъ меча. Притомъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, мечь предшествовала суду, и затѣмъ судъ лишь разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ той же 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, нанеся ударъ мечемъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести ⁸⁾. Наконецъ, и г. Владимірскій-

1) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

2) О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 36.

3) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 441.

4) Или будѣтъ кровавъ или синь надоразень, то не искати емоу видока... оже ли себе не можетъ мстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда.

5) О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 12.

6) Аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу копецъ.

7) Аже кто кого оударитъ батою, то 12 гривень; не терпя ли противу тому оударитъ мечемъ, то вини ему въ томъ нѣтуть.

8) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 44.

Будановъ полагаетъ, что месть соединяется съ судомъ, то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при побояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка) или послѣдующей санкціи (чаще)¹⁾.

Изъ всѣхъ изслѣдователей, мнѣнія которыхъ только что изложены, вполне правъ только одинъ Чебышевъ-Дмитріевъ: его взглядъ на необходимость предварительнаго судебного рѣшенія для выполненія мести основанъ на несомнѣнныхъ данныхъ, на текстѣ 2-й статьи Академическаго списка, не допускающемъ двусмысленнаго толкованія. Этого нельзя сказать о мнѣніи г. Сергѣевича: едва ли третья статья краткой Правды можетъ служить аргументомъ въ пользу мнѣнія о законности мести только въ состояніи раздраженія: г. Сергѣевичъ, очевидно, смѣшиваетъ законную самооборону съ местию; право законной самообороны признается и теперь, но никто не будетъ утверждать, что въ настоящее время дозволена закономъ месть; смыслъ 3-й статьи краткой Правды заключается въ томъ, что за ударъ тупымъ орудіемъ назначается 12 гривенъ продажи, но платится эта продажа лишь въ томъ случаѣ, если обиженный не отвѣтитъ ударомъ же; слѣдовательно, если обидчикъ получилъ отвѣтный ударъ, который со стороны обиженнаго есть въ данномъ случаѣ простое примѣненіе права законной самообороны, то онъ освобождается отъ уплаты продажи: отвѣтный ударъ зачитается ему вмѣсто наказанія. Подобное явленіе встрѣчается въ пространной Русской Правдѣ, въ 23-й статьѣ Троицкаго списка²⁾: зачинщикъ драки платитъ 60 кунъ продажи, но если окажется, что его избили до синяковъ, то съ него не взыскивается продажа: синяки и кровь—достаточное наказаніе. Никто не будетъ толковать этого постановленія въ смыслѣ сохраненія мести и законности ея лишь подъ живымъ впечатлѣніемъ насилія: это не месть, а осуществленіе права законной самообороны. Подобное же смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ по своей юридической природѣ явленій съ особенною ясностью выступаетъ въ объясненіи г. Сергѣевичемъ 20-й статьи Троицкаго списка: онъ и здѣсь опять видитъ не что иное, какъ месть, тогда какъ здѣсь та же законная самооборона, усложненная еще аффективнымъ состояніемъ обороняющагося. А

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 21—22.

²⁾ Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова; а кто будетъ почаль, тому плати (=платити) 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ, или будетъ самъ почаль, а выльзуть послуси, то то ему за платежъ, оже и блин.

если вѣрно, что въ 3-й статьѣ Академическаго списка и въ 20-й Троицкаго нѣтъ ни слова о мести, то падаетъ основаніе взгляда гг. Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, что месть часто или даже всегда требовала послѣдующей санкціи суда. Пока не будетъ приведено новыхъ доказательствъ этой мысли, надо присоединиться къ взгляду Чебышева-Дмитріева, что законная месть имѣла всегда мѣсто лишь послѣ предварительнаго судебнаго рѣшенія: такъ было, по всѣмъ признакамъ, въ эпоху краткой Русской Правды. А если правильное выполненіе мести требовало предварительнаго приговора суда, что подтверждается и лѣтописными данными—извѣстнымъ, уже упомянутымъ выше, рассказомъ о Янѣ и бѣлозерскихъ волхвахъ,—то несомнѣнно, что и родъ мести, то, въ чемъ она состояла, опредѣлялось не темпераментомъ и не личнымъ произволомъ, а преданіемъ и обычаемъ, по справедливому замѣчанію Чебышева-Дмитріева. Для избѣжанія недоразумѣній напомнимъ, что рѣчь идетъ не о первобытной кровной мести—ея изученіе выходитъ за предѣлы нашей задачи,—а о мести въ эпоху краткой Русской Правды, во второй четверти XI вѣка, при Ярославѣ, когда уже два почти вѣка «княжили и володѣли» Русскою землею призванные властители.

Если никто не мстилъ, то платилась вира и при Ярославѣ; она однако примѣнялась въ то время, очевидно, не часто, такъ какъ надо думать, что въ большинствѣ случаевъ мстители находились. Первостепенное значеніе въ качествѣ обычнаго наказанія за убійство вира приобрѣла позднѣе, съ отмѣной мести Изяславомъ и его братьями.

Относительно размѣровъ виру существуетъ два мнѣнія: одни ¹⁾ думаютъ, что было только три нормы виру: 80 гривенъ или двойная вира, платившаяся за убійство княжескаго мужа или княжескаго тиуна, 40 гривенъ или простая вира, платившаяся за русина, гридя, купца, тиуна боярскаго, мечника, изгоя, славянина, и 20 гривенъ или полувирье; по мнѣнію другихъ ²⁾, вирами были

¹⁾ *Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 49—50; *Ланге*, Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 107; *Власъевъ*, О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 155—156; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

²⁾ *Рейцъ*, Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, переводъ Морошкина, Москва, 1836, стр. 180; *Иваннишевъ*, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 92; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXX—LXXXII; *Ведроговъ*, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 54.

и платежи въ 12, 6 и 5 гривенъ. Вторая группа изслѣдователей не приводитъ доказательствъ своего мнѣнія, но, повидимому, основываетъ его на томъ мѣстѣ, которое занимаютъ въ Правдѣ статьи о платежахъ въ 12, 6 и 5 гривенъ. Ланге попытался обставить свой взглядъ доказательствами: онъ полагаетъ, что статьи 18—24 краткой редакціи и имъ соотвѣтствующія въ пространной говорятъ не о вирѣ, а о головничествѣ: за убійство огнищанина, княжескаго подвѣзнаго, княжескаго тиуна огнищнаго и конюшаго назначалось головничество въ 80 гривенъ, за убійство княжескаго отрока, конюха и повара въ 40 гривенъ, за убійство сельскаго или ратайнаго княжескаго тиуна, ремесленника, ремесленицы, кормильца, кормилицы, рядовича—головничество въ 12 гривенъ, наконецъ, 5 гривенъ головничество за смерда и холопа, а 6 гривенъ за рабу; соображенія, доказывающія это мнѣніе, заключаются въ слѣдующемъ: 1) 12, 6 и 5 гривенъ не виры, такъ какъ въ Правдѣ уже 20 гривенъ называется полувирьемъ; притомъ подъ людьми разумѣются и холопы, а о вирѣ за людиновъ сказано выше; было бы кромѣ того странно, что плата за умерщвленіе холопа (5 гривенъ) ниже платы за его похищеніе (12 гривенъ); наконецъ, 6 и 5 гривенъ не виры еще потому, что, по Ланге, съ Мономаха дѣйствовало постановленіе: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть»; 2) 80 и 40 гривенъ тоже не виры, такъ какъ стоятъ въ связи съ 12, 6 и 5 гривнами, о вирѣ въ 80 гривенъ за тиуна огнищнаго нечего повторять: о ней говорилось при указаніи виры за княжихъ мужей; и княжескіе отроки, конюхи и повара — тоже княжескіе мужи, значить, вира за нихъ не 40, а 80 гривенъ; 3) всѣмъ этимъ статьямъ чего-то недостаетъ для опредѣленности смысла; въ предыдущей (8-й Троицкаго списка) статьѣ сказано: «а за голову 3 гривны»; это относится не къ 8-й статьѣ Троицкаго списка, ибо особой платы за голову при 80-гривенной вирѣ; быть не могло, такъ какъ ея не было и при 40-гривенной вирѣ; слова эти относятся къ слѣдующимъ статьямъ (9—14 Троицкаго списка) и тутъ ошибка: вмѣсто 3 надо <ти>; то-есть, «слѣдующія»: и стерлось, а т переписчикъ принялъ за г; въ Пушкинскомъ спискѣ сказано просто: «а за голову гривны»¹⁾.

Не всѣ доказательства Ланге убѣдительны: послѣднее сомнительно уже потому, что приходится прибѣгать къ передѣлкѣ текста; во всякомъ случаѣ, если признать тутъ текстъ испорченнымъ, что вѣроятно, то лучше не прибѣгать къ формѣ «ти», а прямо принять чтеніе Пушкинскаго списка; нельзя также считать

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 136—138.

княжескаго отрока, конюха и повара княжими мужами, такъ какъ «князь мужъ» = бояринъ, членъ старшей дружины; наконецъ, совершенно напрасно Ланге причисляетъ къ людямъ и холоповъ: можно считать общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, что терминомъ «людинъ» обозначался свободный человѣкъ. Но прочіе доводы сохраняютъ свою силу, и въ общей своей мысли Ланге вполне правъ: все это—частныя вознагражденія, что подтверждается еще и тѣмъ, что за убійство холопа назначалось 12 гривенъ продажи ¹⁾, слѣдовательно, здѣсь 5 гривенъ—урокъ, а всѣ эти статьи въ тѣсной взаимной связи.

Извѣстно, за кого платилась двойная и простая вира. Но спорнымъ является вопросъ, когда платилось полувирье? Вопросъ этотъ рѣшался въ двухъ направленіяхъ: одни ²⁾ полагали, что въ извѣстной статьѣ Русской Правды «о женѣ» ³⁾ рѣчь идетъ о женщинѣ вообще, другіе ⁴⁾, что о женѣ въ смыслѣ супруги. Соответственно этому дѣлались и нѣкоторыя коньектуры въ текстѣ. Доказать первое мнѣніе, хотя и ненадежнымъ образомъ, старается только Неволинъ: онъ указываетъ, что за статьёй «о женѣ» слѣдуетъ статья: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть», гдѣ говорится о платежѣ урока господину убитаго холопа, т. е., о платѣ за убійство чужого, а не своего холопа; значить, и предыдущая статья говорить объ убійствѣ посторонней женщины, а не своей жены ⁵⁾. Это основаніе чрезвычайно шатко: система въ Правдѣ есть, но чисто-впѣшняя, и невозможно предположить вниманіе составителя сборника къ такимъ тонкостямъ. Второе мнѣніе основывается на томъ соображеніи, что за убійство женщины, какъ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

²⁾ *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. I, глава III, изд. 5-е, Эйнерлинга, С.-Пб. 1842, стр. 25 и прим. 67; *Раковецкій*, Prawda Rnska, t, II стр. 145, прим. 76; *Магтевскій*, Slavische Rechtsgeschichte, übersetzt von Buss und Nawrocki, 2-er Theil. Stuttgart und Leipzig. S. 144, Anm, 173; *Ивантшевъ*, О платѣ за убійство, стр. 93; *Неволинъ*, Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 78—79; *Ведровъ*, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 60.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 83.

⁴⁾ *Волтинъ*, „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи, стр. 84; *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право, стр. 394; *Рейнъ*, Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, стр. 180; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXIX; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 112; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

⁵⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 78, прим. 185.

и мужчины, платится полная вира: еще Иванишевъ видѣлъ доказательство этого въ одинаковомъ платежѣ за ремесленника и *ремесленнику*, за кормильца и *кормилицу* «хотя си холопъ, хотя си *раба*»¹⁾, но замѣчаніе Иванишева не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія: тутъ рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи, урокъ, а не вирѣ: г. Владимірскій-Будановъ указываетъ, что, по другимъ славянскимъ законодательствамъ и позднѣйшему русскому праву, убійство женщины и мужчины наказывается одинаково²⁾. Онъ предлагаетъ измѣнить чтеніе «оже будетъ виноватъ» на болѣе понятное «виновата». Смыслъ всего постановленія получается тогда такой: если мужъ убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судить, какъ за убійство мужчины (то-есть, подвергать той же вирѣ), а если она сама въ этомъ виновата (то-есть нарушила супружескую вѣрность), то полвиры, 20 гривенъ³⁾. Такъ какъ чтеніе «виновата» мы встрѣчаемъ въ спискахъ Карамзинской редакціи⁴⁾, то такое объясненіе статьи «о женѣ» представляется самымъ вѣроятнымъ. Совершенно оригинально понимаетъ вторую половину этой статьи Ланге; по его мнѣнію, тутъ рѣчь идетъ объ общей платѣ за убійство «въ свадѣ»: по вновь изданному закону, зачинщикъ свадьбы платилъ полувиры⁵⁾, — объясненіе столь же оригинальное, какъ и ни на чемъ не основанное.

Вира платилась не за всякое убійство, а только за убійство, бывшее слѣдствіемъ ссоры или совершенное на пиру открыто⁶⁾. Но характерно, что, тогда какъ головничество всегда имѣло личный характеръ, платилось исключительно самимъ убійцей⁷⁾, вира платилась иногда вервью или съ помощью отъ верви. Но условія платежа виры вервью удобнѣе разсматривать въ связи съ разборомъ вопроса вообще о значеніи верви, такъ что мы оставимъ пока это въ сторонѣ.

Кромѣ убійства въ ссорѣ или на пиру открыто, Русская Правда знаетъ еще убійство «въ разбоѣ», то-есть, злоумышленное убійство. Оно наказывалось не вирой, а «потокомъ и раз-

¹⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 93.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

³⁾ Тамъ же. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что и по Псковской судной грамотѣ, статья 15, (изд. Мурзавевича), князь получалъ продажу при убійствѣ въ семьѣ.

⁴⁾ См. Карамзинскій списокъ, статья 101.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 122.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 4.

⁷⁾ „А головничество самому головнику“: Троицкій списокъ, статья 4.

грабленіемъ»¹⁾. Мы говорили уже выше о томъ, какъ понималъ сущность этого наказанія Поповъ. Его взглядъ въ общемъ раздѣляется всѣми²⁾. Только Раковецкій³⁾ считалъ потокъ неволей, рабствомъ, г. Стефановскій⁴⁾ опредѣляетъ его, какъ казнь, а у г. Владимірскаго-Буданова находимъ замѣчаніе, что изъ потока и разграбленія «развились уже въ эпоху Русской Правды всѣ виды уголовныхъ каръ»: изгнаніе и ссылка, какъ видно изъ лѣтописнаго извѣстія 1024 г. о томъ, что Ярославъ, «изымавъ волхвы, расточи»; заключеніе или лишеніе свободы на время: въ 1146 г. новгородцы «заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ оковавъше и рудѣ къ шны»; обращеніе въ рабство, какъ видно изъ 11-й статьи договора съ нѣмцами 1229 г. (см. Хрестоматию г. Владимірскаго-Буданова); тѣлесныя наказанія: замѣна ими потока удостоивается тѣмъ, что вмѣсто словъ «на потокъ» въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды поставлено: «на бой»; наконецъ, смертная казнь: арабскіе писатели свидѣтельствуютъ о смертной казни у Руси за воровство, а при Владимірѣ Святомъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста Начальной лѣтописи, была смертная казнь за разбой⁵⁾.

Вообще вопросъ о сущности потока и разграбленія достаточно выясненъ въ ученой литературѣ: тѣ незначительныя разногласія, съ которыми приходится встрѣчаться, удовлетворительно разрѣшаются приведенными соображеніями г. Владимірскаго-Буданова о развитіи разныхъ видовъ уголовного возмездія изъ потока и разграбленія.

Остается еще указать, что «Русская Правда» въ двухъ случаяхъ допускаетъ наказаніе за убійство *продажей*: первый изъ этихъ случаевъ—убійство чужого холопа или рабы, разсматриваемое, какъ простое истребленіе чужой собственности⁶⁾, второй—убійство уже задержаннаго или связаннаго ночного тата⁷⁾.

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 5.

²⁾ *Власевъ*, О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 160; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXI; *Ламе*, Изслѣдованіе объ уголовномъ инавѣ Русской Правды, стр. 125; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

³⁾ *Prawda Ruska*, t. II, стр. 133, прим. 39.

⁴⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 24.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 25.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

⁷⁾ Тамъ же, статья 36.

Мы не будем здѣсь повторять того, что сказано выше о взглядѣ Ланге на наказаніе за убійство холопа до Мономаха. Въ добавленіе къ статьѣ объ убійствѣ вора надо отмѣтить извѣстную добавочную статью кратко текста «Русскої Правды» изъ утраченной теперь такъ называемой Ростовской лѣтописи, гдѣ сказано, что, когда воръ будетъ убѣгать, и его убьютъ въ предѣлахъ двора (и ноги его внутри двора лежать), то такое убійство не наказуемо ¹⁾. Не наказывалось и убійство татя на мѣстѣ преступленія, до его задержанія ²⁾.

IV.

Русская Правда посвящаетъ довольно много вниманія, кромѣ убійства, еще и другимъ преступленіямъ противъ личныхъ правъ. Она различаетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько видовъ преступнаго нарушенія права: прежде всего увѣчья и преступленія противъ здоровья, затѣмъ преступленія противъ чести, наконецъ,— противъ свободы.

Сущность постановленій Русскої Правды объ увѣчьѣ и преступленіяхъ противъ здоровья заключается въ слѣдующемъ: за отсѣченіе руки или такую рану въ нее, которая лишала потерпѣвшаго возможности владѣть этимъ органомъ человѣческаго тѣла, краткая Правда назначала 40 гривенъ, по нашему мнѣнію, виры, то-есть, платы князю; но если вмѣстѣ съ тѣмъ была отсѣчена нога или повреждена настолько, что потерпѣвшій сталъ хромать, то за такое увѣчье мстятъ дѣти потерпѣвшаго ³⁾; по пространной Правдѣ, за лишеніе руки, ноги, глаза, а—по Карамзинской редакціи—еще и носа, назначено полувирье—20 гривенъ и 10 гривенъ потерпѣвшему, за увѣчье ⁴⁾. За побои до синяковъ и крови краткая Правда допускала мечь, а въ случаѣ невозможности мести, 3 гривны за обиду и плату лѣкарю долженъ былъ вносить преступникъ, при чемъ, какъ мы видѣли выше, является спорнымъ, кому шли эти 3 гривны, князю или потерпѣвшему ⁵⁾?; въ пространной Правдѣ и за это преступленіе не назначалась мечь, а виновный платилъ 3 гривны продажи; сверхъ того зачинщикъ драки долженъ былъ платить 60 кунъ продажи; впрочемъ, если зачинщикомъ окажется лицо, получившее синяки

¹⁾ Академическій списокъ, статья 38.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Академическій списокъ, статья 5.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 21; Карамзинскій списокъ, статья 22.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 2.

или окровавленное въ дракъ, то оно свободно отъ послѣдняго платежа ¹⁾. За отсѣченіе пальца—3 гривны (продажи)—князю и 1 гривна (урока) потерпѣвшему ²⁾. За ударъ мечемъ, не причинившій смерти, 3 гривны продажи, а потерпѣвшему гривна на лѣченіе ³⁾.

Изъ объясненій, предложенныхъ изслѣдователями Русской Правды, любопытны тѣ, которыя принадлежатъ г. Владимірскому-Буданову, Власьеву и Ланге. Первый справедливо указываетъ на причину того, что увѣчье въ краткой Правдѣ приравнивалось къ убійству: увѣчьемъ тогда считалось лишеніе ноги или руки, умалявшее правоспособность лица, ставившее его въ христіанскую эпоху подъ опеку церкви; какъ только понятіе увѣчья распространилось и на лишеніе глаза и носа, потеряно было прежнее основаніе причислять это преступленіе къ убійству ⁴⁾. Власьевъ далъ то объясненіе статьи о побояхъ до синяковъ и крови, которое принято нами при изложеніи ея выше,—съ тою впрочемъ важною особенностью, что и 3 гривны и 60 кунъ, по мнѣнію Власьева, всегда платилъ зачинщикъ: 3 гривны—при побояхъ до синяковъ и крови, а 60 кунъ—безъ этихъ послѣдствій ⁵⁾. Объясненіе словъ «или будетъ самъ почаль....., то тѣмъ за платежь, оже ѿ били» предложилъ и Ланге: смыслъ этого выраженія заключается, по его взгляду, въ томъ, что частное вознагражденіе—лѣчебная гривна—платилась зачинщикомъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ нанесъ больше ударовъ, чѣмъ получилъ; если же меньше, то онъ не платилъ, такъ какъ уже потерпѣлъ достаточное наказаніе; притомъ и продажу платилъ лишь зачинщикъ и опять при тѣхъ же условіяхъ, то-есть, когда получилъ меньше ударовъ, нежели нанесъ ⁶⁾. Статья «о кровавомъ мужѣ» вообще не вполне ясна. Присматриваясь къ ея содержанию, мы не можемъ вполне согласиться съ Власьевымъ и Ланге: они правы, что за побои безъ синяковъ и крови платилось 60 кунъ продажи, при чемъ въ этомъ случаѣ платилъ всегда зачинщикъ; но нѣтъ основанія утверждать, что при побояхъ до синяковъ и крови 3 гривны также всегда платилъ зачинщикъ: текстъ 23-й статьи

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

²⁾ Тамъ же, статья 22.

³⁾ Тамъ же, статья 24.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

⁵⁾ О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 165 и прим. на этой же страницѣ.

⁶⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 160.

Троицкаго списка ясно свидѣтельствуеъ, что 3 гривны платилъ тотъ, кто нанесъ побои, а такимъ могъ быть и не зачинщикъ; конецъ статьи показываетъ, что зачинщикъ, окровавленный и въ синякахъ, не платилъ за то, что началъ драку; а этотъ платежъ за начинаніе драки только что указанъ: «кто будетъ почаль, плати (то-есть, «платити») 60 кунъ»; и мѣсто, гдѣ поставлено это прибавленіе о зачинщикѣ окровавленномъ или въ синякахъ, и тотъ фактъ, что 3 гривны продажи платились не всегда зачинщикомъ, убѣждаютъ насъ, что и тотъ, кто «кровавъ придетъ» и «будетъ самъ почаль», освобождался отъ платежа не трехъ гривенъ, а 60-ти кунъ: три же гривны въ этомъ случаѣ платились, но не имъ, а тѣмъ, кто нанесъ ему побои до синяковъ и крови. Другими словами: при побояхъ безъ внѣшнихъ знаковъ Русская Правда обращала исключительное вниманіе на субъективный психическій моментъ, на то, кто началъ драку, такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно, даже невозможно было оцѣнить матеріальныя ея послѣдствія; при побояхъ же съ внѣшними знаками—синяками и кровью—различались два момента, даже два преступленія: нанесеніе побоевъ съ знаками на тѣлѣ, наказываемое трехгривнею продажей, и начинаніе драки, караемое продажею въ 60 кунъ; послѣдняя продажа не взыскивалась, если зачинщикомъ былъ тотъ, кто былъ потомъ избитъ до синяковъ и крови. Не имѣетъ основаній и утверженіе Ланге, что лѣчебная гривна платилась зачинщикомъ, если онъ не потерпѣлъ больше, чѣмъ его противникъ: во-первыхъ, о лѣчебной гривнѣ не говорится въ Русской Правдѣ, и только въ краткихъ спискахъ упоминается количественно-неопредѣленная «лѣтцю мзда», а во-вторыхъ, и эта «лѣтцю мзда», какъ видно изъ 2-й статьи Академическаго списка, всегда платилась тѣмъ, кто нанесъ побои съ внѣшними знаками, а не зачинщикомъ драки: весьма характерно, что, по краткой Правдѣ, за *всякіе* побои платилось 3 гривны или полагалась месть, и нѣтъ ни малѣйшаго намека на вниманіе закона къ тому, кто началъ драку: «если кто-нибудь», читаемъ въ краткомъ текстѣ, переводя его на современный языкъ, «избить до синяковъ или крови, то этому человѣку не искать свидѣтеля; если же на немъ нѣтъ никакого знака, то или придетъ свидѣтель, или, если этого быть не можетъ (то-есть свидѣтеля нѣтъ), то тѣмъ дѣло и кончается (то-есть, фактъ преступленія признается недоказаннымъ); *если (избитый) за себя не можетъ мститъ, то взять ему за обиду 3 гривны* (быть можетъ, слова «взять ему» лишнія), *а лъкарю плати*». Подчеркнутыя слова, какъ показываютъ мѣсто, занимаемое ими въ статьѣ, и отсутствіе упоминанія о 60 кунахъ при побояхъ безъ слѣдовъ, относятся къ *обоимъ* только что указаннымъ въ той же статьѣ случаямъ побоевъ.

Любопытно нѣкоторыя замѣчанія Ланге о другихъ объясняемыхъ нами сейчасъ статьяхъ нашего источника. По его мнѣнью, и за отсѣченіе руки, если нога не повреждена, потерпѣвшій при Ярославѣ долженъ былъ мстить, а 40 гривенъ платились только въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій мстить не могъ; далѣе, вся статья объ отсѣченіи руки или ноги есть лишь частное выраженіе болѣе общей мысли: здѣсь разумѣется вообще увѣчье, лишившее возможности самостоятельно мстить: лишеніе обоихъ глазъ, обѣихъ рукъ, обѣихъ ногъ и проч.; притомъ вира въ 40 гривенъ платилась за всякое увѣчье—въ «свадѣ» и безъ «свады»,—съ тѣмъ лишь различіемъ, что причинившій увѣчье въ свадѣ уплачивалъ виру самъ, а безъ свады,—съ помощью верви¹⁾. Необходимо замѣтить, что все это не имѣетъ основаній въ текстѣ источника: мы не имѣемъ причинъ ожидать отъ Русской Правды—тѣмъ болѣе краткой—полноты, необходимой съ современной точки зрѣнія; нельзя поэтому считать 5-ю статью Академическаго списка частнымъ выраженіемъ общей юридической нормы; о мести при отсѣченіи одной только руки эта статья не говоритъ ни слова: напротивъ, въ ней заключается прямое указаніе, что за это одно наказывали не местью, а платежомъ въ 40 гривенъ; такимъ образомъ здѣсь нашъ авторъ прямо противорѣчитъ своему источнику; наконецъ о платежѣ этой 40-гривенной виры съ помощью верви въ эпоху краткой Правды мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; скорѣе всего, такого различія между увѣчьемъ въ свадѣ и безъ свады, какое указываетъ Ланге, не было. Нельзя считать доказательствомъ мысли объ этомъ различіи и другое указаніе названнаго изслѣдователя: въ 24-й статьѣ Троицкаго списка назначается 3 гривны продажи и лѣчебная гривна потерпѣвшему за ударъ мечемъ; а затѣмъ прибавлено: «потнеть ли на смерть, а вира»; послѣдняя прибавка убѣждаетъ Ланге, что здѣсь рѣчь идетъ объ ударѣ въ свадѣ, такъ какъ виновный въ убійствѣ подвергался вирѣ лишь при убійствѣ въ свадѣ²⁾. На такое толкованіе можно сдѣлать два возраженія съ разныхъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны—о вирѣ здѣсь упомянуто, просто какъ о самомъ распространенномъ, типическомъ во времена иностранной Русской Правды способѣ наказанія за убійство, съ другой—какъ же наказывался не влекущій за собой смерти ударъ мечемъ, если онъ нанесенъ былъ безъ свады, и Правда проводила разграничительную черту между этими видами преступленій противъ здоровья, принимая во вниманіе степень умысла? Очевидно, Ланге ошибается: въ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 145—146.

²⁾ Тамъ же, стр. 157.

здоровья не различалась степень умысла, не обращалось вниманіе на то, въ свадѣ или безъ свадѣ нанесены они.

О преступленіяхъ противъ чести Русская Правда говоритъ слѣдующее: за большія тяжкія нарушенія чести другого назначается продажа въ 12 гривенъ; такими признаются «мѹка» огнищанина, тѹна и мечника, безъ княжескаго повелѣнія (за это же назначается урокъ—частное вознагражденіе потерпѣвшаго—въ 1 гривну)¹⁾; ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой²⁾, палкой, жердью, рукой³⁾, чашей, рогомъ, кулакомъ⁴⁾; 12 же гривенъ платилось за вышебленный зубъ (за это же гривна урока)⁵⁾, вырванный клокъ бороды или усь⁶⁾; продажей въ 3 гривны наказывались меньшія оскорбленія: мѹка смерда (гривна урока)⁷⁾ и толчки⁸⁾. Рабъ, ударившій свободнаго человѣка, убивался, по постановленію Ярослава, а по рѣшенію его сыновей, если онъ убѣжитъ въ домъ господина, и послѣдній его не выдастъ, то долженъ платить за него 12 гривенъ, и затѣмъ оскорбленный, встрѣтивъ холопа-оскорбителя, могъ или бить его, раздѣвши, или взять за безчестье гривну кунь⁹⁾. Удары, нанесенные закупу, безъ вины со стороны послѣдняго, наказываются такъ же, какъ и удары, причиненные свободному человѣку¹⁰⁾.

Что въ этихъ преступленіяхъ главнымъ элементомъ признавалось оскорбленіе чести,—это въ достаточной мѣрѣ доказано въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, г. Ведровъ, сопоставляя трехгривенную продажу за несмертельную рану съ двѣнадцатигривенной за ударъ палкой, правильно объясняетъ эту видимую несообразность тѣмъ, что ударъ палкой считался болѣе оскорбительнымъ¹¹⁾. Г. Владимірскій-Будановъ справедливо указываетъ, что Русская Правда знаетъ только оскорбленіе дѣйствиємъ, а не сло-

¹⁾ Академическій списокъ, статьи 31 и 32; Троицкій списокъ статьи 71 и 72.

²⁾ Академическій списокъ, статья 4; Троицкій списокъ, статья 18.

³⁾ „пятью“. Академическій списокъ, статья 3. См. *Даль*, Толковый Словарь, 2-е изд., III, 574; Академическій словарь, изд. 2-е, столб. 1244 въ III томѣ.

⁴⁾ „тылеснію“—задней частью руки. кулакомъ: Академическій списокъ, статья 3; Троицкій списокъ, статья 20.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 61.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 7; Троицкій списокъ, статья 60.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 31; Троицкій списокъ, статья 71.

⁸⁾ Академическій списокъ, статья 9; Троицкій списокъ, статья 25.

⁹⁾ Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

¹⁰⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

¹¹⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

вомъ. Поэтому въ ней различіе между преступленіями противъ чести и преступленіями противъ здоровья опредѣляется большею наказуемостью первыхъ, несоответственною величинѣ матеріальнаго вреда отъ нихъ ¹⁾. Взглядъ этотъ—весьма естественъ и не вызываетъ возраженій. Поэтому его слѣдуетъ предпочесть искусственному построению Ланге, который, не различая въ своемъ «Исслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды» преступленій противъ чести отъ увѣчій и преступленій противъ здоровья, думаетъ, что за раны и побои до крови и синяковъ съ злымъ умысломъ, безъ свады, назначалась продажа въ 12 гривенъ, за побои безъ слѣдовъ и безъ свады—3 гривны продажи, за раны и побои въ свадѣ до крови и синяковъ—3 гривны, за раны и побои въ свадѣ безъ синяковъ и крови—60 кунъ ²⁾. Стоить только сопоставить эти соображенія съ текстомъ источника, сущность котораго передана нами выше, чтобы убѣдиться въ ихъ неосновательности и искусственности.

Основываясь на словахъ 3-ей статьи Академическаго списка «аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу конецъ», гг. Сергѣевичъ ³⁾, и Ведровъ ⁴⁾ не сомнѣваются въ томъ, что за ударъ палкой и прочія подобныя преступленія назначалась при Ярославѣ мечь. Мы имѣли уже случай указать выше, при разборѣ вопроса о составѣ мести, на ошибочность такого взгляда: рѣчь тутъ идетъ не о мести, а о законной самооборонѣ.

Въ ряду другихъ постановленій, о которыхъ мы въ настоящее время говоримъ, находятся постановленія объ истязаніи или «мукъ». Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ муку единственнымъ *государственнымъ* преступленіемъ, которое знаетъ Русская Правда ⁵⁾. Едва ли однако здѣсь принимаются во вниманіе исключительно или даже преимущественно права государства: вѣрнѣе разсматривать муку, какъ нарушеніе личныхъ правъ, оскорбленіе чести извѣстныхъ лицъ; такова, повидимому, точка зрѣнія Русской Правды, въ которой вообще идея государства была очень смутной, выражалась лишь въ конкретныхъ формахъ и не возвышалась до общихъ понятій о законѣ и государственномъ порядкѣ. Спрашивается, что же собственно считалось въ Правдѣ истязаніемъ? По всей вѣроятности, справедливо замѣчаніе Ланге, что истязаніемъ въ то время называлось испытаніе желѣзомъ,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

²⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 159.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 441.

⁴⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 19.

которое нельзя было производить «безъ княжа слова»¹⁾; предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Правдѣ испытаніе желѣзомъ, дѣйствительно, носить названіе «муки»²⁾.

Въ своемъ изслѣдованіи мы обращаемъ главное вниманіе на тѣ редакціи Русской Правды, которыя имѣютъ болѣе важное значеніе: на краткій текстъ и Синодальную и Троицкую редакціи пространнаго. Текстъ списка князя Оболенскаго, какъ несомнѣнно позднѣйшая передѣлка, выходитъ изъ предѣловъ изученія. Нельзя, однако же, совершенно игнорировать Карамзинскій списокъ и съ нимъ сходные; въ нихъ какъ разъ находится одно постановленіе, относящееся къ истязанію и не входящее въ составъ другихъ редакцій: это довольно загадочная 135-я статья: «Оже оутяжутъ въ моукѣ, а посадить оу дворянина, 8 ногать за тоу моукоу, а оу колоколници бьютъ кноутомъ, а за тоу моукоу 80 гривенъ». Болтинъ слѣдующимъ образомъ переводитъ эту статью (дѣлая въ ней цифровое измѣненіе): «когда по суду и сыску дойдено будетъ, что господинъ холопа своего кобальнаго держаль въ тюрьмѣ неповинно, то за то его истязаніе взискать съ господина 80 ногать; а ежели сѣкъ его у колоколни кнутомъ, то взискать съ него 80 гривенъ»³⁾. Поповъ объясняетъ ту же статью въ томъ смыслѣ, что за побои, нанесенные холопу безъ вины съ его стороны, назначается 80 ногать⁴⁾. Ни одно изъ этихъ объясненій нельзя признать удовлетворительнымъ; статья остается непонятной.

«Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнетъ, то гривна кунъ», читаемъ въ 19-й статьѣ Троицкаго списка. Ланге указываетъ, что здѣсь собственно разумѣется 60 кунъ *продажи*, 10% судебныхъ пошлинь (10 кунъ; расчетъ не точный). За то, что эти гривны шли князю, говоритъ и выраженіе краткой Правды «тъи гривноу положить»⁵⁾; мы вѣдь видѣли, что выраженіе «положити зань» обозначаетъ княжескій доходъ, а не частное вознагражденіе. Противъ Ланге въ данномъ вопросѣ говорятъ два соображенія: во-первыхъ, приведенный расчетъ неточенъ и можетъ быть исправленъ развѣ только тѣмъ, что кромѣ 10% судебныхъ пошлинь (5 кунъ) убавлена еще десятинна отъ продажи въ пользу церкви⁶⁾

1) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 162.

2) Троицкій списокъ, статья 81: „гривна за *муку*“.

3) „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 102.

4) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 80.

5) Академическій списокъ, статья 8.

6) Срав. Академическій списокъ, статью 41.

(то-есть, еще 5 кунъ), во-вторыхъ, все это построение предполагаетъ гривну равной 50-ти кунамъ, тогда какъ въ эпоху краткой Правды гривна, вѣроятно, состояла изъ 25 кунъ.

Въ предшествующемъ изложеніи вопроса о преступленіяхъ противъ чести по Русской Правдѣ мы намѣренно оставили безъ разбора статью Ланге «О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву»¹⁾, гдѣ авторъ отрицаетъ существованіе въ Русской Правдѣ продажъ за побои: всѣ платежи признаются частными вознагражденіями. Подвергать эту работу критическому разсмотрѣнію было бы излишне, ибо она прямо противорѣчитъ даннымъ источника, да и самъ авторъ въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи отказался отъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Относительно преступленій противъ свободы Русская Правда содержитъ только одно постановленіе: за продажу въ рабство безъ законныхъ тому оснований, помимо, конечно, возвращенія правъ свободнаго человѣка потерпѣвшему, назначена продажа въ 12 гривенъ²⁾.

Вотъ все, что говорится въ Русской Правдѣ о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ. Остается обратить вниманіе на ея постановленія противъ нарушенія правъ имущественныхъ.

V.

Русская Правда выдѣляетъ всѣ имущественныя преступленія изъ другихъ видовъ преступныхъ дѣяній въ особую группу, обозначаемую и особымъ терминомъ—«татьба». Необходимо отмѣтить это съ особеннымъ удареніемъ, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ вопроса не высказывалось въ опредѣленной и точной формѣ такое воззрѣніе. Никто не сомнѣвается и нельзя спорить, что словомъ «татьба» называется въ Русской Правдѣ по преимуществу то преступленіе, которое теперь извѣстно подъ именемъ «воровства-кражи» или «тайнаго похищенія чужой движимой собственности». Но любопытно, что въ 63-й статьѣ Троицкаго списка *татежъ* названъ тотъ, кѣмъ «росѣчена земля илѣ знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ». Преступленіе, о которомъ здѣсь говорится, по характеру своему совершенно тождественно съ тѣми, о которыхъ трактуютъ 64—66 и 74 статьи той же

¹⁾ Въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1859 г., июнь, см. особенно 166 стр.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

редакціи: вездѣ тутъ рѣчь идетъ объ уничтоженіи знаковъ чужой собственности и промысловыхъ приспособленій ¹⁾). И такъ, и этотъ видъ преступнаго нарушенія правъ имущественныхъ разсматривается въ Русской Правдѣ какъ татьба. Но это еще не все. Двадцать девятая статья Троицкаго списка читается слѣдующимъ образомъ: «Аже кто познаеть свое, что будетъ *поубилъ*, или оукрадено оу него что или конь, или порть, или скотина, то не рци и: се мое; но поиди на сводъ, кдѣ есть взять; сведитесь, кто будетъ виновать, на того *татба* снидеть» и т. д. Здѣсь подъ татьбой разумѣется уже незаконное удержаніе чужой потерянной собственности.

И такъ не можетъ быть сомнѣнія, что Русская Правда придавала термину «татьба» весьма обширное значеніе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что въ это время не существовало нѣкоторыхъ весьма существенныхъ теперь различій между разными видами имущественныхъ преступленій: не различались разбой и воровство-кража, насильственное и тайное похищеніе имущества. Г. Ведровъ указываетъ, что, такъ какъ въ Правдѣ говорится лишь объ «убійствѣ въ разбоѣ», то, значить, разбой безъ убійства приравнивался къ воровству ²⁾). И по мнѣнію г. Тальберга, разбой Русской Правды—не нашъ разбой; понятія о насильственномъ похищеніи имущества въ то время вовсе не было; подобное явленіе замѣчается во многихъ древнихъ законодательствахъ: восточныхъ, славянскихъ, законахъ XII таблицъ; причина его заключается въ томъ, что принципъ жизни того времени — грубая матеріальная сила, почему и понятіе насильственнаго похищенія терялось въ понятіи убійства, воровства и необходимой обороны смотря по послѣдствіямъ нападенія ³⁾).

Важнѣйшимъ преступленіемъ противъ правъ собственности Русская Правда признаетъ поджогъ гумна и двора: за это назначенъ потокъ и разграбленіе ⁴⁾). Пагубныя послѣдствія пожара, при отсутствіи въ то время страхованія и какихъ бы то ни было противопожарныхъ средствъ, кромѣ самыхъ примитивныхъ,

¹⁾ 64-я статья говоритъ объ уничтоженіи знака на борти, 65-я объ уничтоженіи межи, 66-я о посѣщеніи знаменнаго или межнаго дуба, 74-я о посѣченіи верви въ перевѣсѣ.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 117.

³⁾ Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву, въ „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ за 1879 г., ноябрь, стр. 35, 39, 40.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 79.

дѣлають вполне понятнымъ такое суровое наказаніе за поджогъ.

Поджогъ не былъ однако единственнымъ имущественнымъ преступленіемъ, караемымъ потокомъ и разграбленіемъ. Это же наказаніе назначалось еще за конокрадство¹⁾. Но любопытно, что по краткой Правдѣ за это преступленіе взыскивалась только продажа въ три гривны 30 рѣзанъ²⁾. Это противорѣчіе не могло не вызвать попытокъ къ его разрѣшенію. Г. Леонтовичъ сближаетъ коневую татьбу Русской Правды съ кражей пѣнныхъ заводскихъ лошадей по Литовскому Статуту; а продажа, по его мнѣнію, взималась за кражу рабочихъ лошадей³⁾. Хотя съ этимъ согласенъ и г. Ведровъ⁴⁾, но нельзя признать это сближеніе, удачнымъ: чрезвычайно сомнительно, чтобы въ то время на Руси существовали правильно устроенные конскіе заводы, притомъ нашъ источникъ ни словомъ не намекаетъ на указываемое г. Леонтовичемъ различіе, находящееся въ Литовскомъ Статутѣ. Поэтому вѣрнѣе смотритъ на дѣло Ланге, который утверждаетъ, что потокъ и разграбленіе за кражу коня введены позднѣе, лишь при Изяславѣ⁵⁾. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ краткой Правдѣ не упоминается о потокѣ за конокрадство, а пространная не говоритъ о продажѣ за это преступленіе. Въ 32-й статьѣ Троицкаго списка впрочемъ читаемъ: «Паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника;... познаеть ли надолзѣ, оу кого то купилъ, то свое куны возметь, и сему платити, что оу него будетъ погигло, а князю *продажю*». Не значить ли это, что за конокрадство платилась продажа и въ эпоху пространной Русской Правды? Ланге совершенно правильно даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что здѣсь о потокѣ пропущено, такъ какъ говорится вообще о кражѣ, за которую самое распространенное, обычное наказаніе—продажа⁶⁾. Такое явленіе—недостатокъ точности—не единично въ Русской Правдѣ: мы встрѣтились уже съ подобною неточностью при объясненіи 24-й статьи Троицкаго списка, въ которой говорится о вирѣ, какъ обычномъ, нормальномъ, типическомъ наказаніи за

1) Троицкій списокъ, статья 30.

2) Академическій списокъ, статья 29.

3) Русская Правда и Литовскій Статутъ въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1865 г., мартъ, стр. 2.

4) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 123.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 201.

6) Тамъ же, стр. 199.

убійство, хотя вира не была единственной карой за это преступленіе. Упомянемъ, наконецъ, о замѣчаніи г. Владимірскаго-Буданова, по которому потокъ и разграбленіе—наказаніе конокрада-рецидивиста¹⁾; это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду необоснованности его текстомъ изучаемаго памятника, не усвоившаго еще идею болѣе суровой кары за рецидивъ, о чемъ намъ еще придется говорить ниже.

По отношенію къ воровству-кражѣ мы находимъ въ Русской Правдѣ много указаній на разные платежи въ разныхъ размѣрахъ. Существенное значеніе имѣеть опредѣленіе того, какіе изъ этихъ платежей продажи, поступавшія въ пользу князя, и какіе—частныя вознагражденія. Не всѣ изслѣдователи разрѣшали этотъ вопросъ одинаково: Поповъ думалъ что всѣ означенныя въ Правдѣ суммы—продажа²⁾, Ланге же различалъ пеню князю и частное вознагражденіе по слѣдующимъ признакамъ: первая—тамъ, гдѣ употребленъ оборотъ «аже крадетъ, то платити», второе же тамъ, гдѣ сказано: «за такой то предметъ столько то»; кромѣ того 34—37 статьи Академическаго списка составляютъ въ сущности одну статью: за похищеніе всѣхъ перечисленныхъ тутъ птицъ назначаются разные частныя вознагражденія, но продажъ лишь двѣ: 60 кунъ, если птицы похищены не изъ перевѣса, и 3 гривны, если изъ перевѣса; статьи о похищеніи меда и пчель Ланге объяснилъ такъ: за это три гривны продажи, и хозяину 10 кунъ, если вмѣстѣ съ пчелами похищенъ медъ; если же меда не было, то хозяину 5 кунъ; 9 кунъ за сѣно и дрова—не продажа, а частное вознагражденіе (собственно тутъ два частныхъ вознагражденія: 9 кунъ за похищеніе въ небольшомъ количествѣ и двѣ ногаты за нѣсколько возовъ дровъ или сѣна): во-первыхъ, въ Русской Правдѣ нигдѣ токой продажи нѣтъ, во-вторыхъ, выраженіе «а въ сѣнѣ и проч.» стоитъ за исчисленіемъ частныхъ вознагражденій; продажи тутъ, если украдено изъ клѣтки,—три гривны 30 кунъ, а если изъ незапертаго помѣщенія—60 кунъ. О платежѣ частнаго вознагражденія употреблялось выраженіе «платитъ татьбу». Изъ 29-й, 33-й, 39-й и 40-й статей Троицкаго списка видно, по мнѣнію Ланге, что частное вознагражденіе при воровствѣ состояло: 1) въ вознагражденіи хозяина за украденный предметъ, если онъ не отыскался, 2) въ уплатѣ убытковъ (проторовъ), въ законѣ не опредѣленныхъ точно³⁾.

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 17.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 82, 84.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 203, 204, 205, 211, 215, 216.

Нельзя не признать, что въ общемъ многія замѣчанія Ланге вѣрны. Проверимъ ихъ текстомъ источника и укажемъ все существенное, что содержатъ постановленія Русской Правды о воровствѣ-кражѣ.

Продажею въ 12 гривенъ каралась кража или уводъ холопа или рабы ¹⁾ и кража бобра ²⁾. 3 гривны 30 кунъ или 3 гривны продажи назначалось: 1) за кражу жита съ гумна или изъ ямы, причемъ, если находилось поличное, то оно возвращалось законному владѣльцу, и затѣмъ прибавлено: «а за лѣто возметъ по полугривнѣ» ³⁾; судя по контексту, эту сумму бралъ тоже потерпѣвшій, законный владѣлецъ похищенной вещи, это, повидимому, вознагражденіе за убытки, хотя Ланге и даетъ иное объясненіе: «если тать былъ несостоятеленъ», говоритъ онъ, «то поступалъ въ закупы и за годъ работы ему засчитывалось по полугривнѣ» ⁴⁾; 2) тою же продажей наказывалась кража коня (по краткой Правдѣ), вола, вообще скота изъ хлѣва,—причемъ каждый изъ воровъ, при соучастіи, уплачивалъ полную сумму продажи,—а также и кража разныхъ предметовъ изъ клѣтки ⁵⁾; частныя вознагражденія за кражу скота были слѣдующія: за княжескаго коня 3 гривны, за коня другихъ лицъ 2 гривны ⁶⁾, за кобылу 60 кунъ ⁷⁾, за вола гривна, за корову 40 кунъ, за трехгодовалую 30 кунъ; за однолѣтку полгривны, за теленка 5 кунъ, за поросенка ногата, за овцу 5 кунъ, за барана ногата, за неѣзжаннаго жеребца гривна кунъ, за жеребенка 6 ногать, за коровье молоко 6 ногать ⁸⁾; 3) три гривны продажи назначалось далѣе за кражу пса, ястреба и сокола изъ перевѣса (урокъ—1 гривна) ⁹⁾; повидимому та же продажа назначалась и за похищеніе другихъ птицъ, и нѣтъ никакихъ основаній принимать мнѣніе Ланге, что, въ случаѣ кражи ихъ не изъ перевѣса, платилось 60 кунъ продажи; частное вознагражденіе имѣло слѣдующіе размѣры: за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку 30 кунъ ¹⁰⁾, въ краткомъ текстѣ Русской Правды за кражу

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 34.

²⁾ Тамъ же, статья 62.

³⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 218.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 39.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 29; Троицкій списокъ, статья 37.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 25; Троицкій списокъ, статья 40.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 26; Карамзинскій списокъ, статья 42.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 41; ср. Академическій списокъ, статья 26.

⁹⁾ Академическій списокъ, статья 37; Троицкій списокъ, статья 45.

¹⁰⁾ Академическій списокъ, статьи 35 и 36; Троицкій списокъ, статья 76.

всѣхъ этихъ только что упомянутыхъ птицъ назначено 60 кунъ продажи¹⁾, но въ пространной Правдѣ этого нѣтъ; быть можетъ, впрочемъ; это случайный пропускъ, но и въ такомъ случаѣ, даже признавая такую сумму продажи за кражу птицъ, кромѣ ястреба и сокола, мы все-таки не можемъ согласиться съ Ланге, что размѣры продажи зависѣли отъ того, изъ перевѣса или не изъ перевѣса похищены птицы; текстъ источника насъ на это не уполномочиваетъ; 4) наконецъ, трехгривенная продажа уплачивалась при похищеніи пчелъ и меда; частное вознагражденіе въ этомъ случаѣ равнялось 10 кунамъ, «если пчелы не лажены», то-есть, если медъ похищенъ былъ вмѣстѣ съ пчелами, если же пчелъ не было, то частное вознагражденіе составляли только 5 кунъ²⁾. Въ этомъ отношеніи мы опять отступаемъ отъ Ланге, держась объясненія слова «олѣкъ», предлагаемаго Діевымъ³⁾. Самая меньшая продажа—въ 60 кунъ назначалась въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, за кражу овцы, козы или свиньи (вообще скота) на полѣ⁴⁾ (частное вознагражденіе указано у насъ выше); во-вторыхъ, за кражу ладьи⁵⁾; по отношенію къ частному вознагражденію въ послѣднемъ случаѣ, постановленія краткой Правды не развиты: за всякую ладью назначено 30 рѣзанъ⁶⁾; но въ Правдѣ пространной различаются отдѣльные виды судовъ: за морскую ладью (въ случаѣ ея не возвращенія «лицомъ» похититель обязанъ платить потерпѣвшему 3 гривны, за набойную (то-есть, лодку, борты которой сдѣланы болѣе высокими вслѣдствіе набитыхъ на нихъ досокъ) 2 гривны, за челнъ 20 кунъ (по Карамзинскому списку 8 кунъ), за стругъ гривну⁷⁾. Остается вопросъ о продажѣ за сѣно и дрова: текстъ источника не даетъ прямыхъ указаній на нее, и г. Ведровъ считаетъ ее неизвѣстною⁸⁾, а Ланге, какъ мы видѣли, полагаетъ, что продажа была въ 3 гривны, если воровство произведено изъ клѣтки, и въ 60 кунъ, если сѣно или дрова похищены изъ незапертаго помѣщенія. Нѣтъ однако основаній для такого взгляда, тѣмъ болѣе,

1) Академическій списокъ, статья 36.

2) Троицкій списокъ, статья 69.

3) Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1839 г., часть XXII, стр. 51.

4) Троицкій списокъ, статья 38; Академическій списокъ, статья 40.

5) Троицкій списокъ, статья 73; Академическій списокъ, статья 34.

6) Академическій списокъ, статья 34.

7) Троицкій списокъ, статья 73.

8) О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 129.

что весьма сомнительно, чтобы въ тѣ времена сѣно и дрова помѣщались въ запертомъ помѣщеніи, особенно въ клѣти. Вѣроятно же всего, за кражу сѣна и дровъ платилось всегда 60 кунъ продажи; мы можемъ сказать это еще съ большей увѣренностью, если предположимъ, что въ 76 и 77 статьяхъ подразумѣвается та же 60-кунная продажа, которая значится за кражу птицъ въ краткой Правдѣ (см. 36-ю статью Академическаго списка). Къ сказанному надо прибавить, что за кражу, совершенную холопомъ, отвѣчалъ господинъ, уплачивая двойную цѣну украденнаго ¹⁾ или выдавая холопа потерпѣвшему ²⁾; если кражу совершилъ закупъ, то онъ становился «обельнымъ» (то-есть полнымъ), холопомъ своего хозяина, который платилъ за него въ данномъ случаѣ ³⁾.

Ланге, какъ было уже указано, доказывалъ, ссылаясь на 29, 33, 39 и 40 статьи Троицкаго списка, что при воровствѣ частное вознагражденіе состояло изъ двухъ элементовъ: вознагражденія за утраченный, невозвращаемый «лицомъ» (то-есть, натурой) украденный предметъ и уплаты убытковъ. Это мнѣніе заключаетъ въ себѣ зерно истины, но съ важнымъ ограниченіемъ: прежде всего надо замѣтить, что въ 29-й и 40-й статьяхъ Троицкаго списка нѣтъ ни слова о «проторяхъ»: въ первой говорится о сводѣ, причѣмъ, когда будетъ найденъ виновный, онъ платитъ татьбу и продажу за вещь, похищеніе которой имъ доказано посредствомъ свода, да кромѣ того, еще платитъ за то, «что погубло боудеть» съ этой вещью, что было потеряно или украдено одновременно съ ней; вторая указанная статья содержитъ простое и ясное постановленіе о платежѣ частнаго вознагражденія въ 3 гривны за княжескаго коня и 2 гривны за коня другихъ лицъ, конечно, при томъ условіи, если «лица не будетъ». Въ 33-й статьѣ, дѣйствительно, говорится о проторяхъ, но не вполне ясно, о чьихъ убыткахъ идетъ рѣчь: объ убыткахъ ли лица, у котораго похищенъ холопъ, или о проторяхъ того, кто долженъ былъ отыскивать «конечнаго татя» послѣ «третьяго свода». Но, даже допустивъ вмѣстѣ съ Ланге, что тутъ говорится объ убыткахъ обокраденнаго, и принявъ во вниманіе несомнѣнное свидѣтельство 39-й статьи о платежѣ «по полугривнѣ за лѣто» при кражѣ жита съ гумна или изъ ямы, мы должны ограничить платежъ убытковъ только двумя случаями: протори оплачивались лишь при похищеніи холопа и при кражѣ жита (то-есть, зернового хлѣба).

1) Троицкій списокъ, статья 42.

2) Тамъ же, статья 115.

3) Тамъ же, статья 57.

По той же причинѣ, по какой мы оставили въ свое время безъ разсмотрѣнія вопросъ объ уплатѣ виры вервью, мы не будемъ здѣсь касаться и того, когда вервь платила продажу: и то и другое удобнѣе изучать въ связи съ общимъ вопросомъ о значеніи и происхожденіи верви.

Чтобы заключить изслѣдованіе постановленій «Русской Правды» о воровствѣ—кражѣ, остается отмѣтить справедливое указаніе г. Владимірскаго-Буданова на обстоятельства, вліявшія на понятіе о степени тяжести татьбы: первое изъ этихъ обстоятельствъ—цѣнность украденнаго; продажа 12 гривенъ,—за холопа и бобра, 3 гривны—за рогатый скоть, пчель, охотничьихъ собакъ и птицъ, 60 кунъ—за все прочее; второе обстоятельство—напряженность преступной воли: за кражу скота *въ хльвь*, 3 гривны 30 кунъ, *въ полъ*—60 кунъ ¹⁾.

Остальныя преступленія противъ правъ собственности наказывались въ Русской Правдѣ такъ же, какъ и воровство—кража: существовали тѣ же три нормы продажи—12 гривенъ, 3 гривны или 3 гривны 30 кунъ и 60 кунъ. Высшій размѣръ продажи назначался за слѣдующія преступленія: за злоумышленное истребленіе чужого коня или вообще чужого скота, причемъ надо было еще платить хозяину, владѣльцу зарѣзаннаго скота «пагубу», «урокъ» ²⁾, въ одну гривну ³⁾, за уничтоженіе знака собственности на борти ⁴⁾; за уничтоженіе бортной или полевой межи или перегораживаніе тыномъ дворной межи ⁵⁾; наконецъ, за срубку «знаменнаго» (то-есть, со знакомъ собственности) или межнаго дуба ⁶⁾. Трехгривенною продажей карались: посѣченіе перевѣсной веревки (служившей для ловли птицъ), причемъ владѣлецъ перевѣса получалъ гривну за эту веревку ⁷⁾; посѣченіе борти (то-есть лѣснаго улья въ древесномъ дуплѣ); при чемъ за дерево владѣльцу его платилось полгривны ⁸⁾; злонамѣренный неплатежъ долга ⁹⁾; наконецъ, пользованіе чужимъ конемъ безъ спроса хозяина ¹⁰⁾. 60 кунъ продажи назначено только за одно преступленіе—незаконное уменьшеніе господиномъ «купы» или

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 17.

²⁾ То-есть, частное вознагражденіе въ определенной суммѣ.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 80.

⁴⁾ Тамъ же, статья 64.

⁵⁾ Тамъ же, статья 65.

⁶⁾ Тамъ же, статья 66.

⁷⁾ Тамъ же, статья 74.

⁸⁾ Тамъ же, статья 68.

⁹⁾ Тамъ же, статья 43.

¹⁰⁾ Академическій списокъ, статья 11; Троицкій списокъ, статья 27.

«отарицы» закупа¹⁾),—подъ купой надо разумѣть ту сумму, какую получалъ закупъ въ долгъ, а подъ отарицей — земельный участокъ, дававшійся господиномъ закупу для обработки. Въ этой же статьѣ Русской Правды мы находимъ еще слѣдующее не вполне ясное постановленіе: «паки ли приметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принять, и за обиду платити ему 3 гривны продажи». Болтинъ переводитъ это мѣсто такъ: «а ежели господинъ возьметъ у него насильственно деньги, то также и деньги наймиту возвратити, а за насиліе взыскать въ казну пени 3 гривны»²⁾). Тотъ же смыслъ въ сущности имѣеть и переводъ Эверса-Платонова: «равнымъ образомъ, когда господинъ возьметъ и станетъ удерживать деньги наемника, то взятыя деньги возвратитъ да за обиду заплатитъ ему 3 гривны пени»³⁾).

Совершенно другое объясненіе находимъ у Ланге: по его мнѣнію во 2-й половинѣ 55-й статьи Троицкаго списка «говорится о повтореніи того преступленія, за которое назначалось 60 кунъ продажи въ первой части»; доказательства: 1) выраженіе «паки ли» = снова ли, такъ какъ соединено со словами «опять воротити»; 2) въ 1-й части говорится: «то то ему воротити», а во 2-й—«то опять ему воротити»⁴⁾). Объясненіе Болтина и Эверса трудно принять по той причинѣ, что о деньгахъ на рукахъ у закупа едва ли можетъ быть рѣчь: закупъ—человѣкъ безденежный, не имѣющій капитала и входящій въ долговья обязательства по отношенію къ господину, причемъ уплату долга онъ производитъ собственнымъ трудомъ, отработываетъ долгъ,—или уплачиваетъ деньгами, для чего однако ему приходится, по свидѣтельству нашего источника, идти «искать кунъ»⁵⁾): своихъ денегъ у него не бывало. Если и были какія-либо деньги у закупа, что маловероятно, то во всякомъ случаѣ въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не могли вызвать господина на преступленіе. Что касается мнѣнія Ланге, то Русская Правда не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго указанія на рецидивъ, и было бы странно, если бы она заговорила о немъ только по отношенію къ нарушенію правъ закупа. Доказательства Ланге не убѣдительны: «паки ли» можетъ значить и «если же», а «опять» = «обратно», «назадъ». Намъ кажется, что спорный текстъ надо понимать слѣдующимъ обра-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

²⁾ Правда Русская, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 66.

³⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 403.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 180—183.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 52.

зомъ: «если же господинъ возьметъ отъ другого сумму, которую онъ далъ въ долгъ закупу, то-есть, передать всѣ свои права на закупа другому лицу, то онъ долженъ эти деньги возвратить тому, отъ кого ихъ взялъ, и платить 3 гривны продажи». Слѣдовательно, воспрещается передавать свои права на закупа другому лицу. Это объясненіе подтверждается и контекстомъ: ниже говорится объ уголовныхъ послѣдствіяхъ продажи закупа въ обельные холопы. Такимъ образомъ, къ приведенному выше списку имущественныхъ преступленій, влекущихъ за собою трехгривенную продажу, надо прибавить еще одно: продажу своихъ правъ на закупа другому лицу.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно маленькое замѣчаніе: Ланге говорить, что объ уплатѣ частнаго вознагражденія при воровствѣ—кражѣ употреблялось выраженіе «платить татьбу». Это подтверждается текстомъ 70-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отобьются, то тѣмъ платити *татбу* и продажо». Было бы однако ошибкой утверждать, что частное вознагражденіе при воровствѣ и вообще имущественныхъ преступленійхъ всегда обозначалось такъ, какъ указываетъ Ланге: несомнѣнныя дапныя свидѣтельствуютъ, что оно называлось сплошь и рядомъ «урокомъ». Такъ въ 41-й статьѣ Троицкаго списка рѣчь идетъ о разныхъ размѣрахъ частнаго вознагражденія при кражѣ скота, на тотъ случай, если украденную скотину нельзя воротить «лицемъ», и въ концѣ статьи прибавлено: «то ти *оуроки* смердомъ, оже платятъ князю продажо». Въ 80-й статьѣ, гдѣ говорится о злонамѣренномъ истребленіи чужого скота, читаемъ: «продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину *оурока* платити». Наконецъ. 114-я статья Троицкаго списка гласитъ: «Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань *оурока*, что будетъ взялъ». Изъ этихъ примѣровъ можно еще усмотрѣть, что между выраженіями «татьба» и «урокъ» была нѣкоторая разница: словомъ «татьба» обозначалось общее понятіе о частномъ вознагражденіи при нарушеніи правъ собственности, а слово «урокъ» заключало въ себѣ, повидимому, идею вознагражденія въ точномъ, опредѣленномъ въ законѣ размѣрѣ. Припомнимъ аналогичныя позднѣйшія выраженія: «урочные годы», «урочный часъ».

Мы закончили детальное изученіе уголовного права Русской Правды. Подведемъ теперь итогъ, сдѣлаемъ общій выводъ. Что характернаго для извѣстнаго историческаго момента представляетъ собою это право? Говоря вообще, оно — типичнѣйшій памятникъ юридическаго сознанія того періода, когда общество

только слагается, когда отдѣльные элементы лишь начинаютъ организоваться въ непрерывную ткань, своеобразно и подчасъ неловко переплетаясь съ отжившими остатками старины и съ трудомъ ассимилируя ихъ себѣ. Въ уголовномъ правѣ Русской Правды соединяются противоположныя начала—старыя, уже отживающія, и новыя, которымъ принадлежитъ будущее; вполне естественно, конечно, что ни одно изъ этихъ началъ не имѣетъ перевѣса надъ другими, ему противоположными: одни уже не господствуютъ, такъ какъ устарѣли, другія еще не преобладаютъ, потому что не созрѣли. Въ самомъ дѣлѣ: понятіе о преступленіи уже имѣло общественный элементъ и въ краткой и въ пространной Правдѣ, но онъ былъ еще очень слабъ; его подавляли чисто-матеріалистическія воззрѣнія, красною нитью проходящія въ изучаемомъ памятникѣ и выражающіяся, какъ мы видѣли, во взглядѣ на преступленіе исключительно какъ на зло матеріальное и въ такъ сказать откупномъ характерѣ наказаній, въ таксѣ пень, установленной закономъ; однако тотъ, кто усвоилъ бы себѣ мысль о безраздѣльномъ господствѣ матеріалистическихъ началъ въ Русской Правдѣ, глубоко ошибся бы: на ряду съ ними ясно и опредѣленно выступаютъ элементы духовнаго, психическаго характера, хотя опять-таки съ поправками и исключеніями: субъективный элементъ злой воли необходимъ для признанія дѣянія преступнымъ, но иногда о его наличности дѣлается заключеніе по внѣшнимъ признакамъ, и степень напряженія преступной воли далеко не всегда различается; признается вліяніе аффекта, и существуетъ понятіе о покушеніи, но о нихъ говорится очень рѣдко; извѣстно сообщничество или соучастіе, но нѣтъ и мысли о большей наказуемости главнаго виновника; въ области наказанія, наконецъ, наряду съ нѣкоторыми зародышами позднѣйшей карательной системы, въ которую переходятъ постепенно нѣкоторые виды древнѣйшихъ наказаній,—мы разумѣемъ здѣсь развитіе различныхъ уголовныхъ каръ изъ потока и разграбленія,—бросается въ глаза грубо-матеріалистическое начало выкупа, прикрытія общественныхъ и частныхъ убытковъ отъ преступления денежнымъ платежемъ; конечно, при такой очевидной слабости карательныхъ началъ, нечего ожидать хотя бы намека на исправительное значеніе наказанія.

Итакъ въ уголовномъ правѣ Русской Правды мы видимъ борьбу трехъ началъ: начала общественной связи, начала психологическаго индивидуализма и начала матеріалистическаго. Первые два лежатъ въ основѣ каждаго правильно устроеннаго общественнаго союза и потому взаимно другъ друга предполагаютъ и поддерживаютъ, но каждое изъ нихъ въ отдѣльности и, можетъ

быть, даже оба они вмѣстѣ въ то время были слабѣе третьяго. Несмотря на это, они, какъ начала прогрессивныя, должны были восторжествовать въ будущемъ. Мы не говоримъ ничего о кровномъ началѣ, проявлявшемся въ мести, потому что оно исчезло въ пространной Правдѣ.

О черкъ третій.

Гражданское право Русской Правды.

I.

Переходя къ изслѣдованію гражданского права Русской Правды, мы прежде всего остановимся на правѣ наследственномъ. И первый вопросъ здѣсь—вопросъ объ общемъ понятіи наследства. Г. Дювернуа первый высказалъ мысль, что понятіе о наследствѣ въ Русской Правдѣ—чисто матеріальное: это—«задница», «статокъ», то-есть, имѣніе, а не имущество. Имущество—понятіе абстрактное, заключающее въ себѣ не однѣ вещи, а совокупность всѣхъ правъ лица, которыя ставятъ его въ прямое отношеніе къ внѣшнимъ благамъ, то-есть, тутъ разумѣются и долги и требованія. Этого нѣтъ въ Русской Правдѣ. Впервые въ исторіи русскаго права понятія объ имуществѣ встрѣчается въ договорѣ Смоленска съ Ригой 1230 года¹⁾. Этотъ любопытный взглядъ раздѣляется и другимъ изслѣдователемъ наследственного права Русской Правды, г. Цитовичемъ; онъ объясняетъ тотъ фактъ, что наследники не получали участія въ долговыхъ правахъ и обязательствахъ наследодателя, чрезвычайно слабымъ въ то время развитіемъ кредита²⁾. Противъ мнѣнія г. Дювернуа и г. Цитовича выступилъ г. Ясинскій, но странно что въ доказательство его ошибочности онъ ссылается на тотъ же договоръ Смоленска съ Ригой, который, и по г. Дювернуа, содержитъ въ себѣ указаніе уже на совершенно иное понятіе о наследствѣ, и на Литовскій Статутъ 1529 г., отдѣленный отъ пространной Русской Правды тремя столѣтіями. Впрочемъ самъ г. Ясинскій признаетъ, что въ Судебникахъ Ивана III и Ивана IV, какъ и въ Судебникѣ Казимира 1468 года, «слово «статокъ» употребляется въ смыслѣ

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, Москва, 1869, стр. 141—145.

²⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, Харьковъ, 1870, стр. 98.

движимыхъ вещей¹⁾. Это — лучшее доказательство матеріальности понятія о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ: если въ XV—XVI вѣкахъ слово «статокъ» обозначало собою только *вещи*, да еще притомъ только *движимыя* вещи, то вѣдь не могло же подобное явленіе возникнуть только въ это время: необходимо предположить существованіе прочныхъ и глубокихъ историческихъ корней для столь необычайнаго и оригинальнаго факта. Правда, г. Ясинскій, ссылаясь на Неволіна, утверждаетъ, что слово «статокъ», «относится не только къ имуществамъ движимымъ, но также и къ недвижимымъ»²⁾, но, если даже это и вѣрно, тутъ все-таки нѣтъ ничего, что бы убѣждало насъ, что подъ словомъ «статокъ» разумѣются и долги и требованія. Итакъ не можетъ быть сомнѣнія, что понятіе о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ матеріально. Есть однако признаки колебанія такого взгляда на наслѣдство; мы имѣемъ здѣсь въ виду слѣдующее постановленіе: «Аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отця задница, а онѣмъ своего; будетъ ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отця, а оумреть, то възворотитъ брату, на неже и людье выльзуть, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля, а что ему своего отця, то держитъ»³⁾. Дѣло тутъ въ томъ, что за растрату имущества опекуномъ-отчимомъ отвѣтственны и его дѣти, наслѣдующія его имѣніе. Конечно, отсюда еще далеко до наслѣдственности обязательствъ, но нельзя не признать важнымъ и знаменательнымъ, что гражданское правонарушеніе, дозволенное себѣ отцомъ, обуславливаетъ необходимость отвѣтственности и его дѣтей. Другое ограниченіе матеріальности понятія о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ можетъ быть лишь предполагаемо, однако съ большою степенью вѣроятности. Какъ увидимъ ниже, имѣніе въ эпоху Правды еще почти не имѣло характера личной собственности, а было скорѣе всего собственностью семейной. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что и обязательства, въ частности и долговыя, часто имѣли семейный характеръ, заключались и отъ имени отца и отъ имени дѣтей: это фактически, если не юридически, парализовало дѣйствіе матеріальнаго понятія о наслѣдствѣ. Такъ какъ въ XII вѣкѣ долговыя обязательства по формѣ были устныя, то они и не могли дойти до насъ, почему нашъ взглядъ является простой догадкой, предположеніемъ,

1) Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ, 1889, стр. 168, прим. 290.

2) Тамъ же.

3) Троицкій списокъ, статья 97.

вѣроятность котораго подтверждается впрочемъ примѣрами изъ позднѣйшаго времени ¹⁾).

Каковы были способы опредѣленія наслѣдниковъ? Господствовало ли наслѣдованіе по закону, или по завѣщанію? И который изъ этихъ двухъ способовъ древнѣе? Поповъ высказывается за то, что первоначально, въ краткой Правдѣ, наслѣдованіе опредѣлялось обычаемъ, а не завѣщаніемъ, завѣщаніе же появилось позднѣе, такъ какъ оно—выраженіе личной воли, а въ эпоху краткой Правды было лишь семейное совладѣніе, лицо поглощалось семьей. Но въ пространной Правдѣ, по мнѣнію Попова, наслѣдованіе по закону существовало лишь при отсутствіи завѣщанія ²⁾. По Бѣляеву, напротивъ—наслѣдованіе по завѣщанію исторически предшествовало наслѣдованію по закону, такъ какъ законъ составилъ изъ обычая, а обычай изъ ряда одинаковыхъ завѣщаній ³⁾. Съ Бѣляевымъ согласенъ г. Дювернуа ⁴⁾, съ Поповымъ г. Цитовичъ ⁵⁾. На чьей сторонѣ истина, опредѣлить можно, только разрѣшивъ другой важный вопросъ—о характерѣ и содержаніи завѣщанія по Русской Правдѣ. И здѣсь между изслѣдователями существуютъ серьезныя разногласія. По мнѣнію Попова, завѣщаніе въ эпоху Русской Правды имѣло цѣлью не назначеніе наслѣдниковъ, а лишь распредѣленіе имѣнія между готовыми, опредѣленными закономъ наслѣдниками; но распредѣленіе это, во всѣхъ подробностяхъ, всецѣло зависѣло отъ воли завѣщателя: «что ей даль мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти» ⁶⁾. Бѣляевъ полагаетъ, что завѣщатель могъ отдать свое имущество даже постороннимъ, помимо своихъ дѣтей ⁷⁾. Согласно съ Бѣляевымъ думаетъ Никольскій: въ Русской Правдѣ, по его мнѣнію, господствовало римское правило—*paterfamilias uti legassit, ita ius esto* ⁸⁾. Того же мнѣнія держится и г. Сергѣевичъ: въ доказательство того, что отецъ былъ воленъ завѣщать свое имущество

¹⁾ Ср. Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 141.

²⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи“, т. I, изд. Д. В. (Валуева), Москва, 1845, стр. 110—111.

³⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Москва, 1858, стр. 7.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 136.

⁵⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 77.

⁶⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 111.

⁷⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 8.

⁸⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, Москва, 1859, стр. 262.

кому угодно, даже и помимо дѣтей, онъ приводитъ слова Синодальнаго списка «аще кто, умирая, раздѣлитъ домъ свой»: здѣсь не прибавлено «дѣтямъ», какъ въ другихъ редакціяхъ¹⁾. Но за взглядъ Попова высказываются еще гг. Цитовичъ²⁾ и Владимірскій-Будановъ³⁾. Оба они опираются на соображенія о характерѣ завѣщанія по Русской Правдѣ: это не римское *testamentum*, гдѣ господствуетъ исключительно личная воля, а «рядъ»⁴⁾, то-есть, договоръ, взаимное соглашеніе всѣхъ членовъ семьи подъ руководствомъ отца, выраженіе коллективной воли цѣлаго семейнаго союза. Соотвѣтственно этому, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, обычной формой завѣщанія была словесная: «безъ языка-ли оумреть»⁵⁾, говорится въ источникѣ о смерти матери безъ завѣщанія. Нельзя не признать, что мнѣніе Попова, г. Цитовича и г. Владимірскаго-Буданова, какъ находящееся въ полномъ согласіи съ текстомъ источника, вполне справедливо. Бѣляевъ и Никольскій ограничиваются только догматическими утвержденіями, которыя въ счетъ не идутъ, а доказательство г. Сергѣевича—слишкомъ слабо: нельзя строить выводъ на основаніи варианта, составляющаго особенность *одного* списка. Итакъ завѣщаніе Русской Правды было «рядомъ», договоромъ, выражало коллективную волю всей семьи, а не исключительно—личную волю завѣщателя— роль послѣдняго ограничивалась только распредѣленіемъ семейнаго имущества между готовыми, законными наслѣдниками, и то по совѣту съ членами семьи. Спрашивается теперь, какъ разрѣшить поставленный выше вопросъ о томъ, что было важнѣе и исторически—первичнѣе, завѣщаніе или наслѣдованіе по закону? Такое завѣщаніе, о которомъ говорится въ Русской Правдѣ, завѣщаніе—рядъ несомнѣнно существовало ранѣе, чѣмъ наслѣдованіе по закону: изъ такихъ семейныхъ «рядовъ» составилъ юридическій обычай, послужившій основой для закона. Понятно, что «рядъ» былъ и гораздо важнѣе закона: наслѣдованіе по закону установлено было въ Русской Правдѣ только на тотъ случай, если не было завѣщанія: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти; *наки ли безъ ряду оумреть*, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души»⁶⁾; «кому мати дастъ, тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а

1) Лекціи и изслѣдованія, стр. 540.

2) Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 68.

3) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 148, 150.

4) «наки ли безъ *ряду* оумреть»: Троицкій списокъ, статья 87.

5) Троицкій списокъ, статья 96.

6) Троицкій списокъ, статья 87.

все раздѣлять; *безъ языка ли оумреть*, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ, тому взяти»¹⁾). Эти данныя, представляемыя изучаемымъ памятникомъ, подтверждаются и другимъ, почти современнымъ пространной Правдѣ свидѣтельствомъ: по справедливому указанію г. Блюменфельда²⁾, въ завѣщаніи Климента XIII столѣтія сказано: «того дѣла написахъ; за нѣ ди не было оу мене брата ни сыноу» (см. Хрестоматію г. Владимірскаго-Буданова, выпускъ I, стр. 119); этотъ текстъ свидѣствуетъ, что завѣщаніе въ XIII вѣкѣ сдѣлалось письменнымъ и приобрѣло характеръ выраженія личной воли только въ случаяхъ отсутствія семьи у завѣщателя.

Познакомимся теперь съ объектами наслѣдованія. По Рейцу, объектомъ наслѣдованія было только движимое имѣніе: «задница», «статокъ» — движимость, ибо дворъ упоминается особо; земля не наслѣдовалась именно потому, что она была общимъ достояніемъ рода³⁾. Этотъ взглядъ всецѣло раздѣлялся Никольскимъ, говорившимъ тоже о господствѣ родоваго начала и общаго владѣнія землей⁴⁾. Но, по Неволину, Русская Правда говоритъ и о наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ: двора да и земель, на что указываетъ слово «статокъ» (сближаемое имъ со словомъ «станки», см. Акты Юридическіе, № 5, стр. 67) и слово «домъ», употребляемое въ смыслѣ вообще наслѣдства⁵⁾. Съ Невוליнымъ согласенъ г. Цитовичъ: подъ домомъ въ Правдѣ разумѣется все имѣніе, движимое и недвижимое, такъ какъ, во-первыхъ, подъ домомъ нельзя разумѣть зданіе: зданіе нельзя дѣлить, а въ Русской Правдѣ говорится о дѣлежѣ дома; во-вторыхъ домъ — не одна движимость, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы сдѣлать нелѣпое предположеніе, что «задница» — одна недвижимость; в-третьихъ, наконецъ, въ одной и той же статьѣ сначала стоитъ слово «домъ», а потомъ вмѣсто него «все»⁶⁾. Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія критическія замѣчанія г. Дювернуа на мнѣніе Рейца и Никольскаго: онъ считаетъ неосновательнымъ ихъ объясненіе, что въ Русской Правдѣ потому ничего не говорится о свободномъ гражданскомъ оборотѣ съ землей, что она была

¹⁾ Тамъ же, статья 96.

²⁾ Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи, стр. 164.

³⁾ Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, переводъ Морошкина, Москва, 1836, стр. 217—218.

⁴⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 41, 53.

⁵⁾ Полное Собраніе Сочиненій, томъ V, стр. 338.

⁶⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 55—56.

предметомъ родового владѣнія: вѣдь и родъ могъ отчуждать земли. По г. Дювернуа, сдѣлки съ землей были рѣдки въ тѣ времена подъ влияніемъ двухъ причинъ; первая—то, что земля у смерда—не отчина, ею онъ владѣеть не потому, что отецъ владѣлъ ею, не какъ членъ семьи, а какъ членъ общины; вторая причина заключается въ несравненно большей цѣнности капитала, чѣмъ земли въ то время¹⁾. Эти слова не имѣютъ прямого отношенія къ наслѣдованію, но важны, какъ критика родовой теоріи въ примѣненіи къ изучаемому нами источнику.

Разбираемый вопросъ принадлежитъ къ числу трудныхъ, почему и вызвалъ такъ много существенныхъ разногласій. Ключъ къ его разрѣшенію можетъ дать лишь изученіе употребляемыхъ въ Русской Правдѣ терминовъ, которыми обозначаются разные виды имѣнія. Прежде всего несомнѣнно, что усадьба, домъ въ нашемъ смыслѣ, обозначалась въ Правдѣ чаще всего словомъ «дворъ»; въ 79-й статьѣ Троицкаго списка говорится о наказаніи потокомъ «аже кто *дворъ* зажьжетъ»; еще яснѣе указаніе 94-й статьи: «а *дворъ* безъ дѣла отень всякъ меншему сынови»; далѣе въ 95-й статьѣ читаемъ: не хотѣти ли начнуть еи ни на *дворъ*, то-есть, «если дѣти не захотятъ терпѣть мать въ *домъ*» (въ нашемъ смыслѣ слова); наконецъ, по 96-й статьѣ матери, наслѣдуетъ тотъ, «оу кого будетъ на *дворъ* была и кто ю кормиль». Только одинъ разъ въ значеніи «усадьба»²⁾, «домъ» употреблено въ Русской Правдѣ слово «хоромъ», да и то, быть можетъ, вѣрнѣе понимать его въ смыслѣ вообще зданія.

Слово *домъ* въ Правдѣ не означало усадьбу, домъ въ нашемъ, современномъ смыслѣ. Это видно изъ слѣдующаго: «домъ» дѣлился, такъ какъ сказано: «аже кто оумирая *раздѣлитъ домъ* свои»³⁾, а «дворъ»—этимъ терминомъ, какъ мы видѣли, обозначалась именно усадьба—не могъ подлежать раздѣлу: «а *дворъ* безъ дѣла отень всякъ меншему сынови»⁴⁾; далѣе: «кто зажьжетъ *дворъ*», «на потокъ на грабежь *домъ* его»⁵⁾; не усадьбу же только, а, конечно, все имѣніе; притомъ, если допустить, что «домъ» значиль здѣсь «усадьба», то въ такомъ случаѣ окажется, что *въ одной и той же* статьѣ въ *въ одномъ и томъ же* смыслѣ употреблены два различныхъ слова—«дворъ» и «домъ», а это невозможно. Что же значило слово «домъ»? Во-первыхъ, имъ обозначалось понятіе

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 134, 136, 138.

²⁾ Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 87.

⁴⁾ Тамъ же, статья 94.

⁵⁾ Тамъ же, статья 79.

«семья»: «аже будетъ дщери оу него *дома*», то-есть, въ своей семьѣ, незамужемъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго: «аже будутъ замужемъ»¹⁾; «аже будетъ сестра *въ домену*»²⁾, то-есть, въ семьѣ; въ томъ же смыслѣ наконецъ, сказано: «аже будутъ *въ домену* дѣти мали»³⁾. Во-вторыхъ подъ словомъ «домъ» разумѣлось, очевидно, семейное имущество, и это значеніе надо считать производнымъ, выведеннымъ изъ перваго. Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать «домъ» въ часто цитованномъ выше мѣстѣ, «оже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ»⁴⁾ а также тамъ, гдѣ за поджогъ назначается, «на потокъ на грабежъ домъ его»⁵⁾; это послѣднее мѣсто особенно характерно, такъ какъ мы имѣемъ несомнѣнное указаніе Правды, что разграбленію подлежало именно *все семейное* имѣніе виновнаго, какъ и потоку подвергалась *вся семья*: «будетъ ли стать на разбой безъ всякой свады, то за разбоиника люди не платятъ, но выдать *и всего съ женою і съ дѣтми* на потоки и на разграбленіе»⁶⁾. Выводы, получаемые при изученіи Русской Правды, подтверждаются и наблюденіями надъ живымъ языкомъ: по Далю, домъ—«изба со всѣми ухожами и хозяйствомъ», «хозяйство, распорядокъ», «семеиство, семья, хозяева съ домочадцами»⁷⁾.

Итакъ «домъ»=«семья» и «семеиное имущество», но какое, движимое, или недвижимое; или и то и другое вмѣстѣ? Изложенныя выше наблюденія и соображенія устраняютъ возможность мысли, что слово «домъ» означало только недвижимую собственность. Но, можетъ быть, имъ обозначалась лишь одна движимость? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить тотъ несомнѣнный фактъ, что движимое имѣніе называлось въ Русской Правдѣ «товаромъ»: въ статьѣ о поклажѣ предметъ поклажи называется «товаромъ»⁸⁾, а вѣдь отдавать на сохраненіе можно только движимость; о купцѣ, задолжавшемъ и потомъ, по собственной винѣ, сдѣлавшемся несостоятельнымъ, сказано: «а въ

1) Тамъ же, статья 85.

2) Тамъ же, статья 89.

3) Тамъ же, статья 93.

4) Тамъ же, статья 87.

5) Тамъ же, статья 79.

6) Тамъ же, статья 5.

7) Толковый словарь живаго великорусскаго языка, изд. 2, т. I, С.-Пб., 1880, стр. 479; ср. Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ, т. I, изд. 2, С.-Пб., 1867, столб. 730.

8) Троицкій списокъ, статья 45.

безумыи чюжь *товаръ* испортить»¹⁾: предметъ займа, очевидно, тоже движимость; тоже видно и изъ статьи «о долзѣ», гдѣ говорится объ иногороднемъ или чужеземцѣ, который «не вѣдая запустить зань *товаръ*»²⁾; затѣмъ въ рядѣ статей Русской Правды рѣчь идетъ о «товарѣ», какъ объектѣ кражи, а украсть можно, конечно, только движимыя вещи: если закупъ совершилъ воровство, то господинъ платитъ, а закупъ становится его обельнымъ холопомъ, «пакн ли господинъ не хотѣти начнетъ платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волю, или за *товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ*»³⁾; «аже кто бѣжа, а пойметъ сусѣдне что или *товаръ*, то господину платити зань оурокъ, что будетъ взялъ»⁴⁾; далѣе: Русская Правда предписываетъ опекуну «*товаръ* дати передь людами, а что срѣзитъ товаромъ тѣмъ ли пригоститъ, то то ему собѣ, а истыи товаръ воротитъ имъ»⁵⁾; наконецъ, никто не будетъ утверждать, что въ слѣдующихъ словахъ Правды разумѣется что-либо кромѣ движимости: «аже холопъ бѣгая добудеть товару, то господину холопъ и долгъ, господину и товаръ, а не лишатися его»⁶⁾. Только въ одномъ мѣстѣ Ланге переводитъ слово «товаръ» посредствомъ «кочевье, обозъ»⁷⁾, именно тамъ, гдѣ говорится о поискахъ вора по слѣдамъ⁸⁾, но и этотъ переводъ, и приводимая у Ланге ссылка на лѣтописный текстъ, гдѣ «товары» = «станъ, лагерь, военный обозъ», не противорѣчатъ пониманію слова «товаръ» въ смыслѣ движимости. Наблюденія Даля сходятся съ только что изложенными⁹⁾.

Такимъ образомъ «домъ» не можетъ значить только «движимость»; слѣдовательно, подъ этимъ словомъ подразумѣваются и движимыя и недвижимыя вещи, вся семейная собственность. Это подтверждается и прямыми указаніями Русской Правды на существованіе «межь бортовыхъ, ролейныхъ и дворныхъ»¹⁰⁾: ими разграничивалась недвижимая собственность, принадлежавшая отдѣльнымъ семьямъ. Несомнѣнно, значить, что объектомъ на-

1) Тамъ же, статья 50.

2) Тамъ же, статья 51.

3) Тамъ же, статья 57.

4) Тамъ же, статья 114.

5) Тамъ же, статья 93.

6) Тамъ же, статья 113; ср. Карамзинскій списокъ, статья 130.

7) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 214.

8) Троицкій списокъ, статья 70.

9) Толковый словарь живого великорусскаго языка, т. IV, стр. 419.

10) Троицкій списокъ, статья 65.

слѣдованія по Русской Правдѣ были движимыя и недвижимыя вещи.

Къ числу важныхъ и довольно запутанныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о наслѣдникахъ. Кто наслѣдовалъ по Русской Правдѣ? По общему мнѣнію, ближайшими наслѣдниками всегда были сыновья, при чемъ большинство думаетъ, что они или дѣлили между собою наслѣдство поровну, или оставались въ нераздѣльномъ владѣніи; но Кавелинъ полагалъ, что почти всегда дѣлили¹⁾, и доказательство этого видѣлъ въ существованіи опредѣленія о томъ, кому долженъ достаться отцовскій дворъ: его всегда получалъ младшій сынъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ²⁾, сверхъ своей части, а по мнѣнію другихъ³⁾, этотъ дворъ включался въ составъ его части съ цѣлью вѣрнѣе, а не больше его обезпечить. Большинство⁴⁾ полагаетъ также, что въ Русской Правдѣ подъ дѣтьми разумѣются всѣ нисходящія, то-есть и внуки. Рѣчь тутъ идетъ, конечно, о наслѣдованіи послѣ отца.

Приведенныя мнѣнія изслѣдователей попытаемся провѣрить текстомъ источника. Сыновья, по Русской Правдѣ, получаютъ имѣніе въ раздѣлъ согласно завѣщанію отца; если же завѣщанія нѣтъ, то все поступаетъ имъ, кромѣ части, идущей на поминъ души умершаго⁵⁾. Что подъ дѣтьми въ этой статьѣ надо разумѣть однихъ только сыновей,—это очевидно изъ 89-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати». Далѣе: при дѣлежѣ наслѣдства между братьями, младшій братъ обязательно получаетъ отцовскій дворъ⁶⁾. Въ этомъ постановленіи обращаетъ на себя вниманіе та связь, въ какой оно находится въ Правдѣ съ постановленіями объ опекаѣ отчима. Можно ли считать эту связь случайной? Быть можетъ, это—позднѣйшее постановленіе, сдѣланное въ то время, когда устанавливались законы объ опекаѣ, и потому помѣщенное вмѣстѣ съ ними, по несовершенству расположенія статей въ Русской

¹⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, *Современникъ*, 1860 года, № II, стр. 472.

²⁾ *Поповъ*. Объ опекаѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 112.

³⁾ *Владимірскаго-Буданова*. Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 154—155.

⁴⁾ *Поповъ*. Объ опекаѣ и наслѣдствѣ, стр. 107; *Никольскій*. О началахъ наслѣдованія, стр. 347; *Цитовичъ*. Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 125.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 87.

⁶⁾ Тамъ же, статья 94.

Правдѣ? Такое объясненіе едва ли однако возможно: обычай передачи двора младшему брату имѣеть слишкомъ несомнѣнные признаки сѣдой старины. Не вѣрнѣе ли поэтому мысль, что это постановленіе попало въ статьи объ опекахъ по той причинѣ, что оно относится къ наслѣдованію несовершеннолѣтнихъ, нуждавшихся въ опекахъ? Вотъ единственное замѣчаніе, которое можно сдѣлать въ дополненіе къ приведеннымъ выше мнѣніямъ изслѣдователей, вполнѣ согласнымъ съ текстомъ Русской Правды. Впрочемъ здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить еще одну статью Правды: сыновья отъ одной матери, но отъ двухъ отцовъ получаютъ наслѣдство каждый отъ своего отца. ¹⁾

Наибольшія разногласія вызваны постановленіями Русской Правды о наслѣдованіи дочерей послѣ отца. По мнѣнію Попова ²⁾ и Кавелина ³⁾, дочери вообще не наслѣдуютъ, а получаютъ лишь приданое, все равно—есть братья у нихъ, или нѣтъ; объясняется это вліяніемъ родового быта: женщины—непрочные члены рода, такъ какъ ихъ назначеніе—выйти замужъ, поступить въ чужой родъ. Исключеніе представляетъ наслѣдованіе дочерей бояръ или членовъ княжеской дружины, допускавшееся въ томъ случаѣ, если не было сыновей. Причина такого исключенія заключается въ утратѣ высшими классами «топографическаго характера», въ выдѣленіи въ нихъ лица изъ семейства, въ появленіи у каждаго члена семейства своей собственности, наконецъ, въ образованіи юридическихъ отношеній между отдѣльными членами семейства ⁴⁾. Бѣляевъ также признаетъ фактъ ненаслѣдованія дочерей, но только при сыновьяхъ, и считаетъ это древнеславянскимъ обычаемъ. По его взгляду, только наслѣдованіе у смердовъ было ограничено: дочери ихъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовали. Причину этого онъ видитъ въ славянскомъ общинномъ бытѣ: община признавала своей составной частью не родъ, но семью, такъ что по смерти сыновей имущество считалось выморочнымъ и переходило къ общинѣ, а съ призваніемъ князей,—къ нимъ. Что смерды были общинниками,—это, по Бѣляеву, видно изъ того, что смердами въ лѣтописяхъ называются вообще людины и «смердъ по зендски=человѣкъ, то-есть лю-

¹⁾ Тамъ же, статья 97.

²⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣхъ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 108, 109.

³⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, *Современникъ*, 1862 года, № II, стр. 473—474.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 465 и слѣд. и 474.

динъ, общинникъ»¹⁾). Совершенно другой взгляд находимъ у Никольскаго: по его мнѣнію, общая догма состояла въ томъ, что наследуютъ дѣти, то-есть, если сыновей нѣтъ, то и дочери, такъ какъ сказано: «если кто раздѣлитъ домъ свой *дѣтямъ*». Исключеніе представляетъ наследованіе послѣ дружинниковъ и смердовъ, но это—слѣдствіе вліянія виѣшнихъ, общественныхъ условій, а не семейнаго быта: смерды—это люди, обрабатывавшіе вмѣстѣ съ рабами—военноплѣнными княжескія земли, обѣднѣвшіе, безпріютные люди; они лично свободны и сходны съ сербскими проныями, силезскими *smardones* и польскими *кметами*; дочь смерда, какъ женщина, не могла исполнять обязанности отца по отношенію къ князю, почему и не имѣла правъ на отцовское имущество, пріобрѣтенное черезъ посредство княжеской земли; дружинники все получали по милости князя, который поэтому и былъ ихъ наследникомъ²⁾). Оригинальное мнѣніе высказано также г. Цитовичемъ: онъ полагаетъ, что дочери не наследуютъ лишь при сыновьяхъ, если же послѣднихъ нѣтъ, то имущество переходитъ къ дочерямъ и при томъ и къ замужнимъ, и къ незамужнимъ; что касается статьи о наследованіи послѣ смерда, то тутъ нѣтъ никакой особенности: и послѣ смерда, если не останется сыновей, наследуютъ дочери, ибо сказано: «оже смердъ оумретъ *безъ дѣти*»³⁾), а не «безъ сыновей», вторая же половина этой статьи относится къ тому случаю, когда дочери остаются при братьяхъ; въ статьѣ этой вообще выражена конкретно лишь общая догма и условія выморочности; подобнымъ же образомъ надо разбирать и статью о наследованіи послѣ бояръ, это—тоже не исключеніе, а конкретное выраженіе общей догмы наследованія дочерей при неимѣніи сыновей⁴⁾). Наконецъ, существуетъ еще четвертое мнѣніе, также стоящее особнякомъ, именно—мнѣніе г. Владимірскаго-Будапова: общая догма—наследуютъ и сыновья, и дочери, такъ какъ въ Карамзинскомъ спискѣ 104 статья озаглавлена: «о боярствѣ задницы и о *модствѣ*»; исключеніе—наследованіе послѣ смердовъ, объясняемое согласно съ Никольскимъ⁵⁾).

«Аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но

¹⁾ О наследствѣ безъ завѣщанія, стр. 26 и прим.

²⁾ О началахъ наследованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 348, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 365, 371.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 85; Карамзинскій списокъ, статья 103.

⁴⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, стр. 43—51.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 89.

отдавать ю замужь братия, како си могут»¹⁾. Этотъ текстъ, несомнѣнно, свидѣтельствуеъ, что дочери, если есть сыновья, не имѣють доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ. Значить, Поповъ, Бѣляевъ, Кавелинъ и г. Цитовичъ вѣрно разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Но какъ же быть съ указаніемъ Никольскаго на слова Правды: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои *дѣтемъ*?» Не значить ли это, что можно было, по крайней мѣрѣ, завѣщать имѣніе и дочерямъ, хотя бы и сыновья были, и что постановленіе о наслѣдованіи дочерей при сыновьяхъ относится лишь къ тому случаю, когда завѣщанія нѣтъ? Полежаевъ, напримѣръ, думалъ, что «завѣщаніе не подлежало оспариванію», и что весь древній періодъ исторіи русскаго завѣщательнаго права до Петра Великаго характеризуется «совершеннымъ отсутствіемъ въ отношеніи къ завѣщаніямъ законодательныхъ постановленій»²⁾. Фактъ вѣрно подмѣченъ, но вѣдь разбираемое постановленіе есть не что иное, какъ формулировка юридическаго обычая, и этимъ же обычаемъ опредѣлялось, какъ мы уже говорили, и содержаніе завѣщанія Русской Правды, того «ряда», договора, который былъ результатомъ предсмертнаго совѣщанія отца съ другими членами семьи. Вотъ почему надо думать, что объясняемая догма имѣла — въ подавляющемъ, по крайней мѣрѣ, большинствѣ случаевъ, — примѣненіе и при завѣщаніи.

«Аже смердъ оумретъ (въ спискахъ одной только Карамзинской редакціи прибавлено: «безъ дѣти»), то задницю князю; аже будутъ дщери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ замужемъ, то не даяти часть имъ»³⁾. Ни одинъ изслѣдователь не относитъ этого постановленія къ тому случаю, когда у смерда остались дѣти: всѣ принимаютъ дополненіе Карамзинской редакціи «безъ дѣти» или варианты, ему соотвѣтствующіе; и они правы: мы знаемъ, что дочери при сыновьяхъ не получали части въ наслѣдствѣ, кромѣ приданнаго, а здѣсь о такой части говорится, очевидно, потому, что предполагается неимѣніе сыновей смердомъ. Итакъ: если у смерда совсѣмъ не осталось ни сыновей, ни дочерей или остались лишь замужнія дочери, то все наслѣдство идетъ князю; если же остались только незамужнія дочери, часть наслѣдства поступаетъ имъ, а прочее князю. Конечно, въ данномъ случаѣ завѣщанія быть не могло, потому что, въ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

²⁾ О завѣщаніяхъ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Калачевымъ, за 1858 годъ, книга 1, стр. 23.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 85; Карамзинскій списокъ, статья 103.

сущности, и семьи не было, а завѣщаніе, носившее въ то время семейный характеръ, могло быть составлено только въ семьѣ и при ея участіи. Несомнѣнно, здѣсь рѣчь идетъ объ условіяхъ выморочности, тѣмъ не менѣе объясненіе, предлагаемое г. Ци-товичемъ, не можетъ быть принято: нѣтъ основанія относить вторую половину статьи къ наслѣдованію дочерей при братьяхъ. Чрезвычайно важенъ въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, кого разумѣла Русская Правда подъ смердами? Отъ этого зависитъ рѣшеніе другого капитальнаго вопроса, представляетъ ли раз-сматриваемое постановленіе исключительную догму, имѣющую отношеніе къ строго и точно опредѣленному общественному слою или оно—догма общая, относящаяся къ наслѣдованію послѣ всѣхъ свободныхъ, кромѣ бояръ? Оставляя пока въ сторонѣ общее значеніе слова «смердъ» въ древнѣйшей Руси, мы позволимъ себѣ утверждать, что это слово означало въ Русской Правдѣ вообще свободнаго. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ Троицкомъ списокѣ сказано: «паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ князь конь, то платити зань 3 гривны, а за *инныхъ* по 2 гривны»¹⁾; эти «инные»—свободные люди вообще; они названы въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ краткой Правды смердами: «а за князь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривны; а за смердѣи 2 гривнѣ»²⁾; далѣе: въ пространномъ текстѣ Русской Правды читаемъ: «то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажо»³⁾; мы знаемъ, что продажу платили только свободные люди, но *есть* свободные, а не какой-либо отдѣльный слой ихъ, называвшійся, въ отличіе отъ другихъ слоевъ, смердами: значить и здѣсь смерды=свобод-ные люди; затѣмъ въ статьяхъ о мѣкѣ⁴⁾ «смердъ» тоже значить «свободный», отличается только отъ огнищанина или князя мужа, а не отъ обыкновенныхъ свободныхъ; тоже надо сказать объ изу-чаемыхъ нами сейчасъ статьяхъ, касающихся наслѣдственнаго пра-ва⁵⁾. Но, скажутъ намъ, въ Русской Правдѣ есть другіе термины для обозначенія свободныхъ вообще: таковы выраженія: «люди», «людинъ», «свободень мужъ», «свободные люди». На это мы замѣ-тимъ, что «люди» Русской Правды=или «вервь», какъ въ выраже-ніяхъ «а людемъ не надобѣ»⁶⁾ или «то за разбоиника люди не пла-

1) Троицкій списокъ, статья 40.

2) Академическій списокъ, статья 25.

3) Троицкій списокъ, статья 41.

4) Академическій списокъ, статьи 31 и 32; Троицкій списокъ, статьи 71 и 72.

5) Троицкій списокъ, статьи 85 и 86.

6) Академическій списокъ, статья 18.

тать»¹⁾, или—«свидѣтели», «послухи», что особенно ясно из сопоставленія выраженій: «выдѣзуть послуси»²⁾ и «выдѣзутъ людье»³⁾, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ статей Русской Правды⁴⁾. Слово «людинъ» въ значеніи «свободный чело-вѣкъ» и въ противоположность княжу мужу *ни разу* не встрѣчается въ краткой Правдѣ, а въ пространной попадаетъ только *одинъ разъ*⁵⁾, если не считать заглавія 104-й статьи позднѣйшей Карамзинской редакціи: «о боярствѣ задница и о *людствѣ*». Мы въ правѣ поэтому утверждать, что такое употребленіе слова «людинъ»—явленіе позднѣйшаго времени, и что рѣдкое явленіе употребленія двухъ словъ въ одномъ памятникѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ объясняется слѣдами различныхъ хронологическихъ наслоеній. Остается терминъ «свободенъ мужъ» и «свободные люди»; онъ употребляется въ статьяхъ объ оскорбленіи, нанесенномъ холопомъ⁶⁾, и о послушствѣ⁷⁾; и здѣсь, и тамъ свободные люди противопоставляются холопамъ, а не княжимъ мужамъ, то-есть, и эти послѣдніе подразумѣваются, когда говорится о «свободномъ мужѣ» и «свободныхъ людяхъ». Слѣдовательно, эти термины не тождественны по значенію съ древнѣйшимъ «смердъ» и позднѣйшимъ «людинъ».

Итакъ, слово «смердъ» употребляется въ Русской Правдѣ въ смыслѣ вообще свободнаго, въ отличіе отъ боярина или князя мужа. Значитъ, и изслѣдуемое нами постановленіе имѣетъ отношеніе ко всѣмъ свободнымъ, кромѣ бояръ. Теряютъ поэтому значеніе соображенія Бѣляева, Никольскаго и г. Владимірскаго-Буданова объ особомъ порядкѣ наслѣдованія въ классѣ смердовъ: то былъ обычный, нормальный порядокъ передачи выморочнаго имущества, оставшагося отъ свободнаго чело-вѣка, князю, какъ представителю общественной власти: если семья исчезала, наслѣдоваль уже не родъ, а князь: одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ разрушенія родового быта уже во времена Русской Правды.

«Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмутъ»⁸⁾. Смыслъ

1) Троицкій списокъ, статья 5.

2) Тамъ же, статья 23.

3) Тамъ же, статьи 61, 97.

4) Тамъ же, статьи 36, 70, 93.

5) Тамъ же, статья 3.

6) Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

7) Троицкій списокъ, статья 59; ср. тамъ же, статья 82.

8) Троицкій списокъ, статья 86.

этой статьи довольно ясенъ: имѣніе бояръ и членовъ дружины считается выморочнымъ только въ случаѣ, если и дочерей нѣтъ: это видно и изъ контекста, изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущей и изъ конца ея самой. Одинокѣ стоитъ и не можетъ считаться основательнымъ мнѣніе Дубенскаго, думавшаго, что, за отсутствіемъ нисходящихъ, въ боярскомъ классѣ наслѣдовали другіе родственники, такъ что имѣніе выморочнымъ не считалось¹⁾. Неумѣстны въ данномъ случаѣ разсужденія Никольскаго о наслѣдованіи князя дружинникамъ, получавшимъ все по его милости: напротивъ, князь, оказывается, имѣлъ меньше правъ на имѣніе дружинниковъ, чѣмъ на достояніе другихъ свободныхъ. Въ классѣ бояръ не сохранилось даже того переживанія родового быта, которое было въ другихъ общественныхъ слояхъ: признавались наслѣдственныя права нисходящихъ женскаго пола. Нельзя, наконецъ, вмѣстѣ съ г. Владимірскимъ-Будановымъ распространять дѣйствіе этого постановленія на весь свободный классъ: прибавленіе въ заглавіи 104-й статьи Карамзинскаго списка «и о людстѣ» — позднѣйшаго происхожденія и указываетъ къ тому же на содержаніе не 104-й, а 105-й статьи, такъ какъ и она помѣщена подъ этимъ же заглавіемъ; содержаніе же 104-й статьи Карамзинскаго списка ничѣмъ не отличается отъ содержанія ей соотвѣтствующихъ въ спискахъ Синодальномъ и Троицкомъ²⁾: вездѣ тутъ рѣчь идетъ только о боярахъ и дружинѣ.

До сихъ поръ мы говорили о наслѣдованіи послѣ отца. Наслѣдованіе послѣ матери опредѣлялось совершенно иными началами. Сюда относятся слѣдующія постановленія: «будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матери своей, либо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своей, возмутъ»³⁾. Никто не оспариваетъ объясненія этого постановленія Калачовымъ: дѣти «отъ разныхъ матерей и отъ одного отца (единокровныя)» получаютъ «наслѣдство послѣ своей матери»⁴⁾. Неволинъ⁵⁾ и г. Сергѣевичъ⁶⁾ справедливо указываютъ также, что, по смерти жены, мужъ пользовался имѣніемъ ея, которое потомъ шло только ея дѣтямъ, а не дѣтямъ отъ второй жены.

1) Русскія Достопамятности, часть 2, стр. 122, прим. 9.

2) „А иже въ боярехъ или же въ боярьстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ, но оже не боудеть сыновъ, а въ дщери възмоутъ“.

3) Троицкій списокъ, статья 88.

4) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статьи LXII.

5) Полное Собраніе Сочиненій, томъ III, стр. 345.

6) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 552.

Но нѣтъ никакого основанія принимать мнѣнiе г. Цитовича, будто даже мачиха, имѣющая и пасынковъ, и своихъ дѣтей, могла по смерти мужа, держать семью нераздѣленной и только при общемъ дѣлѣжѣ наслѣдства дѣти отъ каждой жены получали имѣнiе своей матери ¹⁾. Важнымъ надо признать вопросъ о составѣ имѣнiя матери. Эверсъ опредѣлялъ его, какъ «вѣно, назначенное отцомъ для матери» ²⁾, а г. Владимiрскiй-Будановъ вполне вѣрно замѣчаетъ, что тутъ рѣчь идетъ не о прожиткѣ, такъ какъ какой же прожитокъ у умершей при жизни мужа первой жены? по его мнѣнiю, здѣсь говорится о приданомъ и благопрiобрѣтенномъ женою во время замужества ³⁾. Итакъ, то, что «мужъ на женоу будетъ възложилъ», передано имъ ей при своей жизни. Но видно, что у жены, кромѣ этого «возложеннаго», было еще отдѣльное имущество («что первоѣ жены»); вѣроятно, ея приданое. Сомнительно, чтобы было еще что-либо, какимъ-нибудь другимъ способомъ «благопрiобрѣтенное» женой во время замужества: вѣдь самостоятельно она не могла вести никакихъ промышленныхъ предпрiятiй.

Таково постановленiе Русской Правды о наслѣдованiи послѣ матери, умершей раньше отца; еще яснѣе и не вызываютъ уже никакихъ сомнѣнiй и разногласiй ея постановленiя о наслѣдованiи послѣ матери—вдовы. Ихъ сущность заключается въ слѣдующемъ: всѣ дѣти не имѣютъ по закону непремѣннаго права на часть матери; все зависитъ отъ ея завѣщанiя, по которому она можетъ отдать свою часть или всѣмъ дѣтямъ, или одному изъ нихъ—все равно, сыну или дочери, безразлично отъ перваго или втораго мужа ⁴⁾; въ случаѣ отсутствiя завѣщанiя наслѣдство послѣ матери достается тому, у кого она жила и умерла, или кто ее кормилъ ⁵⁾.

Чтобы заключить вопросъ о наслѣдованiи нисходящихъ, остается еще добавить, что дѣти, родившiяся отъ матери—рабы, не получаютъ наслѣдства отъ отца; имъ даруется свобода вмѣстѣ съ матерью ⁶⁾.

Вниманiе наше должно теперь быть обращено на наслѣдованiе вдовы послѣ ея покойнаго мужа. Сюда относятся слѣдующiя статьи Русской Правды: «Аже жена сядеть по мужи, то на ню

1) Исходные моменты въ исторiи русскаго права наслѣдованiя, стр. 113.

2) Древнѣйшее русское право, стр. 396.

3) Обзоръ исторiи русскаго права, выпускъ II, стр. 159.

4) Троицкiй списокъ, статьи 96 и 98.

5) Тамъ же, статья 96.

6) Тамъ же, статья 92.

часть дати (въ Карамзинскомъ списокѣ: «то дати ей часть, а оу своихъ дѣтей взяты часть»); въ Синодальномъ списокѣ нѣтъ словъ «на ню часть дати», а только: «то оу своихъ дѣтей взять часть»), а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ»¹⁾; «Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть замужь, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, (въ Карамзинскомъ списокѣ: «а начнетъ всяко сѣдѣти восхоцетъ зъ дѣтми»), то творите всяко волю (въ Синодальномъ: «то творити ей всякоу волю») (въ Карамзинскомъ: «то сѣтворити всякоу волю ея»), а дѣтемъ не дати воли; но что ей даль мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть взявше сѣдѣти же (въ Карамзинскомъ списокѣ къ словамъ «съ тѣмъ же ей сѣдѣти» прибавлено «съ дѣтми») ²⁾. Эверсъ слѣдующимъ образомъ переводитъ обѣ эти статьи: «Если жена захочетъ остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть изъ наслѣдства, поступающаго къ ея дѣтямъ; но что даль ей мужъ при жизни, то остается неотъемлемо въ ея владѣніи; на имѣніе, оставшееся послѣ мужа, вообще она не имѣетъ никакого права». «Если жена, обречшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживетъ имѣніе и вступить въ брачный союзъ, то обязана возвратитъ дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтми, а дѣти не захотятъ того, то въ семь случаѣ удовлетворяютъ волѣ матери, а не дѣтей, и что даль ей мужъ, или что слѣдовало получить на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе»³⁾. Такой переводъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнныя противорѣчія и неясности: если по первой статьѣ выходитъ, что вдова не имѣетъ права на наслѣдство послѣ своего покойнаго мужа, то какое же прожитое ею имѣніе она обязана, при вторичномъ замужествѣ, возвратитъ дѣтямъ? неужели то, что ей даль мужъ, и свое приданое? Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы этимъ имѣніемъ она не могла распоряжаться свободно. А затѣмъ: вторая часть второй статьи относится ли, дѣйствительно, какъ думалъ Эверсъ, къ тому случаю, когда мать остается вдовой? И если даже такъ, то сохраняла ли мать какія-либо права по управленію наслѣдственнымъ имѣніемъ и семейнымъ хозяйствомъ?

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 88; Карамзинскій списокъ, статья 106; Синодальный списокъ, статья 64.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 95; Карамзинскій списокъ, статья 113; Синодальный списокъ, статья 66.

³⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 396, 397.

Попытки рѣшенія этихъ вопросовъ находимъ у другихъ изслѣдователей. Калачовъ, не объясняя второй приведенной нами статьи, указываетъ, что жена имѣетъ право на часть наслѣдства, если остается жить съ дѣтьми, и если мужъ при жизни своей ничего ей не выдѣлилъ¹⁾. Мнѣніе Калачова вполне раздѣляетъ Никольскій, у котораго сверхъ того встрѣчается указаніе на право вдовы быть хозяйкой въ домѣ по смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, а по ихъ совершеннолѣтіи, на право жить въ домѣ²⁾. Указаніе на право хозяйки у вдовы даже при совершеннолѣтіи дѣтей сдѣлалъ еще Бѣляевъ. Онъ же³⁾, вслѣдъ за Поповымъ⁴⁾, признаетъ единственнымъ условіемъ наслѣдованія вдовы послѣ мужа—неполученіе ею отъ послѣдняго, при его жизни, никакой части имѣнія. Гг. Цитовичъ⁵⁾ и Владимірскій-Будановъ⁶⁾ думаютъ, что вдова можетъ не брать части, данной ей мужемъ, и тогда держать семью въ единеніи. Наконецъ, Неволинъ⁷⁾ и г. Сергѣевичъ⁸⁾ считаютъ нормой управленіе вдовы имуществомъ покойнаго мужа.

Мы полагаемъ, что разрѣшеніе всѣхъ противорѣчій и недоразумѣній возможно лишь при томъ предположеніи, что первая статья о наслѣдованіи вдовы относится къ тому случаю, когда останутся совершеннолѣтніи дѣти, а вторая,—когда дѣти будутъ несовершеннолѣтніи. Въ первомъ случаѣ вдова не имѣетъ никакихъ правъ на все наслѣдство, ни правъ собственности, ни правъ управленія: «задница ей мужня на надобѣ»; она получаетъ только часть имѣнія, всего вѣроятнѣе, свое приданое, а можетъ быть и часть, равную части каждаго сына, да еще то, что мужъ на нее возложилъ, данное ей мужемъ при жизни. Во второмъ случаѣ—при несовершеннолѣтіи дѣтей,—вдова оставалась домо-владѣлицей, управляла семейнымъ имуществомъ и отвѣчала за дурное веденіе хозяйства только при выходѣ замужъ во второй разъ. Вторая часть 95-й статьи Троицкаго списка труднѣе под-

1) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статьи LXIII.

2) О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 316.

3) О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 42.

4) Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ въ „Сборникѣ“ Валугева, стр. 109.

5) Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 110—111.

6) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 158.

7) Полное Собраніе Сочиненій, томъ III, стр. 350.

8) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 552.

дается объясненію; несомнѣнно одно: тутъ рѣчь идетъ не о матери, желающей остаться домовладѣлицей при малолѣтствѣ дѣтей: тогда не говорилось бы, что она должна сидѣть съ своею частью или съ тѣмъ, что ей далъ мужъ: мать-домовладѣлица управляла *всѣмъ* имѣніемъ. Остается двѣ возможности: или здѣсь мать, вышедшая во второй разъ замужъ, можетъ остаться жить съ своею долей наслѣдства на дворѣ перваго мужа, хотя бы дѣти отъ перваго брака и были противъ этого, или, при вдовствѣ матери и по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, мать теряла свои права управленія семейнымъ имуществомъ и сохраняла только право жить на дворѣ покойнаго мужа. Здѣсь, вѣриѣе всего, имѣется въ виду первая возможность, какъ видно по началу той же статьи, но мы думаемъ, что и второе было обычнымъ явленіемъ въ тѣ времена.

Всѣ изслѣдователи согласны, что, подъ влияніемъ христіанства и по примѣру Номоканона, установлено было наслѣдованіе церкви: всегда необходимо было выдѣлять часть на поминъ души умершаго; часть эта, по предположенію Попова ¹⁾, равнялась $\frac{1}{10}$ всего имѣнія.

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы должны указать, поскольку въ наслѣдственномъ правѣ нашего памятника отразился современный ему бытъ, есть ли въ немъ слѣды родового, общиннаго или семейнаго быта? Попутно мы уже касались этого вопроса, и здѣсь остается свести въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія. Мнѣніе одного изъ основателей родовой теоріи, Рейца, какъ указано выше, опровергнуто у г. Дювернуа. Кавелинъ и Никольскій, правда, признали уже сильное влияніе семейнаго начала, выразившееся въ устраненіи боковыхъ отъ наслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находили, что семья въ эпоху Русской Правды имѣла еще юридическій характеръ рода; общее имъ обоимъ доказательство этого—устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія; Никольскій опирается еще на слѣдующія доказательства: отецъ семейства былъ по прежнему неограниченнымъ владыкой: имѣлъ надъ дѣтьми право жизни и смерти (еще Псковская Судная Грамота и Уложеніе снисходительны къ этому), право продавать дѣтей въ рабство, ограниченное лишь въ Судебникѣ Ивана IV, право женить и выдавать замужъ дѣтей безъ ихъ согласія (см. Котошихина); надъ женой онъ имѣлъ тоже право жизни и смерти (если за убійство женщины только полвиры, то за убійство жены, конечно, ничего), право распоряжаться свободой жены (въ 1024 г. въ Суздаль

¹⁾ Объ опекаѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 112.

мужья отдавали женъ челядницамъ: пусть лишь прокормятъ ихъ; Мстиславъ съ Редедей условились, что побѣдитель возьметъ и жену побѣжденнаго), наконецъ, право расторгнуть самовластно бракъ; кромѣ того, по Никольскому, существовало прежнее родственное единеніе: семья живетъ вмѣстѣ и подчиняется отцу семейства; признаки этого: въ уголовныхъ преступленіяхъ отвѣчалъ не одинъ отецъ-преступникъ, а жена и дѣти: при разбоѣ, коневой татьбѣ и поджогѣ всѣ они выдавались на потокъ; поступленіе въ рабство отца вело къ рабству и всей семьи; судебное представительство лежало на всемъ семействѣ, какъ видно изъ Новгородской судной грамоты и Уложенія; всѣ обязательства, наконецъ, совершались отъ имени семьи¹⁾. Замѣтимъ, что поскольку Никольскій доказываетъ существованіе родственнаго единенія, онъ почти во всемъ правъ, но нельзя принять его доказательства неограниченной власти отца: семья составляла совѣтъ при отцѣ, самое завѣщаніе было «рядомъ», договоромъ, право жизни и смерти, право продавать въ рабство и пр. не доказаны или основаны на невѣрномъ толкованіи источниковъ, каково, напримѣръ, объясненіе статьи «о женѣ»; фактъ 1024 г.—явленіе исключительное, какъ и поединокъ Мстислава съ Редедей, отличающійся къ тому же, какъ уже давно замѣчено,²⁾ поэтическимъ колоритомъ. Вообще единственное нераспатанное основаніе родовой теоріи въ примѣненіи къ наследственному праву Русской Правды—ненаслѣдованіе дочерей; но надо признать это простымъ обломкомъ старины, случайно уцѣлѣвшимъ среди чуждыхъ началъ, тѣмъ болѣе, что Бѣляевъ справедливо отмѣтилъ слѣдующія признаки, опровергающіе господство родоваго быта: при родовомъ бытѣ наслѣдуетъ лишь первенецъ, и мать-вдова не имѣетъ значенія: она—подъ опекой сыновей, и имущество ея—не собственность а прожиточное, возвращающееся въ родъ послѣ ея смерти³⁾. Мы видѣли уже, что Бѣляевъ старается провести свою теорію общиннаго быта, но община въ современномъ смыслѣ слова въ то время не существовала, и Русская Правда о ея существованіи не свидѣтельствуетъ; остается, слѣдовательно, семейная теорія: еще К. Аксаковъ справедливо указывалъ, какъ на ея подтвержденіе, на наслѣдованіе однихъ нисходящихъ, съ исключеніемъ боковыхъ⁴⁾; а г. Цитовичъ подкрѣпляетъ ее еще

¹⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 268—282.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV в., въ „Лѣтописи занятій археографической комиссіи“, выпускъ 4, стр. 43.

³⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 46—47.

⁴⁾ Полное Собраніи Сочиненій, т. I. Москва, 1861, стр. 104—105.

указаніемъ на характеръ и содержаніе «ряда»¹⁾. И, дѣйствительно, надо признать, что наследственное право Русской Правды сложилось въ условіяхъ не родового и не общиннаго, а чисто-семейнаго быта.

II.

Въ тѣсной связи съ наследованіемъ находится опека. Постановленія о ней въ Русской Правдѣ несравненно яснѣе, чѣмъ наследственное право этого памятника.

Условія установленія опеки выражены въ Правдѣ слѣдующимъ образомъ: «Аже будутъ въ дому дѣти мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замужь»²⁾. Итакъ было необходимо соединеніе слѣдующихъ трехъ условій: смерть отца, малолѣтство дѣтей и вторичное замужество (или смерть) матери.

Личность опекуна также точно опредѣлена въ источникѣ: это или ближайшій родственникъ: «кто имъ ближии будетъ, тому же дати на рудѣ»³⁾, или отчимъ: «Аче же и отчимъ приемень дѣти съ задницею, то такоже есть рядь»⁴⁾. Несмотря на это, въ данномъ вопросѣ между изслѣдователями существуютъ нѣкоторыя разногласія. Поповъ⁵⁾ и Неволля⁶⁾ считаютъ ближайшимъ опекуномъ мать-вдову; мы знаемъ однако, что она оставалась въ семьѣ, при несовершеннолѣтіи дѣтей, на совершенно особыхъ правахъ домоправительницы. И это подтверждается тѣмъ, что въ Русской Правдѣ нигдѣ не говорится о «дачѣ на руки» дѣтей матери—выраженіе, обычное объ опекахъ и въ Правдѣ⁷⁾ и въ Начальной лѣтописи⁸⁾; къ тому же мать, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, не отвѣчаетъ за растраты, если не вышла вторично замужъ, да и не можетъ остаться въ домѣ отца и при совершеннолѣтіи дѣтей. Затѣмъ г. Сергѣевичъ отрицаетъ законное право отчима быть опекуномъ: 94-я статья Троицкаго списка говорить, по его мнѣнію, о самовольной, не-

1) Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, стр. 67.

2) Троицкій списокъ, статья 93.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, статья 94.

5) Объ опекахъ и наследствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 99.

6) Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 350.

7) Троицкій списокъ, статья 93.

8) „вѣдавъ ему сынъ свои на рудѣ, Игоря“: Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6387 г., стр. 9.

законной опеки отчима, такъ какъ въ 93-й статьѣ ясно говорится, что въ случаѣ замужества матери опекуномъ долженъ быть ближайшій родственникъ, а не отчимъ ¹⁾. Такое объясненіе чрезвычайно натянуто: 94-я статья Троицкаго списка не содержитъ даже намека на незаконность опеки отчима, и самое большее, что дѣйствительно можно вывести изъ сопоставленія 93-й и 94-й статей, — это преимущество ближайшаго родственника передъ отчимомъ въ дѣлѣ опеки, на которое справедливо указываетъ г. Владимірскій-Будановъ ²⁾; противорѣчитъ тексту источника и не можетъ быть поэтому принято мнѣніе Попова, что отчимъ-опекунъ замѣнялъ авторитетъ матери и поэтому назначался опекуномъ преимущественно передъ ближайшимъ родственникомъ ³⁾. Отмѣтимъ еще замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова (на основаніи Патерика Печерскаго), что опекуномъ могло быть вообще всякое лицо, назначенное отцомъ по завѣщанію ⁴⁾.

Срокъ опеки длился до совершеннолѣтія опекаемыхъ, — «донецъ же возмозуть» ⁵⁾. Опекунъ завѣдывалъ всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, равно какъ и всѣмъ хозяйствомъ опекаемыхъ ⁶⁾. Движимость сдавалась ему «передъ людьми», то есть, передъ свидѣтелями, послухами ⁷⁾. Изъ этого видно, что опека, представляющая собою какъ бы переходную ступень отъ наслѣдственнаго права къ обязательствамъ, разсматривалась тоже, какъ договоръ; характерной чертой договоровъ въ Русской Правдѣ было присутствіе послуховъ свободныхъ, какъ это превосходно выяснено въ замѣчательномъ трудѣ г. Дювернуа ⁸⁾; послухи свидѣтельствовали фактъ и условія сдѣлки между контрагентами и, въ случаѣ спора, разрѣшали его своимъ показаніемъ. Въ постановленіяхъ объ опеке по Русской Правдѣ вообще видятъ сильное вліяніе византійскаго права ⁹⁾, но вліяніе это, какъ видно, пустило прочные корни именно потому, что нашлась удобная почва для него: рядъ, договоръ и участіе свободныхъ послуховъ —

1) „кто имъ ближии будетъ, тому же дати на рудѣ“: Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 512.

2) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 115.

3) Объ опеке и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Вагуева, стр. 100.

4) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 145.

5) Троицкій списокъ, статья 93.

6) Тамъ же.

7) Тамъ же.

8) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 93—103.

9) *Неволина*, Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 351; *Сертсевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, стр. 506, 512.

вотъ двѣ характерныя черты всего вообще гражданскаго права Русской Правды. Притомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Сергѣевичъ¹⁾, византійскод вліяніе не было исключительнымъ, всеобъемлющимъ, не создало все право опеки: въ немъ была чрезвычайно оригинальная черта: постановленіе о вознагражденіи опекуна. Получивъ при послухахъ движимость, опекунъ могъ употреблять ее въ торговлю или давать въ долгъ, и все, приобретенное имъ отъ торговли, и всѣ проценты («что срѣзить товаромъ тѣмъ ли пригостить») онъ получалъ себѣ въ награду за то, что кормилъ опекаемыхъ и заботился о нихъ; только приплодъ отъ челяди и отъ скота принадлежалъ опекаемымъ, равно какъ и «истыи товаръ», то-есть, та движимость, которая была сдана опекуну при свидѣтеляхъ, и всѣ потери въ которой онъ долженъ былъ пополнить²⁾. Если опекуномъ былъ отчимъ, то дѣйствовали тѣ же юридическія нормы, причемъ, по смерти отчима, его дѣти должны были вознаградить, согласно указанію послуховъ, своихъ сводныхъ братьевъ за все, что растрачено ихъ отцомъ³⁾.

Эти постановленія о взаимныхъ отношеніяхъ между опекуномъ и опекаемыми настолько ясны, что не вызвали разногласій въ литературѣ и не нуждаются въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Въ заключеніе укажемъ на замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова о власти, устанавливавшей въ то время опеку. Такою властью онъ считаетъ власть общинную на томъ основаніи, что величину растраты опредѣляютъ «люде», «сторонніе третейскіе судьи»; затѣмъ власть княжескую въ классахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ князю; наконецъ, отцовскую: отецъ могъ установить опеку посредствомъ «ряда⁴⁾». Едва ли «люде» — третейскіе судьи, это — послухи, свидѣтельствовавшіе на судѣ; они вовсе не устанавливали опеки; вліяніе отцовской власти отмѣчено вѣрно; но, если мы имѣемъ несомнѣнное указаніе Русской Правды, что княжеская власть принимала участіе въ разрѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ⁵⁾, и не имѣемъ права сомнѣваться, что это участіе не ограничивалось опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, то, какъ кажется, нѣтъ основаній не допускать, что княжеская власть устанавливала опеку во всѣхъ классахъ общества.

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 513.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

³⁾ Тамъ же, статья 97.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 115.

⁵⁾ „Аже братья растяжются передъ княземъ о задницу, которыи дѣтскими идѣтъ ихъ дѣлти, то тому взяти гривна коунъ“; Троицкій списокъ, статья 100.

III.

Изъ договоровъ Русской Правдѣ извѣстны купля-продажа, заемъ, поклада и наемъ. Но послѣдній является въ ней не въ чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ займомъ,—именно въ статьяхъ о закупѣ; поэтому подробно говорить о займѣ удобнѣе при изслѣдованіи вопроса о закупяхъ.

Для законности купли-продажи, несомнѣнно, требовалось участіе въ качествѣ контрагентовъ лицъ свободныхъ. Это надо признать чертой, характеризующей вообще всѣ договоры въ изучаемомъ памятникѣ.

По отношенію къ куплѣ-продажѣ въ Русской Правдѣ нѣтъ прямыхъ указаній, но оно было необходимо, какъ это видно изъ того, что вещь могла быть куплена только у законнаго ея собственника ¹⁾, а правами собственности обладали только свободные люди. Кромѣ того по отношенію къ займу, какъ увидимъ, такое условіе удостоверяется неподлежащими сомнѣнію данными. Второе непремѣнное условіе законности договора купли-продажи заключается въ томъ, что продавецъ долженъ имѣть законныя права собственности на продаваемую вещь, а покупатель долженъ быть убѣжденъ, что эта вещь—законная собственность продавца: договоръ нарушается, если кто-либо, даже по невѣдѣнію, «что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину» ²⁾; покупатель даже лишается заплаченныхъ имъ денегъ, если не знаетъ личности продавца ³⁾, или если сводъ долженъ идти «въ чюжую землю» ⁴⁾, разумѣется, и тутъ имѣется въ виду тогъ случай, когда окажется, что куплено краденое; даже и покупка чужого холопа не у его хозяина считается несоотвѣтствующей закону и потому несостоявшейся: «аже кто кренеть чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ понати, а оному куны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ» ⁵⁾. Третьимъ непремѣннымъ условіемъ законности изучаемаго договора было участіе при его заключеніи двухъ послуховъ-свободныхъ людей или мытника: вотъ почему при гражданской тяжбѣ, вытекавшей изъ договора купли-продажи, обвиняемый въ покупкѣ краденаго, чтобы отвести отъ себя обвиненіе въ самой кражѣ, долженъ былъ вывести «свободна мужа два или мытника» ⁶⁾; первые въ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 32, 112.

²⁾ Тамъ же, статья 32.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, статья 35.

⁵⁾ Тамъ же, статья 112.

⁶⁾ Тамъ же, статья 32.

другой статьѣ прямо названы «послухами»¹⁾. Участіе свободныхъ послуховъ при заключеніи сдѣлокъ справедливо считается характеристическою чертою всѣхъ вообще договоровъ по Русской Правдѣ²⁾. Эта черта по отношенію къ куплѣ-продажѣ удостоверяется еще свидѣтельствомъ слѣдующей статьи нашего источника: «холопство обелное трое: оже кто хотя *купить* до полугривны, а *послухи* *поставить*, а ногату дать передь самѣмъ холопомъ»³⁾. Мы выписали эту статью еще съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить, что существовали еще спеціальныя условія признанія законности договора при продажѣ холопа или свободнаго человѣка въ холопство: въ этомъ случаѣ необходимо было, во-первыхъ, чтобы человѣкъ проданъ былъ въ холопство *минимум* за полгривны (вѣроятно, кунъ), во-вторыхъ, чтобы по крайней мѣрѣ ногата была дана передь самимъ холопомъ. Такія формальности и обращеніе къ послухамъ при спорахъ, возникавшихъ изъ купли-продажи, убѣждаютъ въ томъ, что этотъ договоръ въ то время не сопровождался никакимъ письменнымъ актомъ⁴⁾, а форма его заключенія была исключительно устная.

Въ томъ, что контрагентами при *займѣ* могли быть только лица свободныя—по общему правилу,—мы убѣждаемся изъ прямыхъ указаній Русской Правды, причемъ кредиторъ долженъ былъ быть увѣреннымъ, что даетъ деньги въ долгъ свободному человѣку: «Аче же холопъ кдѣ куны вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдалъ, то господину выкупати или лишитися его; вѣдая ли будетъ далъ, а кунъ ему лишитися»⁵⁾; здѣсь прямо не признается фактъ займа, если кредиторъ сознательно одолжилъ холопа. Впрочемъ, въ качествѣ представителя своего господина холопъ могъ заключать заемъ, и тогда отвѣтственнымъ лицомъ былъ господинъ: «Аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его»⁶⁾. Характерно, что и за долги бѣглаго холопа отвѣчалъ господинъ его; но здѣсь является вопросъ: всегда ли? Русская Правда говоритъ: «Оже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину холопъ и долгъ, господину же и товаръ»⁷⁾. Здѣсь указано такимъ образомъ важ-

¹⁾ Тамъ же, статья 35.

²⁾ *Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 95 и слѣд.; *Загоровскій*, Историческій очеркъ займа, стр. 16.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 102.

⁴⁾ Ср. *Загоровскій*, Историческій очеркъ займа, стр. 29, и особенно *Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 51.

⁵⁾ Троицкій списокъ, ст. 110.

⁶⁾ Тамъ же, статья 111.

⁷⁾ Тамъ же, статья 113.

ное условіе такой отвѣтственности господина: если холопъ въ бѣгахъ пріобрѣтетъ какую-либо собственность. Но если бѣглый холопъ надѣлалъ долговъ и ничего не пріобрѣлъ, какъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ поступать господинъ? Надо думать, что тогда примѣнялось постановленіе, изложенное въ 110 статьѣ Троицкаго списка и относившееся, повидимому, и къ бѣглому и къ не-бѣглому холопу. Закупъ считался свободнымъ челоукомъ, обладавшимъ и личными и имущественными правами; поэтому онъ могъ вступать въ долговныя обязательства: онъ могъ идти «искать кунъ»¹⁾; это вѣрно указано г. Загоровскимъ²⁾; онъ же справедливо замѣтилъ, что закупа нельзя было продать въ рабство за долги, но нельзя согласиться съ этимъ изслѣдователемъ, когда онъ говоритъ, что закупъ не имѣлъ права отдавать себя въ закупничество другому; если онъ могъ занять деньги, чтобы уплатить долгъ своему хозяину, очевидно, не отработывая его, то, конечно, могъ сдѣлать этотъ заемъ на какихъ угодно условіяхъ, даже и вступивъ въ закупническія отношенія къ новому своему кредитору.

Какъ и въ куплѣ-продажѣ, при заключеніи займа необходимо было свидѣтельство послуховъ свободныхъ: «Аже кто взищеть кунъ на друзѣ», читаемъ въ одной статьѣ, «а онъ ся начнетъ запирати, то *оже намъ выведетъ послуси*, то ти пойдуть на роту, а онъ возметъ своѣ куны»³⁾: послухи должны были, очевидно, подкрѣпить клятвой фактъ существованія договора займа, при заключеніи котораго они присутствовали; еще яснѣе два другихъ свидѣтельства: «аже кто дастъ куны въ рѣзь или медъ въ наставъ, или жито въ присопъ, то *послухи ему ставити*»⁴⁾; «промиловилса еси, оже еси не ставлѣтъ послуховъ»⁵⁾. Г. Загоровскій думаетъ, что послуховъ и въ договорѣ займа могъ замѣнять мытникъ⁶⁾. Едва ли это такъ: во-первыхъ, въ приведенныхъ выше мѣстахъ нашего источника нѣтъ ни слова о мытникѣ; а во-вторыхъ, вполне понятно свидѣтельство мытника при куплѣ-продажѣ: онъ собиралъ «мытъ», торговую пошлину съ каждаго привозившагося и продававшагося предмета; такой пошлины при займѣ не было, почему и засвидѣтельствовать фактъ въ данномъ случаѣ мытникъ не могъ. Г. Загоровскій предлагаетъ,

1) Тамъ же, статья 52.

2) Историческій очеркъ займа, стр. 24.

3) Троицкій списокъ, статья 43.

4) Тамъ же, статья 46.

5) Тамъ же, статья 47.

6) Историческій очеркъ займа, стр. 33.

что число послуховъ при займѣ во времена пространной Правды было два ¹⁾; впрочемъ это число не указано въ пространномъ текстѣ памятника; мы знаемъ, что во времена краткой Правды необходимо было свидѣтельство 12-ти человекъ, какъ видно изъ слѣдующаго текста: «Аще гдѣ възыщеть на друузѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да еще боудеть обидя не вдалъ боудеть, достойно емоу свои скоть, а за обиду 3 гривнѣ» ²⁾. Грыцько, правда, старается иначе объяснить эту статью: по его мнѣнiю, она указываетъ, какъ уличать запиравшагося въ похищенiи вещи, и опредѣляетъ продажу за татьбу» ³⁾; г-нъ же Загоровскiй 12 мужей считаетъ судьями ⁴⁾; но сравненiе краткаго текста Русской Правды съ пространнымъ не даетъ основанiй ни для того, ни для другаго предположенiя. Вообще вопросъ о количествѣ послуховъ при займѣ во времена пространной Правды остается открытымъ; возможно, что ихъ было по прежнему 12.

Однако не при всякомъ займѣ необходимы были послухи: если заемъ былъ не свыше 3 гривенъ кунъ, то послуховъ могло и не быть ⁵⁾. Исслѣдователи Русской Правды впрочемъ указываютъ обыкновенно еще одинъ случай займа, когда не требовались послухи: такъ будто бы бывало, если заемъ заключался между купцами, съ торговыми цѣльями; цѣль такого постановленiя—облегченiе и развитiе торговли ⁶⁾. Это мнѣнiе основывается на слѣдующей статьѣ: «Аже купецъ купцу дастъ куплю въ куны (очевидно: «куны въ куплю») или въ гостебу, то купцю передъ послухи кунъ не имати, послухи ему не надобѣ; но ити ему самому ротѣ ожеса почнетъ запирати» ⁷⁾. Намъ кажется, что эти слова слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какой признается общепринятымъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ, а о зародышѣ такъ называемыхъ коммандитныхъ товариществъ или товариществъ на вѣрѣ, достигшихъ значительной степени развитiя впоследствии въ Великомъ Новгородѣ ⁸⁾. Это подтверждается, во-первыхъ, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Академическiй списокъ, статья 14.

³⁾ Участiе общины въ судѣ по Русской Правдѣ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣнiй“ Калачева, книга 5, Слб., 1863, стр. 107.

⁴⁾ Историческiй очеркъ займа, стр. 11.

⁵⁾ Троицкiй списокъ, статья 47.

⁶⁾ *Загоровскiй*, Историческiй очеркъ займа, стр. 26.

⁷⁾ Троицкiй списокъ, статья 44.

⁸⁾ См. грамоту Всеволода церкви св. Ивана на Опокахъ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ ч. I, стр. 77—81; ср. Das Rigische Schuldbuch, herausgegeben von Dr. H. Hildebrand, St.-Pt., 1872; Псковская Судная Грамота, ст. 14.

раженіемъ «въ куплю или въ гостьбу» — неужели же, въ самомъ дѣлѣ, при займѣ надо было заранѣе объявлять о цѣли, для какой онъ заключается, и какой могъ быть въ такомъ случаѣ надзоръ за соблюденіемъ этого условія, чѣмъ это соблюденіе обезпечивалось? во-вторыхъ, въ пользу предлагаемаго нами объясненія говоритъ то обстоятельство, что, какъ сейчасъ указано, ниже говорится объ условіяхъ, когда при займѣ не нужны свидѣтели, и въ качествѣ такого условія указано только одно: сумма займа не свыше 3 гривенъ кунъ, о займѣ же между купцами для торговыхъ цѣлей, не сказано ни слова¹⁾. Наконецъ, способъ разрѣшенія гражданскихъ тяжбъ, вытекающихъ изъ случая, о которомъ трактуется въ 44-й статьѣ Троицкаго списка, — именно присяга отвѣтчика вполнѣ соотвѣтствуетъ такой же ротѣ отвѣтчика при поклажѣ²⁾, а это наводитъ на мысль, что и сущность договоровъ — вытекающія изъ которыхъ тяжбы разрѣшаются одинаково, — также одинакова: какъ и въ договорѣ поклажи, въ командитномъ товариществѣ въ основу положено довѣріе къ извѣстному лицу, къ его добросовѣстности, такъ что свидѣтели совершенно неумѣстны и излишни.

Нашъ источникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько указаній на предметы займа въ то время: это — деньги («куны»³⁾), медь, зерновой хлѣбъ («жито»⁴⁾), наконецъ, вообще движимость («товарь»⁵⁾). Г. Загоровскій считаетъ этотъ перечень примѣрнымъ, думаетъ, что и недвижимое имущество могло служить предметомъ займа⁶⁾, но это мнѣніе неосновательно: оно противорѣчитъ указаніямъ источника, да и невозможно даже себѣ представить, чтобы недвижимость, напримѣръ, дворъ или земля, давались въ долгъ; при изученіи вопроса о землевладѣніи и землепользованіи въ эпоху Русской Правды это будетъ еще яснѣе.

Русская Правда признавала проценты при займѣ и регулировала ростъ. Проценты носили разныя названія въ нашемъ источникѣ: если заемъ производился деньгами, они назывались «рѣзомъ», проценты съ меда именовались «паставомъ», а съ зерноваго хлѣба «присопомъ»⁷⁾. Регулированію закономъ подвергались только денежные проценты. «О (А?) мѣсячные рѣзъ, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года,

1) Троицкій списокъ, статья 47.

2) Тамъ же, статья 45.

3) Тамъ же, статья 43, 44, 46, 47, 48, 50 и др.

4) Тамъ же, статья 46.

5) Троицкій списокъ, статья 50 и 51.

6) Историческій очеркъ займа, стр. 28.

7) Троицкій списокъ, статья 46.

то дадать ему куны въ треть, а мѣсячныи рѣзь погренути»¹⁾— вотъ первое постановленіе о процентахъ. Калачовъ, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Карамзинской редакціи²⁾, объяснялъ, что мѣсячные проценты «дозволяется брать, когда срокъ займа ограничивается нѣсколькими днями»³⁾; такъ какъ однако и Синодальная⁴⁾ и Троицкая редакціи ничего не говорятъ о займѣ на нѣсколько *дней*, при чемъ текстъ Карамзинской редакціи тутъ искаженъ, наконецъ, такъ какъ и смыслъ всей статьи говорить противъ объясненія Калачова, то вѣрнѣе переводъ Эверса⁵⁾; «мѣсячные росты позволяется брать единственно за малое время», то-есть, если заемъ продолжается менѣе года. При займѣ, продолжавшемся годъ, можно брать проценты «на два третій», то-есть 50%: «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ... и оуставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть куны; аже кто возьметъ два рѣза, то ему взяти исто; пакили возьметъ три рѣзы, то иста ему не взяти»⁶⁾. Максимальный годовоіи процентъ опредѣленъ въ слѣдующей статьѣ: «Аже кто имлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати»⁷⁾. Если полагать гривну равной 25 кунамъ, то это выходитъ 40%, но г. Загоровскій, принимая гривну при Мономахѣ въ 50 кунъ, опредѣляетъ максимальный годовоіи процентъ въ 20%⁸⁾, съ чѣмъ и слѣдуетъ согласиться. Онъ справедливо указываетъ также, что Русская Правда не знаетъ процентовъ, установленныхъ самимъ закономъ: «а соуднымъ кунамъ русту нѣтъ»⁹⁾. Этотъ же изслѣдователь объясняетъ причины ограниченія процентовъ слѣдующимъ образомъ: занимали обыкновенно бѣдняки, церковь была противъ роста, наконецъ, не было понятія о производительной силѣ денегъ¹⁰⁾. Но мы знаемъ, что были и крупныи займы, церковь была вообще противъ всякаго, а не

¹⁾ Тамъ же, статья 47.

²⁾ „А мѣсячныи рѣзь, оже за мало *дни*, томати емоу“: Карамзинскій списокъ, статья 48.

³⁾ Предварительныи юридическіи свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статей XIII и XIV.

⁴⁾ Синодальный списокъ, статья 46.

⁵⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 359.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 48.

⁷⁾ Тамъ же, статья 49.

⁸⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 44.

⁹⁾ Карамзинскій списокъ, статья 18; Загоровскій, Историческій очеркъ займа, стр. 46.

¹⁰⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 35, 36, 38.

только чрезмѣрнаго, роста, а понятіе о производительной силѣ денегъ должно было существовать въ обществѣ, однимъ изъ главныхъ экономическихъ нервовъ котораго была внѣшняя торговля. Вотъ почему нельзя принять объясненіе г. Загоровскаго. Причина установленія максимальнаго процента заключалась въ стремленіи искусственными средствами понизить рыночную цѣну капитала, весьма высокую въ древнемъ обществѣ при незначительности размѣровъ капитала.

Относительно формы займа надо сказать то же, что было сказано о формѣ купли - продажи: Русская Правда знаетъ только устную форму заключенія договоровъ ¹⁾.

Общее понятіе о займѣ выясняетъ г. Загоровскій. Это, по его мнѣнію, реальный, а не консенсуальный договоръ, онъ заключался не раньше передачи въ заемъ предмета, а послѣ этой передачи; доказательства таковы: во-первыхъ, нѣтъ статей о спорѣ по поводу займа до полученія занятой суммы; во-вторыхъ, распространень заемъ въ видѣ закупничества, гдѣ валюта получается впередъ; въ-третьихъ, въ Русской Правдѣ вообще господствуютъ матеріальныя понятія ²⁾. Тотъ же изслѣдователь однако считаетъ себя въ правѣ утверждать, что, хотя въ платежѣ долга при жизни должника не участвовало его семейство, но по смерти наслѣдники обязаны платить; въ доказательство этого онъ ссылается на постановленіе о томъ, что, въ случаѣ растраты отчимою имѣнію пасынковъ, дѣти его послѣ его смерти обязаны вознаградить потерпѣвшихъ ³⁾. Но вѣдь здѣсь говорится не о займѣ и не о долгѣ, а о вознагражденіи опекаемыхъ за растрату, произведенную опекуномъ: это стоитъ въ связи съ наслѣдственнымъ правомъ и опекой, а не съ займомъ. Такимъ образомъ мнѣніе г. Загоровскаго не можетъ быть принято. Надо признать вмѣстѣ съ г. Дювернуа ⁴⁾, что, если въ договорѣ займа, при его заключеніи, не было заявлено передъ свидѣтелями, что обязательство сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наслѣдникамъ должника, то эти наслѣдники за долги не отвѣчали.

Договоръ *поклажи* требовалъ для заключенія участія въ качествѣ контрагентовъ свободныхъ лицъ: онъ вѣдь предполагаетъ у обѣихъ сторонъ имущественныя права, которыми лица несвободныя не обладали. Предметомъ поклажи служила только дви-

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

²⁾ Тамъ же, стр. 18 и 19.

³⁾ Тамъ же, стр. 50, 52.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 140, 141.

жимость— «товаръ», по подлинному выраженію Русской Правды¹⁾. Сдѣлки заключались въ устной формѣ, какъ видно изъ того, что при спорѣ, возникавшемъ изъ договора поклажи, доказательствомъ служила только присяга отвѣтчика²⁾, а не какіе-либо документы. Особенностью поклажи надо считать отсутствіе послуховъ³⁾, при заключеніи этого договора: храненіе имущества разсматривалось, какъ благодѣяніе, услуга со стороны лица сохранявшаго, которое и заслуживало поэтому особаго довѣрія: «занеже ему въ бологи дѣль и хоропилъ товаръ его»⁴⁾.

Все, сказанное о поклажѣ, вполне примѣнимо и къ договору *товарищества на вѣрь*, какъ убѣдительно свидѣтельствуется объ этомъ цитированная уже выше 44-я статья Троицкаго списка.

IV.

Мы уже говорили, что внутреннимъ признакомъ, отличавшимъ уголовное преступленіе отъ гражданскаго правонарушенія, была въ Русской Правдѣ наличность злой воли въ дѣяніи: гдѣ злая воля была очевидна, тамъ было уголовное преступленіе, гдѣ ея замѣтно не было, тамъ мы имѣемъ дѣло съ гражданской неправдой. Внѣшній признакъ уголовного дѣянія—штрафъ, пеня или другое уголовное взыскаіііе, при чемъ этотъ штрафъ, не исключая существованія особаго вознагражденія потерпѣвшаго, всегда поступалъ въ княжескую казну. При гражданскомъ правонарушеніи нѣтъ этой пени въ пользу общественной власти, и все дѣло ограничивается лишь вознагражденіемъ потерпѣвшаго.

Въ ряду *гражданскихъ правонарушеній*, которыя знаетъ Русская Правда, мы прежде всего отмѣтимъ нарушеніе правъ наследниковъ и опекаемыхъ. О немъ мы въ сущности уже говорили, и здѣсь остается вкратцѣ повторить сказанное: опекунъ былъ обязанъ вознаградить опекаемыхъ за растраченное ихъ имѣніе⁵⁾; если у одной матери были дѣти отъ двухъ мужей, и если второй ея мужъ растратилъ имѣніе дѣтей перваго, то онъ, а въ случаѣ его смерти его дѣти, обязаны возмѣстить убытки въ томъ размѣрѣ, какой признають въ данномъ случаѣ необходимымъ послухи, присутствовавшіе при сдачѣ имѣнія опекуну⁶⁾.

1) Троицкій списокъ, статья 45.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Троицкій списокъ, статья 93.

6) Тамъ же, статья 97.

Много вниманія посвящаетъ Русская Правда вопросу о нарушении обязательствъ. Изъ нарушеній постановленій о куплѣ-продажѣ нашъ источникъ знаетъ покупку краденаго по невѣдѣнію, покупку по невѣдѣнію бѣжавшаго отъ своего господина къ другому или уведеннаго другимъ холопа и завѣдомо-незаконную покупку чужого холопа. При покупкѣ краденаго по невѣдѣнію фактъ такой покупки долженъ быть удостовѣренъ двумя свободными послухами или мытникомъ; послѣ этого истецъ получаетъ свою вещь отъ купившаго ее, но не имѣетъ права требовать отъ него того, что вмѣстѣ съ ней было украдено; здѣсь разумѣется, конечно, тотъ случай, когда покупатель не можетъ указать лица, у котораго онъ купилъ оспариваемую вещь; извѣстно, что если покупатель знаетъ своего продавца, то онъ долженъ идти на сводъ; если впоследствии покупатель краденной вещи найдеть того, кто ему продалъ, то послѣдній обязанъ возвратить покупщику заплаченные имъ деньги, вознаградить обокраденнаго за все, что у него было украдено, и заплатить князю продажу¹⁾. Въ случаѣ покупки по невѣдѣнію бѣжавшаго отъ своего господина къ другому или уведеннаго другимъ холопа первому господину (то-есть, дѣйствительному хозяину холопа) идетъ холопъ, а лицо, купившее холопа по невѣдѣнію, получаетъ деньги, разумѣется, отъ дѣйствительнаго хозяина холопа²⁾. Наконецъ, при завѣдомо-незаконной покупкѣ чужого холопа покупатель лишается заплаченныхъ имъ денегъ³⁾. Здѣсь передъ нами выступаетъ то любопытное явленіе, что покупка краденаго, даже завѣдомо-краденаго никогда не считалась въ Русской Правдѣ уголовнымъ преступленіемъ.

Говоря о нарушеніяхъ постановленій о займѣ, мы должны замѣтить, что Русская Правда довольно тонко различаетъ отдѣльные виды несостоятельности: прежде всего несостоятельность случайную, происшедшую не по винѣ должника, вслѣдствіе кораблекрушенія, пожара, войны; она влечетъ за собой разсрочку уплаты долга; затѣмъ нашъ источникъ знаетъ несостоятельность неосторожную, которая произошла по винѣ должника, вслѣдствіе его пьянства или расточительности, въ этомъ случаѣ кредиторы могутъ ждать уплаты долга или продать должника въ рабство⁴⁾; третій видъ несостоятельности, признаваемый Русской Правдой,

1) Тамъ же, статья 32.

2) Тамъ же, статья 112.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, статья 50.

это—злостная несостоятельность¹⁾, но она считается уже уголовнымъ преступленіемъ,—типическій примѣръ разграниченія въ нашемъ памятникѣ уголовного преступленія и гражданской неправды посредствомъ понятія о необходимости элемента злой воли въ уголовномъ дѣяніи. Къ нарушеніямъ постановленій о займѣ принадлежитъ лихоимство: кто три раза возьметъ третной ростъ, тотъ лишается даннаго имъ въ заемъ капитала²⁾).

Въ изслѣдуемомъ памятникѣ упоминается еще о рядѣ другихъ гражданскихъ правонарушеній, не имѣющихъ отношенія къ наслѣдованію, опека и обязательствамъ; это по преимуществу разные виды нарушенія правъ собственности. Такова порча чужихъ вещей: если кто-нибудь изломаетъ чужое оружіе или изорветъ платье, то, если потерпѣвшій захочетъ удержать испорченное у себя, онъ беретъ деньги за порчу; если онъ отдаетъ его испортившему, то послѣдній долженъ одлатить ему испорченную вещь по ея стоимости³⁾. Также закупъ долженъ вознаградить хозяина за потерю плуга и бороны⁴⁾, за выведенный изъ хлѣва или не вогнанный во дворъ и незапертый тамъ скотъ⁵⁾; но закупъ не отвѣчаетъ за потерю всего этого, если господинъ пошлетъ его по своему дѣлу и въ это время, въ отсутствіе закупа, случится потеря, равно какъ закупъ ничего не платитъ за потерю военного коня⁶⁾. Затѣмъ Русская Правда считаетъ гражданскимъ правонарушеніемъ помощь бѣглому холопу: если холопъ бѣжитъ и господинъ его заявитъ объ этомъ, то лицо, указавшее завѣдомо-бѣглому холопу путь или давшее ему хлѣба, обязано уплатить за холопа 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ ихъ господину⁷⁾; если кто-либо встрѣтитъ бѣглаго холопа и, не зная, что онъ бѣглый, покажетъ ему дорогу или будетъ держать у себя, то онъ неотвѣтственъ⁸⁾. Упущеніе пойманнаго бѣглаго холопа—тоже гражданская неправда: за «переемъ», то-есть, поимку бѣглаго чужого холопа или рабы полагается по гривнѣ съ человѣка; эту гривну платитъ ихъ господинъ тому, кто ихъ задержалъ; если же послѣдній упустилъ пойманнаго, то платитъ за холопа 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ ихъ господину, такъ что по гривнѣ ему отходить за переемъ⁹⁾).

1) Тамъ же, статья 43.

2) Тамъ же, статья 48.

3) Академическій списокъ, статья 17.

4) Троицкій списокъ, статья 53.

5) Тамъ же, статья 54.

6) Тамъ же, статья 53.

7) Троицкій списокъ, статья 106.

8) Тамъ же, статья 109.

9) Тамъ же, статья 107.

Мы должны въ заключеніе указать, что кража, совершенная холопомъ, разсматривалась въ Русской Правдѣ, какъ гражданское правонарушеніе: за кражу холопомъ скота, птицъ, сѣна, дровъ его господинъ платитъ владѣльцу украденнаго вдвое противъ тѣхъ уроковъ, которые платятся за кражу этихъ же вещей свободными людьми; при этомъ холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни»¹⁾; за кражу холопомъ коня господинъ платитъ его владѣльцу 2 гривны²⁾; если бѣжавшій холопъ укралъ что либо, принадлежащее сосѣду, то господинъ его долженъ платитъ за покраденное урокъ³⁾, очевидно, такой же, какой платился за украденное свободными людьми; слѣдовательно, существуетъ различіе въ урокъ, платимомъ за кражу, совершенную бѣжавшимъ холопомъ и, съ другой стороны, не бѣжавшимъ; о послѣднемъ говорится въ 42-й статьѣ Троицкаго списка. Такъ понимаетъ эти постановленія и Станиславскій и правильно видитъ причину такой разницы въ томъ, что «хозяинъ бѣглаго раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями»⁴⁾.

Мы не говоримъ здѣсь ничего объ ударѣ, нанесенномъ холопомъ свободному человѣку, такъ какъ это нельзя считать гражданскимъ правонарушеніемъ: какъ было уже указано, здѣсь были слѣды уголовного дѣянія, такъ какъ законъ назначалъ за это преступленіе опредѣленное личное наказаніе виновнаго, хотя онъ былъ и несвободнымъ человѣкомъ.

Остается сдѣлать общее заключеніе. Тотъ свидѣтельствующій о слабости общественной связи переходный характеръ, который мы замѣтили въ уголовномъ правѣ Русской Правды, составляетъ отличительную особенность и гражданского ея права. И здѣсь борьба противоположныхъ старыхъ и новыхъ началъ и ихъ компромиссы. Какъ и въ уголовномъ правѣ, матеріалистическій элементъ былъ силенъ и въ гражданскихъ отношеніяхъ: понятія о наслѣдствѣ и обязательствахъ были глубоко матеріальны; однако онъ, этотъ матеріалистическій элементъ, началъ уже колебаться и подвергаться ограниченіямъ, проявлявшимся, напимѣръ, въ отвѣтственности дѣтей опекуна-отчима за растраты, произведенныя ихъ отцомъ. Чрезвычайно сильно еще и кровное начало:

¹⁾ Тамъ же, статья 42.

²⁾ Тамъ же, статья 56.

³⁾ Тамъ же, статья 114.

⁴⁾ Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства: „Юридическій Сборникъ“ Мейера. Казань, 1855, стр. 193.

имущество, даже движимое, считается общей собственностью всей семьи: наследованіе и—вѣроятно—обязательства имѣли семейный характеръ. Но характерно, что отъ родоваго быта въ области гражданскаго права сохранились только слабыя слѣды— въ устраненіи нисходящихъ женскаго пола отъ наследованія,— за то нѣтъ неограниченной власти родоначальника, мать—вдова не подчинена взрослымъ сыновьямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ между членами семьи возникаютъ уже юридическія отношенія, хотя еще и не въ чистомъ видѣ: все почти гражданское право, какъ мы видѣли, было проникнуто началомъ договора, «ряда». Отживающей стариной вѣетъ отъ существованія одной только устной формы завѣщаній и обязательствъ, при полномъ отсутствіи формъ письменныхъ; устные формы въ гражданскомъ правѣ влекутъ за собою установленіе извѣстныхъ формальныхъ, вишнихъ условий, необходимыхъ для признанія реальности того или другаго гражданскаго акта: такимъ условіемъ является участіе свободныхъ послуховъ. Есть однако сдѣлки, гдѣ элементъ довѣрія настолько силенъ, что устраняетъ необходимость послушества: таковы поклада и товарищество на вѣрѣ. Чрезвычайно слабо—чтобы не сказать не существуетъ— участіе общественной власти при заключеніи гражданскихъ актовъ: только разъ встрѣчается участіе мытника, да и то оно далеко не необходимо: его могутъ замѣнить два свободныхъ свидѣтеля. Наконецъ, весьма низко цѣнится личность: ее подавляютъ матеріалистическія начала; блестящимъ доказательствомъ этого служить тотъ несомнѣнный и общеизвѣстный фактъ, что личная свобода въ то время являлась обезпеченіемъ долговыхъ обязательствъ.

Очеркъ четвертый.

Процессъ по Русской Правдѣ.

I.

Вопросъ о характерѣ процесса, отличающійся такой важностью, въ значительной мѣрѣ предрѣшается опредѣленіемъ поводовъ къ началу процесса. Исслѣдователи доселѣ еще не пришли къ согласію по вопросу о поводахъ къ началу процесса по Рус-

ской Правдѣ. Такъ, по мнѣнію Попова¹⁾ и Бѣляева²⁾, всякій процессъ начинался лишь при наличности истца и отвѣтчика. Калачовъ, признавая это общимъ правиломъ, указывалъ, какъ на исключеніе, на процессъ объ убійствѣ, кражѣ бобра и похищеніи пчелы, когда для начала дѣла достаточно было одного факта преступленія³⁾. По Ланге, всякій уголовный процессъ могъ начинаться однимъ изъ трехъ способовъ: находкой поличнаго, отысканіемъ слѣдовъ преступленія или поклепомъ⁴⁾. Дювернуа, ограничившійся изученіемъ гражданскаго процесса, указывалъ, что тутъ и при личномъ, и при вещномъ искѣ процессъ начинался лишь при отысканіи поличнаго и отвѣтчика⁵⁾. Наконецъ, г. Стефановскій думаетъ, что по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ для начала процесса достаточно одного факта преступленія; что же касается до гражданскаго процесса, тутъ онъ сходится въ мнѣніи съ Дювернуа⁶⁾. При такомъ разногласіи нельзя не признать, что вопросъ о поводахъ къ началу процесса по Русской Правдѣ нуждается въ новомъ внимательномъ пересмотрѣ.

Что касается до процесса по дѣламъ о гражданскихъ правонарушеніяхъ, то въ этомъ отношеніи нельзя не присоединиться къ взгляду Дювернуа: гражданскій процессъ Русской Правды не могъ начаться, если не было соединенія двухъ необходимыхъ условій—поличнаго, т.-е. предмета иска, и отвѣтчика. Въ самомъ дѣлѣ, возможенъ ли, напримѣръ, искъ находившихся подъ опекой наслѣдниковъ къ своему опекуну или къ дѣтямъ опекуна-отчима безъ отвѣтчиковъ и поличнаго? Возможенъ ли безъ тѣхъ же условій искъ о покупкѣ краденаго имущества или сведеннаго или бѣглаго холопа или, наконецъ, иски о несостоятельности и лихоимствѣ? На эти вопросы не можетъ быть двухъ отвѣтовъ для того, кто знаетъ, какъ глубоко-матеріальны были понятія о наслѣдствѣ и обязательствахъ въ Русской Правдѣ.

Иное дѣло вопросъ о началѣ процесса по уголовнымъ дѣламъ. Въ сущности всѣ разногласія изслѣдователей касаются именно

1) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 101.

2) Лекціи по исторіи русскаго законодательства, М., 1888, стр. 194.

3) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава IV.

4) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 256; ср. стр. 236, 239, 242, 247, 248, 252 и 253.

5) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 174.

6) Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1873 г., мартъ, стр. 36 и 37.

этого. Впрочемъ, едва ли не большая часть этихъ разногласій происходитъ, какъ кажется, отъ того, что не проводится надлежащаго различія между двумя главными частями процесса— слѣдствіемъ и судомъ. Если отождествлять начало процесса съ началомъ слѣдствія, то нѣтъ сомнѣнія, что взглядъ Попова и Бѣльева долженъ быть отвергнутъ вслѣдствіе заключающагося въ немъ рѣзкаго противорѣчія съ текстомъ источника: слѣдствіе въ эпоху дѣйствія Русской Правды, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—при убійствѣ и кражѣ пчель—начиналось и безъ поличнаго и, уже внѣ всякаго сомнѣнія, безъ наличности отвѣтчика ¹⁾. Мы полагаемъ даже, что сфера примѣненія 70-й статьи Троицкаго списка ²⁾ была несравненно шире, чѣмъ обыкновенно думаютъ: статья эта имѣетъ несомнѣнную связь не только съ 69-й ³⁾, но и со всѣми предыдущими, начиная съ 62-й ⁴⁾, и въ частности представляетъ собою дальнѣйшее развитіе, въ подробностяхъ того начала, которое выражено въ 63-й статьѣ Троицкаго списка ⁵⁾,—начала производства слѣдствія при помощи общины; такимъ образомъ слѣдствіе по всѣмъ преступленіямъ противъ правъ имущественныхъ, а не по одной лишь кражѣ, могло начинаться и безъ поличнаго и отвѣтчика. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что въ 70-й статьѣ говорится объ отысканіи *татя*,—не противорѣчитъ по той причинѣ, что въ Русской Правдѣ, какъ было уже указано въ третьемъ очеркѣ нашего изслѣдованія, татьбой называлась не только кража, но вообще всѣ преступленія противъ правъ собственности. Преступленіе, о которомъ говорится въ 63-й статьѣ—унич-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 3: „Аже кто оубиетъ княжи мужа въ разбои, а головники не ищутъ“; Троицкій списокъ, статья 70: „не будетъ ли татя, то по слѣду женуть“.

²⁾ „Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть; аже боудеть слѣдъ ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на саѣдъ, или отбывътсѣ, то тѣмъ платити татбу и продажо; а слѣдъ гвати съ чюжими людьми, а съ послухи“ и т. д.

³⁾ „Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медь, аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олъкъ, то 5 кунъ“.

⁴⁾ Статья 62: „Аже оукрадетъ кто бобръ, то 12 гривенъ“; 63: „Аже будетъ росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати тати, ли платити продажо“; 64: „Аже разваменаеть борть, то 12 гривенъ“; 65: „Аже между перетнетъ бортнюю, или ролеіную разореть, или дворную тыномъ перегородитъ межо, то 12 гривенъ продажи“; 66: „Аже дубъ подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривенъ продажѣ“; 68: „Аже борть подѣтнетъ, то 3 гривны продажѣ, а за дерево полгривны“.

⁵⁾ „По верви искати татя, ли платити продажо“.

тоженіе промышленныхъ сооружений, по характеру своему, совершенно сходно съ отмѣченнымъ въ статьѣ 74-й, гдѣ говорится объ уничтоженіи верви въ перевѣсѣ. Поэтому мы въ правѣ и къ этой послѣдней статьѣ и къ слѣдующимъ за ней примѣнить 70-ю. Итакъ, повидимому, во всѣхъ преступленіяхъ противъ имущественныхъ правъ возможно было начало слѣдствія и безъ находки поличнаго и отвѣтчика.

Само собою разумѣется, что слѣдствіе по дѣламъ о нарушеніи правъ собственности начиналось также и при находкѣ поличнаго: въ этомъ случаѣ производился такъ называемый «сводъ».

Возможно ли начало слѣдствія по преступленіямъ о нарушеніи личныхъ правъ (кромя убійства) безъ наличности отвѣтчика? На это можно дать только отрицательный отвѣтъ: во всѣхъ статьяхъ Русской Правды, трактующихъ о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы, непременно имѣется въ виду опредѣленный отвѣтчикъ¹⁾. Строго говоря, въ этихъ дѣлахъ слѣдствія, какъ особой, совершенно отдѣльной части процесса, и не было,—оно сливалось съ самимъ судомъ: потерпѣвшему нужно было лишь явиться на судъ съ обвиняемымъ и, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, представить свидѣтелей. То же самое слѣдуетъ сказать и о слѣдствіи по дѣламъ объ убійствѣ въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ былъ налицо.

Итакъ, для начала слѣдствія въ дѣлахъ уголовныхъ необходимы были слѣдующія минимальныя условія: 1) наличность истца; всѣ изслѣдователи согласны, что, по Русской Правдѣ, безъ истца невозможно начало слѣдствія: общественная власть не принимала на себя въ то время инициативы въ этомъ отношеніи; 2) наличность отвѣтчика въ дѣлахъ о нарушеніи личныхъ правъ (кромя убійства), то-есть, преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы; само собою разумѣется, что и слѣдствіе по прочимъ уголовнымъ дѣламъ—объ убійствѣ и нарушеніяхъ имущественныхъ правъ—могло начинаться при этомъ условіи; однако оно не было въ нихъ необходимымъ, минимальнымъ; 3) наличность слѣдовъ преступленія—трупа при убійствѣ и слѣдовъ въ собственномъ смыслѣ слова при нарушеніяхъ правъ имущественныхъ; это условіе не было необходимымъ для начала процесса по преступленіямъ противъ здоровья, чести и свободы²⁾.

¹⁾ Смотри, напримѣръ, Троицкій списокъ, статьи 18—25.

²⁾ Такъ, напримѣръ, можно было вчинать искъ по обвиненію въ побояхъ, хотя бы знаковъ отъ этихъ побоевъ и не осталось. Троицкій списокъ, статья 23-я.

Такимъ образомъ соединеніе перваго и третьяго условій было необходимо для начала слѣдствія объ убійствѣ и нарушеніи правъ собственности, для начала же слѣдствія по другимъ преступленіямъ противъ личныхъ правъ непременно требовалось соединеніе первыхъ двухъ условій.

Слѣдствіемъ устанавливалось обвиненіе, опредѣлялся всегда отвѣтчикъ; таковъ результатъ слѣдствія по Русской Правдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ это—основа собственно суда. Судъ, слѣдовательно, начинался лишь при наличности отвѣтчика,—это было непремѣннымъ условіемъ, и въ этомъ смыслѣ можно принять мнѣніе Попова и Бѣляева. При всемъ томъ нельзя, однако, сказать, чтобы въ Русской Правдѣ не различались способы начала собственно суда, чтобы Русская Правда признавала исключительно одинъ способъ обвиненія. Это вѣрно, что для начала суда необходимо было представленіе отвѣтчика, обвиненіе опредѣленнаго лица, но въ Русской Правдѣ строго различались *основанія* такого обвиненія, и сообразно этимъ основаніямъ измѣнялся и дальнѣйшій ходъ процесса: и взаимныя отношенія сторонъ, и способы доказательствъ. Все дѣло было въ томъ, въ «поклепѣ» или не въ поклепѣ было обвиненіе. Необходимо выяснитъ именно понятіе клеветы, опять таки не вполне ясное по своему значенію, если руководиться объясненіями, существующими въ литературѣ. Извѣстны три объясненія этого термина: одно, безспорно невѣрное, принадлежитъ Фогелю, который считалъ поклепъ клеветой, ложнымъ обвиненіемъ¹⁾; это отвергнуто Ланге на томъ основаніи, что въ Уложеніи понятію о клеветѣ соответствуетъ выраженіе «поклепати *напрасно*», а не просто «поклепати»²⁾. Другое—объясненіе Калачова, отождествлявшаго поклепъ со всякимъ вообще обвиненіемъ опредѣленнаго лица въ убійствѣ³⁾; согласно этому толкованію, терминъ «поклепъ» не имѣетъ особеннаго реального значенія. Наконецъ, Ланге считалъ поклепомъ обвиненіе, но основанное на поличномъ и слѣдахъ преступления, и распространялъ сферу его примѣненія на процессъ по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ⁴⁾. Послѣдній изслѣдователь ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, но и его мнѣніе, какъ увидимъ ниже, можетъ быть принято лишь съ весьма значительными поправками.

¹⁾ Опытъ возстановленія и объясненія Правды Русской, въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго университета за 1848 г., книжка II, стр. 135, 137.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 249.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе СХХI статьи.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 256 и др.

Изслѣдованіе сущности самаго понятія о поклепѣ невозможно отдѣлать отъ опредѣленія случаевъ примѣненія поклепа. Поэтому и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ принуждены соединить оба эти вопроса.

Въ 15-й статьѣ Троицкаго списка говорится «о поклепной вирѣ»; вира же платилась, какъ извѣстно, за убійство. Въ 17-й статьѣ читаемъ: «а истца начнетъ головою клепати». Эти два наблюденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что поклепъ несомнѣнно употреблялся въ процессѣ объ убійствѣ. То же видно и изъ 16-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну» и пр.

Чтобы рѣшить вопросъ, примѣнялся ли поклепъ въ другихъ преступленіяхъ и въ какихъ именно,—необходимо прежде всего внимательно присмотрѣться къ тексту 17-й статьи Троицкаго списка и ей соответствующихъ въ другихъ редакціяхъ Русской Правды. Большинство изслѣдователей этого юридическаго сборника (если не всѣ они), повидимому, распространяли сферу дѣйствія изслѣдуемаго нами постановленія на процессъ по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ: объ этомъ прямо говоритъ Ланге, основываясь на выраженіи «также и во всѣхъ тяжахъ»; ¹⁾ это же принималъ за истину, какъ кажется, и Калачовъ, что видно изъ пунктуациі, употребляемой имъ въ изданіи текста Русской Правды: послѣ словъ «во всѣхъ тяжахъ» поставлена запятая, такъ что слова «въ татьбѣ и въ поклепѣ» служатъ какъ бы дальнѣйшимъ разъясненіемъ предыдущаго ²⁾. Можно ли, однакоже, принять этотъ взглядъ? По нашему мнѣнію, съ полной рѣшительностью можно утверждать, что поклепъ примѣнялся *не по всѣмъ* дѣламъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ прямо самый текстъ Русской Правды: такъ въ 60-й статьѣ Троицкаго списка, гдѣ говорится о вырваніи клокка бороды, читаемъ: «аже безъ людий, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ», то-есть, поклепъ не признавался законнымъ способомъ начала иска при вырваніи бороды. Къ тому же совершенно невозможно считать слова «въ татьбѣ и въ поклепѣ» объясненіемъ предыдущаго «во всѣхъ тяжахъ»; «татьба» несомнѣнно принадлежитъ къ числу «тяжъ», то-есть, судебныхъ дѣлъ, особыхъ преступленій; но, какъ бы мы ни понимали поклепъ, одно ясно,—это совсѣмъ не особое какое-либо судебное дѣло, не особое преступленіе, а лишь какой-то особенный способъ обвиненія, употреблявшійся при извѣстныхъ специальныхъ усло-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 243.

²⁾ Текстъ Русской Правды, М., 1847, II, 17, стр. 7.

віяхъ; слѣдовательно, понятія «татья» и «поклепъ» не однородны, не принадлежать къ одной категоріи и не могутъ быть сопоставлены другъ съ другомъ, какъ понятія равнаго объема. Мы предложили бы слѣдующимъ образомъ читать 17-ю статью: «искавши ли послуха не налѣзутъ, а истця начнетъ головою клепати,—тогда дати имъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ въ татьябѣ—и въ поклепѣ, оже не будетъ лица,—то тогда дати ему желѣзо» и т. д. Послѣднія слова имѣютъ такимъ образомъ слѣдующій смыслъ: «такъ же и во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся татябы, при томъ при поклепѣ, если не будетъ поличнаго, то тогда подвергнуть отвѣтчика испытанію желѣзомъ» и пр. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о процессѣ по тому ряду преступленій, которыя обозначались въ Русской Правдѣ общимъ терминомъ «татья»; мы уже указывали, что такъ назывались въ нашемъ источникѣ всѣ преступленія противъ правъ собственности.

Итакъ, клепъ примѣнялся лишь въ процессѣ объ убійствѣ и о татябѣ или имущественныхъ преступленіяхъ. Какова-же была сущность поклепа? Что такое клепъ? Поклепъ при татябѣ, какъ прямо сказано въ Русской Правдѣ, бываетъ, «оже не будетъ лица»¹⁾, если у обвиняемаго не окажется поличнаго, то есть, самой украденной вещи. Итакъ, клепъ въ татябѣ—обвиненіе безъ наличности предмета иска, прямой и несомнѣнной улики въ преступленіи. Можно ли распространить понятіе о «лицѣ» (поличномъ) и на убійство? Нѣкоторые изслѣдователи считали это возможнымъ и утверждали, что «лицо» при убійствѣ—это трупъ убитаго²⁾. Согласно такому пониманію, процессъ объ убійствѣ въ поклепѣ—это такой процессъ, который начинался безъ наличности трупа убитаго. Но съ такимъ толкованіемъ едва-ли можно согласиться, потому что, во-первыхъ, нельзя и представить себѣ, чтобы процессъ объ убійствѣ начинался безъ наличности трупа, во-вторыхъ, понятіе о поличномъ и въ позднѣйшемъ правѣ усваивается исключительно предмету покражи; такъ, напримѣръ, въ уставныхъ грамотахъ читаемъ: «а поличное то, что вынуть изъ клѣти изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное»³⁾,—ясно что тутъ идетъ рѣчь о предметѣ кражи; наконецъ, въ третьихъ, нельзя считать трупъ убитаго поличнымъ уже и по-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 17.

²⁾ *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 247.

³⁾ Акты Археологической Экспедиціи, I, № 123, и другія уставныя грамоты.

тому, что поличное — краденое находится у обвиняемого, чего нельзя сказать о трупѣ; такимъ образомъ отождествленіе трупа убитаго съ поличнымъ заключаетъ въ себѣ логическую несообразность. Когда примѣнялся поклепъ при убійствѣ, или, другими словами, что въ процессѣ объ убійствѣ называлось поклепомъ? Для рѣшенія этого вопроса имѣетъ значеніе 60-я статья Троицкаго списка, гдѣ сказано: «А кто порветъ бороду, а въ нѣметъ знаменіе, а выльзутъ людие, то 12 гривень продажѣ; аже безъ людии, а въ поклепъ, то нѣту продажѣ». Подчеркнутыя слова свидѣтельствуютъ, что обвиненіе въ вырваніи клокa бороды на основаніи однихъ слѣдовъ преступленія, безъ свидѣтелей, называлось поклепомъ. Это *mutatis mutandis* примѣнимо и къ процессу объ убійствѣ: здѣсь трупъ имѣетъ значеніе слѣдовъ преступленія и есть необходимое условіе начала процесса, есть свидѣтели или нѣтъ ихъ ихъ—все равно; но если свидѣтелей нѣтъ, то обвиненіе въ убійствѣ называлось поклепомъ ¹⁾).

Мы опредѣлили такимъ образомъ, что поклепомъ при татѣбѣ называлось обвиненіе, не основанное на находкѣ поличнаго, а при убійствѣ — обвиненіе, не основанное на показаніи очевидцевъ преступленія. Ближайшее изслѣдованіе, впрочемъ, не позволяетъ остановиться на такомъ опредѣленіи поклепа: отмѣченные нами признаки—чисто отрицательные; необходимо найти признаки положительные: если обвиненіе при поклепѣ не основывалось на показаніяхъ очевидцевъ и находкѣ поличнаго, то, спрашивается, на чемъ же оно основывалось? Честь разрѣшенія этого недоумѣнія принадлежитъ Ланге ²⁾); намъ остается только повторить его соображенія. Мы знаемъ изъ 17-й статьи Троицкаго списка, что въ случаѣ поклепа отвѣтчикъ подвергался испытанію желѣзомъ ³⁾); но объ испытаніи желѣзомъ говорятъ статьи 81-я и 82-я; поэтому и онѣ имѣютъ отношеніе къ вопросу о поклепѣ. Если испытаніе желѣзомъ имѣло мѣсто именно при поклепѣ, то въ статьяхъ объ этомъ испытаніи должны содержаться указанія на условія поклепа, на его сущность. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: 81-я статья свидѣтельствуетъ, что истецъ подвергалъ отвѣтчика испытанію желѣзомъ въ томъ случаѣ, если обвиненіе опиралось на свидѣтельство холопа: «будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочетъ истецъ или

¹⁾ См. *Демченко*, Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра Великаго, Кіевъ, 1859, стр. 16.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 239—240 у другія.

³⁾ „Тогда дати имъ правду желѣзо“.

иметь и, а река тако (въ Кар. списокѣ: «или иметь нарекать тако»): по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо»; 82-я статья свидѣтельствуесть въ свою очередь, что испытанію желѣзомъ можно было подвергать также «по свободныхъ люди рѣчи, любо ли запа нанъ будетъ, любо прохождение нощное», то-есть, по показанію свободныхъ лицъ, въ случаѣ если они выразятъ подозрѣніе по отношенію къ обвиняемому, или засвидѣтствуютъ, что видѣли его проходящимъ ночью недалеко отъ мѣста преступленія. Такимъ образомъ при испытаніи желѣзомъ необходимы были все таки свидѣтели, только свидѣтели не въ собственномъ смыслѣ слова: то-есть, или свидѣтели-холопы, о которыхъ прямо сказано «а послушства на холопа не складають»¹⁾, или свидѣтели не самаго факта преступленія, а лишь постороннихъ обстоятельствъ, наводящихъ только подозрѣніе. Наличность такого рода свидѣтелей и составляетъ, очевидно, положительный признакъ, характеризующій поклепъ, какъ особую форму обвиненія.

Итакъ, поклепомъ называлась такая форма обвиненія, въ которой основаніемъ служило не отысканіе поличнаго и не свидѣтельство очевидцевъ, а показаніе холопа или свободныхъ людей, знавшихъ лишь объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе. Короче: поклепъ—обвиненіе по подозрѣнію.

Теперь понятно, почему въ процессѣ объ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ чести и свободы не могло быть поклепа: въ однихъ изъ нихъ, гдѣ самые слѣды, результаты преступленія, ставили фактъ внѣ всякаго сомнѣнія, считалось достаточнымъ свидѣтельство потерпѣвшаго, который, какъ предполагалось, неизбѣжно долженъ былъ видѣть и знать своего обидчика, почему и не могло быть подозрѣнія, а было положительное утвержденіе факта: истецъ тутъ былъ въ то же самое время и свидѣтелемъ—очевидцемъ²⁾; въ другихъ преступленіяхъ противъ личныхъ правъ *всегда* было необходимо свидѣтельство очевидцевъ по той причинѣ, что безъ него самый фактъ обиды признавался весьма сомнительнымъ: понесенный потерпѣвшимъ вредъ могъ легко быть результатомъ одной несчастной случайности³⁾.

1) Троицкій списокъ, статья 59.

2) Троицкій списокъ, статья 18—24.

3) Тамъ же, статьи 25, 60, 61.

II.

Познакомившись съ тѣми способами, какими начинались двѣ составныя части процесса по Русской Правдѣ, слѣдствіе и судъ, перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію каждой изъ этихъ частей.

Кто производилъ слѣдствіе въ эпоху Русской Правды? Еще Поповъ указалъ, что оно производилось самимъ истцомъ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ въ общемъ согласны всѣ, но въ частности существуютъ разногласія: такъ Ланге, полагавшій, что иногда и княжескіе посадники начинали процессы, думалъ, что въ этомъ случаѣ они же производили и слѣдствіе²⁾; Дювернуа признавалъ необходимость содѣйствія истцу въ слѣдствіи по гражданскимъ дѣламъ въ томъ случаѣ, если оно переходило за предѣлы своего міра, въ чужой городъ³⁾; по г. Стефановскому, наконецъ, и вервь производила слѣдствіе; въ доказательство опъ ссылается на то, что вервь должна иногда платить, а за не вложившагося въ дикую виру не платила; значитъ, она должна была знать преступника, а безъ слѣдствія его знать нельзя; кромѣ того вервь могла и отсчитать отъ себя слѣдъ⁴⁾.

Дѣйствительно, въ Русской Правдѣ встрѣчаются многочисленныя и несомнѣнныя указанія на производство слѣдствія самимъ истцомъ. Вотъ эти указанія: если кто-либо потерпѣлъ побои до синяковъ и крови, «то не искати *емю* видока челоувѣкоу томоу»⁵⁾, «то видока *ему* не искати»⁶⁾: очевидно, что, если кровь и синяки не были послѣдствіемъ побоевъ, то *самъ истецъ* долженъ былъ искать видоковъ: общественная власть не принимала на себя этой обязанности; далѣе всѣ статьи о «сводѣ» показываютъ, что «сводъ» производился самимъ истцомъ: онъ говорилъ «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ» и пр.⁷⁾; самъ истецъ также «закликалъ на торгу» о пропажѣ принадлежавшей ему вещи или холопа, самъ и «познавалъ» найденную у другого свою вещь⁸⁾

1) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 103.

2) Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 257.

3) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 173.

4) Разграниченіе гражданского и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, за 1873 г. мартъ, стр. 42—43.

5) Академическій списокъ, статья 2.

6) Троицкій списокъ, статья 23.

7) Тамъ же, статья 29.

8) Тамъ же, статьи 26, 28.

опять изъ его заявленія о потерѣ не вытекала необходимость дѣятельнаго и самостоятельнаго производства слѣдствія властями; затѣмъ при гражданскихъ тяжбахъ, вытекающихъ изъ договоровъ,—купи—продажи, займа,—слѣдствіе производилось тоже самимъ истцомъ: онъ «выводилъ послуховъ» въ доказательство того, что отвѣтчикъ долженъ ему извѣстную денежную сумму¹⁾; отвѣтчикъ, обвиняемый въ покушкѣ краденаго, обязанъ былъ самъ вывести «свободна мужа два или мытника»²⁾; мы далѣе имѣемъ свидѣтельство Русской Правды о томъ, что при бѣгствѣ холопа возможенъ былъ случай, «аже кто своего холопа *самъ дасочитъся*»³⁾. Все это—данныя неоспоримыя. Несомнѣнно однако, что, хотя слѣдствіе и не начиналось никогда, если его не принималъ на себя самъ истецъ, всетаки были случаи, когда ему содѣйствовали существующія власти или общественные союзы. Такъ посадникъ долженъ былъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока⁴⁾; вервь должна была «ѣхать на слѣдъ» или «отсочить его», но не «отбиваться» при поискахъ татя по слѣдамъ⁵⁾; она же была обязана «по верви искати татя», если «будеть росѣчена земля іли знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ»⁶⁾; наконецъ, вервь искала убійцу, не пойманнаго на мѣстѣ преступленія, хотя и могла отказаться отъ этихъ поисковъ, почему и платила дикую виру⁷⁾. Нельзя однако признать вмѣстѣ съ Ланге, чтобы сами посадники, по собственной инициативѣ, безъ истца, начинали слѣдствіе: это противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о процессѣ по Русской Правдѣ. Невозможно согласиться и съ г. Стефановскимъ, что вервь самостоятельно производила слѣдствіе: она только *помогала* истцу въ его производствѣ, да и то не всегда: если она находила участіе въ слѣдствіи для себя обременительнымъ, то платила продажу или виру, чѣмъ и кончалось дѣло.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: въ краткой Правдѣ встрѣчается замѣчаніе о «емцѣ»; обыкновенно думаютъ, что это княжескій чиновникъ, ловившій преступника, именно вора, такъ какъ въ текстѣ говорится о платежахъ, поступавшихъ княжескимъ чиновникамъ при продажахъ въ 12 и 3 гривны, платившихся

¹⁾ Тамъ же, статьи 43, 46, 47.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 32.

³⁾ Тамъ же, статья 108.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 70.

⁶⁾ Тамъ же, статья 63.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 3.

обыкновенно за имущественныя преступленія (впрочемъ также и за личныя оскорбленія и раны и пр.). Но нигдѣ, ни въ другихъ источникахъ, ни въ другихъ статьяхъ Русской Правды—краткой и пространной,—мы не встрѣчаемся съ княжескимъ чиновникомъ, носившимъ названіе «емца»; характерно кромѣ того, что вмѣсто слова «емець» въ той-же статьѣ раньше употреблено другое выраженіе: «хто изималь»¹⁾; на этихъ основаніяхъ мы полагаемъ, что «емець» былъ не княжескій чиновникъ, а любой человѣкъ, взявшій на себя добровольно обязанность участвовать въ поимкѣ преступника и дѣйствительно его поймавшій. Припомнимъ, что и въ пространной Правдѣ говорится о платежѣ частнымъ лицамъ «за переемъ» бѣлаго раба²⁾.

Относительно *состава* слѣдствія Поповъ *высказалъ такое* мнѣніе: слѣдствіе слагалось изъ слѣдующихъ актовъ: прежде всего истецъ вмѣстѣ съ свидѣтелями и съ понятными — «съ чужими людьми, а съ послухы» — по признакамъ преступленія искалъ, гдѣ находится вещь; впрочемъ еще передъ этимъ онъ закликалъ на торгу о пропажѣ вещи; потомъ производился сводъ, то-есть очная ставка³⁾. Слова Попова не вполне ясны; именно неизвѣстно, считаетъ ли онъ необходимымъ *всегда* такой составъ слѣдствія, или таковъ его ходъ только при процессѣ по преступленіямъ противъ правъ собственности? Другіе изслѣдователи ограничивали значеніе этихъ моментовъ слѣдствія лишь определеннымъ кругомъ дѣлъ: поиски преступника по признакамъ преступленія бывали, по мнѣнію Калачова⁴⁾, лишь въ дѣлахъ о покражѣ бобра и выдраніи пчель, а по Ланге⁵⁾, вообще при всякой кражѣ, при которой найдены слѣды преступленія. Закличка на торгу происходила, по взгляду Калачова⁶⁾, при воровствѣ кражѣ, Ланге же полагаетъ, что при противозаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ; доказывая это, онъ ссылается на 28-ю статью Троицкаго списка: тутъ рѣчь идетъ о потерѣ и находкѣ, какъ видно изъ суммы продажи—3 гривны, тогда какъ коневыи тать подвергался потоку⁷⁾; да и сказано: «аче кто конь *погубить*», а Правда различаетъ понятія «погубить» и «украсть»

1) Академическій списокъ, статья 41.

2) Троицкій списокъ, статья 107.

3) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 104.

4) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 236.

6) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статей СХХІІІ и СХХІV.

7) Троицкій списокъ, статья 30.

(см. Троицкій списокъ, статью 29-ю); въ 10-й статьѣ Академическаго списка и въ 26-й Троицкаго говорится о передержательствѣ бѣглаго холопа, ибо за кражу холопа платилось 12, а не 3 гривны (Троицкій списокъ, статья 34-я; Карамзинскій списокъ, статья 35-я)¹⁾. Наконецъ, сводъ, по общему мнѣнію, примѣнялся лишь въ дѣлахъ о воровствѣ—кражѣ, при томъ тогда, когда лицо, у котораго найдено краденое, указывало на другого человѣка, продавашаго ему краденый предметъ. Подробности свода Калачовъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: сводъ при кражѣ вещи или челядина примѣнялся только тогда, когда не было залички на торгу; въ предѣлахъ одного города при искѣ о вещи сводъ идетъ до конца, а за чертой города до третьяго свода, т. е. до третьяго отвѣтчика; при искѣ о челядинѣ и въ предѣлахъ одного города сводъ шель до третьяго отвѣтчика; изъ своего города въ чужую землю свода не было²⁾. Ланге не вполне раздѣляетъ этотъ взглядъ: по его мнѣнію, правила о сводѣ были одинаковы, челядинъ ли или вещь была украдена, ибо надо читать не «по конамъ» и не «по кунамъ», а «по кономъ», т. е. по закону, изложенному въ 31-й статьѣ Троицкаго списка; «третій сводъ» за чертой города появился лишь съ Изяслава, а при Ярославѣ 3-й сводъ былъ при всѣхъ кражахъ *отъ чертъ* города; онъ отмѣняетъ Изяславомъ, какъ тяжелый для тѣхъ, кого вели на сводъ; 35-я статья Троицкаго списка показываетъ, что сводъ нельзя вести въ чужую землю, т. е. въ другое посадничество³⁾. Ланге указываетъ еще два составныхъ элемента слѣдствія: исканіе свидѣтелей и испытаніе отвѣтчика желѣзомъ и водой, съ разрѣшенія власти, и клятвой⁴⁾. Этотъ же изслѣдователь вполне правильно старается опредѣлить особенности процесса въ дѣлахъ о разныхъ преступленіяхъ. Эту же точку зрѣнія должны усвоить и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Слѣдствія, какъ особой части процесса, совершенно не было только при одномъ видѣ преступленій, именно при побояхъ до синяковъ и крови: потерпѣвшій прямо являлся на судъ съ знаками побоевъ и указывалъ на личность отвѣтчика, не подтверждая своего обвиненія ни свидѣтельскими показаніями, ни другими судебными доказательствами: «аже придетъ кровавъ мужъ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 229, 230.

²⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статей CXXV, CXXVI, CXXVII, CXXVIII.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 230, 231, 233, 234, 235.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 257.

на дворъ, или синь, то видока ему не іскати»¹⁾, говорить Русская Правда. Ланге думаетъ, что свидѣтелей въ такомъ случаѣ искалъ обвиняемый²⁾. Но текстъ источника не представляетъ никакихъ данныхъ въ пользу такого взгляда. Слова «аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а выльзуть послуси, то то ему за платежь, оже и били»³⁾ вовсе не указываютъ на представленіе свидѣтелей отвѣтчикомъ, обвиняемымъ въ нанесеніи побоевъ до синяковъ и крови, съ цѣлью оправдать себя именно по этому дѣлу, т. е. отвергнуть фактъ нанесенія имъ такихъ побоевъ. Тутъ говорится о совершенно новомъ дѣлѣ, о новомъ обвиненіи: отвѣтчикъ по дѣламъ о побояхъ, послѣ которыхъ остались знаки, могъ въ свою очередь выступить истцомъ, обвиняя потерпѣвшаго въ томъ, что онъ началъ драку; въ доказательство справедливости этого иска онъ и выводилъ свидѣтелей, какъ обвинитель; но, какъ обвиняемый въ дѣлѣ о нанесеніи побоевъ до синяковъ и крови, онъ не могъ выставять свидѣтелей.

Весьма несложно было слѣдствіе и по ряду другихъ преступленій: по преступленіямъ противъ здоровья и чести, по дѣламъ объ убійствѣ, когда отвѣтчикъ извѣстенъ, наконецъ, при поимкѣ тата на мѣстѣ преступленія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдствіе заключалось лишь въ томъ, что истецъ заручался свидѣтелями— очевидцами, которыхъ и долженъ былъ представить на судъ. Относительно преступленій противъ здоровья и чести это удостоверяется слѣдующими мѣстами Русской Правды: при побояхъ, «аче ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова»⁴⁾; «аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а выльзуть послуси, то то ему за платежь, оже и били»⁵⁾; «аче похънетъ мужъ мужа, любо къ себѣ, любо отъ себе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи»⁶⁾; что тутъ вездѣ свидѣтелей выставляетъ обвинитель,—это видно изъ прямого указанія 23-й статьи Троицкаго списка: здѣсь ясно сказано, что свидѣтелей долженъ представить тотъ, на комъ «не будетъ знаменія» отъ побоевъ, но кто выступитъ обвинителемъ; затѣмъ въ 25-й статьѣ того же списка объ отвѣтчикѣ говорится въ единственномъ

1) Троицкій списокъ, статья 23.

2) Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 253.

3) Троицкій списокъ, статья 23.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же.

6) Троицкій списокъ, статья 25.

числѣ: «попхнеть», «оударить», а затѣмъ читаемъ: «а видока два *выведуть*»: подлежащее, очевидно, другое, здѣсь подразумѣвается истецъ. Конецъ этой послѣдней статьи на первый взглядъ не вполне понятенъ; сказано: «аже будетъ варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту»; въ краткой Правдѣ яснѣе: «или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу»¹⁾. Ланге объясняетъ эту статью вполне правильно: обыкновенно при такомъ обвиненіи необходимы свидѣтели, но варягъ или колбягъ не представляли свидѣтелей, а шли на роту, подтверждали свой искъ присягой; онъ измѣняетъ поэтому текстъ пространной Правды слѣдующимъ образомъ: «аще будетъ варягъ или колбягъ, *иде* (то-есть, «тамъ гдѣ») полная видока вывести (=слѣдуетъ вывести), идета на роту»²⁾. Намъ кажется, однако, что смыслъ статьи почти не измѣнится, если мы не будемъ прибѣгать къ передѣлкамъ текста и переведемъ его буквально: «если потерпѣвшими будутъ варягъ или колбягъ, то выведуть полное число свидѣтелей и присягають», то-есть, если есть свидѣтели въ полномъ числѣ—мы, вопреки Дубенскому³⁾, думаемъ, что не семь, а два свидѣтеля, — то варягъ и колбягъ могутъ на нихъ ссылаться при обвиненіи, а если свидѣтелей нѣтъ, то эти лица могутъ доказать справедливость своего иска и присягой.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній нашего источника на необходимость свидѣтелей при обвиненіи опредѣленнаго лица въ убійствѣ. Нельзя однако же не признать, что такое обвиненіе было возможно, и что для него необходимы были свидѣтели: недаромъ въ Правдѣ мы встрѣчаемъ выраженіе «оже безъ людии, а въ поклепѣ»⁴⁾: оно свидѣтельствуетъ, что бывали случаи, когда «людии», то-есть, свидѣтели, были на лицо. Притомъ обвинять опредѣленное лицо въ убійствѣ безъ поклепа могъ только или очевидецъ преступленія, если онъ былъ родственникъ убитаго, или тотъ, кто основывался на показаніяхъ очевидцевъ. Нельзя же допустить, что во времена Русской Правды всѣ процессы объ убійствѣ начинались поклепомъ, то-есть, обвиненіемъ по подозрѣнію, основаннымъ не на показаніяхъ очевидцевъ, а на свидѣтельствѣ холопа (хотя бы и очевидца) или свободныхъ людей, знавшихъ о постороннихъ обстоятельствахъ, которыя наводили на подозрѣніе. Несомнѣнно, бывали случаи убійства при свидѣтеляхъ, на что косвенно указываетъ и нашъ источникъ,

1) Тамъ же; Академическій списокъ, статья 9.

2) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 254.

3) Русскія Достопамятности, часть 2-я, стр. 69, прим. 28.

4) Троицкій списокъ, статья 60.

говоря объ убійствѣ «въ свадѣ или въ пиру *явлено*»¹⁾), то-есть, открыто, на глазахъ у другихъ.

«Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубить; оже ли до свѣта держать, то вести его на князь дворъ; а ожели оубьють, *а люди боудоуть видѣли связанъ*, то платити въ немъ»²⁾). Вотъ статья краткой Правды, имѣющая себѣ соотвѣтствующую и въ Правдѣ пространной³⁾). Подчеркнутыя слова прямо указываютъ, что при обвиненіи въ этомъ преступленіи—мы говоримъ о татьбѣ—необходимы были свидѣтели со стороны обвинителя; правда, эти слова въ сущности относятся тутъ къ другому обвиненію: къ дѣлу о незаконномъ убійствѣ уже связаннаго вора, но вѣдь они указываютъ также, что «люди» присутствовали, когда воръ былъ пойманъ и связанъ, то-есть, могли быть и свидѣтелями въ пользу того, кто обвинялъ въ воровствѣ; были, очевидно, и люди, удостовѣрившіе своимъ показаніемъ, что тать убитъ на дворѣ, у клѣти, у хлѣва, вообще «у татьбы».

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о слѣдствіи по такимъ дѣламъ о «татьбѣ», гдѣ поличное найдено, но преступникъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Вопросъ усложняется еще вслѣдствіе извѣстной широты понятія «татьба» въ Русской Правдѣ. Въ этомъ, быть можетъ, коренится причина разногласія Калачова и Ланге по вопросу о закличкѣ на торгу. Характерно и, если не ошибаемся, не отмѣчено въ литературѣ, что въ краткой Правдѣ нѣтъ ни слова объ этой закличкѣ. По пространному тексту нашего источника заповѣдывали или закликали на торгу въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если «челядинъ скрывается»⁴⁾, во-вторыхъ «аче кто конь погубить, или оружье, или портъ»⁵⁾. При этомъ въ обоихъ этихъ случаяхъ не упоминается о сводѣ, а истецъ, узнавъ своего челядина въ «третий день» послѣ заклички на торгу, или узнавъ своего коня, оружіе или одежду «послѣ», «въ своемъ городѣ», беретъ ему принадлежащее, а тотъ, у кого оно найдено, платитъ 3 гривны продажи⁶⁾. На первый взглядъ кажется по этимъ статьямъ, что при *потерь* вещи или холопа была закличка на торгу, но свода не было. Однако сводъ былъ при потерѣ, такъ какъ въ 29-й статьѣ Троицкаго

1) Тамъ же, статья 4.

2) Академическій списокъ, статья 38.

3) Троицкій списокъ, статья 36.

4) Тамъ же, статья 26.

5) Тамъ же, статья 28.

6) Тамъ же, статья 26 и 28.

списка сказано: «аже кто познаеть свое, что будет *погубилъ*... то не рци и: се мое; но поиди на сводъ, кдѣ есть взялъ» ¹⁾). Слѣдовательно, и при потерѣ вещи или холопа былъ возможенъ сводъ, хотя иногда его и не было. Когда же именно? На это можно дать только одинъ отвѣтъ: свода не бывало только тогда, когда пойманный съ краденымъ или потеряннымъ не ссылался ни на какое другое лицо, у котораго онъ это купилъ; признавалъ себя первымъ незаконнымъ владѣльцемъ спорной вещи. Отмѣтимъ еще ту подробность, что, когда скроется челядинъ, то уголовныя послѣдствія его находки у другого лица послѣ заклички на торгу наступали для этого лица лишь въ томъ случаѣ, если прошло три дня; мы думаемъ, что это надо понимать именно такъ: если скрывшагося холопа находили до истеченія трехъ дней послѣ объявленія на торгу, то тотъ, у кого его находили, не платилъ продажи; если же по истеченіи этого срока, то продажа платилась имъ; въ обоихъ случаяхъ холопъ возвращался хозяину.

Итакъ слѣдствіе по дѣламъ о потерѣ вещей состояло въ закличкѣ на торгу и, въ случаѣ ссылки задержаннаго съ потеряннымъ предметомъ на фактъ покупки имъ этого предмета у третьяго лица, въ сводѣ; такая ссылка не допускалась при находкѣ скрывшагося холопа, если со времени объявленія на торгу прошло меньше трехъ дней, но въ этомъ случаѣ не платилась и продажа.

Спрашивается: было ли необходимо объявленіе на торгу при воровствѣ — кражѣ? Выраженія «скрыться», «погубить» какъ будто указываютъ на бѣгство холопа и потерю вещи, но они все-таки достаточно общи и неопредѣленны, чтобы подозрѣвать подъ ними и кражу. Притомъ, не находя у себя своего холопа или своей вещи, и не имѣя въ то же время никакихъ доказательствъ, что они украдены, могъ ли однако хозяинъ ихъ быть увѣреннымъ, что они именно потерялись, а не похищены? Мы думаемъ, что такой увѣренности быть не могло, и, слѣдовательно, Калачовъ правъ, что объявленіе на торгу дѣлалось и при татѣбѣ,—по крайней мѣрѣ тогда, когда нѣтъ прямыхъ указаній на фактъ этого преступленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что и при кражѣ или находкѣ краденаго сводъ не всегда былъ составнымъ элементомъ слѣдствія: онъ примѣнялся и здѣсь только тогда, когда пойманный съ краденымъ показывалъ, что вещь имъ куплена у такого-то лица; если же онъ такого показанія не давалъ, слѣдствіе заканчивалось представле-

¹⁾ Тамъ же, статья 29.

ніемъ его на судъ. Конечно, такіе случаи бывали: вѣдь нельзя же допустить, что при находкѣ краденаго всегда оказывалось, что оно не у вора, а куплено лицомъ, у котораго найдено.

Остается опредѣлять составъ слѣдствія при убійствѣ, когда очевидцевъ не было и преступникъ неизвѣстенъ, и при имуще- ственныхъ преступленіяхъ, слѣды совершенія которыхъ были замѣтны, а личности преступника не знали. Результатомъ слѣд- ствія въ этихъ случаяхъ, какъ мы уже говорили, былъ поклепъ. Но какимъ путемъ доходили до этого результата?

Положимъ, находилось мертвое тѣло. Если убитый былъ чело- вѣкъ никому неизвѣстный, никакого слѣдствія и суда не было, никто не отвѣчалъ¹⁾, по той простой причинѣ, что ни одинъ процессъ въ Русской Правдѣ безъ истца не начинался, а ист- цомъ могъ быть только родственникъ убитаго. Но если личность убитаго опредѣлялась, его родственники выступали въ качествѣ истцовъ и требовали отъ верви, въ предѣлахъ которой совер- шено убійство, чтобы она помогла имъ при поискахъ убійцы. Не желая помогать, вервь платила дикую виру, и тѣмъ дѣло конча- лось²⁾. Но если вервь содѣйствовала истцу, то съ ея помощью онъ могъ найти, на примѣръ, лицъ, видѣвшихъ кого-либо прохо- дящимъ ночью около мѣста преступленія³⁾; въ такомъ случаѣ въ слѣдствіе вмѣшивался этотъ обвиняемый и искалъ «послу- ховъ», свидѣтелей о его добромъ поведеніи⁴⁾; это было заклю- чительнымъ актомъ слѣдствія; далѣе начинался судъ. «Послуховъ» должно было представить въ количествѣ семи человекъ⁵⁾.

Допустимъ теперь, что совершено воровство или другое пре- ступленіе противъ правъ собственности, но нѣтъ налицо пре- ступника, онъ на мѣстѣ преступленія пойманъ не былъ. Пре- ступленіе должно вѣдь все-таки было оставить слѣды; по этимъ слѣдамъ истецъ и шелъ съ чужими людьми, съ послухами; если слѣдъ приводилъ къ какому-нибудь поселенію или къ чьей-либо движимости, то лица, которымъ принадлежало это, должны были «отсочить», отвести отъ себя слѣдъ; въ противномъ случаѣ они признавались виновными и платили частное вознагражденіе и уголовный штрафъ; но они могли и отвести отъ себя слѣдъ и доказать виновность другихъ⁶⁾. Тутъ, слѣдовательно, поклепа

1) Троицкій списокъ, статья 15.

2) Тамъ же, статья 3.

3) Тамъ же, статья 82.

4) Тамъ же, статья 15.

5) Тамъ же.

6) Троицкій списокъ, статья 70.

не было, а было прямое обвиненіе; не по подозрѣнію. Слѣдствіе такого рода могло окончиться безрезультатно, прекращеніемъ дѣла, если слѣдъ приводилъ къ большой торговой дорогѣ, гдѣ не было поселенія, или къ пустому мѣсту ¹⁾). Но и при имущественныхъ преступленіяхъ могли оказаться свидѣтели «запы», наводившіе подозрѣніе на извѣстное лицо, видѣвшіе его, напри-мѣръ, проходящимъ ночью близъ мѣста преступления; тогда обвиняемый въ свою очередь искалъ семи послуховъ, свидѣтелей его добраго поведенія, чѣмъ и заключалось слѣдствіе.

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, составъ слѣдствія. Нельзя поэтому согласиться съ Ланге, указывающимъ, что въ составъ слѣдствія входило испытаніе желѣзомъ, водой и клятвой.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о сводѣ. Нельзя принять мнѣніе Ланге, что при Ярославѣ третій сводъ, то-есть, сводъ до третьяго продавца краденой вещи, былъ при всѣхъ кражахъ въ чертѣ города. Краткая Правда говорить о сводѣ до третьяго продавца только при находкѣ истцомъ своего челядина ²⁾, по отношенію же къ другимъ краденымъ предметамъ она совсѣмъ не знаетъ этого ограниченія: сводъ тутъ, повидимому, продолжался до конца и оригинальной чертой краткой Правды надо считать лишь то, что обвиняемый могъ отсрочить сводъ на пять дней, давъ поручителей за себя: «аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поидти на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днѣи» ³⁾). Относительно челядина въ пространной Русской Правдѣ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ краткимъ текстомъ ⁴⁾. Но о сводѣ при кражѣ другихъ предметомъ находимъ новыя постановленія: если сводъ идетъ «по землямъ», то-есть, внѣ города, но въ его волости, то истецъ идетъ только до третьяго свода; третій отвѣтчикъ платитъ истцу деньгами за поличное, а съ поличнымъ самъ идетъ до конца свода; но истецъ не получаетъ вознагражденія за то, что было у него украдено вмѣстѣ съ найденнымъ поличнымъ; только послѣ отысканія «конечнаго татя» истецъ вознаграждается полностью, третій отвѣтчикъ получалъ свои деньги, а «конечный тать» платилъ, кромѣ частнаго вознагражденія, еще и продажу ⁵⁾).

«А и — своего города въ чюжю землю свода нѣтуть» ⁶⁾, сви-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Академическій списокъ, статья 15.

³⁾ Тамъ же, статья 13.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 33.

⁵⁾ Тамъ же, статья 31.

⁶⁾ Тамъ же, статья 35.

дѣтельствуеъ нашъ источникъ. Это можно понимать только въ томъ смыслѣ, что сводъ нельзя было вести въ волость другого города.

Еще одно небольшое замѣчаніе; напрасно Ланге въ 33-й статьѣ Троицкаго списка предлагаетъ читать «по кономъ», то-есть, по закону, изложенному выше, въ 31-й статьѣ, и утверждаетъ на этомъ основаніи, что правила о сводѣ при находкѣ украденнаго челядина были тѣ же, что и при находкѣ другихъ краденыхъ предметовъ. Конечно, нельзя принять чтеніе «по конамъ» и объясненіе «по словеснымъ судамъ», предлагаемое Болтинимъ¹⁾— никакихъ словесныхъ судовъ во времена Русской Правды не было,—но почему бы не оставить такъ, какъ сказано въ текстѣ Троицкаго списка: «по кунамъ»? Смыслъ статьи при такомъ чтеніи совершенно ясенъ. Сказано: «аще познаеъ кто челядинъ свои оукраденъ, а пойметъ и, то оному вести и *по кунамъ* до 3-го свода»²⁾. Это значить: «если кто-нибудь узнаеъ своего украденнаго холопа и возьметъ его, то ему вести его *по деньгамъ, то-есть по лицамъ, послѣдовательно продавшимъ его*, до третьяго свода».

III.

Что касается до самаго *суда*, этой второй составной части процесса, то и тутъ между различными изслѣдователями существуютъ немаловажныя разногласія. Вопросъ о томъ, кто производилъ судъ во времена Русской Правды, неудобно разсматривать внѣ связи съ государственнымъ устройствомъ по нашему источнику. Поэтому мы оставимъ его пока безъ разрѣшенія, а займемся характеристикой судопроизводства.

О ходѣ судоговоренія подробныя указанія находимъ у одного только Ланге. По его мнѣнію, судъ состоялъ, во-первыхъ, въ повѣркѣ слѣдствія, слагавшейся изъ допроса истца и отвѣтчика, допроса свидѣтелей, испытанія желѣзомъ и водой и роты или клятвы, во-вторыхъ, въ произнесеніи приговора³⁾.

Формула эта въ общемъ вѣрно передаетъ сущность дѣла, любопытны и вѣрны и отдѣльныя замѣчанія Ланге объ особенностяхъ судоговоренія по различнымъ дѣламъ, въ зависимости отъ характера преступленій и состава слѣдствія, такъ что сравни-

1) „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи, Москва, 1799, стр. 41—43.

2) Троицкій списокъ, статья 33.

3) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 257.

тельно небольшое надо изменить въ его взглядахъ, но относительно этой общей формулы необходимо сказать, что ни въ одномъ процессѣ не было соединенія въ одно время и допроса свидѣтелей, и испытанія желѣзомъ, и испытанія водой, и клятвы. Смысль этого замѣчанія будетъ вполне ясенъ изъ дальнѣйшаго изложенія, при которомъ мы будемъ держаться того же порядка, какой соблюдали при изученіи состава слѣдствія.

При побояхъ до синяковъ и крови судъ состоитъ въ томъ, что судьи свидѣтельствовали истца, убѣждались, что синяки и кровь дѣйствительно были на его тѣлѣ. Затѣмъ произносился приговоръ ¹⁾. Ни допроса свидѣтелей, ни допроса отвѣтчика, ни испытанія желѣзомъ и водой, ни, наконецъ, клятвы тутъ не требовалось. Поклепа при этомъ также не могло быть.

Судъ по преступленіямъ противъ здоровья и чести, по тѣмъ дѣламъ объ убійствѣ, въ которыхъ отвѣтчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, наконецъ при татѣбѣ, если опять-таки были очевидцы ея, состоялъ только въ допросѣ истца и свидѣтелей-очевидцевъ, которые должны были дать показаніе «слово противу слова», то-есть, вполне согласно между собою и съ показаніемъ истца ²⁾.

Мы не будемъ здѣсь приводить подлиннаго текста относящихся сюда статей источника: это уже сдѣлано нами при обзорѣ слѣдствія по этимъ преступленіямъ, куда и отсылаемъ читателя. Тамъ же доказано, что свидѣтелей въ этихъ дѣлахъ всегда выставлялъ только обвинитель, истецъ, а не отвѣтчикъ. Это очень важно, такъ какъ указываетъ, что показанія свидѣтелей-очевидцевъ не могли быть оспариваемы, и что отвѣтчика даже и не допрашивали при судоговореніи по этимъ дѣламъ. Какъ было уже указано, въ одномъ случаѣ, именно при оскорбленіи, нанесенномъ варягу или колбягу, могло не быть свидѣтелей; истецъ шелъ на роту, присягой утверждалъ справедливость своего обвиненія, и эта присяга, повидимому, тоже считалась доказательствомъ, безусловно внушавшимъ довѣріе и спору не подлежащимъ ³⁾. Итакъ судъ по означеннымъ дѣламъ состоялъ въ показаніяхъ истца, въ показаніяхъ свидѣтелей, въ одномъ случаѣ замѣнявшихся присягой истца, и въ произнесеніи приговора.

Когда скрывшагося холопа находили до истеченія трехъ дней послѣ объявленія на торгу, тогда и суда совѣмъ не было, такъ какъ и преступленія не было: продажа не платилась, а хозяинъ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 25.

холопа просто брать его себѣ ¹⁾). Но при находкѣ какой-либо другой краденой вещи или при находкѣ холопа, если послѣ объявленія о его бѣгствѣ прошло болѣе трехъ дней, истецъ удостовѣрялъ на судѣ фактъ находки ихъ у даннаго лица и фактъ своего объявленія на торгу, вѣроятно, показаніемъ свидѣтелей, ссылаясь при этомъ на то, что отвѣтчикъ не указывалъ на покупку имъ спорной вещи или холопа ²⁾). Послѣ этого слѣдовалъ судебный приговоръ. Опять не встрѣчаемся съ оспариваніемъ доказательствъ истца со стороны отвѣтчика.

Въ случаѣ свода, дѣло не мѣнялось: сводъ—актъ внѣ-судебный и на судѣ представлялся только конечный тать. Точно также, когда результатомъ слѣдствія было отысканіе татя по слѣдамъ, судоговореніе не отличалось сложностью: «чужіе люди», «послухи», шедшіе по слѣду вмѣстѣ съ истцомъ, удостовѣряли, что слѣдъ привелъ къ извѣстному мѣсту; затѣмъ слѣдовало судебное рѣшеніе ³⁾).

Нѣсколько сложнѣе былъ судъ при поклепѣ: сначала выслушивалось показаніе истца; затѣмъ слѣдовалъ допросъ свидѣтелей «запы», то-есть, лицъ, свидѣтельствующихъ о второстепенныхъ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе ⁴⁾); эти свидѣтели «запы» выставялись истцомъ; далѣе отвѣтчикъ представлялъ семь или, если онъ былъ варягъ или колбягъ, двухъ свидѣтелей своего добраго поведенія, «послуховъ» ⁵⁾), или, если таковыхъ не находилось, подвергался испытанію желѣзомъ — при убійствѣ и разныхъ видахъ татбы, если искъ въ послѣднемъ случаѣ былъ не ниже, чѣмъ на полугривну золота, — испытанію водой—при татбѣ выше 2 гривенъ кунъ, но ниже полугривны золота, — или, наконецъ, долженъ былъ присягать—при татбѣ на сумму ниже двухъ гривенъ кунъ. Мы ограничиваемся и здѣсь простыми ссылками на относящіяся сюда статьи Русской Правды, такъ какъ всѣ онѣ уже цитировались выше. Приведемъ только одну статью, которая подтверждаетъ сказанное объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой и о присягѣ: «искавшие ли послуха не налѣзутъ, а істця начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ въ татбѣ — и въ поклепѣ, оже не будетъ лица,—то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полу-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 26.

²⁾ Тамъ же, статья 26 и 28.

³⁾ Тамъ же, статья 70.

⁴⁾ Тамъ же, статья 82.

⁵⁾ Тамъ же, статья 15.

гривны золота; оже ли менѣ, то на воду, оли то до двухъ гривень, аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ кунѣ¹⁾.

Итакъ, одинъ только видъ судебныхъ доказательствъ подвергался оспариванію противной стороны: показаніе свидѣтелей, указывающихъ на обстоятельства, которыя наводятъ на подозрѣніе. Это и понятно: такіе свидѣтели, даже въ тѣ времена формальнаго отношенія къ судебнымъ доказательствамъ, не могли внушить безусловное довѣріе. Мы познакомимся съ взглядами на этотъ вопросъ при подробномъ разборѣ отдѣльныхъ видовъ судебныхъ доказательствъ.

Въ чемъ состоялъ судъ по гражданскимъ дѣламъ? При искѣ о нарушеніи правъ наслѣдниковъ и опекаемыхъ, о растратѣ ихъ имущества опекуномъ, истцы представляли на судъ послуховъ, при которыхъ сдано было имѣніе опекуну: объ этомъ свидѣтельствуя подлинныя слова Русской Правды: «на неже и людіе выльзуть»²⁾. Задачи суда заключались такимъ образомъ въ томъ, чтобы выслушать показанія этихъ послуховъ и постановить приговоръ. Никакихъ возраженій отвѣтчикъ дѣлать не могъ, ему не принадлежало право выставлять свои доказательства противъ доказательствъ, представленныхъ истцомъ. Вполнѣ вѣрно такимъ образомъ понималъ составъ судебного разбирательства по гражданскимъ спорамъ о наслѣдствѣ Калачовъ³⁾.

Гражданскія тяжбы, вытекавшія изъ нарушенія договора купли-продажи, въ отношеніи состава судоговоренія о нихъ не могутъ быть подведены всѣ подъ одну норму. При искѣ о покупкѣ краденаго по невѣднію отвѣтчикъ долженъ былъ удостовѣрить фактъ этой покупки ссылкой на двухъ свободныхъ послуховъ или мытника⁴⁾: весь судъ, слѣдовательно, и состоялъ въ ихъ опросѣ. Другое дѣло—искъ о покупкѣ по невѣднію бѣжавшаго отъ своего господина или уведеннаго другимъ лицомъ холопа. Здѣсь, кромѣ, вѣроятно, свидѣтельскихъ показаній, удостовѣрявшихъ фактъ покупки, требовалась присяга отвѣтника въ томъ, что эта покупка сдѣлана имъ по невѣднію⁵⁾. Общей признакъ, характеризующій судебное разбирательство по дѣламъ, возникшимъ изъ договора купли-продажи, заключается въ томъ, что обязанность представлять доказательства лежала на отвѣтчикѣ: съ подобнымъ явленіемъ въ уголовномъ процессѣ мы встрѣтились только одинъ

1) Тамъ же, статья 17.

2) Тамъ же, статья 97.

3) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

4) Троицкій списокъ, статья 32.

5) Тамъ же, статья 112.

разъ—при поклепѣ, да и то истецъ тамъ также представлялъ свои доказательства. Впрочемъ, все-таки въ данномъ случаѣ много сходнаго съ поклепомъ: вѣдь и здѣсь вслѣдствіе находки вещи или холопа у отвѣтчика на него падало подозрѣніе въ преступленіи; онъ очищался отъ него клятвой, не прибѣгая къ свидѣтелямъ о его добромъ поведеніи,—въ этомъ все отличіе отъ процесса при поклепѣ въ уголовныхъ дѣлахъ.

При отказѣ въ платежѣ долга истецъ долженъ выставить въ доказательство справедливости своихъ претензій послуховъ ¹⁾; только при спорѣ о займѣ ниже 3 гривенъ кунъ ²⁾ очищался отъ обвиненія отвѣтчикъ—посредствомъ присяги. Одна только присяга отвѣтчика необходима была и тогда, когда отдавшій вещь на храненіе обвинялъ хранившаго ее, что онъ похитилъ часть хранимаго имущества ³⁾; за этой присягой слѣдовалъ приговоръ. Тотъ же порядокъ судоговоренія существовалъ и при тяжбахъ, возникшимъ между членами коммандитныхъ товариществъ ⁴⁾.

Въ другихъ гражданскихъ правонарушеніяхъ обязанность представлять доказательства лежала или на истцѣ—и въ этомъ случаѣ доказательства состояли, вѣроятно, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ—или на отвѣтчикѣ—и тогда доказательствомъ была присяга. Первое, надо думать, имѣло мѣсто при порчѣ чужого имѣнія ⁵⁾, при тяжбахъ объ убыткахъ, причиненныхъ хозяину закупомъ ⁶⁾, при искѣ о помощи бѣглому холопу ⁷⁾, какъ и объ его упущеніи ⁸⁾, при кражѣ, совершенной холопомъ ⁹⁾. Второе, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуется Русская Правда, примѣнялось тогда, когда кто-либо, встрѣтивъ бѣлаго холопа и не зная, что онъ бѣглый, покажетъ ему дорогу или будетъ держать у себя: «аже кто, не вѣдая, чюжь холопъ оусрячетъ или повѣсть дѣть, любо держитъ и оу себе, а идетъ отъ него, то *ити ему ротъ*, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть» ¹⁰⁾.

Такимъ образомъ ходъ судебного разбирательства по гражданскимъ дѣламъ сводился къ двумъ типамъ: въ большинствѣ случаевъ судъ состоялъ въ опросѣ свидѣтелей, представленныхъ

¹⁾ Тамъ же, статьи 43, 46, 47.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 47.

³⁾ Тамъ же, статья 45.

⁴⁾ Тамъ же, статья 44.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 17.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статьи 53, 54.

⁷⁾ Тамъ же, статья 106.

⁸⁾ Тамъ же, статья 107.

⁹⁾ Тамъ же, статьи 42, 56, 115.

¹⁰⁾ Тамъ же, статья 109.

истцомъ, и произнесеніи приговора, менѣе часто въ допросѣ сторонъ, присягѣ отвѣтчика и судебномъ рѣшеніи. Калачовъ ¹⁾ и г. Дювернуа ²⁾ поэтому въ общемъ вѣрно понимали ходъ гражданскаго процесса по Русской Правдѣ, но никакъ нельзя согласиться съ г. Стефановскимъ, который утверждаетъ, что послуховъ въ гражданскихъ тяжбахъ выставляли обѣ стороны, но присягали послухи той стороны, которой выпалъ жребій ³⁾: ни одно слово источника не подтверждаетъ этого предположенія.

IV.

Перейдемъ теперь къ подробному разбору отдѣльныхъ судебныхъ доказательствъ. Прежде всего—о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пространство примѣненія этого судебного доказательства было весьма обширно. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Пахманъ ⁴⁾ и Ланге ⁵⁾, хотя и не отвергаютъ этого, однако выдвигаютъ на первый планъ еще сознаніе отвѣтчика. Выше было подробно указано, въ какихъ дѣлахъ примѣнялись свидѣтельскія показанія. Поэтому мы повторимъ только вкратцѣ тѣ выводы, въ которомъ мы пришли, и которые, за немногими исключеніями, сдѣланы еще въ предшествующей литературѣ о Русской Правдѣ. Свидѣтельскія показанія употреблялись при разборѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ здоровья и чести (кромѣ побоевъ до синяковъ и крови), объ убійствѣ и всѣхъ видахъ татбы, будетъ ли обвиненіе въ поклепѣ или нѣтъ; свидѣтелями разрѣшались и гражданскіе иски о нарушеніи правъ наследниковъ и опекаемыхъ; во всѣхъ тяжбахъ, вытекавшихъ изъ договора купли-продажи, также участвовали свидѣтели; то же надо сказать и объ искахъ, происходившихъ отъ нарушенія заемныхъ обязательствъ, за исключеніемъ займа на сумму меньше 3 гривенъ кунъ, наконецъ, и о многихъ другихъ гражданскихъ тяжбахъ—по поводу порчи чужихъ вещей, объ убыткахъ, причиненныхъ хозяину закупомъ, о помощи бѣглому холопу, о его упушеніи и о кражѣ, совершенной холопомъ.

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

²⁾ Источникъ права и судъ въ древней Россіи, стр. 179—182.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1873 г., мартъ, стр. 49.

⁴⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. Москва 1851 г., стр. 18, 37.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 264.

Но значеніе и характеръ свидѣтелей въ разныхъ судебныхъ дѣлахъ, только что перечисленныхъ, не были одинаковы. По этому поводу высказанъ рядъ мнѣній, во многомъ различныхъ между собою. По мнѣнію Попова ¹⁾ и г. Пахмана ²⁾, въ краткой Правдѣ говорится только о видокахъ, то-есть, очевидцахъ, въ пространной же встрѣчаются также послухи, то-есть, свидѣтели по слуху; по г. Демченко, въ Русской Правдѣ было три рода свидѣтелей: во-первыхъ, видоки — при личныхъ обидахъ, ихъ очевидцы: во-вторыхъ, послухи — по дѣламъ, вытекающимъ изъ договоровъ; они являлись на судъ по приглашенію контрагентовъ «слушались» ихъ приглашенія, откуда и происходитъ слово «послухъ»; в-третьихъ, свидѣтели особаго рода, соприсяжники, которыхъ выставлялъ отвѣтчикъ при поклепѣ ³⁾. Ланге въ послухахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Русской Правды видѣлъ понятыхъ: такъ было при отысканіи слѣдовъ въ дѣлахъ о татѣбѣ; въ другомъ случаѣ—именно въ дѣлахъ при поклепѣ—послухи являются въ значеніи свидѣтелей добраго поведенія и выставляются отвѣтчикомъ; послѣднее Ланге доказывалъ слѣдующимъ образомъ: истцомъ въ 15—17 статьяхъ Троицкаго списка названъ тотъ, кто искалъ послуха, то-есть, кого клепали, отвѣтчикъ, такъ какъ подъ словомъ «имъ» разумѣются тѣ, кто «послуха не налѣзуть», въ выраженіяхъ «дати ему желѣзо», «ротѣ ему ити» говорится объ отвѣтчикѣ, поэтому и «дати ~~имъ~~ правду желѣзо» = отвѣтчикамъ; слѣдовательно, послуховъ выставляли въ данномъ случаѣ отвѣтчики ⁴⁾. Много вниманія вопросу о послухахъ посвятилъ г. Дювернуа: они не были, по его мнѣнію, обыкновенными свидѣтелями, а содѣйствовали сторонамъ; доказательство: въ Ипатьевской лѣтописи князь Мстиславъ названъ «послухомъ добрымъ, который не рушить, а утверждаетъ уставъ брата»; послухи должны были давать силу праву, почему для нихъ необходимо было знать его, быть «свѣдѣтелями» (отъ «вѣдать»); такъ какъ знать право могъ лишь свободный человекъ, то холопы не бывали послухами; терминъ «послухъ» произошелъ отъ выраженія «слаться на кого-либо»; вѣроятно, чѣмъ больше было послуховъ, тѣмъ лучше, такъ что цифры 7 и 2 минимальны; изъ

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 107.

²⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 49.

³⁾ Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, какъ доказательствѣ по дѣламъ судебнымъ, по русскому праву до Петра Великаго. Кіевъ, 1859 г., стр. 7—19.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 250.

Русской Правды также видно настоящее значеніе послуховъ: такъ въ 70-й статьѣ Троицкаго списка послухи—не тѣ, кто слышалъ о преступленіи, не свидѣтели по слуху: съ ними гонять слѣдъ, такъ что ясно, что на нихъ шлется лицо, которое гонить слѣдъ; г. Дювернуа ограничиваетъ пространство примѣненія доказательства посредствомъ послуховъ дѣлами о договорахъ¹⁾. Г. Стефановскій считаетъ послуховъ судьями—посредниками, рѣшавшими подъ присягой гражданскія дѣла²⁾. Г. Сергѣевичъ присоединяется къ мнѣнію Ланге о послухахъ какъ свидѣтеляхъ добраго поведенія обвиняемаго³⁾. Наконецъ, мнѣніе г. Дювернуа принято г. Владимірскимъ-Будановымъ, который повторяетъ ошибку Ланге, утверждая, что въ 24-й статьѣ Карамзинскаго списка (въ 23-й Троицкаго) говорится о выставленіи свидѣтелей обѣими сторонами, то-есть, и отвѣтчикомъ⁴⁾, тогда какъ, — на чтò было указано выше,—въ этой статьѣ рѣчь идетъ о двухъ различныхъ обвиненіяхъ, и при обоихъ свидѣтелей выставлялъ истецъ; притомъ никакъ нельзя признать, что здѣсь имѣлись въ виду послухи: въ данномъ случаѣ необходимы были видоки, свидѣтели-очевидцы.

Текстъ нашего источника даетъ основаніе различать лишь два вида свидѣтелей: видоковъ, которые, несомнѣнно и согласно общему мнѣнію, были очевидцами преступленія и употреблялись только при уголовныхъ дѣлахъ, и послуховъ, на которыхъ—здѣсь вполнѣ правъ г. Дювернуа—«слалась», ссылалась одна изъ сторонъ для подтвержденія своихъ показаній: для удостовѣренія факта совершенія какого-либо договора, для свидѣтельства о находкѣ слѣдовъ преступленія, наконецъ, о добромъ поведеніи обвиняемаго. Отличительной чертой доказательства посредствомъ видоковъ было представленіе ихъ всегда истцомъ; послухи же только при свидѣтельствѣ объ отысканіи преступника по слѣду выставлялись истцомъ, а въ прочихъ случаяхъ ихъ выводилъ отвѣтчикъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній принимать послуховъ въ смыслѣ свидѣтелей по слуху, какъ это дѣлаютъ Поповъ и г. Пахманъ, или въ значеніи судей-посредниковъ, какъ у г. Стефановскаго. Мы не приводимъ здѣсь ни подлинныхъ словъ Русской Правды, ни даже

1) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 100—103, 193, 194.

2) Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1873 годъ, мартъ, стр. 27—30.

3) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 370 и сл.

4) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 261.

ссылку на ея статьи въ подтвержденіе нашего объясненія, такъ какъ все это было уже сдѣлано въ своемъ мѣстѣ.

Русская Правда признавала способность къ свидѣтельству не за всѣми физическими лицами; для того, чтобы быть свидѣтелемъ, требовалось соединеніе извѣстныхъ условій. Калачовъ считалъ такимъ непремѣннымъ условіемъ свободное состояніе; лишь по нуждѣ можно было сослаться на боярскаго тиуна двороваго и на закупа¹⁾. Съ этимъ согласны гг. Дювернуа²⁾ и Владимірскій-Будановъ³⁾. Нѣсколько иначе смотритъ на этотъ вопросъ г. Пахманъ: онъ считаетъ необходимымъ для свидѣтельства не только свободное состояніе, но и знаніе о событіи и нравственность: необходимость послѣдняго свойства подтверждается, по его мнѣнію, названіемъ свидѣтелей Русской Правды «*добрыми людьми*»⁴⁾. Къ г. Пахману вполне присоединяется г. Демченко⁵⁾.

Текстъ нашего источника, дѣйствительно, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что для того, чтобы быть свидѣтелемъ, надо было быть свободнымъ. Притомъ это условіе было одинаково необходимо и для свидѣтелей-видоковъ и для свидѣтелей-послуховъ. Послухами могли быть только свободные люди: «паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть *свободна мужа* два»⁶⁾, здѣсь рѣчь идетъ, несомнѣнно, о послухахъ, такъ какъ именно этотъ родъ свидѣтелей употреблялся при заключеніи договоровъ, а здѣсь говорится о свидѣтеляхъ при куплѣ—продажѣ. «А послушства на холопа не складають; но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложить на закупа»⁷⁾; мы думаемъ, что въ этой статьѣ говорится о свидѣтеляхъ-видокахъ, такъ какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, независимо отъ суммы иска, необходимы были только свободныя лица, и только при займѣ ниже 3 гривенъ кунъ ихъ не требовалось, но за то не нужно было и несвободныхъ, а началась присяга; свободныхъ послуховъ для отысканія преступника по слѣдамъ не трудно было найти: «нужи» тутъ быть не

1) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статьи CXVII.

2) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 101.

3) Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 261.

4) О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 48, 49, 50, 54, 55.

5) Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, стр. 23—28.

6) Троицкій списокъ, статья 32.

7) Тамъ же, статья 59.

могло; наконецъ, нельзя и предположить, чтобы, даже въ видѣ исключенія, несвободныя или не вполне свободныя лица свидѣтельствовали когда-либо о добромъ поведеніи обвиняемаго. Что и видоками не могли быть холопы,—это ясно еще изъ слѣдующей статьи: «ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ, или имѣть и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое, не обвинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопыи рѣчи ялъ и»¹⁾). Пониманіе этой статьи въ значительной степени облегчится, если мы уяснимъ себѣ смыслъ выраженія «на правду не вылазити». Г. Мрочекъ-Дроздовскій говоритъ, что «словомъ *правда* наши предки выражали какъ самое понятіе права, такъ и всѣ его проявленія: въ поступкахъ ли людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ дѣятельности ли власти: въ судѣ или въ письменныхъ актахъ,—договорѣ, законѣ; поэтому слово «*правда*» употреблялось, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, 1) въ значеніи права вообще, 2) въ значеніи присяги, 3) договора, закона, 4) суда, 5) суднаго закона, судбника²⁾). Не рѣшая общаго вопроса о значеніи слова «*правда*» въ древне-русскомъ языкѣ, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что въ Русской Правдѣ это слово можно понимать только въ двухъ значеніяхъ: во-первыхъ, оно значитъ *право*, какъ совокупность господствующихъ юридическихъ обычаевъ, княжескихъ уставовъ и судебныхъ рѣшеній: въ такомъ смыслѣ оно употреблено, напримѣръ, въ заглавіи источника—«*Правда Русьская*»; но между правомъ и судомъ была въ то время такая тѣсная связь и такое взаимное вліяніе, что иногда судебное рѣшеніе приобрѣтало значеніе общей юридической нормы: понятія о законѣ и судебной практикѣ еще не были раздѣлены, сливались; отсюда, во-вторыхъ, словомъ «*правда*» означался въ нашемъ памятникѣ судъ; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно встрѣчается въ Русской Правдѣ три раза: «искаше ли послуха не налѣзуть, а истьца начнетъ головою клепати, тогда *дати имъ правду желъзо*»³⁾), то-есть, «*дать имъ судъ* посредствомъ испытанія желѣзомъ»; «аже закупь... къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина: то про то не робять его, но *дати емоу правдоу*»⁴⁾), очевидно, «дать ему управу,

1) Тамъ же, статья 81.

2) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. 2.

3) Троицкій списокъ, статья 17.

4) Тамъ же, статья 52.

судъ»; наконецъ, въ томъ же значеніи надо понимать слово «правда» и въ разбираемой статьѣ: «холопу на правду не вылазити» — «холопу не являться на судъ». Итакъ, если свидѣтелемъ-очевидцемъ былъ холопъ, то онъ не являлся на судъ, не могъ имѣть на немъ значенія очевидца преступленія; его показаніе имѣло лишь такую силу, какой обладали показанія свободныхъ людей, знавшихъ объ обстоятельствахъ побочныхъ, второстепенныхъ: оно внушало лишь подозрѣніе, и то только въ томъ случаѣ, если истецъ отъ себя обвинялъ отвѣтчика, отъ своего имени требовалъ испытанія желѣзомъ: «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ».

Такимъ образомъ всѣ свидѣтели—и видоки и послухи—должны быть свободными, послухи всегда, видоки же почти всегда: только въ крайности можно было сослаться на холопа высшаго ранга— боярскаго тиуна дворскаго,—а въ небольшомъ дѣлѣ очевидцемъ признавался полусвободный—закупъ, лицо юридически почти полноправное, но экономически зависимое; обыкновенный холопъ могъ выступить только въ значеніи свидѣтеля, наводящаго на подозрѣніе, и то при двухъ условіяхъ: если онъ былъ очевидцемъ преступленія, и если истецъ выводилъ его отъ своего имени. Мы думаемъ, что свидѣтельство холопа объ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе, никогда не принималось во вниманіе: вѣдь въ 82-й статьѣ говорится только объ обвиненіи «по свободныхъ люди рѣчи».

Въ какомъ смыслѣ надо понимать другое необходимое для свидѣтеля условіе, указываемое гг. Пахманомъ и Демченкомъ,—знаніе о событіи,—это, думаемъ, ясно изъ предыдущаго: видоки должны были непосредственно знать о событіи, послухи знать о договорѣ или знать хорошо жизнь и личность обвиняемаго.

На третье условіе—нравственность—нашъ источникъ содержитъ только одно указаніе, состоящее въ эпитетѣ *добрые* люди, да и то указаніе это встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ, притомъ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды¹⁾. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что это условіе, по крайней мѣрѣ при послушествахъ всегда требовалось.

Мы уже указывали въ предшествующемъ изложеніи на безусловное довѣріе къ свидѣтельскимъ показаніямъ и на невозможность ихъ оспаривать. Въ этомъ отношеніи совершенно правы

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, статья LXVIII.

Линовскій ¹⁾ и г. Пахманъ ²⁾, возраженія же Попова ³⁾, Ланге ⁴⁾ и г. Дювернуа ⁵⁾ относятся лишь къ процессу при клептѣ, когда противъ свидѣтелей въ пользу подозрѣнія, а не противъ видоковъ и послуховъ въ собственномъ смыслѣ, обвиняемый выставялъ свидѣтелей своего добраго поведенія, или основаны на неправильномъ толкованіи 23-й статьи Троицкаго списка, о чемъ было уже говорено выше. Однако безусловная сила свидѣтельскихъ показаній признавалась лишь тогда, когда было на лицо достаточное число свидѣтелей: о послухахъ извѣстно, что ихъ должно быть не меньше семи, если это были свидѣтели добраго поведенія (о варягѣ 2) ⁶⁾, и не меньше двухъ—при договорахъ ⁷⁾. Это справедливое замѣчаніе принадлежитъ г. Пахману ⁸⁾; г. Демченко указываетъ еще на необходимость присяги свидѣтелей и ихъ единогласія ⁹⁾.

Немаловажное значеніе имѣли во времена Русской Правды и другія судебныя доказательства. Таковы, напримѣръ, были испытанія желѣзомъ и водой. Первое изъ нихъ употреблялось, по мнѣнію Попова ¹⁰⁾ и Калачова ¹¹⁾, при всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ, гдѣ сумма иска превышала полгривну золота, по г. Пахману же ¹²⁾ и Ланге ¹³⁾, только при искахъ объ убійствѣ и воровствѣ. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что ближе къ истинѣ послѣдній взглядъ; къ нему слѣдуетъ сдѣлать только одну поправку: испытаніе желѣзомъ примѣнялось не только при воровствѣ, но при судоговореніи вообще обо всѣхъ преступленіяхъ противъ правъ собственности: всѣ они обозначались въ Русской Правдѣ общимъ терминомъ «татьяба». Примѣненіе испытанія во-

¹⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, Одесса, 1849, стр. 8.

²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 24, 25.

³⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 109, 110.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 228, 240, 251, 258.

⁵⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 184, 185, 186.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 15.

⁷⁾ Тамъ же, статья 32.

⁸⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 58, 61.

⁹⁾ Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, стр. 46, 49, 52, 53.

¹⁰⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 115.

¹¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, гл. IV, объясненіе статьи СХVII.

¹²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 74.

¹³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 239, 250.

дой Поповъ распространилъ также на всѣ дѣла ¹⁾, г. Пахманъ ограничиваетъ его разборомъ дѣлъ объ убійствѣ и воровствѣ ²⁾, но правъ только одинъ Ланге: онъ думаетъ, что испытаніе водой употреблялось лишь при татѣбѣ ³⁾; только татѣбу надо понимать опять въ обширномъ смыслѣ.

Условіемъ примѣненія обоихъ испытаній былъ, по справедливому замѣчанію Ланге, поклепъ ⁴⁾.

Выше, когда шла рѣчь о ходѣ судебного разбирательства, было доказано, что испытаніямъ желѣзомъ и водой подвергался всегда отвѣтчикъ. Этотъ взглядъ впервые былъ высказанъ Ланге ⁵⁾. Напротивъ г. Пахманъ безъ всякихъ основаній утверждаетъ, что иногда подвергался испытаніямъ не отвѣтчикъ, а истецъ, именно при отсутствіи доказательствъ подтверждающихъ справедливость иска или обвиненія ⁶⁾.

Всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что разбираемый нами видъ судебныхъ доказательствъ имѣлъ значеніе Суда Божія, ордалін. Въ этомъ и не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ изъ Русской Правды видно ⁷⁾, что испытаніемъ желѣзомъ и водой обвиняемый очищалъ себя отъ подозрѣнія. Одинокое стоитъ поэтому ошибочное мнѣніе Бѣляева, считавшаго оба испытанія не судебнымъ доказательствомъ, а пыткой ⁸⁾.

Способъ выполненія испытаній желѣзомъ и водой въ подробностяхъ не извѣстенъ, но повидимому обвинялся тотъ, у кого остались по истеченіи нѣкотораго времени послѣ испытанія знаки отъ обжога: тотъ, у кого слѣды обжога заживали, оправдывался. Это видно изъ слѣдующихъ словъ 82-й статьи Троицкаго списка: «или кимъ либо образомъ оже не ожъжется, то про муки не платити ему».

Остается разобрать послѣдній видъ судебныхъ доказательствъ, употреблявшихся во времена Русской Правды,—мы говоримъ о ротѣ, то-есть, клятвѣ или присягѣ. Относительно пространства ея примѣненія всѣ согласны только въ одномъ, — она широко примѣнялась въ гражданскихъ тяжбахъ, но далѣе начинается разногласіе. Г. Пахманъ настаиваетъ на томъ, что присяга до-

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 115.

²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 74.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 263, 239.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 239, 250, 263.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 250.

⁶⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 75.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статьи 17 и 82.

⁸⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 206.

пускалась и въ дѣлахъ уголовныхъ, именно, при татѣбѣ, если нѣтъ полицнаго и свидѣтелей, а цѣна иска менѣе 2 гривенъ кунъ, при искахъ о личныхъ обидахъ, когда присягали иностранцы, наконецъ, какъ видно изъ статьи «объ урокахъ ротныхъ» (Троицкій списокъ статья 101), при уголовныхъ дѣлахъ («отъ головы»), при тяжбахъ о ролейной и бортной землѣ и объ отпущеніи на волю рабовъ¹⁾. По Ланге, присяга примѣнялась въ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ былъ поклепъ, и сумма иска не превышала 2 гривенъ кунъ; кромѣ того варягъ и колбягъ доказывали клятвой свой искъ объ увѣчьяхъ, ранахъ и побояхъ²⁾. Г. Стефановскій совершенно отрицаетъ примѣненіе присяги въ уголовныхъ дѣлахъ; доказываетъ онъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: присяга бывала только при искахъ менѣе 2 гривенъ кунъ, а искъ объ убійствѣ цѣнился выше; выраженіе «отъ головы» въ статьѣ «объ урокахъ ротныхъ» не можетъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Пахмана, такъ какъ «рота» = «споръ, битва, состязаніе», значитъ, уроки ротные — пошлины при рѣшеніи споровъ; затѣмъ въ Русской Правдѣ прямо сказано, что важнѣйшія преступленія судятся послухами и испытаніемъ желѣзомъ; наконецъ, и въ позднѣйшихъ памятникахъ права присяга и поединокъ — отличительныя особенности гражданскаго процесса³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что замѣчанія Ланге и г. Пахмана основаны на прямыхъ свидѣтельствахъ источника и должны быть приняты. Требуется только объясненій статья «оуроци ротнии»: прежде всего странно, что въ этой статьѣ сказано «отъ головы»; вѣдь несомнѣнно, что рота въ качествѣ судебного доказательства употреблялась не при убійствѣ, а при «всѣхъ тяжбахъ въ татѣбѣ», то-есть, при всѣхъ имущественныхъ преступленіяхъ, притомъ такихъ, въ которыхъ сумма иска была ниже 2 гривенъ кунъ; остается предположить, что тутъ рѣчь идетъ не о ротѣ — судебномъ доказательствѣ, а о пошлинѣ съ присяги, приносимой свидѣтелями въ процессѣ при убійствѣ; впрочемъ не разумѣется ли тутъ искъ варяга и колбяга о преступленіи противъ ихъ чести и здоровья? онъ вѣдь тоже подтверждался присягой; одно сильно противорѣчитъ такому предположенію: едва ли подъ словомъ «голова» подразумѣвались вообще уголовныя преступленія, а не одно только убійство. Нисколько не

¹⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 94, 95.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 263, 264 и др.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства, „Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1873 г., мартъ, стр. 51—53.

удивительно, что далѣе говорится о бортной и ролейной землѣ: вѣроятно, при искахъ о перегораживаніи ихъ тыномъ и пр., о срубкѣ борти и т. д. если они съ точки зрѣнія частнаго ущерба цѣнились не выше 2 гривенъ кунъ, употреблялась присяга отвѣтчика, разумѣется, если онъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; слова «отъ свободы 9 кунъ» указываютъ на то, что при отпускѣ холопа на волю платился тоже «урокъ ротный»: очевидно, этотъ гражданскій актъ закрѣплялся также присягой. Всѣ возраженія г. Стефановскаго противъ мнѣнія о примѣненіи присяги въ уголовныхъ дѣлахъ не выдерживаютъ критики: первое — о предѣльной суммѣ иска — заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину, но указываетъ только на непримѣнимость присяги, какъ судебного доказательства, при разборѣ дѣлъ объ убійствѣ, а не обо всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ; толкованіе слова «рота» произвольно и невѣрно; примѣненіе въ уголовныхъ дѣлахъ испытаній желѣзомъ и водой еще не исключаетъ такого же примѣненія присяги; наконецъ, указанія на позднѣйшее право, хотя бы они и были вѣрны, сами по себѣ ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что свидѣтельства изучаемаго памятника даютъ весьма ясныя указанія въ смыслѣ противоположномъ взгляду г. Стефановскаго.

V.

Чтобы заключить рѣчь о процессѣ, намъ остается сказать объ исполненіи судебного рѣшенія и общемъ характерѣ процесса по Русской Правдѣ.

Исполненіе приговора, по словамъ г. Дювернуа, часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ можетъ «бить его развязавше»¹⁾, несостоятельнаго должника кредиторъ самъ уводитъ домой или на торгъ для продажи²⁾, спорную вещь собственникъ самъ беретъ у отвѣтчика³⁾. Власть лишь содѣйствовала («кому помогутъ» Троицкій списокъ, статья 99). По 79-й статьѣ Троицкаго списка⁴⁾ впередъ взыскивался вредъ, причиненный дѣйствіемъ лица, а потомъ уже это лицо подвергалось уголовнымъ послѣдствіямъ своего преступленія⁵⁾. По мнѣнію г. Пихно, взысканіе производилъ самъ истецъ: онъ ссылается при этомъ на статьи о сводѣ и возвращеніи краденаго его соб-

1) Троицкій списокъ, статья 58.

2) Тамъ же, статьи 50, 51.

3) Тамъ же, статья 27.

4) „*преди* пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і“.

5) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 202, 203.

ствѣннику (27, 29, 30, 32 и 34 статьи Карамзинскаго списка); если истецъ самъ не могъ справиться, то приглашалъ за плату частныхъ лицъ себѣ на помощь, какъ видно изъ статьи о «переемѣ» бѣглаго холопа и платежѣ за это «переемной» гривны (124 статья Карамзинскаго списка); лишь если они не помогутъ, вмѣшивался дѣтскій (см. 118 статью Карамзинскаго списка ¹⁾).

Текстъ источника подтверждаетъ мнѣніе объ исполненіи судебного рѣшенія самимъ истцомъ: кромѣ того, на что указываетъ г. Дювернуа,—г. Пихно напрасно ссылается на статьи о сводѣ: въ нихъ рѣчь идетъ о слѣдствіи, а не объ исполненіи приговора—можно отмѣтить, для времени Ярослава, мечь: она несомнѣнно совершалась самимъ истцомъ; въ томъ убѣждаютъ такія выраженія, какъ «мстити брату брата, любо отцю, ли сыну» и пр. ²⁾; «оже ли себе не можетъ мстити» ³⁾; «чада смирять» ⁴⁾. Но въ то же время замѣтно, что мечь совершалась подъ наблюденіемъ судебной власти; не даромъ ей предшествовалъ судъ, да и Янъ велѣлъ при себѣ мстити волхвамъ, задержаннымъ на Бѣлоозерѣ. Вообще не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значеніе истца при исполненіи приговора: не выигравшій дѣло истецъ (или отвѣтчикъ), а князь подвергалъ преступника потоку и разграбленію, князь же и его органы взыскивали поступавшія въ княжескую казну виры и продажи. Такимъ образомъ исполненіе уголовныхъ наказаній лежало на органахъ судебной власти; такъ какъ нельзя предположить, чтобы и въ гражданскихъ тяжбахъ не было содѣйствія общественной власти, то, вѣроятно, и частныя взысканія производились ею же: это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ вѣрно отмѣтилъ г. Дювернуа, уголовному наказанію предшествовало возмѣщеніе вреда, причиненнаго частному лицу.

Обращаясь къ общей характеристикѣ процесса Русской Правды, мы должны отмѣтить одну въ высокой степени любопытную черту его—сильный формализмъ. Эта особенность отчасти подмѣчена была еще Линовскимъ ⁵⁾ и г. Пахманомъ ⁶⁾, которые указывали на формальное отношеніе къ судебнымъ доказательствамъ, на бе-

¹⁾ Историческій очеркъ мѣръ гражданскихъ взысканій по русскому праву, Кіевъ, 1874, стр. 7, 8.

²⁾ Академическій списокъ, статья 1; Троицкій списокъ, статья 1.

³⁾ Академическій списокъ, статья 2.

⁴⁾ Тамъ же, статья 5.

⁵⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, стр. 8.

⁶⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 24, 25, 26.

зусловное къ нимъ довѣріе, если выполнена была извѣстная форма. Въ недавнее время любопытный очеркъ посвятилъ этому вопросу г. П. Бѣляевъ. Онъ не ограничивается повтореніемъ старыхъ указаній на формальное отношеніе къ доказательствамъ въ Русской Правдѣ, но отмѣчаетъ еще необходимость произнесенія тяжущимися извѣстныхъ формулъ: «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ», «вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ», «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ»; затѣмъ г. Бѣляевъ указываетъ на строго формальныя дѣйствія сторонъ, особенно внѣсудебныя: соченіе слѣда съ свидѣтелями, заповѣдь на торгу, клятву свидѣтелей сдѣлки, на юридическіе шаблоны, которыми опредѣляется рядъ процессуальныхъ подробностей: таковы сроки и числовыя опредѣленія: трехдневный срокъ дѣйствія заповѣди на торгу, 7 или 2 послуха, 3 свода и проч. Г. Бѣляеву принадлежитъ также правильное объясненіе значенія такого формализма въ тѣ времена: «форма спасала процессъ отъ безпорядочности и хаотичности, которыя бы и явились результатомъ произвольныхъ и безконтрольныхъ дѣйствій тяжущихся, давала гарантію слабой и неопытной сторонѣ противъ сильнаго и искуснаго противника», гарантію особенно необходимую вслѣдствіе того, что процессъ въ Русской Правдѣ былъ въ значительной степени внѣсудебный ¹⁾.

Какой же характеръ процесса былъ господствующимъ въ эпоху Русской Правды? Господствовали ли исключительно обвинительныя, или исключительно слѣдственные начала, или, наконецъ, оба элемента—гражданскій и уголовный—сливались? Впервые Поповъ опредѣленно высказался въ пользу той мысли, что различія между уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ въ Русской Правдѣ не было ²⁾. Того же мнѣнія о смѣшеніи началъ обвинительныхъ и слѣдственныхъ держатся Линовскій ³⁾, г. Сергѣевичъ ⁴⁾, г. Владимірскій-Будановъ ⁵⁾. Бѣляевъ стоялъ за исключительное господство обвинительныхъ началъ, впрочемъ на невѣрномъ основаніи: онъ утверждалъ, что процессъ по дѣламъ объ убійствѣ начинался лишь при наличности истца и отвѣтчика ⁶⁾. По мнѣ-

¹⁾ Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, томъ V, стр. 4, 5, 9, 11.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 88.

³⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, стр. 8.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 561.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 253.

⁶⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 194.

нію г. Стефановскаго, «и органы суда, и характеръ процесса, и средства открытія истины различались въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ»¹⁾). Особое положеніе занимаетъ Мстиславскій со своей теоріей состязательнаго процесса въ Русской Правдѣ. Мы остановимся на ней сейчасъ, чтобы не возвращаться въ другой разъ. Мстиславскій представлялъ себѣ дѣло такъ: при обвиненіи въ убійствѣ «въ поклепѣ» дѣятельную роль играли назначаемые княземъ мечникъ и отрокъ-дѣтскій: первый былъ обвинителемъ, второй защитникомъ; это значеніе ихъ видно изъ статьи о сверженіи виры (16 статья Троицкаго списка), по которой отъ виры, то-есть, въ случаѣ, если процессъ кончался обвиненіемъ и, слѣдовательно, платежомъ виры, отвѣтчикомъ платилось помечное 9 кунъ (очевидно, мечнику; мечъ — символъ закона), а «оже свержетъ виру», то-есть, въ случаѣ оправданія, отвѣтчикъ платилъ гривну кунъ сметную (очевидно, отроку), и тотъ, кто клепалъ, также давалъ отроку другую гривну. Что платежъ сметной гривны производился въ пользу отрока, это видно изъ того, что гривна кунъ была постоянной нормой дачи княжескому дѣтскому, напримѣръ, когда князь посылалъ его дѣлить наслѣдство между братьями (см. 100-ю статью Троицкаго списка)²⁾. Вся аргументація автора, какъ видно, покоится на словѣ «помечное». Но въ Синодальномъ и Карамзинскомъ спискахъ, какъ и во многихъ другихъ, что можно усмотрѣть изъ своднаго текста Калачова, вмѣсто этого слова стоитъ «помочное». И это чтеніе надо принять, какъ вѣрное, тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, въ позднѣйшее время въ Литовской Руси мы также встрѣчаемся съ помочнымъ³⁾. Итакъ обвинительная роль мечника не доказана; слѣдовательно, все построеніе Мстиславскаго рушится.

То, что было сказано въ настоящей главѣ о ходѣ процесса и судебныхъ доказательствахъ, въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что ни одно изъ изложенныхъ выше мнѣній о характерѣ процесса по Русской Правдѣ не можетъ быть принято безъ значительныхъ ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ: никакъ нельзя сказать, чтобы въ то время не было различія между уголовнымъ и граж-

¹⁾ Разграниченіе гражданского и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 54.

²⁾ О повлешной вирѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ по Русской Правдѣ, „Юридическій Журналъ“ Салманова, № 5, 1861 г. отдѣлъ V, стр. 2—5, 9, 14.

³⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, Москва, 1893, стр. 684.

данскимъ процессомъ; гражданскій процессъ начинался лишь при наличности истца и отвѣтчика; это условіе не было необходимо для начала процесса объ убійствѣ и преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ; слѣдствія въ гражданскихъ дѣлахъ не было, но оно имѣло весьма важное значеніе и было довольно сложно въ дѣлахъ при поклепѣ и при имущественныхъ преступленіяхъ; испытаніе желѣзомъ и водой и присяга свидѣтелей о добромъ поведеніи обвиняемаго, примѣнявшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ при уголовномъ процессѣ, не употреблялись въ судовомъ разбирательствѣ по дѣламъ гражданскимъ. Мнѣніе объ исключительномъ господствѣ обвинительныхъ началъ въ Русской Правдѣ опровергается тѣмъ наблюденіемъ, что нѣкоторые процессы—именно объ убійствѣ и нарушеніяхъ правъ собственности—начинались иногда и безъ наличности отвѣтчика. Наконецъ, было бы большой ошибкой впадать въ противоположную крайность и признавать вмѣстѣ съ г. Стефановскимъ полное различіе во всѣхъ отношеніяхъ между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ: вѣдь процессъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы, то-есть, несомнѣнно уголовный, былъ совершенно тождественъ съ процессомъ по гражданскимъ дѣламъ: они одинаково начинались, слѣдствія въ обоихъ случаяхъ въ сущности не было, судебныя доказательства были сходны.

Итакъ, остается признать смѣшеніе обвинительныхъ и слѣдственныхъ началъ въ Русской Правдѣ. Нельзя однако удовлетвориться такой общей и слишкомъ неопредѣленной формулой. Необходимо еще прибавить, что обвинительныя начала имѣли преобладающее вліяніе, а слѣдственные были только въ зародышѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что слѣдствіе было почти исключительно въ рукахъ частныхъ лицъ, самихъ истцовъ, что самый судъ, дѣйствительно, не начинался безъ наличности сторонъ—истца и отвѣтчика,—что судебныя доказательства имѣли безусловное значеніе, не допускали спора, оцѣнивались не по существу, а съ чисто формальной стороны, наконецъ, что никогда не бывало общественнаго обвинителя, представителя закона, въ родѣ нашего прокурора.

Такимъ образомъ общее заключеніе изъ изученія процесса Русской Правды сходно съ выводами, полученными при изслѣдованіи уголовного и гражданского права по нашему памятнику: здѣсь мы видимъ тотъ же переходный періодъ, то же смѣшеніе разныхъ началъ, старыхъ, отживающихъ и новыхъ, развитіе которыхъ предстоитъ въ будущемъ.

Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ.

Писцовыя книги принадлежать, несомнѣнно, къ важнѣйшимъ историческимъ источникамъ, особенно въ области экономической исторіи; онѣ отвѣчаютъ на рядъ вопросовъ, имѣющихъ перво-степенное значеніе для историка народнаго хозяйства, знакомятъ съ составомъ и количествомъ населенія, съ процессомъ колони-заци, съ количествомъ и взаимоотношеніемъ разныхъ угодій, съ распредѣленіемъ и мобилизаціей поземельной собственности, съ организаціей производства въ области сельскохозяйственной про-мышленности, наконецъ, нерѣдко съ распредѣленіемъ результа-товъ сельскохозяйственной производительности—этого главнаго хозяйственнаго нерва древней Руси—между землевладѣльцами, земледѣльцами и государствомъ. Нельзя сказать, чтобы въ рус-ской исторической литературѣ недостаточно сознавалась эта важ-ность писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника, и однако до сихъ поръ, если не считать работъ Иванова и Неволіна, по-священныхъ исторіи межеванія земель въ Россіи и только со-прикасавшихся съ писцовыми книгами,—на изученіи этихъ по-слѣднихъ основывались очень немногіе изслѣдователи, если не ошибаемся, только трое: г. Чечулинъ въ своемъ сочиненіи «Го-рода Московскаго государства въ XVI в.», г. Лапш, сдѣлавшій статистическую сводку матеріала писцовыхъ книгъ XVI в. по Тверскому уѣзду, и г. Миклашевскій, который въ своей диссер-таціи о заселеніи и сельскомъ хозяйствѣ южной окраины Мо-сковскаго государства изучилъ писцовыя книги, относящіяся къ этой мѣстности. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что всѣ другіе изслѣдователи не изучали совсѣмъ писцовыхъ книгъ, но несо-мнѣнно, что матеріаль, въ нихъ заключенный, не охватывался ими цѣликомъ, они касались его только попутно. Въ чемъ за-ключается причина слабаго знакомства нашего съ писцовыми

книгами? Прежде всего, конечно, въ томъ, что это источникъ почти неисчерпаемый: писцовыхъ книгъ, особенно отъ XVII вѣка, осталось такъ много, что сводка ихъ въ таблицы, совершенно необходимая по самой сущности источника, представляется трудомъ едва ли посильнымъ для одного человѣка. А затѣмъ, надо думать, не остается безъ вліянія еще одно обстоятельство: русская дѣйствительность недавнихъ временъ, а отчасти и современная, мало балуетъ насъ точными статистическими данными: извѣстна довольно фаптастическая казенная статистика первой половины нашего вѣка, до научнаго обновленія въ этой сферѣ съ появленіемъ земско-статистическихъ учрежденій и правильной организаціей центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ; ни для кого не тайна, что и теперь различныя статистическія вѣдомости, заполняемыя волостными правленіями, нерѣдко совсѣмъ не отличаются точностью показаній и ихъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности. Отъ этихъ воспоминаній и непосредственныхъ наблюденій недалеко до скептическаго отношенія и къ древнерусскому «письму» и его результатамъ—писцовымъ книгамъ. Что такой скептицизмъ дѣйствительно существуетъ,—показываютъ изслѣдованія гг. Лаппо-Данилевскаго и Миклашевскаго: первый находитъ переписи недостаточно быстрыми и единовременными, неудовлетворительными по способамъ и формамъ, лишенными научныхъ приѣмовъ при изученіи почвъ и цѣнности хозяйствъ и преисполненными множества ошибокъ, которыя произошли какъ отъ теоретическихъ затрудненій, такъ и отъ обмановъ со стороны населенія и небрежности и злоупотребленій писцовъ¹⁾; второй названный изслѣдователь—г. Миклашевскій, присоединяясь въ общемъ къ мнѣнію своего предшественника, замѣчаетъ въ частности, что нельзя считать достовѣрными цифры, указывающія на размѣры разныхъ угодій, особенно пашни паханной, и что основанія писцовыхъ записей весьма шатки: это именно «сказки», т. е. показанія отдѣльных лицъ, непровѣренныя письменными документами²⁾.

При наличности такихъ возрѣній и при несомнѣнной важности писцовыхъ книгъ какъ историческаго источника вполнѣ своевременной является новая попытка опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Предпринимая эту попытку, мы будемъ имѣть въ

1) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1890, стр. 205—214.

2) *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство юж. окраины XVII в., М. 1894, стр. 46—47, 54, 57, 62.

виду по преимуществу писцовыя книги XVI вѣка, во многомъ отличныя отъ позднѣйшихъ и составившіяся при иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тѣ, которыми сопровождались описанія XVII вѣка.

Современная статистическая теорія выставяетъ слѣдующія четыре требованія, которымъ должно удовлетворять всякое статистическое изслѣдованіе для того, чтобы имѣть научное значеніе: 1) необходима точность отдѣльнаго наблюденія, 2) полнота наблюденія, 3) вѣрность вычисленія и 4) возможность установленія причинной связи изслѣдуемыхъ явленій¹⁾. Требования эти очень серьезны, и сами статистики, сознавая это, на практикѣ принимаютъ только извѣстную степень приближенія къ идеалу, ставя необходимымъ условіемъ лишь возможно точное опредѣленіе *степеней* этого приближенія. Не забудемъ и мы этого, чтобы не сдѣлаться *plus royalistes que le roi*.

Удовлетворяютъ ли писцовыя книги первому требованію—точности отдѣльнаго наблюденія? Чтобы оно было точно, необходима прежде всего ясная и точная программа наблюденія, опредѣляемая въ свою очередь ясностью цѣли, съ которой ведется изслѣдованіе²⁾. Въ ясности цѣли древнерусскаго «письма» не можетъ быть никакого сомнѣнія:—цѣль была финансовая, обезпеченіе земель отбыванія службы и тягла на государя,—и это создало строго опредѣленный, отлившійся въ довольно неподвижныя формы типъ земельного описанія: писцы должны были отвѣтить на вопросы: кто владѣетъ землею и кто ею владѣлъ? сколько землевладѣльческихъ единицъ существуетъ въ данной мѣстности? изъ сколькихъ поселеній—населенныхъ и пустыхъ—слагается каждая изъ этихъ единицъ? сколько дворовъ составляетъ каждое поселеніе? каково количество взрослога мужского рабочаго населенія въ каждомъ поселеніи? сколько пашни, перелога, сѣнныхъ покосовъ, лѣса заключаетъ въ себѣ отдѣльная землевладѣльческая единица и каждый поселокъ, ее составляющій? наконецъ, во сколько сохъ—сдиницъ податного обложенія—положено было каждое имѣніе; къ этому иногда прибавлялись обожный и вытный счетъ и данныя объ оброкѣ,—позднѣе почти исключительно въ дворцовыхъ селахъ. Можно пожалѣть, что вопросовъ этихъ не больше, что они не раскрываютъ предъ нами съ достаточной ясностью внутренней организаціи сельскохозяйственнаго производства во всемъ его объемѣ, но нельзя отказать программѣ въ

¹⁾ А. О. *Фортуатовъ*, Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи, Москва, 1893, стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

единствѣ цѣли и ясности: всѣ вопросы были просты и ясны, не требовали особаго умственного напряженія отъ писцовъ и цѣль имѣли строго-опредѣленную и узкую, такъ что писцамъ не представлялось опасности запутаться въ слишкомъ сложномъ лабиринтѣ требованій и данныхъ.

Далѣе: для точности наблюденія необходима строго опредѣленная мѣра, которою слѣдуетъ производить измѣренія¹⁾. Мѣрами этими были въ XVI в. четверти, десятины, версты, копны. Конечно, всѣ эти мѣры были въ точности извѣстны самимъ писцамъ, но онѣ не представляютъ никакой тайны и для насъ: четверть или четъ, какъ извѣстно, равнялась половинѣ десятины, десятина при земельных измѣреніяхъ принималась въ 2400 квадратныхъ сажень, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя указанія писцовыхъ книгъ, на примѣръ, книгъ Заверьяскимъ сѣннымъ покосамъ въ Шелонской пятинѣ 7106 г., составленныхъ подъячимъ Василюемъ Кононовымъ и Никитою Ларионовымъ: здѣсь, на примѣръ, 4 десятинамъ приравнена площадь въ 80 сажень въ длину и 120 сажень въ ширину²⁾. Верста считалась въ 1000 сажень³⁾. Казалось бы, такая мѣра, какъ копна, употребляемая для измѣренія сѣнныхъ покосовъ, не могла быть особенно точною: данныя писцовыхъ книгъ удостовѣряютъ въ противномъ: кладка копенъ, повидимому, измѣнялась только въ зависимости отъ качества сѣна, а не отъ условій времени и мѣста: съ одной десятины покосовъ собиралось обыкновенно сѣна крупнаго 20—30 копенъ, мелкаго по 15 или 20 копенъ, худого по 15 коп.⁴⁾ Но особенно яркимъ примѣромъ той точности, съ которой при описаніи опредѣлялась каждый разъ мѣра, какая положена въ основу всей работы, служить одна сотная выпись 1544—45 гг., относящаяся къ дворцовому селу Буйгороду Волоколамскаго уѣзда; здѣсь между прочимъ читаемъ: «а вытей въ селѣ и въ деревняхъ 134, а на выть хрестьянскіе пашни по шти десятинъ въ полѣ, а пахати имъ на великаго князя въ селѣ Буйгородѣ 134 десятины, съ выти по десятинѣ, а мѣра десятинѣ въ длину восемьдесятъ сажень, а поперекъ тридцать сажень, а сѣяти имъ на десятину по двѣ четверти ржи, а овса вдвое, а навозъ имъ возити на великаго князя пашню и—своихъ дворовъ по трид-

1) Тамъ же, стр. 23.

2) Архивъ Мин. Юстиціи, писц. кн. 740, л. 1 об.

3) См. *Костомаровъ*, Историческія монографіи т. 19-й, Сиб. 1887. Сводъ законовъ ч. III, т. X, ст. 567 и 571.

4) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740, лл. 110, 115, 133 и др.; 119 и др., 116 об.

цати колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперекъ четыре пяди, а вверхъ двѣ пяди¹⁾. Дальше этого въ точности итти, кажется, некуда; всякое отступленіе отъ обычной мѣры всегда указывается въ писцовыхъ книгахъ, и по нимъ можно не колеблясь въ точности опредѣлять величину употребляемой мѣры: такъ въ «поженныхъ» книгахъ, т. е. въ книгахъ, описывающихъ пожни или сѣнные покосы, всегда рядомъ съ указаніемъ на длину и ширину измѣряемой площади въ саженьяхъ находимъ данныя о той же площади въ десятинахъ и о количествѣ копенъ сѣна, съ нея снимаемыхъ²⁾.

Еще болѣе важнымъ условіемъ точности наблюденія является правильность его приемовъ. Здѣсь прежде всего надо выяснитъ, ограничивались ли писцы однимъ только опросомъ, или они также производили осмотръ на мѣстѣ и повѣрку по документамъ? Г. Миклашевскій склоняется къ рѣшенію этого вопроса въ первомъ направленіи, т. е. полагаетъ, что писцы многое писали только со словъ другихъ, не подвергая этихъ «сказокъ» критикѣ³⁾. Напомнимъ прежде всего, что и теперь опросъ является главнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній такой высокой научной цѣнности и достовѣрности, какую отличаются земско-статистическія работы. Для успѣшности этого опроса и достовѣрности его результатовъ требуется соединеніе двухъ главныхъ условій: опытности статистика, производящаго опросъ, и возможности контроля показаній опрашиваемаго со стороны односельчанъ и сосѣдей⁴⁾. Едва ли нужно задавать вопросъ, были ли московскіе писцы достаточно опытны въ дѣлѣ описанія? Стоитъ только припомнить, что переписи на Руси начались еще въ XIII вѣкѣ, а во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія дѣло описанія достигло уже, повидимому, значительнаго развитія⁵⁾, и что многіе писцы не разъ въ своей жизни и не въ одномъ уѣздѣ производили описанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо лишь просмотрѣть списки данныхъ о книгахъ письма и мѣры разныхъ писцовъ, составленные гг. Милюковымъ и Дьяконовымъ⁶⁾. Мы ограничимся

¹⁾ Арх. Мин. Юст., грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

²⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн., 740, лл. 57 об., 58 и мн. др.

³⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства стр. 54, 57.

⁴⁾ *Фортуатовъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 25, 26.

⁵⁾ *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб., 1892, стр. 18, 19.

⁶⁾ См. тамъ же, приложеніе въ концѣ книги и „Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія“ за 1893 г., июль.

указаніемъ двухъ—трехъ примѣровъ, относящихся къ сохранившимся—вполнѣ или отчасти—писцовымъ книгамъ XVI вѣка: такъ Иванъ Петровичъ Заболоцкій въ 1539—40 г. описывалъ Тверской уѣздъ ¹⁾, а въ 1553—54 Двинскій ²⁾; Дмитровский уѣздъ въ 1537—38 г. былъ описанъ тѣмъ же Александромъ Семеновичемъ Упинымъ—Слизневымъ, который въ 1542—43 г. производилъ «письмо» въ Можайскомъ уѣздѣ ³⁾; писцовыя книги Владимірскаго уѣзда 1554—55 г. и Переяславскаго 1556—57 года составлены одними и тѣми же лицами—Андреемъ Васильевичемъ Лодыгинымъ и Василиемъ Михайловичемъ Гирѣевымъ ⁴⁾. Такимъ образомъ невозможная въ то время научная теоретическая подготовка къ статистическимъ изслѣдованіямъ замѣнялась вѣковыми традиціями и практической споровкой, создававшими извѣстные рутинныя приемы, которые предохраняли писцовъ отъ ошибокъ. Вотъ почему нельзя согласиться съ г. Лаппо-Данилевскимъ ⁵⁾, что писцами были большею частью лица мало подготовленные къ возлагаемой на нихъ работѣ. Съ другой стороны, правительство внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы писцы повѣряли показанія опрашиваемыхъ черезъ посредство третьихъ лицъ, добросовѣстныхъ и знакомыхъ съ мѣстными условіями: межеваніе, отводъ и описаніе земель производилось при непремѣнномъ участіи поповъ и крестьянъ—старожильцевъ, иногда въ довольно значительномъ количествѣ; по одному «обыскному листу», свѣдѣнія, необходимыя для записи въ книги, сообщили «четыре попа да разныхъ боярщинъ пять приказщиковъ, да 86 крестьянъ, всего 95 человекъ» ⁶⁾; такъ было въ 1567 г. въ Московскомъ уѣздѣ; спустя 10 лѣтъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ фактъ и причина запустѣнія одного имѣнія констатированы четырьмя попами, четырьмя приказчиками дѣтей боярскихъ и 62 крестьянами ⁷⁾. Примѣры эти, при желаніи, можно умножить до какого угодно предѣла ⁸⁾. Не было недостатка и въ повѣркѣ получаемыхъ путемъ

¹⁾ См. *Милуковъ*, Спорные вопросы, приложение I, и Писц. кн. XVI в., изд. Колачовымъ, т. I, отд. 1, 40—140.

²⁾ Арх. Мин. Юст., грам. колл. экон. № 4125.

³⁾ Тамъ же, №№ 3764, 3765, 3767, 7613.

⁴⁾ *Федотовъ-Чеховскій*, Акты, относящіеся до гражданской расправы древн. Россіи, томъ I, 232—234; Арх. Минист. Юст., грам. колл. экон., № 8905.

⁵⁾ Организация прямого обложенія, стр. 193.

⁶⁾ Русская Историческая Библиотека, т. II, № 37, столб. 43.

⁷⁾ *Дьяконовъ*, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, вып. II, № 26, стр. 26.

⁸⁾ Особенно много ихъ можно найти въ грам. колл. эк., хранящихся въ Арх. Мин. Юст. подъ № 5129, Кострома. 16*

опроса и осмотра данных по документамъ: особенно характернымъ примѣромъ этого является одна писцовая книга вотчинъ Троицкаго Сергіева монастыря, составленная въ 1593—94 годахъ и относящаяся къ Московскому уѣзду: писцы здѣсь строго провѣряли права монастыря на владѣніе по разнымъ документамъ—даннымъ, вкладнымъ, купчимъ грамотамъ, приправочнымъ книгамъ¹⁾. Но это ни въ какомъ случаѣ не единственный примѣръ: въ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются указанія на «старое письмо»²⁾, по нимъ можно составить себѣ довольно точное представленіе о способахъ мобилизаціи поземельной собственности, такъ какъ писцы постоянно отмѣчаютъ, на какіе документы опираются владѣльческія права того или другого лица: такъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, по книгамъ 1548 г., изъ общаго числа 318 вотчинъ право на 134 вотчины подтверждается, согласно повѣркѣ писцовъ, купчими грамотами, въ 48 случаяхъ владѣніе основано на мѣновыхъ, въ 34 на закладныхъ и т. д.³⁾ Рядъ подобныхъ же наблюдений можно сдѣлать и по книгамъ другихъ уѣздовъ, на примѣръ, Коломенскаго и Московскаго: въ первомъ изъ нихъ 47 вотчинъ оказываются изстариннымъ, 2 приобрѣтены по купчей, 1 по закладной, 10 по духовной⁴⁾ и пр. Итакъ основныя приемы описанія не находятся въ противорѣчій съ современной теоріей и практикой статистики, такъ что ихъ изученіе не даетъ намъ права подозрѣвать достовѣрность результатовъ наблюденія.

Но изслѣдователи отмѣчаютъ отдѣльныя частности этихъ приемовъ, повидимому способныя разочаровать насъ въ цѣнности свѣдѣній, сообщаемыхъ источникомъ; въ самомъ дѣлѣ: почему бы не снабдить насъ подробными данными о количествѣ женскаго населенія? а этого и недостаетъ въ писцовыхъ книгахъ, что и ставитъ имъ въ упрекъ г. Лаппо-Данилевскій⁵⁾; по этотъ почтенный изслѣдователь забываетъ при этомъ, что къ живому явленію, къ документу, созданному житейской практикой и потребностями времени, нельзя подходить съ апріорнымъ кабинетнымъ мѣриломъ; древнерусскіе писцы не справлялись съ требо-

¹⁾ Писц. кн., изд. Калачевымъ, ч. I, отд. I, стр. 277 и слѣд. Ср. *Рождественскій*, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в., въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1895 г., май, стр. 75.

²⁾ См., напр., Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740, лх. 108 об.—148.

³⁾ *Лаппо*, Тверской уѣздъ въ XVI в., М., 1894, стр. 222—223.

⁴⁾ Подсчетъ произведенъ пишущимъ эти строки на основаніи писц. книгъ изд. Калачевымъ, часть I, отд. I, стр. 335—608.

⁵⁾ Организация прямого обложенія, стр. 206.

ваніями, подобными нашимъ, а отвѣчали лишь на тѣ вопросы, которые соотвѣтствовали прямой и непосредственной цѣли описанія; имъ нужно было опредѣлить, въ какой мѣрѣ земля была въ состояніи отбивать государственное тягло,—а для этого необходимо было ознакомиться только съ количествомъ взрослога мужского населенія, что впрочемъ и для насъ имѣетъ первостепенное значеніе. Такое ограниченіе задачи лишній разъ свидѣтельствуеетъ только о практическихъ достоинствахъ писцовыхъ книгъ, т. е. увеличиваетъ наше къ нимъ довѣріе. Мы конечно, согласимся—дальше—съ г. Лаппо-Данилевскимъ, что въ то время не было научнаго, т. е. химическаго, анализа почвъ¹⁾, но нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ тотъ выводъ, что сравненіе различныхъ земель по ихъ качеству опиралось исключительно на наблюденія за результатами урожая, причѣмъ эти наблюденія ограничивались будто бы тѣснымъ райономъ опредѣленной мѣстности, охватывавшейся въ данный моментъ описаніемъ²⁾. Прежде всего, оставаясь въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что въ то время въ странѣ не могло еще быть такого большого различія въ почвѣ разныхъ мѣстностей, какое существуетъ теперь; вѣдь Московская Русь тогда только касалась границъ южнаго и восточнаго чернозема, не захвативъ его еще широкимъ колонизаціоннымъ движеніемъ. А затѣмъ есть признаки, указывающіе на болѣе объективное мѣрило, которымъ руководились при дѣленіи земли на добрую, среднюю, худую и добре-худую; въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины, относящейся къ половинѣ XVI вѣка, встрѣчаются нерѣдко такіа замѣчанія: «положено въ обжу по полвосми корабей въ полѣ, потому что земля худа (или добре-худа), *камениста и песчата*»³⁾; въ сотной выписи дворцовыхъ земель въ Волоколамскомъ уѣздѣ 1543—44 г. между прочимъ читаемъ о крестьянахъ деревни Починокъ Короткой: «а пахать имъ въ селѣ на Буйгородѣ полвыти (т. е. относительно меньше, чѣмъ прочимъ крестьянамъ), потому что деревня сгорѣла и земля у ней худа, *песокъ*»⁴⁾. Эти два характерныхъ примѣра убѣдительно свидѣлствуютъ, что земли различались по качеству не только по степени ихъ урожайности въ извѣстное, быть можетъ,

¹⁾ Организация прямого обложенія, стр. 206.

²⁾ Тамъ же, стр. 222—224.

³⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, книга по Новг. № 4 — цитировано у г. Дьяконова въ его рецензії на „Спорные вопросы финанс. ист. Моск. гос.“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1893 г., июль.

⁴⁾ Архивъ Министрства Юстиціи, грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

очень непродолжительное время, но и на основаніи наблюденій за составомъ почвы. Конечно, отсюда еще далеко до научной точности химическаго анализа, но нѣтъ сомнѣнія, что для практическихъ цѣлей было совершенно достаточно и этихъ эмпирическихъ хозяйственныхъ наблюденій: припомнимъ, съ какимъ искусствомъ и теперь достигаетъ крестьянскій міръ земельного уравненія путемъ дробленія земли на «ярусъ» или «коны», въ основѣ которыхъ лежитъ по преимуществу различіе земель по качеству ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что показанія писцовыхъ книгъ объ относительномъ количествѣ доброй, средней и худой земли нельзя заподозривать: они имѣютъ свои серьезныя основанія.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ одномъ замѣчаніи г. Миклашевскаго, который придаетъ ему очень важное значеніе. Онъ приводитъ изъ писцовыхъ книгъ Новосильскаго уѣзда 1628 — 30 гг. одинъ итогъ, въ которомъ значится, что помѣщичьей пашни паханой было 503 четверти, а крестьянской— только 25 четвертей, если не считать 972 четвертей, паханныхъ наѣздомъ; при этомъ любопытно, что при переводѣ четвертной пашни на сошное письмо вся помѣщичья пашня, хотя и паханая, считается въ пустѣ, въ живущемъ же считается только 25 четвертей крестьянской пашни. Указывая, что этихъ 25 четвертей слишкомъ мало для 91 крестьянскаго и бобыльскаго двора, за которыми онѣ числятся, г. Миклашевскій спрашиваетъ: «не показана ли въ данномъ случаѣ только облагаемая, окладная пашня паханая?» На этомъ основаніи дѣлается выводъ, что надо относиться осторожнѣе къ цифрамъ пашни паханой ²⁾, и что эти цифры «суть часто результатъ ариметическихъ вычисленій, производившихся для финансовыхъ цѣлей, а въ такихъ случаяхъ цифры количества перелога, дикаго поля и проч. теряютъ точно также свой смыслъ въ качествѣ показателей распредѣленія земли по угодьямъ» ³⁾. Принявъ этотъ выводъ, мы должны такимъ образомъ сильно ограничить значеніе писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника: онѣ оказываются негодными для рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ сельскохозяйственной экономіи. Дѣло однако въ томъ, что документъ, на который опирается г. Миклашевскій, нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу его мнѣнія. Прежде всего нѣтъ ничего удивительнаго, что пашня-паханая наѣздомъ считается въ пустѣ: во всѣхъ писцовыхъ

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Моск. губ., отдѣлъ хоз. статистики, т. IV, вып. I, М., 1879, стр. 22—24.

²⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 46—47.

³⁾ Тамъ же, стр. 62.

книгахъ можно наблюдать это явленіе; оно однако не мѣшаетъ намъ разсмѣрять истину, руководясь этими же писцовыми книгами, которыя строго отличаютъ хозяйственное описаніе отъ финансоваго обложенія: онѣ знаютъ, сколько земли распахивается въ данной мѣстности регулярно, при правильномъ сѣвооборотѣ, и сколько пашется временами, періодически, «наѣздомъ»; съ другой стороны въ нихъ всегда отмѣчается, что обложенію подлежить только земля, находящаяся въ правильномъ сѣвооборотѣ. Помня все это, мы должны считать размѣры крестьянской пашни въ данномъ случаѣ въ 997 четвертей (25 + 972); чего совершенно достаточно на 91 крестьянскій и бобыльскій дворъ, если даже не принимать во вниманіе, что бобыли въ XVI вѣкѣ были большею частью людьми «непашенными», что однако несомнѣнно въ виду многочисленныхъ указаній въ этомъ смыслѣ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ пятинъ¹⁾. Гораздо любопытнѣе и важнѣе другое обстоятельство, констатируемое приводимой у г. Миклашевскаго цитатой: причисленіе владѣльческой паханой пашни къ пустымъ сохамъ, т. е. иначе говоря, свобода помѣщичьей, барской запашки отъ податей. Два главные наши авторитета въ области финансовой исторіи Московскаго государства,—гг. Милюковъ и Лаппо-Данилевскій, какъ извѣстно, расходятся въ вопросѣ о томъ, была ли когда либо барская запашка свободна отъ податей²⁾? Вопросъ этотъ ждетъ еще своего разрѣшенія путемъ болѣе подробныхъ наблюдений и, быть можетъ, отвѣтъ получится не одинаковый для разнаго времени и разныхъ мѣстностей³⁾. Документъ, на который ссылается г. Миклашевскій, содержитъ въ себѣ очень цѣнное указаніе въ этомъ смыслѣ, но онъ вовсе не даетъ намъ права сомнѣваться въ точности цифровыхъ показаній писцовыхъ книгъ о размѣрахъ различныхъ угодій: вѣдь и Новосильская книга, хотя и исключаетъ барскую запашку изъ числа земель, подлежащихъ податному обложенію, не скрываетъ однако отъ насъ, что эти 503 четверти дѣйствительно распахивались, подвергались реальной сельскохозяйственной эксплуатаціи. А если ошибочны скеп-

¹⁾ См., напр., Арх. М. Юст., писц. кн. 959 и 965; ср. *Лаппо-Данилевскій*, Организация прямого обложенія, стр. 101, 102; и *Дьяконовъ*, Бобыли въ XVI и XVII вв.: „Журналъ Мин. Народ. Просв.“ за 1896 г., апрѣль, стр. 245.

²⁾ См. *Лаппо-Данилевскій*, Организация прямого обложенія, стр. 53; *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи, стр. 78. Ср. мнѣніе проф. *Ключевскаго*: „Подушная подать и отмѣна холопства“ въ „Русской Мысли“ за 1886 годъ, № 10, стр. 13.

³⁾ Въ настоящее время вопросъ разрѣшенъ: См. наше „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“ стр. 266—268.

тическія замѣчанія г. Миклашевскаго относительно пашни паханой, то скептицизмъ теряетъ свою почву и по отношенію къ прочимъ видамъ земельныхъ угодій.

Кромѣ ясности и точности программы, опредѣленности употребляемыхъ мѣръ и правильности приѣмовъ современная теорія статистики считаетъ необходимымъ условіемъ точности отдѣльнаго статистическаго наблюденія еще правильный выборъ времени для производства переписи. Для надлежащей регистраціи населенія важно, чтобы перепись производилась по возможности одновременно на большомъ пространствѣ, даже въ цѣлой странѣ; конечно, этому требованію писцовыя книги далеко не удовлетворяли, почему г. Лаппо-Данилевскій и считаетъ заключающіяся въ нихъ цифры населенія минимальными, значительно преуменьшенными сравнительно съ дѣйствительностью¹⁾. Не слѣдуетъ однако и здѣсь впадать въ крайность и переходить мѣру разумной критики: уже г. Миллюковъ справедливо указалъ, что, будучи часто минимальной въ моментъ переписи, цифра населенія очень скоро становилась максимальной, превышавшей дѣйствительную, на что и указываютъ многочисленныя ходатайства землевладѣльцевъ передъ правительствомъ о льготахъ²⁾; къ этому надо еще прибавить, что передвиженіе населенія совершалось въ то время хотя и чаще,—но гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь; поэтому, если, напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ перепись производилась и не въ одинъ годъ, а въ разные, но сопредѣльные,—большихъ неточностей въ исчисленіи населенія отъ этого произойти не могло. Кромѣ того, обсуждая вопросъ о времени переписей XVII вѣка, г. Лаппо-Данилевскій находитъ, что оно было выбираемо крайне-неудачно: охватывало мѣстности, находившіяся во временно-ненормальныхъ условіяхъ³⁾. Оставаясь пока въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что къ описаніямъ этого времени подобный упрекъ относиться не можетъ. Извѣстно, что массовыя описанія конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, а также и второй половины вѣка вызваны были соображеніями административно-финансоваго свойства, главнымъ образомъ потребностью равномернѣе распредѣлить тягло въ разныхъ областяхъ страны и установить единообразную единицу обложенія, а вовсе не бѣдствіями, временно постигавшими ту или другую часть территоріи государства⁴⁾.

1) Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 214.

2) Спорн. вопросы финансовой исторіи Моск. госуд., стр. 106.

3) Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 205.

4) *Миллюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. государства, стр. 50—52.

Чтобы покончить съ вопросомъ о точности отдѣльнаго наблюденія при составленіи писцовыхъ книгъ, необходимо взвѣсить, съ одной стороны, тѣ обманы со стороны населенія, которымъ подвергались писцы, и тѣ ошибки, которыя сопровождали производство переписей,—съ другой, коррективы этихъ недостатковъ, существовавшіе въ то время. Обманы, конечно, могли и даже должны были существовать: населеніе старалось показывать меньшее количество пашни, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, чтобы платить поменьше; служилые люди намѣренно уменьшали числа щійся за ними дѣйствительный помѣстный земельный капиталъ, чтобы тѣмъ подчеркнуть несоотвѣтствіе своего оклада съ дѣйствительной дачей, выдавали свои помѣстья за вотчины и пр. ¹⁾ Правительство имѣло однако достаточно-раціональныя средства для борьбы съ этимъ зломъ: противъ уклоненія отъ отбыванія тягла и намѣренного уменьшенія показаній о запашкѣ оно выставляло писцамъ требованіе брать съ собой поповъ и крестьянъ не изъ одной волости, а изъ многихъ: лица, принадлежащія къ разнымъ волостямъ, не были связаны круговой порукой по отбыванію податей и повинностей, почему и могли быть безпристрастными цѣнителями показаній опрашиваемыхъ. Злоупотребленія служилыхъ людей, помимо этой же гарантіи противъ нихъ, предотвращались еще челобитьями своей же братіи—сосѣдей и совладѣльцевъ. Въ грамотахъ коллегія экономіи сохранился для насъ богатый матеріалъ, составленный изъ подобныхъ челобитныхъ. Изъ нихъ же видно, что при отправленіи для производства переписи писцы всегда снабжались старыми писцовыми книгами или, если они ѣхали для описанія отдѣльныхъ имѣній, выписками изъ старыхъ книгъ. Мы думаемъ вообще, что писцовыя книги едва-ли больше теряли отъ неизбѣжныхъ обмановъ, чѣмъ современные статистическія изслѣдованія.

Но не больше ли было въ древнерусскомъ кадастрѣ ошибокъ, чѣмъ теперь? Вѣдь писцы были люди вообще необразованные и въ частности мало свѣдущіе въ землемѣрномъ искусствѣ. Имъ мало помогали въ этомъ и руководства къ землемѣрію и податному обложенію, такъ называемыя «сошныя книги», очень часто ошибочно опредѣлявшія площади неправильныхъ фигуръ ²⁾. Въ общемъ въ этой критикѣ много печальной правды, но и здѣсь

¹⁾ *Датто-Данилевскій*, Организация прямого обложения, стр. 209; *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго государства, стр. 62.

²⁾ *Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго государства, стр. 62.

найдутся обстоятельства, смягчающія общій мрачный колоритъ этой пессимистической картины повального невѣжества московскихъ писцовъ. Да, теоретически они были мало свѣдуши, но между ними и крестьянами было одно прочное связующее звено: и тѣ и другіе были практики, дѣльцы, берущіе не знаніемъ, а умѣньемъ, практической сноровкой. Извѣстно, что и тогда, какъ и теперь въ крестьянскомъ міру, измѣреніе земли производилось веревкой опредѣленной длины. Въ наше время крестьяне при помощи этого примитивнаго орудія мѣры достигаютъ удивительной точности въ своихъ измѣреніяхъ. Эта точность есть, конечно, результатъ вѣкового опыта, передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, — она не должна быть, слѣдовательно, чужда и древнерусскому землемѣрному искусству. При всемъ томъ «мѣрщикъ» иногда становился въ тупикъ, не могъ произвести возложенной на него работы; къ чести его надо замѣтить, что онъ въ такихъ случаяхъ прямо сознавался въ своемъ неумѣньѣ: «тое пожню мѣрити немочно, потому что вода велика и тростникомъ завалило въ иныхъ мѣстѣхъ»¹⁾, или: «пожня «вдоль 700 сажень, а поперекъ мѣрити немочно»²⁾ — вотъ довольно часто встрѣчающіяся въ книгахъ указанія на безсиліе писцовъ вполне справиться съ своей задачей. Эти простодушныя признанія имѣютъ однако ту цѣну, что внушаютъ тѣмъ больше довѣріе къ другимъ цифрамъ, гдѣ писцы, очевидно, не затруднялись въ измѣреніи. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ виду слабой теоретической землемѣрной подготовки писцовъ и отсутствія вполне удовлетворительныхъ геодезическихъ руководствъ, всѣ абсолютныя цифры разныхъ угодій надо считать вѣрными только приблизительно, и мѣра этого приближенія къ дѣйствительности, конечно, далеко уступаетъ степени вѣрности современныхъ землемѣрныхъ работъ. Зато по даннымъ писцовыхъ книгъ мы можемъ смѣло заключить объ относительныхъ размѣрахъ разныхъ угодій: если писцы ошибались, то они ошибались при измѣреніи сѣнокосовъ въ той же степени, какъ и при измѣреніи пахотной земли: одинаковая абберрація въ обоихъ случаяхъ не мѣшаетъ сохраненію дѣйствительнаго отношенія между размѣрами, того и другого вида угодій.

Итакъ, мы рассмотрѣли программу древнерусскихъ описаній и убѣдились въ ея ясности и простотѣ, познакомились съ мѣрами, въ то время употреблявшимися, и оказалось, что онѣ обладаютъ необходимымъ для точности качествомъ — опредѣленностью, изслѣдовали общіе приемы описанія, достаточно правильные, убѣди-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., писцовыя кн. 740, л. 42.

²⁾ Тамъ же, л. 29.

лись, что время, выбираемое для переписей, обманы со стороны населенія и—въ значительной степени — даже ошибки писцовъ лишь незначительно понижаютъ качество матеріала. Логическимъ выводомъ изъ этого будетъ, конечно, признаніе, что писцовыя книги въ достаточной мѣрѣ удовлетворяютъ требованію точности отдѣльнаго наблюденія, выставляемому современною статистическою теоріей. Слабѣе всего абсолютныя цифры размѣровъ разныхъ угодій, но такъ какъ единственная причина этого—слабость землемѣрнаго искусства, то эти цифры даютъ несомнѣнно достовѣрный матеріалъ для выводовъ объ *относительныхъ* размѣрахъ разныхъ угодій.

Остальные три предъявляемыхъ теоріей статистики требованія—полноты наблюденія, точности вычисленія и возможности заключить о причинной связи изслѣдуемыхъ явленій—имѣютъ вообще производное, вторичное значеніе сравнительно съ точностью отдѣльнаго наблюденія, зависятъ отъ нея и ею въ значительной степени опредѣляются; въ частности по отношенію къ писцовымъ книгамъ и степени ихъ достовѣрности они не играютъ и той роли, какая имъ принадлежитъ при критикѣ современныхъ статистическихъ трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь подъ полнотою наблюденія разумѣтся наличность такого числа случаевъ наблюденія, какое достаточно для того, чтобы сдѣлать правильный и достовѣрный общій выводъ¹⁾. Но вѣдь извѣстно, что общими экономическими выводами древнерусскіе писцы не занимались, такъ какъ цѣль ихъ работы была несравненно уже. Сдѣлать эти выводы должны современные изслѣдователи, и намъ здѣсь остается только замѣтить, что въ смыслѣ массы отдѣльныхъ наблюденій писцовыя книги способны удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ: матеріала въ нихъ очень много и отъ насъ зависитъ охватить его возможно шире и тѣмъ обезпечить полноту наблюденія.

Точность вычисленія, конечно, необходима, и всѣмъ, занимавшимся писцовыми книгами, извѣстно, что итоги въ нихъ не удовлетворяютъ этому условію: въ нихъ очень часто встрѣчаются ошибки; но что же изъ этого слѣдуетъ? Значитъ ли это, что нельзя довѣрять источнику? Конечно, не значитъ, потому что всякій итогъ мы можемъ всегда провѣрить, руководясь подробнымъ описаніемъ. Не слѣдуетъ, значитъ, вѣрить только итогамъ, а затѣмъ отъ насъ зависитъ правильно сосчитать отдѣльныя наблюденія, занесенныя въ писцовыя книги.

Наконецъ, возможны ли причинныя выводы изъ матеріала,

¹⁾ *Фортунатозъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 28.

представляемого писцовыми книгами? Можем ли мы, на основании этого материала, отличить, например, общія причины, создавшія то или другое важное явление, отъ причинъ частныхъ, дѣйствующихъ только въ извѣстномъ небольшомъ районѣ и въ теченіе небольшого промежутка времени? И здѣсь также возможность такихъ выводовъ зависитъ, съ одной стороны, отъ количества матеріала; съ другой, отъ нашего умѣнья имъ оперировать. Такъ какъ матеріала въ писцовыхъ книгахъ достаточно, а современная теорія статистики, опираясь отчасти и на математическую теорію вѣроятностей, обладаетъ вполне рациональными приемами въ дѣлѣ опредѣленія причинной зависимости наблюдаемыхъ явленій, то нѣтъ основанія сомнѣваться въ плодотворности выводовъ въ этомъ направленіи, основанныхъ на изученіи писцовыхъ книгъ. Конечно, древніе писцы не задавались такими широкими задачами и, замѣтимъ въ скобкахъ, очень хорошо дѣлали, такъ какъ изъ подобныхъ усилій съ ихъ стороны все равно ничего бы не вышло, но зато, насколько это отъ нихъ зависѣло, они старались отмѣчать конкретныя причины отдѣльныхъ, частныхъ явленій; особенно любопытны и цѣнны въ этомъ отношеніи замѣчанія писцовыхъ книгъ о причинахъ и времени запустѣнія той или другой мѣстности; такъ изъ числа деревень, тянувшихъ къ дворцовому селу Паозерью въ Шелонской пятинѣ, по описанію 1572—73 года, 27 деревень запустѣло назадъ тому 6 лѣтъ, 9 деревень—назадъ тому 20 лѣтъ, 8—за 22 года до описанія и т. д., при чемъ 3 деревни запустѣли «отъ государевыхъ податей», 1 деревня «отъ государевыхъ податей и отъ мору и отъ тяжелые описи», 55 деревень «отъ мору» и пр.¹⁾ Нечего и говорить о томъ, какъ много свѣта вносятъ подобныя указанія въ вопросъ о причинахъ перемѣнъ въ составѣ и количествѣ населенія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что можно сказать о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Изъ это видно, что древнерусской регистраціи были свойственны нѣкоторыя значительные недостатки, но они все-таки не сыграли опредѣляющей роли по отношенію къ содержанію писцовыхъ книгъ, взятому въ цѣломъ. Нѣкоторыя данныя, особенно объ абсолютныхъ размѣрахъ разнаго рода угодій, можно считать менѣе надежными, чѣмъ другія, но и тутъ не слѣдуетъ заходить въ своемъ скептицизмѣ слишкомъ далеко особенно при сужденіи о размѣрахъ такого сравнительно легко поддающагося измѣренію угодья, какъ пахотная земля. Въ общемъ писцовыя книги достаточно достовѣрны

¹⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. 706, лл. 56 об.—102 об.

источникъ. Ихъ отличительныя особенности сравнительно съ современными работами этого рода—большая узость задачи, обеспечивавшая зато большой успѣхъ выполненія, чѣмъ это было бы возможно при широкой программѣ,—и отсутствіе правильной научной обработки собраннаго матеріала, что составляетъ вмѣстѣ и сильную и слабую сторону источника,—сильную, потому что, будучи строго-конкретными, писцовыя книги даютъ намъ надежную точку опоры въ нашей работѣ, не подмѣняя фактическихъ данныхъ неизбѣжно-ошибочными общими выводами,—слабую, такъ какъ, представляя собою сырой матеріалъ въ самомъ первоначальномъ видѣ, древнерусскія описанія заставляютъ насъ потратить много труда и времени на чисто механическую счетную работу и принуждаютъ углубиться въ изученіе и примѣненіе многихъ частныхъ и подробностей статистической техники.

Не будемъ же съ излишнимъ скептицизмомъ относиться къ одному изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей исторіи и пожелаемъ, чтобы на его изученіи сосредоточилось возможно большее количество научныхъ силъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ оговориться, что я не думаю утверждать, будто писцовыя книги не подлежатъ исторической критикѣ: ихъ необходимо подвергать повѣркѣ, но дѣлать надо это не такъ, какъ дѣлаютъ гг. Лаппо-Данилевскій и Миклашевскій, не съ точки зрѣнія современной теоріи статистики; надо обращать вниманіе на конкретныя условія, подъ влияніемъ которыхъ сложились дошедшіе до насъ отдѣльные списки разныхъ писцовыхъ книгъ. Мнѣ извѣстны два примѣра такой здоровой критики писцовыхъ книгъ: одинъ—въ докладѣ нашего почтеннаго товарища предсѣдателя Археграфической комиссіи Московскаго Археологическаго общества В. И. Холмогорова, другой удачный опытъ произведенъ провинціальнымъ изслѣдователемъ, г. Дмитриевымъ, по отношенію къ древнѣйшимъ пермскимъ писцовымъ книгамъ Яхонтова¹⁾. Такъ какъ докладъ В. И. Холмогорова извѣстенъ гг. членамъ комиссіи, то я укажу только на выводы г. Дмитриева. Изучая писцовыя книги Яхонтова, этотъ изслѣдователь замѣтилъ, что въ итогахъ ихъ значится больше деревень, починковъ и займищъ, чѣмъ въ самомъ описаніи. Эта разница такъ велика, что ее нельзя въ данномъ случаѣ объяснить обычною неточностью счета. Но дѣло въ томъ, что подлинная книга Яхонтова сгорѣла въ московскомъ пожарѣ 1626 г. и сохранившіеся ея списки есть результатъ позднѣйшей конструктивной работы, исполненной, какъ это документально

¹⁾ См. „Труды Пермской ученой архивной комиссіи“, выпускъ II, Пермь, 1893, стр. 15—20.

доказывает г. Дмитриевъ, уже въ половинѣ XVII вѣка. Эти выводы подтверждаются еще однимъ любопытнымъ обстоятельствомъ: въ 1623—24 гг. другой писецъ, Кайсаровъ, производя описаніе пермскихъ Строгановскихъ вотчинъ, пользовался и книгами Яхонтова, тогда еще существовавшими въ подлинномъ видѣ; онъ отмѣтилъ въ своихъ книгахъ итоги описанія Яхонтова, и оказывается, что они согласны съ итогами, указанными въ возстановленныхъ Яхонтовскихъ книгахъ, и противорѣчатъ самому тексту описанія въ этихъ послѣднихъ. Очевидно, вѣрить надо итогамъ, а не тексту описанія.

Безъ такого анализа данныхъ изслѣдователь экономического быта XVII вѣка неизбежно впасть бы въ крупную ошибку. Въ эту сторону и должна быть направлена критика писцовыхъ книгъ вмѣсто того, чтобы одерживать легкія на первый взглядъ, но, какъ мы только что убѣдились, сомнительныя побѣды надъ «невѣжествомъ» древнерусскихъ писцовъ.

В. Сергѣвичъ. Древности русскаго права. Томъ третій. Спб. 1903.

Третій томъ обширнаго труда, предпринятаго проф. Сергѣвичемъ, представляетъ не меньшій, если не ббльшій, интересъ, чѣмъ первые два. Интересъ этотъ двоякаго рода: во-первыхъ, новый томъ затрогиваетъ коренные, важнѣйшіе научные вопросы, наиболѣе сильно занимающіе вниманіе молодого поколѣнія лицъ, занимающихся исторіей; во-вторыхъ, ставятся методологическіе вопросы, имѣющіе первенствующее значеніе во всякой наукѣ: г. Сергѣвичъ не мало сѣтуетъ на «недостатокъ школы» въ нашей ученой исторической литературѣ, на неумѣнье правильно читать и понимать источники и на отсутствіе надлежащей научной подготовки¹⁾.

Книга, если не считать обзоръ литературы предмета, распадается на двѣ части: въ одной говорится объ исторіи древнерусскаго землевладѣнія и хозяйства, въ другой о податномъ обложеніи. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью разборъ только первой части, потому что, во-первыхъ, эта часть имѣетъ наибольшую важность, и во-вторыхъ, основные приемы и результаты изслѣдованій автора хорошо выясняются уже при критическомъ разсмотрѣніи именно этой части.

Г. Сергѣвичъ дробитъ свое изложеніе исторіи древнерусскаго землевладѣнія и хозяйства на три отдѣла: одинъ озаглавленъ «своеземцы, государство, крестьянскія общины»; другой—«деревня, дворъ, село, погостъ»; третій—«хозяйственное пользованіе землями». Въ первомъ отдѣлѣ г. Сергѣвичъ разбираетъ слѣдующіе главные вопросы: 1) кто были своеземцы? 2) какъ возникло въ Новгородѣ государственное землевладѣніе? 3) существовало ли въ древней Руси общинное землевладѣніе? Второй отдѣлъ посвященъ 1) опредѣленію размѣровъ деревень, 2) уясненію перво-

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 495 и примѣчаніе на стр. 496.

начального типа деревни, 3) опредѣленію размѣровъ запашки, 4) анализу состава двороваго населенія и способу его регистраціи въ писцовыхъ книгахъ, 5) вопросу о складникахъ, 6) опредѣленію значенія погоста. Наконецъ, третій отдѣлъ трактуетъ 1) о размѣрахъ земельныхъ владѣній, 2) о системѣ хозяйства, 3) о формахъ землевладѣнія и хозяйства, 4) о величинѣ наемной платы, при чемъ изложеніе, соединенное съ критикой воззрѣній другихъ изслѣдователей, отличается значительной разбросанностью: такъ, напр., вопросы о хозяйственномъ значеніи бобылей, холоповъ, захребетниковъ, подворниковъ, относящіеся, несомнѣнно, къ формамъ хозяйства, отдѣлены отъ вопросовъ имъ родственныхъ, — о барщинѣ, барской запашкѣ и оброкѣ¹⁾. Въ третьемъ отдѣлѣ автору вообще нерѣдко приходится возвращаться къ вопросамъ, разобраннымъ въ двухъ первыхъ отдѣлахъ, и отсюда происходятъ повторенія, иногда даже противорѣчія. Уже это указываетъ на нѣкоторую нестройность изложенія. Такая нестройность подчеркивается еще однимъ обстоятельствомъ: каждый изъ трехъ названныхъ отдѣловъ стоитъ особнякомъ, внѣ органической связи съ другими, такъ что впечатлѣнія цѣльности и связности изучаемыхъ явленій не получается, а это дурной признакъ: автору, значить, едва ли удалось понять старинное землевладѣніе и хозяйство въ достаточной мѣрѣ, потому что понять какое-либо явленіе исторической жизни значитъ уяснить себѣ законъ его развитія и отношенія къ другимъ явленіямъ. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ мы получимъ въ трудѣ г. Сергѣевича только «разсыпанную храмину» фактовъ, отдѣльныхъ наблюденій, которыя придется обобщить самому читателю.

Но, быть можетъ, это—чисто-внѣшній недостатокъ, съ избыткомъ восполняющійся серьезностью и глубиной содержанія? Присмотримся внимательнѣе къ послѣднему. Главное вниманіе мы обратимъ при этомъ на тѣ взгляды автора, которые должны быть признаны оригинальными, и на представленную имъ критику чужихъ воззрѣній. Удобнѣе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединить отдѣльныя части сочиненія г. Сергѣевича, трактующія объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, и по каждому изъ этихъ вопросовъ формулировать взглядъ автора въ его цѣломъ, безъ той отрывочности и безпорядка, какимъ отличается разбираемое изслѣдованіе.

Первый основной вопросъ при изученіи землевладѣнія—это, конечно, вопросъ о субъектѣ владѣнія землей. Г. Сергѣевичъ категорически заявляетъ, что «типъ первоначального новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, т. е. частный соб-

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 132—148 и стр. 92—101.

ственникъ»¹⁾, при чемъ понятіе «своеземецъ» у нашего автора отличается необыкновенно—широкимъ содержаніемъ: къ своеземцамъ, по его мнѣнію, относятся не только «купцы, посадскіе люди, иконники, конюхи, попы»²⁾, но и сведенные Иваномъ III изъ Новгорода старинные новгородскіе бояре³⁾ и даже «монастыри и церкви»⁴⁾. Что купцы, посадскіе люди, иконники, конюхи, попы считались въ Новгородѣ своеземцами,—это несомнѣнно по той причинѣ, что земельныя владѣнія всѣхъ ихъ въ новгородскихъ переписныхъ оброчныхъ книгахъ конца XV вѣка *всеида* значатся подъ рубрикой «села и деревни своеземцевъ». Съ данными источниковъ согласно такимъ образомъ и утвердившееся въ литературѣ мнѣніе, что своеземцами или земцами назывались лица изъ низшаго слоя свободнаго населенія, такъ называемыхъ «черныхъ людей», владѣвшія на правѣ собственности землей⁵⁾. Несогласіе съ общепринятымъ объясненіемъ во всякомъ случаѣ обязываетъ автора представить обстоятельныя доказательства своего вывода. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Относительно бояръ нѣтъ ничего, кромѣ голословнаго увѣренія, что они тоже были своеземцами⁶⁾, что же касается монастырей, церквей и владыки, то они своеземцы потому, что «старинныя владѣнія духовныхъ учрежденій описываются иногда подъ рубрикой своеземцевъ непосредственно вслѣдъ за своеземцами, т. е. тоже какъ своеземцы»⁷⁾. Вотъ и все доказательство. Но для всякаго, кто внимательно читалъ новгородскія переписныя оброчныя книги конца XV вѣка, ясно, что это доказательство не имѣетъ достаточной силы: самъ г. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что владѣнія церковныхъ учрежденій лишь *иногда* заносятся подъ рубрику своеземцевъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ села и деревни монастырскія и владычни описываются подъ особыми отъ своеземцевъ рубриками, такъ что исклеченія, если бы они оказались, слѣдуетъ приписать простой небрежности переписчика, пропустившаго должествовавшую стоять рубрику. Этого однако мало: даже тѣ мѣста переписныхъ оброчныхъ книгъ, на которыя ссылается г. Сергѣевичъ,

1) Древности русскаго права, т. III, стр. 12 и 7.

2) Тамъ же, стр. 8.

3) Тамъ же, стр. 7.

4) Тамъ же, стр. 9.

5) См. напр., *Костомаровъ*, Сѣвернорусскія народоправства, томъ II, Спб. 1863, стр. 31; *Никитскій*, Исторія экономич. быта В. Новгорода, стр. 40; *Ключевскій*, Боярская дума др. Руси, изд. 2-е, стр. 183, и др.

6) Древности русскаго права, томъ III, стр. 7.

7) Тамъ же, стр. 9.

не подтверждают его вывода, потому что не являются исключениями изъ общаго правила: *во всѣхъ почти этихъ мѣстахъ ссть необходимыя рубрики*, вопреки утвержденію г. Сергѣевича. Авторъ ссылается въ подтвержденіе своего толкованія слова «своеземецъ» на слѣдующія десять мѣстъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ: «Временникъ», XII, 30, 64, 139, 178, и Новг. писц. книги, т. III, 22, 51, 65, 78, 104, 276 ¹⁾. Провѣряя его ссылки, видимъ, что въ первомъ случаѣ есть необходимая рубрика: въ текстѣ сказано: «въ Городенскомъ же погостѣ монастырскіе» ²⁾. То же самое надо сказать о второмъ ³⁾, третьемъ ⁴⁾, пятомъ ⁵⁾, седьмомъ ⁶⁾, восьмомъ ⁷⁾ и девятомъ ⁸⁾ случаяхъ. Съ перваго взгляда даже непонятно, какъ г. Сергѣевичъ не замѣтилъ надлежащихъ рубрикъ. Нѣкоторое разъясненіе даютъ въ этомъ отношеніи двѣ другія ссылки автора, — четвертая и десятая. Эти ссылки прямо невѣрны: на стр. 178 XII тома «Временника» нѣтъ, конечно, рубрики «въ Иломанскомъ же погостѣ деревни монастырскія», но она есть на слѣдующей страницѣ ⁹⁾ и по совершенно-понятной причинѣ: на 178-й страницѣ оканчивается описаніе имѣній своеземцевъ, а монастырскія вотчины начинаются только на стр. 179. Еще болѣе неточна десятая ссылка: на 276 столбцѣ мы тщетно стали бы искать рубрики «въ Городенскомъ погостѣ монастырскіе», но по той причинѣ, что тутъ не начинается, а продолжается описаніе монастырскихъ вотчинъ, начатое двумя столбцами раньше, на 274 столбцѣ, гдѣ и есть необходимая рубрика ¹⁰⁾. Теперь ясно, что ошибочныя, не подтверждающія мысли автора ссылки на источники произошли отъ недостаточно-внимательнаго ихъ чтенія. Одинъ только изъ приведенныхъ г. Сергѣевичемъ случаевъ — именно шестой — на первый взглядъ какъ будто

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

²⁾ Временникъ, XII, 30.

³⁾ Временникъ, XII, 64: „въ Сакульскомъ погостѣ монастырскіе“.

⁴⁾ Временникъ, XII, 139: „въ Кирыашскомъ погостѣ монастырскіе“.

⁵⁾ Новгородскія писц. книги, III, 22: „въ Пидебскомъ же погостѣ деревни владычни“.

⁶⁾ Новг. писц. кн., III, 65: „въ Гдицкомъ же погостѣ села и деревни монастырскіе“.

⁷⁾ Новг. писц. кн., III, 78: „въ Тесовскомъ же погостѣ деревни монастырскіе“.

⁸⁾ Новг. писц. кн., III, 104: „въ Спаскомъ же погостѣ монастырскіе и церковныя“.

⁹⁾ Временникъ, XII, 179.

¹⁰⁾ Новг. писц. кн., т. III, 274: „въ Городенскомъ же погостѣ монастырскіе“.

подтверждаетъ его мнѣніе, что монастырскія земли описывались иногда подъ общей рубрикой съ владѣніями своеземцевъ: въ указанномъ мѣстѣ читаемъ: «въ Лузскомъ же погостѣ волость Никольскаго монастыря Вежытцаго»¹⁾, а общей рубрики «деревни монастырскія» не находимъ. Но этотъ исключительный случай, казалось бы, слѣдовало объяснить проще всего небрежностью переписчика, пропустившаго необходимую рубрику, если бы не оказалось другого, еще болѣе естественнаго объясненія: дѣло въ томъ, что волость Никольскаго Вяжицкаго монастыря—*единственная* монастырская вотчина Лузскаго погоста, а въ подобныхъ случаяхъ писцы, составлявшіе новгородскія книги, никогда не ставили общихъ рубрикъ, какъ легко можно усмотрѣть, напр., изъ описанія Гдицкаго погоста; тамъ было только *одно* имѣніе своеземца—«деревня своеземцева Ѳомкина Матвѣева сына Воронкина», и потому поредъ ней нѣтъ общей рубрики «деревни своеземцевы»²⁾. Разсуждая по методу г. Сергѣевича, пришлось бы признать на основаніи этого мѣста, что своеземцевы имѣнія относятся къ предыдущей общей рубрикѣ, т. е. что они не отличались отъ «сель и деревень великаго князя оброчныхъ». Неправильность методическихъ приѣмовъ г. Сергѣевича и неосновательность его вывода выступаетъ такимъ образомъ съ совершенною очевидностью.

Отвергая такимъ образомъ предлагаемое г. Сергѣевичемъ распространительное, такъ сказать, толкованіе термина «своеземець», перейдемъ теперь къ другимъ частнымъ вопросамъ, входящимъ въ сферу общаго вопроса о субъектѣ земельного владѣнія. Прежде всего необходимо поговорить здѣсь о складникахъ. Г. Сергѣевичъ весьма опредѣленно, категорически высказывается о юридической природѣ складничества или складства. Складство, по его мнѣнію, «положеніе въ одну податную единицу (соху) для исчисления государева тягла»³⁾. Доказательствомъ этого мнѣнія служить единственный въ своемъ родѣ документъ, по которому писецъ князь Звенигородскій написалъ въ одну сошку четыре монастыря, и они оказываются въ складствѣ⁴⁾. Въ данномъ случаѣ авторъ примѣнилъ такимъ образомъ приѣмъ, прямо противоположный тому, съ какимъ мы встрѣтились у него въ вопросѣ о «своеземцахъ»: придавая термину «своеземець» чрезмѣрно широкой смыслъ, г. Сергѣевичъ далъ черезчуръ ограничительное толко-

1) Новг. писц. кн., III, 51.

2) Тамъ же, 65.

3) Древности русскаго права, т. III, стр. 60.

4) Акты Холмогорской епархіи, № 74.

ваніе слову «складникъ». Недавно появилась работа, которая представляет собою довольно тщательный анализ складства по изданнымъ источникамъ ¹⁾, и это избавляет насъ отъ необходимости возражать въ данномъ пунктѣ г. Сергѣевичу, такъ какъ въ общихъ выводахъ мы совершенно согласны съ г. Ключковымъ. Г. Ключковъ обстоятельно разбираетъ мнѣніе г. Сергѣевича и прежде всего доказываетъ, что въ томъ документѣ, на который ссылается послѣдній, четыре монастыря могутъ быть названы складниками не только по той причинѣ, что они написаны тяглою въ одну сошку, но и потому, что они владѣли сообща однимъ солянымъ промысломъ ²⁾. Затѣмъ г. Ключковъ приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ неправильность толкованія г. Сергѣевича: въ 1678 г. нищій имѣлъ на своемъ дворѣ складника-бобыля; «нищій тягло не песь, однако у него есть складникъ; очевидно, не тягло было основой даннаго складничества» ³⁾; въ другомъ случаѣ два ремесленника сложились капиталомъ для производства издѣлій изъ мѣди ⁴⁾; въ третьемъ складниками называются нѣсколько человекъ, которые сложились и купили на общія средства говяжье сало ⁵⁾; въ четвертомъ двое складываются «вмѣстѣ жить» и вести общее хозяйство ⁶⁾ и т. д. Общее заключеніе г. Ключкова таково: «складничество въ землевладѣніи возникало, во-первыхъ, на родственныхъ началахъ, во-вторыхъ, при соглашеніи вмѣстѣ жить и хозяйничать. въ-третьихъ, на почвѣ совмѣстнаго труда и, въ четвертыхъ, при совладѣніи землями» ⁷⁾. Это—довольно полная и вполне вѣрная характеристика складства, какъ оно передъ нами рисуется въ документахъ XVI и XVII вѣковъ. Можно только одно замѣтить: выводъ г. Ключкова не стоитъ ли въ какомъ противорѣчій съ теоріей г-жи Ефименко о первоначальномъ кровномъ происхожденіи сябринныхъ или складническихъ отношеній по землевладѣнію: одно дѣло—позднѣйшія отношенія, а другое—ихъ зародышъ; г. Ключковъ хорошо характеризовалъ складство и разные его виды въ XVI и XVII вѣкахъ, но историческій процессъ его происхожденія остался у него нераскрытымъ, и въ этомъ отношеніи теорія г-жи Ефименке не

1) *Ключковъ*, Къ вопросу о складникахъ, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1901 годъ, ноябрь.

2) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1901 г. ноябрь, стр. 34.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 35.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же, стр. 36.

7) Тамъ же, стр. 42.

поколеблена. Что же касается вывода г. Сергѣевича, то совершенно ясно на основаніи сказаннаго, что опъ основанъ на недостаточномъ матеріалѣ и является не болѣе, какъ поспѣшнымъ и потому неправильнымъ обобщеніемъ.

Чтобы закончить разборъ взглядовъ г. Сергѣевича на субъекты земельного владѣнія въ древней Руси, остается разсмотрѣть два вопроса—о поземельной общинѣ и о государственномъ землевладѣніи. Г. Сергѣевичъ говоритъ о земельной общинѣ въ двухъ мѣстахъ своего труда¹⁾ и утверждаетъ, что земельной общины въ нашемъ смыслѣ слова не было, при чемъ ссылается на новгородскія писцовыя книги. Онъ, несомнѣнно, правъ, но это давно и хорошо доказано до него, такъ что ничего новаго тутъ нѣтъ; проще было бы просто назвать тѣ изслѣдованія, въ которыхъ раньше г. Сергѣевича доказана защищаемая имъ мысль. Только то, что говоритъ авторъ о государственномъ землевладѣніи въ Новгородѣ, цѣнно и заслуживаетъ вниманія: г. Сергѣевичъ доказываетъ, что въ Новгородѣ возникло понятіе о государственномъ (а не государевомъ) землевладѣніи; въ составъ этого землевладѣнія входила земли Великаго Новгорода, отдававшіяся въ пользованіе князьямъ, напр., пожни у Ярослава Ярославича въ 1265 г., и упоминающіяся въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ села и деревни, бывшія «изъ—старинны» за намѣстниками²⁾. Къ этому прибавимъ еще отъ себя указаніе на «княжчины», которыхъ новгородцы въ договорахъ съ князьями обязуются «не таити»³⁾, т. е. должны отдавать ихъ князьямъ: это, очевидно, тоже земли Новгорода, отдававшіяся князю для ихъ хозяйственной эксплуатаціи имъ въ свою пользу. Извѣстно также, что не только Новгородъ какъ цѣлое, но и отдѣльные концы имѣли свои земли: припомнимъ рассказъ житія св. Саввы Вишерскаго о томъ, какъ вѣче Славянскаго конца дало святому землю въ Обонежской пятинѣ⁴⁾. Но предлагаемое г. Сергѣевичемъ объясненіе того, какъ образовались эти новгородскія государственныя земли, кажется намъ слишкомъ узкимъ: на основаніи извѣстнаго мѣста договора Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ 1305 года

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 25—40 и 123—126.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

³⁾ См., напр., Новг. 4 лѣт. подъ 6900 г. (П. С. Р. Л., т. IV); 6901 г. (тамъ же); Новг. 1 и 4 лѣт. подъ 6943 г. (П. С. Р. Л., томы III и IV); ср. Моск. гл. ар. мин. иностр. дѣлъ, книга по Новгороду № 5, л. 860: „въ Ярвосельскомъ погостѣ осталось во княжщинѣ“.

⁴⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. IV, М., 1854, стр. 236—237.

о томъ, что князь, его жена, бояре и слуги обязаны отдать обратно прежнимъ владѣльцамъ купленные ими въ Новгородской землѣ имѣнія съ возвратомъ денегъ, заплаченныхъ за нихъ; а если истцовъ нѣтъ, то «земля къ Новгороду»,—г. Сергѣевичъ заключаетъ, что государственное землевладѣніе произошло вслѣдствіе «выкупа новгородскихъ недвижимостей, проданныхъ людямъ иныхъ княженій»¹⁾. Нисколько не отрицая того, что этотъ источникъ дѣйствительно существовалъ, можно однако думать, что онъ не былъ единственнымъ, такъ какъ издавна были кончанскія земли, и можно предположить, что въ составъ новгородскаго государственнаго землевладѣнія вошли бывшія земли первыхъ новгородскихъ князей, существовавшія, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ, или земли, конфискованныя вѣчемъ въ пользу общины.

Второй крупный вопросъ, на который отвѣчаетъ г. Сергѣевичъ,—это вопросъ о размѣрахъ землевладѣнія и величинѣ поселеній. Въ этомъ отношеніи мы тщетно стали бы искать у нашего автора чего-либо новаго: что деревни были невелики, что «отдѣльные пашенные дворы и были тогда деревни», что однодеревенцы были въ большинствѣ случаевъ родственники, что въ громадномъ большинствѣ дворовъ былъ одинъ крестьянинъ, что были имѣнія и очень мелкія и чрезвычайно крупныя²⁾,—все это было извѣстно до появленія въ свѣтъ третьяго тома «Древностей русскаго права», такъ какъ вполне выяснено въ предшествующей исторической литературѣ³⁾. Интересуясь этими вопросами, г. Сергѣевичъ познакомился съ писцовыми книгами новгородскими, нашелъ въ нихъ то, что давно уже было найдено другими, и вмѣсто того, ограничиться указаніемъ, что по его повѣркѣ выводы другихъ оказались вѣрными, изложилъ результаты изученія писцовыхъ книгъ какъ собственные открытія. Едва ли можно признать такой пріемъ правильнымъ.

Наибольшее вниманіе въ разбираемомъ изслѣдованіи удѣлено хозяйственному пользованію землями, собственно двумъ вопросамъ—о формахъ хозяйства и о его техникахъ или системахъ. Вопросы, несомнѣнно, преисполненные живѣйшаго интереса; постараемся отнестись къ изложенію г. Сергѣевича съ большимъ вниманіемъ, не упустить ничего существеннаго въ его взглядахъ.

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 42, 45, 54, 65, 90—92.

³⁾ См., напр., *Бяляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Моск. государствѣ («Временникъ», XI), *Соколовскій*, Экономическій бытъ землед. населенія Россіи; *Никитскій*, Исторія экономич. быта В. Новгорода; мое «Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.» и др.

Сначала—о техникѣ хозяйства. О ней говорится опять въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія и внѣ надлежащей связи съ другими сторонами экономической жизни и землевладѣльческихъ отношеній. Прежде всего встрѣчаемъ два предположенія: 1) что въ концѣ XV вѣка сѣяли такъ же густо, какъ теперь ¹⁾, 2) что новгородская коробья равнялась одной московской четверти ²⁾. Первое изъ этихъ предположеній имѣетъ за себя данныя, но г. Сергѣевичъ далеко не вполне ими воспользовался: онъ ссылается на факты, собранные въ книгѣ Миклашевскаго и относящіяся къ XVII вѣку, но не пользуется указаніями *изданныхъ* источниковъ XVI вѣка ³⁾, несравненно болѣе важными въ данномъ случаѣ по своей болѣе древности. Что же касается предположенія, что новгородская коробья равнялась московской четверти, то оно, во-первыхъ, произвольно, во-вторыхъ, находится въ прямомъ противорѣчій со всѣми извѣстными до сихъ поръ данными источниковъ, настолько притомъ несомнѣнными, что *все* изслѣдователи безъ исключеній единогласно признаютъ коробью равной двумъ новгородскимъ четвертямъ, и разногласіе между ними начинается лишь въ вопросѣ объ отношеніи новгородской четверти въ московской: кто, какъ Никитскій ⁴⁾, признаетъ ихъ равными, тотъ признаетъ коробью вдвое болѣе, чѣмъ московская четверть, а кто, подобно г. Ключевскому ⁵⁾, признаетъ, что въ новгородской четверти было $1\frac{1}{2}$ московскихъ, тотъ приравниваетъ коробью тремъ московскимъ четвертямъ. Такимъ образомъ предположеніе г. Сергѣевича находится въ рѣзкомъ противорѣчій не только съ существующими взглядами, но и съ источниками.

Далѣе встрѣчаемся опять съ тѣмъ приѣмомъ, съ которымъ мы уже знакомы у нашего автора: онъ отъ себя приводитъ мнѣніе, уже высказанное въ литературѣ и подкрѣпленное тѣмъ же доказательствомъ, какое выставляется и имъ. Именно: г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что въ концѣ XV вѣка въ Новгородской области уже господствовала трехпольная система хозяйства, и доказываетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что во второй половинѣ XV и въ

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 54.

³⁾ Писцовыя книги Моск. государства, I, 1, стр. 896—903; В. и Г. Холмогоровы, Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ, вып. 9, приложение, стр. 89—94.

⁴⁾ Къ вопросу о мѣрахъ въ древней Руси: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апрѣль, стр. 392—393.

⁵⁾ Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ вышнему, стр. 9, 10, 16, 17.

XVI вѣкѣ трехполье уже существовало въ центральной Россіи, а во-вторыхъ, указаніемъ на несомнѣнность посѣвовъ яровыхъ хлѣбовъ, упоминаемыхъ въ составѣ натуральныхъ земледѣльческихъ оброковъ¹⁾. Самая эта мысль и второе ея доказательство, которое одно только и имѣетъ серьезное значеніе для Новгородской области, принадлежитъ г. Владиславлеву, который высказалъ это еще въ 1892 г. въ своей статьѣ «Обжа»²⁾.

Вотъ и все, что говорить г. Сергѣевичъ о земледѣльческой техникѣ: это, во-первыхъ, очень немного, во-вторыхъ, иногда противорѣчитъ источникамъ и потому невѣрно, въ-третьихъ, то, что вѣрно, не ново, хотя высказано безъ указанія на предшественниковъ.

Всего сложнѣе вопросъ о формахъ хозяйства. Тутъ надо разобратъ значеніе разныхъ разрядовъ населенія, характеризовать различные способы эксплуатаціи земли и труда. Относительно этихъ способовъ г. Сергѣевичъ высказываетъ слѣдующіе взгляды: барская пашня въ Новгородской области конца XV вѣка была невелика, обрабатывалась обыкновенно холопами, рѣдко крестьянской барщиной; господствовала крестьянская аренда за оброкъ, который уплачивался то деньгами, то посопнымъ хлѣбомъ, то долей урожая; холоповъ было мало, преобладали крестьяне³⁾. Во всемъ этомъ, опять довольно разбросанномъ, недостаточно—связномъ изложеніи опять-таки нѣтъ ничего, что не было бы извѣстно раньше⁴⁾. Предшествующая литература даетъ даже и то, чего нѣтъ по этому вопросу у г. Сергѣевича и что имѣетъ какъ разъ очень важное значеніе: опредѣлена для новгородскихъ пятинахъ конца XV вѣка относительная распространенность всѣхъ трехъ видовъ оброка—денежнаго, посопнымъ хлѣбомъ и долею урожая: процентъ перваго равняется для Вотской пятины 9,2, для Шелонской 10,9, для Деревской 31,4, для втораго соотвѣтствующія цифры по тѣмъ же пятинамъ 40,8; 46,4 и 34,8, а для третьяго 50, 42,7 и 34%. Эти данныя даютъ возможность составить опредѣленное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ проникло денежное обращеніе въ народныя массы. Г. Сергѣевичъ не могъ ихъ получить, потому что, по его собственнымъ сло-

1) Древности русскаго права, томъ III, прим. 2 на стр. 90.

2) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 годъ, августъ, стр. 235.

3) Древности русскаго права, т. III, стр. 92 и сл., 107 и сл., 143 и сл.

4) См., напр., *Соколовскаю*, „Экономическій бытъ земледѣльч. населенія Россіи“, или мое „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“ и т. д.

вамъ въ другомъ мѣстѣ, изучалъ писцовыя книги не въ ихъ цѣломъ, а подбирая примѣры, «случайно попавшіе на глаза»¹⁾.

Затѣмъ г. Сергѣевичъ касается важнѣйшихъ вопросовъ не только хозяйственной, но и социальной исторіи: вопросовъ о прикрѣпленіи крестьянъ и объ исторіи бобыльства. Въ I томѣ своихъ «Древностей» г. Сергѣевичъ выступилъ убѣжденнымъ приверженцемъ стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, мнѣнія, сущность котораго сводится, какъ извѣстно, къ тому, что крѣпостное право на крестьянъ возникло вслѣдствіе государственныхъ потребностей и установлено было указомъ, изданнымъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1592 году. Третій томъ даритъ насъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ сюрпризомъ: нашъ авторъ, правда, по прежнему утверждаетъ, что въ 1592 г. былъ изданъ указъ о прикрѣпленіи, но—и это въ его устахъ ново—замѣчаетъ, что «Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 годахъ переходъ крестьянъ»²⁾, цитуетъ затѣмъ извѣстные слова Уложенія 1649 г., что «по нынѣшній государевъ указъ не было заповѣди, что никому за себя крестьянъ не примати», и дѣлаетъ опять таки замѣчательный для сторонника стараго направленія выводъ: до половины XVII вѣка «не было полного прикрѣпленія»³⁾. Изъ этого можно усмотрѣть, что непримиримая позиція противниковъ новой теоріи въ сущности оставлена ихъ главой. Мало того: г. Сергѣевичъ склоняется даже къ мнѣнію, что причинъ крѣпостной неволи надо искать въ экономическихъ условіяхъ времени, — въ развитіи барщины и барской запашки⁴⁾. Правда, онъ не обращаетъ вниманія на то, что такой взглядъ былъ формулированъ и доказанъ до него, при чемъ была отмѣчена и болѣе общая причина, производшая и развитіе барщины,—именно зарожденіе денежнаго хозяйства,—но хорошо и то, что старая узко-государственная точка зрѣнія на происхожденіе одной изъ важнѣйшихъ переменъ въ русскомъ социальномъ строѣ признана несостоятельной тѣмъ, кто такъ долго и упорно стоялъ на ней. Говоря о томъ, какъ теперь понимаетъ г. Сергѣевичъ происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, нельзя не обратить вниманія на полемическія замѣчанія его по адресу г. Дьяконова. Извѣстно, что этотъ послѣдній изслѣдователь примыкаетъ къ новому направленію въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ,—къ тому направленію,

1) Древности русскаго права, томъ III, стр. 91.

2) Тамъ же, примѣчаніе на стр. 154.

3) Тамъ же, стр. 160.

4) Тамъ же, стр. 151—152.

которое строго различает фактическую подготовку крѣпостного права хозяйственными и социальными условиями и юридическое установленіе его сначала частными договорами крестьянъ съ землевладѣльцами, а затѣмъ закономъ. Ученая заслуга г. Дьяконова въ данномъ вопросѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ указалъ нѣкоторые юридическіе прецеденты законодательнаго установленія крестьянской крѣпости и нѣкоторыя социальныя явленія, фактически подготовлявшія прикрѣпленіе: такъ, напр., г. Дьяконовъ доказалъ, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка считались крѣпкими тяглу и пользовались правомъ перехода лишь условно, если они садили на свое мѣсто другихъ жильцовъ ¹⁾. Г. Сергѣевичъ дѣлаетъ на это два возраженія въ двухъ мѣстахъ своей книги. Въ одномъ онъ говоритъ, что своимъ утвержденіемъ о прикрѣпленіи тяглыхъ людей г. Дьяконовъ доказываетъ больше, чѣмъ хотѣлъ,—именно, что *все* крестьяне въ половинѣ XVI вѣка были вполнѣ прикрѣплены ²⁾. Очевидно г. Сергѣевичъ, читая книгу г. Дьяконова, не замѣтилъ указанной послѣднимъ *условности* прикрѣпленія. Не надо притомъ забывать, что среди сельскаго населенія было много и нетяглыхъ людей, такъ что отождествлять тяглыхъ людей со всѣми сельскими обывателями, какъ то дѣлаетъ г. Сергѣевичъ, совершенно невозможно. Въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на только что нами упомянутый извѣстный всѣмъ текстъ Уложенія о несуществованіи до половины XVII вѣка законодательнаго прикрѣпленія крестьянъ, г. Сергѣевичъ упрекаетъ г. Дьяконова въ ошибочномъ утвержденіи, будто крестьяне были прикрѣплены уже въ половинѣ XVI вѣка ³⁾. Но всякому, кто внимательно читалъ книгу г. Дьяконова, извѣстно, что онъ ничего подобнаго не утверждалъ: по его мнѣнію, *законодательное* прикрѣпленіе крестьянъ было установлено только Уложеніемъ 1649 г.; юридическими прецедентами его были условное прикрѣпленіе тяглыхъ людей, крѣпость сторожилцевъ и условія о невыходѣ въ порядныхъ грамотахъ; *фактически* крестьяне, вслѣдствіе задолженности, лишились возможности свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому еще во второй половинѣ XVI вѣка ⁴⁾. Нельзя такимъ образомъ не признать, что г. Сергѣевичъ недостаточно внимательно читалъ книгу г. Дьяконова, откуда и произошли показанныя сейчасъ недоразумѣнія.

¹⁾ Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 9, 11.

²⁾ Древности русскаго права, томъ III, стр. 450.

³⁾ Тамъ же, стр. 160.

⁴⁾ Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 2—4, 8—11, 16, 28 и др.

Говоря о бобыльствѣ, г. Сергѣевичъ считаетъ историческими предшественниками бобылей новгородскихъ поземщиковъ конца XV вѣка и подкрѣпляетъ эту мысль указаніемъ на то, что и поземщики и бобыли платили «поземь»¹⁾. Все это совершенно вѣрно, но и самая мысль и ея доказательство были высказаны за нѣсколько лѣтъ до появленія книги г. Сергѣевича²⁾. Вторая черта замѣчаній г. Сергѣевича о бобыляхъ—это встрѣчающаяся въ нихъ нерѣдко аподиктичность, необоснованность, доходящая даже до противорѣчія источникамъ. Такъ, напр., по мнѣнію г. Сергѣевича, «бобыль и въ старину, конечно (?), имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это одинокій, бѣдный человѣкъ»³⁾; это надо было бы доказать, но—прибавимъ—доказать это, по крайней мѣрѣ, для XVI вѣка, нельзя, потому что тогда сплошь и рядомъ встрѣчались зажиточные бобыли⁴⁾, что впрочемъ признаетъ и самъ г. Сергѣевичъ, говоря, это «непашенные люди не были же непременно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ»⁵⁾. Авторъ считаетъ возможнымъ по этому поводу упрекнуть писцовъ XVI в. въ «неточности» употребленія слова «бобыль»⁶⁾, но вѣдь эта мнимая неточность ихъ произошла отъ произвольнаго предположенія г. Сергѣевича, на котораго поэтому и надо обратить дѣлаемый имъ по адресу писцовъ упрекъ. Затѣмъ г. Сергѣевичъ высказываетъ мнѣніе, что документы XVII вѣка о бобыляхъ изображаютъ «порядокъ не новый, а старый»⁷⁾. Опять доказательствъ не приводится, а между тѣмъ, какъ это хорошо показано г. Дьяконовымъ⁸⁾, бобыли XVI вѣка сильно отличались отъ позднѣйшихъ. Наконецъ, г. Сергѣевичъ очень оригинально, по, по моему мнѣнію, совершенно неправильно толкуетъ касающіеся бобылей документы XVII вѣка. По его объясненію, бобыли XVII вѣка—это наемные слуги, жившіе на дворѣ господина и работавшіе на послѣдняго, обязанные неустойкой въ случаѣ ухода и занимавшіе положе-

1) Древности русскаго права, т. III, стр. 132.

2) См. мою рецензію на книгу г. Дьяконова въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ за 1899 годъ, № 1, стр. 241.

3) Древности русскаго права, т. III, стр. 134.

4) См. мою рецензію на книгу г. Дьяконова въ „Журн. Минист. Народ. Пров.“ за 1899 г., № 1, стр. 241—242 и прим. 4-е на стр. 241.

5) Древности русскаго права, т. III, стр. 134.

6) Тамъ же.

7) Тамъ же, стр. 135.

8) Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Моск. госуд., стр. 210—212 и 229 и сл.

ніе даже болѣе низкое, чѣмъ кабальные холопы¹⁾). Что бобыли въ качествѣ наемныхъ рабочихъ являются виднымъ и многочисленнымъ элементомъ въ сельскомъ хозяйствѣ XVII вѣка,—это вѣрно. Но никакъ нельзя признать, что дача бобылемъ оброчной записи ставила его въ особо-зависимое положеніе: бобыльская оброчная запись сама по себѣ, независимо отъ специальныхъ условій, въ нее вносимыхъ, не обуславливала какого-либо особаго подчиненія, какъ не обуславливала его и крестьянская порядная. Далѣе: г. Сергѣевичъ, основываясь на одномъ документѣ, въ которомъ сказано, что бобыль, если уйдетъ со двора господина, обязуется платить послѣднему ежегодный оброкъ за пашенное и всякое его дѣло, утверждаетъ, что оброкъ бобыльскій надо понимать всегда въ смыслѣ неустойки²⁾. Съ этимъ опять-таки нельзя согласиться, потому что, не говоря уже о другихъ актахъ, въ которыхъ какъ-то извѣстно и г. Сергѣевичу, бобыли обязуются разомъ и оброкомъ и сдѣльемъ, а иногда и однимъ оброкомъ, даже только что цитованный документъ не даетъ опоры для объясненія, предлагаемаго нашимъ авторомъ: въ немъ рѣчь идетъ просто о замѣнѣ бобыльского «сдѣлья» оброкомъ; какъ крестьянинъ, такъ и бобыль могъ сидѣть или на барщинѣ или на оброкѣ; въ послѣднемъ случаѣ бобыль арендовалъ усадьбу у землевладѣльца въ деревнѣ, иногда и въ городѣ (послѣднимъ и объясняется случай платежа оброка бобылемъ, поселившимся въ Ярославлѣ, который приводитъ г. Сергѣевича въ такое недоумѣніе³⁾).

Въ предшествующемъ изложеніи я старался критиковать по преимуществу собственныя воззрѣнія г. Сергѣевича, касаясь его нападокъ на другихъ изслѣдователей лишь постольку, поскольку это было необходимо для пониманія трактованныхъ научныхъ вопросовъ. Защищать другихъ мнѣ казалось дѣломъ несовсѣмъ деликатнымъ, потому что эти другіе, при желаніи, конечно, сами сумѣютъ защититься. Но я считаю себя обязаннымъ въ интересахъ дѣла, а не только изъ побужденій самолюбія, разобрать тѣ критическія замѣчанія, которыя г. Сергѣевичъ дѣлаетъ по поводу моей книги «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ». Первый вопросъ, котораго здѣсь касается г. Сергѣевичъ, это вопросъ о барской запашкѣ въ XVI вѣкѣ. Онъ дѣлаетъ мнѣ въ этомъ отношеніи два возраженія: во-первыхъ, матеріаль, находившійся въ моемъ распоряженіи, недостаточенъ

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 135—139.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

³⁾ Тамъ же, стр. 139.

и потому ничего не доказывает¹⁾); во-вторыхъ, говоря о монастырскихъ вотчинахъ, я беру «все вотчины разныхъ монастырей и разныхъ вотчины. Если бы мы имѣли описаніе одной и той же вотчины въ 1558 и 1598 году, и если бы въ первомъ описаніи не было указано монастырской запашки, а во второмъ было, мы могли бы сдѣлать заключеніе, что она распространяется», но этого какъ разъ у меня, по мнѣнію г. Сергѣевича, и нѣтъ²⁾). Прежде всего отвѣчу на второе замѣчаніе. Оно показываетъ, что г. Сергѣевичъ недостаточно внимательно читалъ мою книгу: *дѣло въ томъ, что въ моей таблицѣ встрѣчаются вотчины, о которыхъ имѣются данныя за пятидесятыя и шестидесятыя годы XVI вѣка, съ одной стороны, и за девяностыя—съ другой.* Такъ о вотчинахъ Новодѣвичьяго и Саввина-Сторожевскаго монастырей въ Звенигородскомъ уѣздѣ имѣются данныя отъ 1558—59 г. и отъ 1592—93; о вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ Костромскомъ и Переяславль-Залѣсскомъ уѣздахъ у меня приведены данныя за шестидесятыя и девяностыя годы; то-же надо сказать о переяславскихъ вотчинахъ Троицкаго-Киржацкаго монастыря; наконецъ, объ имѣніяхъ Махрищскаго монастыря у меня приведены данныя за 1562 годъ, а въ итогъ Троицкихъ вотчинъ по тому же уѣзду за 1592—93 г. внесены и имѣнія Махрищскаго монастыря, приписаннаго къ Троицкому-Сергіеву³⁾). Итакъ г. Сергѣевичъ ошибается, утверждая, что въ моей таблицѣ «все разныхъ вотчины». А затѣмъ я позволю себѣ высказать положеніе, что, если мы имѣемъ рядъ наблюденій по смежнымъ между собою уѣздамъ за определенное время, причемъ всѣ эти наблюденія совпадаютъ между собою по ихъ смыслу, и если съ другой стороны мы имѣемъ другой рядъ столь же согласныхъ между собою наблюденій по тѣмъ же уѣздамъ, но въ другой хронологическій моментъ, то, хотя бы отдѣльныя имѣнія были не всегда одни и тѣ же, сравненіе все-таки возможно и можетъ повести къ правильнымъ выводамъ: не то важно, что въ одномъ и томъ же имѣніи дѣло обстояло такъ въ половинѣ столѣтія и иначе въ его концѣ, а то, что во всѣхъ центральныхъ уѣздахъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, по имѣющимся даннымъ, почти не было монастырской запашки, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ она достигла значительныхъ размѣровъ; нельзя вырывать отдѣльныя подробности и сравнивать ихъ по десятилѣтіямъ, надо взять весь матеріалъ въ цѣломъ: только тогда мы можемъ приблизиться къ

1) Тамъ же, стр. 477.

2) Тамъ же, стр. 478.

3) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 134—137.

идеалу массоваго наблюдёнія, выставляемому современной статистической теоріей. Что касается перваго критическаго замѣчанія г. Сергѣевича—о недостаточности матеріала,—то, хотя, конечно, желательно было бы большее его обиліе, но все-таки матеріала не такъ мало, какъ кажется г. Сергѣевичу: матеріаль по данному вопросу изложенъ не только на указанныхъ имъ страницахъ ¹⁾, но и на рядѣ другихъ страницъ ²⁾, при чемъ относительно новгородскихъ пятинъ можно сказать, что матеріала очень много, потому что писцовыя книги по этой области сохранились въ большемъ количествѣ ³⁾.

То, что сейчасъ сказано о возраженіяхъ г. Сергѣевича по поводу размѣровъ барской запашки, приходится цѣликомъ повторить и о его замѣчаніяхъ, касающихся средняго количества земли на дворъ и на рабочаго и перемѣнъ въ системѣ земледѣлія: и здѣсь г. Сергѣевичъ ошибается, указывая, что мною взяты «все разныя имѣнія», не принимаетъ въ соображеніе *единогласія* данныхъ по сосѣднимъ уѣздамъ и, наконецъ, игнорируетъ фактъ большого обилія матеріала по отдѣльнымъ областямъ ⁴⁾. Поэтому я не буду останавливаться на этихъ вопросахъ.

Много вниманія удѣляетъ г. Сергѣевичъ тому обстоятельству, что мои вычисленія обыкновенно не соотвѣтствуютъ итогам писцовыхъ книгъ ⁵⁾, и недоумѣваетъ по поводу этого несоотвѣтствія: по мнѣнію г. Сергѣевича, мнѣ «слѣдовало бы объяснить, отчего его (т. е. мои) итоги расходятся съ напечатанными», но я «этого не сдѣлалъ»: «мы», прибавляетъ г. Сергѣевичъ, «не нашли этого объясненія въ составленныхъ имъ таблицахъ» ⁶⁾. Въ таблицахъ такого объясненія, дѣйствительно, нѣтъ, но оно есть въ приложеніи VI-мъ, специально посвященномъ писцовымъ книгамъ XVI вѣка и указывающемъ на невѣрность писцовыхъ итоговъ ⁷⁾. Если бы г. Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на это приложеніе, его недоумѣніе разсѣялось бы, исчезло бы, надо думать, и довѣріе къ итогам писцовыхъ книгъ.

Въ своей книгѣ я предложилъ объясненіе выраженія «пахать землю наѣздомъ» въ томъ смыслѣ, что это означало низкій уро-

1) Именно на стр. 129—137 моей книги.

2) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 140—143, 156—160, 168—169, 174, 176—177, 180, 186—190.

3) Тамъ же, стр. 186—190.

4) Древности русскаго права, т. III, стр. 479—482.

5) Тамъ же, стр. 482—484.

6) Тамъ же, примѣчаніе на стр. 484.

7) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 501—502.

вень земледѣльческой техники, отсутствіе правильного сѣвооборота, хищническое хозяйство ¹⁾. Г. Сергѣевичъ несогласенъ съ моимъ объясненіемъ, но не разбираетъ всѣхъ моихъ доказательствъ, а критикуетъ только одно, состоящее въ указаніи, что уже въ XVI вѣкѣ считали пахоту наѣздомъ признакомъ примитивной хозяйственной техники: въ одномъ актѣ 1561 года сказано, что 13 монастырскихъ деревень запустѣли оттого, что арендаторы пахали ихъ наѣздомъ ²⁾. Г. Сергѣевичъ объясняетъ этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что арендаторы «взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переѣхали въ нихъ жить», а «наѣзжали только для обработки земли. Вотъ это и значить деревни позапустѣли» ³⁾. Итакъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, деревни были уже пустыя, а потомъ запустѣли отъ арендаторовъ. Какъ могли и безъ того пустыя деревни еще позапустѣть,—это составляетъ тайну нашего автора.

Изобличая мои прегрѣшенія противъ теоріи статистики, г. Сергѣевичъ однако мнѣ ихъ снисходительно извиняетъ, основываясь на томъ, что «изученіе статистики для общихъ историковъ въ нашихъ университетахъ необязательно» ⁴⁾. Я долженъ возвратить обратно г. Сергѣевичу это извиненіе, потому что, если я погрѣшилъ противъ статистическаго метода, то снисходительности тутъ не должно быть мѣста: кто беретъ за статистическую работу, тотъ долженъ быть знакомъ съ основными приемами статистическаго изслѣдованія. Но для вѣщаго обличенія моего невѣжества въ теоріи статистики г. Сергѣевичъ беретъ одинъ примѣръ, достаточно характерный, какъ сейчасъ увидимъ, для пониманія статистическихъ приемовъ самого почтеннаго профессора. Онъ указываетъ, что у Златоустовскаго монастыря въ селѣ Разсудовскомъ въ 1573 г. было 10 четвертей монастырской пашни и 12 ч. крестьянской, а у Чудова монастыря въ селѣ Борисовскомъ 118 ч. монастырской запашки и 24 ч. крестьянской; отсюда дѣлается выводъ: въ первомъ случаѣ монастырская пашня составляетъ 80% крестьянской пашни, а во второмъ болѣе 400% ⁵⁾. Нетрудно понять, что эти разсужденія являются результатомъ двойного недоразумѣнія: во-первыхъ, г. Сергѣевичъ не уяснилъ себѣ надлежащихъ приемовъ вычисленія относительныхъ размѣровъ

¹⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.; стр. 64; ср. еще Судебникъ царя Феодора Иоанновича, М., 1900, стр. 42, статья 61.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Переясл. у., № 8918.

³⁾ Древности русскаго права, т. III, прим. 2 на стр. 127—128.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 482.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 479.

барской и крестьянской пашни; во-вторыхъ, онъ неправильно вычисляетъ процентное отношеніе барской и крестьянской запашки къ общей площади имѣнія. Имѣніемъ, какъ хозяйственно-административнымъ цѣлымъ, является не одно село, а и деревни, къ нему тянущія: село—центръ, гдѣ живетъ приказчикъ, куда крестьяне опредѣленнаго имѣнія доставляютъ оброкъ и гдѣ на боярской пашнѣ они отбываютъ барщину. Поэтому, вычисляя въ четвертяхъ размѣры барской и крестьянской пашни, надо брать все имѣніе, а не одно только село, какъ неправильно дѣлаетъ г. Сергѣевичъ. Чтобы не затруднять вниманія читателей, я соединялъ вмѣстѣ всѣ отдѣльныя имѣнія извѣстнаго монастыря въ данномъ уѣздѣ: отъ этого, очевидно, результаты по существу не измѣнялись. Между тѣмъ, если взять одно село безъ деревень, въ которыхъ барской пашни обыкновенно не было,—она была въ селѣ,—то получатся невѣрные выводы, потому что будетъ оставлена безъ вниманія масса земли, находящейся подъ крестьянской пашней. Въ этомъ первая ошибка г. Сергѣевича: онъ невѣрно опредѣлилъ объектъ статистическаго изслѣдованія, хозяйственно-административную единицу. Вторая его ошибка состоитъ въ слѣдующемъ: для всякаго ясно, что, если, напр., мы имѣемъ площадь въ 100 десятинъ, изъ которыхъ 20 дес. подъ барской запашкой, а 80 обрабатываются крестьянами, то, опредѣляя процентное отношеніе барской и крестьянской пашни къ общей площади распаханной земли, мы получимъ, что барская запашка составляла 20% этой площади, а крестьянская 80%; а г. Сергѣевичъ разсуждаетъ иначе: по его методу выходитъ, что крестьянская пашня составляетъ 400% барской. Таковъ урокъ теоріи статистики, который даетъ намъ г. Сергѣевичъ.

Методы и приемы научной работы имѣютъ первостепенное значеніе для ея результатовъ. Предшествующее изложеніе дало намъ матеріалъ для сужденія о методахъ и приемахъ ученой работы г. Сергѣевича: почтенный профессоръ говоритъ нерѣдко отъ себя то, что до него сказано другими; онъ то чрезмѣрно расширяетъ, то ограничительно толкуетъ прямой смыслъ источниковъ; онъ не всегда внимательно читаетъ и источники и чужія сочиненія; онъ обнаруживаетъ, наконецъ, неправильное пользованіе научными методами и приемами, которые признаетъ самъ для себя обязательными. Неудивительно, что и результаты работы соотвѣтствуютъ такой ея методологической основѣ.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ истории сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб. 1898.

Исторія сельскаго населенія въ Московской Руси—съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали ее разсматривать, съ точки зрѣнія юридической, или бытовой—является предметомъ очень мало разработаннымъ въ русской исторической литературѣ. Самые важные вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права на крестьянъ, до сихъ поръ остаются спорными; мало того: совершенно неясною, по крайней мѣрѣ недостаточно разъясненною остается и самая древнерусская терминологія, которою обозначались элементы, входившіе въ составъ сельскаго населенія. Понятно, что при такомъ состояніи нашихъ знаній о незыблемыхъ, прочно установленныхъ общихъ выводахъ не можетъ быть рѣчи: самое лучшее, чего можно ожидать отъ изслѣдователя,—это болѣе или менѣе смѣлая догадка, болѣе или менѣе проблематическая теорія, полезная именно потому, что она способна обратить на себя общее вниманіе, вызвать всестороннее объясненіе затронутыхъ вопросовъ и тѣмъ содѣйствовать достиженію научной истины. Такой путь гипотетическаго, такъ сказать, изслѣдованія исторіи сельскаго населенія древней Руси избралъ проф. В. О. Ключевскій, главнымъ образомъ въ двухъ своихъ замѣчательныхъ трудахъ «Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи» и «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи». Надо впрочемъ замѣтить, что авторъ этихъ изслѣдованій ввелъ въ ученый оборотъ и много новаго рукописнаго матеріала и тѣмъ, наряду съ общео теоретическою постановкой ряда вопросовъ первостепенной важности, содѣйствовалъ появленію другихъ работъ, задающихся болѣе скромною, но, быть можетъ, не менѣе полезною цѣлью провѣрить самыя основы нашихъ знаній въ данной области при помощи по возможности всего наличнаго изданнаго и неизданнаго матеріала, доступнаго въ настоящее время изученію.

именно цѣль ставить себѣ г. Дьяконовъ въ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше.

Книга г. Дьяконова дѣлится на шесть очерковъ, почти не имѣющихъ непосредственной связи одинъ съ другимъ, что значительно затрудняетъ изложеніе ея содержанія: приходится имѣть дѣло лишь съ отдѣльными очерками, а не съ книгой какъ цѣлымъ, необходимо уяснить себѣ сначала рядъ частныхъ выводовъ, чтобы потомъ изъ нихъ отвлечь общую идею, отъ формулированія которой авторъ устранился сознательно¹⁾, но которая тѣмъ не менѣе должна существовать, если только въ частныхъ выводахъ есть, хоть зерно истины, если они отражаютъ дѣйствительную историческую жизнь русскаго общества въ московскій періодъ: вѣдь какъ бы ни были сложны и непонятны на первый взглядъ жизненные явленія, въ нихъ всегда есть смыслъ, всегда отражается какой-либо процессъ, открытія котораго и составляетъ цѣль научной работы.

Въ первомъ очеркѣ идетъ рѣчь о крестьянахъ-старожильцахъ или старинныхъ. Первая мысль, которая здѣсь проводится, заключается въ томъ, что, за сравнительно немногочисленными исключеніями, «тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются», хотя въ законодательствѣ это правило и не было формулировано²⁾. Это положеніе обосновывается цѣлымъ рядомъ фактовъ: 91-й статьёй царскаго Судебника, гдѣ торговымъ тяглымъ людямъ запрещается селиться за монастырями, 98-й статьёй Стоглава, въ которой формулировано это же правило, только обращенное къ монастырскимъ властямъ, и архіерейскимъ каеэдрамъ: и тѣ и другія безусловно лишены права перезывать въ свои слободы тяглыхъ городскихъ людей; далѣе то же подтверждается отдѣльными частными запрещеніями; если такимъ образомъ по отношенію къ тяглымъ посадскимъ людямъ встрѣчаются—въ Судебникѣ и Стоглавѣ—попытки создать общую правовую норму, то этого незамѣтно совѣмъ въ отношеніи къ волостнымъ тяглымъ людямъ: здѣсь, кромѣ частныхъ мѣстныхъ запрещеній принимать и селять тяглыхъ и письменныхъ людей, не встрѣчается ничего; такія частныя запрещенія имѣли мѣсто и въ удѣльное время, но тогда они и сохраняли только частное значеніе, теперь же, съ объединеніемъ Руси, по мнѣнію г. Дьяконова, они содѣйствовали выработкѣ мысли о прикрѣпленіи тяглыхъ людей къ тяглу³⁾. Прикрѣпленіе это не было впрочемъ

1) См. предисловіе къ „Очеркамъ изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 2.

2) *Дьяконовъ*. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 9.

3) Тамъ же, 2—4, 8—9.

безусловнымъ: переходъ тяглыхъ людей считался законнымъ, если переходившій садилъ на свое мѣсто другого жильца ¹⁾).

Но на ряду съ вообще тяглыми людьми во второй половинѣ XVI вѣка являются прикрѣпленными къ мѣсту своего жительства еще крестьяне-старожильцы; опять-таки законодательство отстало здѣсь отъ жизни, не оформило общеою нормой крѣпости крестьянъ-старожильцевъ. На дѣлѣ однако старожильцы обыкновенно считались крѣпостными уже въ XVI вѣкѣ; при чемъ основаніемъ, по которому опредѣлялось старожильство, судебная практика того времени выставила запись въ писцовыя книги и другіе официальные документы, санкціонированные правительствомъ. Кто записанъ былъ за извѣстнымъ замлевлдѣльцемъ въ писцовую книгу, безъ отмѣтки «приходець», — тотъ и признавался его крѣпостнымъ старожильцемъ. Въ XVII вѣкѣ старожильцами стали считаться еще дѣти крестьянъ, родившіяся въ предѣлахъ даннаго имѣнія, и крестьяне и бобыли, приобрѣтенные ихъ владѣльцами по купчимъ, даннымъ, закладнымъ, ряднымъ и пр. Два послѣднихъ основанія явились уже тогда, когда «выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской», и признаки утвержденія этой идеи можно найти уже въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVI вѣка ²⁾). Въ заключеніе перваго очерка г. Дьяконовъ останавливается на вопросѣ первостепенной важности: каковы были причины возникновенія крестьянской старины? Онъ склоняется, повидимому, къ рѣшенію этого вопроса въ эклектическомъ направленіи: крестьянская старина была создана вслѣдствіе соединенія крестьянской задолженности землевладѣльцамъ съ вліяніемъ потребностей государственнаго хозяйства; основаніемъ для такого заключенія автору «служить *одновременность* прикрѣпленія къ тяглу и крѣпости по старинѣ ³⁾).

Отъ крестьянъ-старожильцевъ слѣдуетъ отличать крестьянъ-новопорядчиковъ, отношенія которыхъ къ землевладѣльцамъ опредѣлялись порядными грамотами или записями. Крестьянамъ-новопорядчикамъ посвященъ второй очеркъ книги г. Дьяконова. Основаніе прикрѣпленія этого разряда крестьянъ — ихъ задолженность землевладѣльцамъ. Извѣстно, что крестьянинъ, поряжаясь на извѣстный земельный участокъ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ займу у землевладѣльца, займу, необходимому ему для хозяйственнаго обзаведенія и приведенія участка въ состояніе, годное для хозяйствен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 16, 28, 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

ной эксплуатаціи. Порядныя постоянно говорятъ о «ссудѣ» и «подмогѣ», выдаваемыхъ крестьянамъ землевладѣльцами. Между изслѣдователями существуетъ разногласіе въ пониманіи смысла этихъ терминовъ и вліянія самихъ явленій, ими обозначаемыхъ, на ходъ крестьянскаго прикрѣпленія и характеръ крестьянской крѣпости: одни (гг. Ключевскій и Владимірскій-Будановъ) отождествляютъ ссуду съ подмогой, другіе (гг. Чичеринъ и Сергѣевичъ) отличаютъ ссуду, или заемъ съ возвратомъ, и подмогу, или пособіе, погашаемое выполненіемъ работъ — вотъ первый пунктъ разногласія; едва ли не важнѣе второй его пунктъ: г. Ключевскій признаетъ два вида «крестьянскаго серебра»: 1) серебро ростовое, или ссуду подъ проценты, 2) серебро издѣльное, то-есть заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ; по мнѣнію г. Сергѣевича, издѣльное серебро—неуплаченный своевременно крестьяниномъ денежный оброкъ; на основаніи этого г. Сергѣевичъ считаетъ невѣрнымъ утвержденіе г. Ключевскаго, что «издѣльное серебро повлекло крестьянина въ сторону кабальнаго холопа».

Г. Дьяконовъ останавливается на этихъ разногласіяхъ, но нельзя сказать, чтобы ему удалось разрѣшить ихъ вполне. Тѣмъ не менѣе въ результатъ его изслѣдованія получается нѣсколько чрезвычайно важныхъ выводовъ: первый изъ нихъ нельзя признать особенно новымъ, но онъ важенъ, какъ результатъ изученія такой массы матеріала, какою до г. Дьяконова не пользовался ни одинъ изслѣдователь: онъ заключается въ томъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ крестьяне XVII вѣка поряжаются уже жить вѣчно или безвыходно¹⁾ за землевладѣльцами; слѣдовательно, не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что крѣпостное право на крестьянъ фактически и даже отчасти юридически — путемъ частныхъ юридическихъ сдѣлокъ—уже установилось прочно; второй выводъ г. Дьяконова касается вопроса о томъ, различалась ли ссуда отъ подмоги? Авторъ убѣдительно доказываетъ, что въ XVII вѣкѣ никакого различія между ссудой и подмогой не проводилось²⁾; но наибольшую цѣнность имѣютъ два другихъ положенія, доказываемыя во второмъ очеркѣ; наблюденія надъ порядными и ссудными показываютъ, что безъ помощи отъ землевладѣльца крестьянинъ не могъ завести хозяйство, при чемъ возвратъ ссуды выговаривался только въ томъ случаѣ, если крестьянинъ покидалъ участокъ; подъ впечатлѣніемъ такой фактической безвозвратности ссуды и

1) „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 100.

2) Тамъ же, стр. 113.

невозможности для крестьянина обойтись без послѣдней утвердилась мысль, что крестьянское имущество въ значительной степени принадлежит землевладѣльцу, что крестьянинъ «имѣетъ только право владѣнія и пользованія безъ нарушенія хозяйственныхъ интересовъ землевладѣльца»; это положеніе въ значительной мѣрѣ уясняетъ юридическую природу имущественныхъ отношеній между крѣпостными и ихъ господами¹⁾. Наконецъ послѣдній выводъ второго очерка состоитъ въ томъ, что крестьяне и кабальные холопы XVI и XVII вѣковъ были, дѣйствительно, состояніями чрезвычайно близкими между собою; это видно изъ того, что, во-первыхъ, кабала послѣ указовъ 1586 и 1597 годовъ, какъ и крестьянская ссуда, вовсе не была уже процентнымъ долгомъ; во-вторыхъ, «невѣрно, будто служилая кабала *всегда* соединяется со службою *во дворѣ* господина»; уже въ XVI вѣкѣ были деревенскіе кабальные люди, а въ XVII вѣкѣ, въ составѣ задворныхъ людей было много кабальныхъ холоповъ; въ-третьихъ, наконецъ, ошибочно мнѣніе, будто крестьянина нельзя было судомъ возвратитъ на старое мѣсто на основаніи порядной, тогда какъ кабального холопа было можно возвратитъ по служилой кабалѣ: есть много случаевъ, когда крестьяне возвращаются по поряднымъ²⁾. Этими соображеніями наносятся очень тяжелые удары сторонникамъ стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ, отрицающимъ всякое вліяніе кабального холопства на процессъ прикрѣпленія.

Среди другихъ областей древней Руси крайній сѣверъ выделялся своими особенностями во многихъ отношеніяхъ: сюда слабѣе проникало нивелирующее вліяніе центрального московскаго правительства, здѣсь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ сохранились черныя земли, не было совершенно помѣстныхъ земель, уцѣлѣли многіе архаическіе порядки въ землевладѣніи и въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами и, наконецъ, несравненно позднѣе сложилось крѣпостное право. Особенности въ положеніи сельскаго населенія этого своеобразнаго края г. Дьяконовъ посвящаетъ свой третій очеркъ. Авторъ различаетъ на сѣверѣ два разряда крестьянъ, половниковъ и порядчиковъ, и справедливо устанавливаетъ тотъ фактъ, что и между этими разрядами не было никакого юридическаго различія. Существовало лишь различіе фактическое: половничество было несравненно тяжелѣе для крестьянина, нежели работа въ качествѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 130.

²⁾ Тамъ же, 136.

порядчика ¹⁾). Затѣмъ отмѣчаются особенности въ условіяхъ сѣверныхъ порядныхъ, указывающія на болѣе легкое положеніе сѣверныхъ крестьянъ, сравнительно съ крестьянами другихъ русскихъ областей, на болѣе позднее возникновеніе крѣпостного права на сѣверѣ ²⁾).

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать автору одинъ немаловажный упрекъ: вѣрно опредѣляя нѣкоторыя важныя особенности въ положеніи половниковъ, онъ не заинтересовался однако, вопросомъ: не имѣли ли половничество нѣкогда болѣе общаго значенія и не было ли оно архаическимъ остаткомъ отношеній, когда-то господствовавшихъ на всемъ пространствѣ страны? Половникъ отличался отъ порядчика главнымъ образомъ тѣмъ, что первый уплачивалъ оброкъ натурой, опредѣленной долей урожая, а второй — деньгами. Думаемъ, что аренда владѣльческой земли изъ натурального оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату: это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятинахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкѣ денежная аренда пріобрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе. Оставляя болѣе подробное обоснованіе этой мысли до другого болѣе удобнаго времени и мѣста, позволимъ себѣ привести примѣръ, касающійся Вотской пятины. По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта — чаще всего встрѣчается норма «изъ хлѣба треть» ³⁾; въ 1568 году такой порядокъ уплаты натурального оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, хотя и рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка: онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба «поспомъ», то-есть, въ точно-опредѣленныхъ размѣрахъ, независящихъ отъ урожая, на примѣръ, съ каждой обжи платятъ по 1 коробѣ ржи, 1 четверткѣ жита (=ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $\frac{1}{2}$ коробѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора ⁴⁾, или прямо денежнымъ obroкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 180—200.

³⁾ См. Писцовыя книги Новгородскія, т. III; *Временникъ*, книги XI и XII.

⁴⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду книга № 7, л. 59 и др.

⁵⁾ Тамъ же, лл. 148 об., 78, 78 об., —9, 80 об., 82 об., 83 об., 84, 85, 86, 87, 88 об., 89 и пр. и пр.

Еще ближе къ концу XVI вѣка—въ 90-хъ годахъ—нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества ¹⁾).

Есть признаки и того, что въ центральной Руси, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по поземельному спору между Троицкимъ-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣся и Березовца Костромского уѣзда. Это было въ 1522—23 г. Одинъ изъ свидѣтелей-старожильцевъ, по словамъ грамоты далъ слѣдующее показаніе «отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблинскую, а язъ с своимъ отцомъ; а того Степанкова отца мѣсто на Понафидино *половничество*; а уже тому полпятадесять лѣтъ, а *половничаю*, господине, на монастырь» ²⁾).

Писцовая книга Горопецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ годовъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половниковъ, но рѣдкія: очевидно, это были только пережившія, случайно уцѣлѣвшія остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской переварѣ въ д. Гояковѣ, напримѣръ, жилъ «Сидорка Кузминъ *половникъ*» ³⁾. Еще дольше сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники ⁴⁾.

Если всѣ эти соображенія о половникахъ вѣрны, то, очевидно, что изученіе ихъ положенія можетъ повести къ ряду важныхъ выводовъ,—о томъ, напримѣръ, какъ измѣнились отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами въ смыслѣ тяжести оброковъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но въ такомъ случаѣ придется признать, что тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Вѣрный своему плану—дать рядъ очерковъ, связанныхъ лишь внѣшнимъ образомъ,—г. Дьяконовъ не пытается сблизить выводы, полученные имъ при изученіи положенія половниковъ и порядчиковъ, съ заключеніями, неизбежно слѣдующими изъ двухъ предыдущихъ очерковъ. Между тѣмъ такое сближеніе—возможно,

¹⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 958; ср. *Временникъ*, VI.

²⁾ Акты Оедотова-Чеховскаго, т. I, № 34, стр. 36.

³⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Торонцу кн. № 1, л. 123 об.

⁴⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грамоты кол. эк., Хлыновскій у., № 14169.

оно даже необходимо напрашивается само собою: наблюдёнія надъ крестьянами—старожильцами показали, что ихъ закрѣпощеніе совершилось раньше правительственной санкціи и внѣ непосредственнаго воздѣйствія государственной власти; познакомившись съ положеніемъ сѣвернаго крестьянства, можно замѣтить, что его свободное состояніе сохранялось позднѣе законодательнаго утвержденія крѣпостного права на крестьянъ и, слѣдовательно, вопреки ему. И здѣсь и тамъ соціальныя явленія не были слѣдствіемъ политическихъ вліяній, правительственной дѣятельности.

Четвертый очеркъ посвященъ бобылямъ. Здѣсь прежде всего устанавливается понятіе бобыльства: бобыль въ XVI вѣкѣ есть, во-первыхъ, «непашенный, безземельный человекъ», во-вторыхъ, человекъ нетяглый. Что онъ непашенный—это превосходно доказано г. Дьяконовымъ, но едва-ли вѣрно, что бобыли были нетяглыми людьми. Г. Дьяконовъ указываетъ, что бобыли «платятъ только оброкъ» и «не положены ни въ выти ни въ сохи»¹⁾ что «изъ сборовъ, падающихъ на бобылей, упоминается лишь поземъ, то-есть, плата за усадебную землю»²⁾. Но въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ смѣшеніемъ понятій, вообще очень рѣдкимъ у автора. Прежде всего слово «оброкъ» употреблялось въ древней Руси въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, этимъ словомъ обозначалась арендная плата, уплачивавшаяся крестьяниномъ землевладѣльцу за пользованіе земельнымъ участкомъ, на которомъ сидѣлъ крестьянинъ; это—рента, частно-владѣльческій доходъ; во-вторыхъ, правительство нерѣдко опредѣляло общую сумму всѣхъ податей, которую должна была уплачивать въ государственную казну извѣстная мѣстность или опредѣленное земельное владѣніе, и эта сумма налагалась на эту мѣстность или это владѣніе за всѣ подати; въ такомъ случаѣ она также носила названіе оброка; но, очевидно, что это второе словоупотребленіе не тождественно съ первымъ: здѣсь рѣчь идетъ уже объ оброкѣ за «государевы подати»—тамъ слово «оброкъ» употреблялось въ значеніи частнаго земледѣльческаго дохода. Если бы можно было доказать, что бобыли платили оброкъ только въ смыслѣ позема, то-есть, платы за усадебную землю, то г. Дьяконовъ былъ бы правъ, называя бобылей нетяглыми людьми. Но этого доказать нельзя: нѣтъ сомнѣнія, что бобыли платили оброкъ въ государеву казну за всѣ

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 213.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

подати, подобно тому, какъ это было и въ посадахъ¹⁾, что однакоже не мѣшаетъ намъ считать посадскихъ людей — тяглымъ классомъ. Правда, въ выги и сохи бобыли не клались, но это вполне понятно: выги и соха въ XVII вѣкѣ имѣла еще чисто-поземельный и притомъ земледѣльческій характеръ, обозначала собою болѣе или менѣе опредѣленное пространство распаханной земли, а бобыли не пахали земли. Доказать, что слово «оброкъ» по отношенію къ бобылямъ употреблялось не только въ смыслѣ арендной платы за усадьбу, частновладѣльческаго дохода, но также и въ смыслѣ суммы, замѣнявшей всѣ подати, которымъ бобыли подлежали какъ люди тяглые, довольно легко. Вотъ особенно яркое наблюденіе: въ сотной по волости Керети, относящейся къ 1562—63 г., упоминаются «дворы великаго князя непашенные» и затѣмъ указано, что съ нихъ идетъ оброкъ въ царскую казну по 8 алтынъ 2 деньги въ годъ съ двора, «а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ дворовъ зъ животовъ и съ промысловъ за сошной окладъ»²⁾. Не подлежали этому государеву оброку за всѣ подати или за сошный окладъ бобыли только въ томъ случаѣ, повидимому, когда они служили по найму въ чужихъ дворахъ или на чужихъ промыслахъ³⁾.

Опредѣливъ основной смыслъ бобыльства, какъ спеціального класса, г. Дьяконовъ пытается объяснить и происхожденіе бобылей; по его мнѣнію, бобыли — обѣднѣвшіе пашенные люди: «бобыль непашенный человекъ не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой-либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ непашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, «отбылъ пашни»; какъ тогда говорили, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, «порядиться во крестьяне»⁴⁾. Это положеніе авторъ доказываетъ по преимуществу фактами, относящимися къ XVII вѣку⁵⁾; единственный приводимый имъ фактъ XVI столѣтія — выпись изъ писцовыхъ книгъ 90-го годовъ на вотчины Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: здѣсь въ одной деревнѣ упоминается «дворъ пустъ», изъ котораго жилецъ «вышелъ въ иную деревню на подворье, живетъ бобылемъ, старъ,

1) Ср. *Чечуминъ*. Города Московскаго государства въ XVI вѣка, стр. 120.

2) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, гр. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4147.

3) Тамъ же, № 4183.

4) „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 208.

5) Тамъ же, стр. 216.

пахати не может»¹⁾). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось бобыльство, были обѣднѣвшіе и бросившіе по той или другой причинѣ земледѣльческій трудъ крестьяне, и что въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе потрясенія, произведеннаго смутнымъ временемъ, этотъ источникъ бобыльства сдѣлался обильнѣе, чѣмъ то было раньше, однако, г. Дяконовъ ошибается, сводя происхожденіе бобылей исключительно на процессъ отдѣленія крестьянства отъ земледѣлія. Прежде всего все не слѣдуетъ считать бобыльство такимъ позднимъ явленіемъ, какъ это кажется г. Дяконову: онъ думаетъ, что бобыли появились только съ XVI вѣка²⁾; между тѣмъ еще въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ довольно часто попадаются поземщики, которые тоже самое, что бобыли, какъ видно по ихъ занятіямъ — это не земледѣльцы, а промышленники или ремесленники, — а также и по тому, что и позднѣйшіе бобыли, какъ и поземщики, платили «поземъ»³⁾. Очевидно, что если бы до насъ дошли писцовыя книги болѣе ранняго времени, мы и тамъ встрѣтились бы съ тѣмъ же бобыльствомъ, хотя, быть можетъ, и подъ другимъ названіемъ. Единственно, что можетъ считаться съ извѣстною степенью вѣроятности новымъ въ XVI вѣкѣ, это самый терминъ «бобыль». А затѣмъ очень вѣроятно, что не всѣ бобыли были обѣднѣе крестьянъ: новгородскіе поземщики, напримѣръ, едва ли всегда уступали послѣднимъ по степени состоятельности, тѣмъ болѣе, что земледѣліе въ Новгородской области вслѣдствіе крайней скудости почвы не могло быть прибыльнымъ занятіемъ. Извѣстно также, что были бобыли, имѣвшіе собственныя лавки, занимавшіеся торговлей⁴⁾. При наличности такихъ фактовъ едва ли не слѣдуетъ измѣнить вышеприведенное положеніе г. Дяконова о происхожденіи бобыльства въ томъ смыслѣ, что бобыль нерѣдко бывалъ непашеннымъ челоувѣкомъ именно потому, что земледѣлію предпочелъ другой промыселъ, казавшійся ему болѣе выгоднымъ или удобнымъ.

1) Тамъ же, стр. 217.

2) Тамъ же, стр. 207.

3) См. во многихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, напримѣръ, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду № 10, л. 476 об., кн. № 7, лл. 8, 352 об. и др.

4) Что между бобылями были люди различной состоятельности, это видно изъ цифръ оброка: такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Кириллова монастыря въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580—81 г. 2 бобыля платили 7 денегъ позему, а 13 только 4 деньги новгородскихъ (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду, кн. № 10, л. 476 об.).

Замѣтимъ еще, что авторъ черезчуръ рѣзко отдѣляетъ бобылей въ собственномъ смыслѣ отъ тѣхъ, кого онъ называетъ «бобылями-захребетниками», «не имѣвшими», по его словамъ, «собственной усадебной осѣдлости»¹⁾ и жившими на чужихъ дворахъ. Дѣло въ томъ, что эти бобыли-захребетники не кто иные, какъ наемные работники; но не слѣдуетъ думать, будто эти наемные бобыли всегда жили на чужихъ дворахъ: нерѣдко у нихъ была собственная осѣдлость; такъ въ сотной по Керети 1574—75 г. говорится о бобыляхъ, которые «промышляли въ варницахъ: дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море на судѣхъ наемучисъ²⁾); эти бобыли имѣли однако собственные дворы; по дозорной книгѣ Бѣжецкой пятины 1593—94 г., чуть не въ каждомъ имѣніи встрѣчаются бобыли, живущіе на своихъ дворахъ, при чемъ книга обыкновенно сопровождаетъ описаніе такихъ бобыльскихъ дворовъ замѣчаніемъ: «кормятца межъ крестьянъ работою»³⁾. Этимъ уничтожается совершенно грань между бобылями съ одной стороны и захребетниками съ другой.

Свой очеркъ о бобыляхъ г. Дьяконовъ заканчиваетъ любопытными указаніями на пункты сходства бобылей съ крестьянами: 1) «начала крестьянской крѣпости одновременно и въ равной силѣ распространяются и на бобылей»; 2) «указы о живущей четверти сближаютъ крестьянъ и бобылей и въ тягломъ отношеніи»; 3) «указы 1649 и 1679 годовъ о подворной подати окончательно приравниали бобыльскій дворъ въ окладномъ отношеніи къ крестьянскому»⁴⁾.

Первостепенную важность имѣетъ тема пятого очерка книги г. Дьяконова, озаглавленнаго «Задворные и дѣловые люди». Пересмотръ вопроса о задворныхъ людяхъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что объ этомъ словъ несвободнаго населенія мы имѣли до сихъ поръ только одно изслѣдованіе, принадлежащее проф. Ключевскому⁵⁾. Главные выводы, къ которымъ пришелъ г. Ключевскій, сводятся къ слѣдующему: задворные люди, появившіеся въ XVII вѣкѣ, были особымъ юридическимъ состояніемъ, крѣпкимъ землевладѣльцу на основаніи особаго договора, называвша-

1) «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія», стр. 221, 219.

2) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грам. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4183.

3) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 972, лл. 41 и об., 43, 45, 56 и др.

4) «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія», стр. 240.

5) Подушная подать и отмена холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. *Русская Мысль*, за 1886 г., № 10.

гося, подобно крестьянской крѣпости, ссудною записью или ссудною жилою записью. Этотъ послѣдній документъ, эта специальная задворная крѣпость явилась результатомъ измѣненія условій служилой кабалы примѣнительно къ хозяйственному положенію задворныхъ людей и по образцу крестьянской ссудной записи. Задворная крѣпость потому произошла изъ служилой кабалы, что кабальные холопы были первымъ и самымъ главнымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ задворнаго холопства. Особенность же хозяйственнаго положенія задворныхъ людей заключалась въ томъ, что они сидѣли на пашнѣ, на особыхъ земельныхъ участкахъ, тогда какъ кабальные холопы обыкновенно служили на дворѣ господина. Г. Дьяконовъ подробно разбираетъ эту теорію, исходя изъ двухъ наблюдений, сдѣланныхъ г. Милуковымъ: во-первыхъ, «задворные люди и къ концу XVII вѣка не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія», во-вторыхъ, «въ составъ задворныхъ людей входятъ не только другіе виды холопства, кромѣ кабальнаго, но также и не холопы». Г. Дьяконовъ подбираетъ цѣлый рядъ фактовъ, которыми подтверждается, что, хотя кабальные люди въ значительномъ количествѣ вошли въ составъ задворныхъ людей, но на ряду съ ними въ задворномъ холопствѣ встрѣчаются и старинные люди, и притомъ старинные *полные* холопы, а также выходцы изъ чужихъ краевъ и полоняники. При этомъ характерно, что очень часто эти выходцы попадали въ задворные люди «своею волею» и безъ всякихъ документовъ, «безкабально», какъ тогда говорили, или на основаніи не специальной задворной крѣпости, а служилой кабалы, жилой записи и пр. «Задворная крѣпость, какъ специальная крѣпостная документъ на задворную службу, представляется большою рѣдкостью»: извѣстно всегда только два такихъ акта, притомъ различныхъ между собою, хотя г. Дьяконовъ изучилъ много неизданнаго матеріала.

Притомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дьяконовъ, хозяйственное положеніе задворныхъ людей вовсе не обуславливало необходимости особой задворной крѣпости: землевладѣльцы безъ всякаго затрудненія и безъ всякихъ неудобствъ сажали на отдѣльные земельные участки и холоповъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ и бобылей¹⁾. Вообще нельзя не признать, что г. Дьяконовъ убѣдительно доказалъ юридическую необособленность задворныхъ людей, если подъ этою необособленностью разумѣть тотъ фактъ, что задворные люди не были

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 254—256, 260.

состояніемъ юридически цѣльнымъ и однороднымъ. Но помимо этого изслѣдованія задворнаго холопства, взятаго отдѣльно отъ другихъ слоевъ сельскаго населенія, важно еще опредѣлить отношенія задворныхъ людей къ другимъ видамъ холопства, съ одной стороны, и къ крестьянству, съ другой. По мнѣнію г. Дьяконова, между задворными людьми и остальными холопами или такъ называемыми дѣловыми людьми не было никакого различія: источники безразлично говорятъ о людскихъ дворахъ, о дворахъ дѣловыхъ людей и задворныхъ; въ переписныхъ книгахъ иногда упоминается даже о «дѣловыхъ задворныхъ людяхъ»¹⁾. Относительно XVII вѣка мы не будемъ спорить съ авторомъ, но въ XVI несомнѣнно существовало если не юридическое то, по крайней мѣрѣ, фактическое различіе между «людьми» вообще и «дѣловыми людьми», хотя бы тѣ и другіе и сидѣли на особыхъ дворахъ. Отмѣчу слѣдующій характерный фактъ, извѣстный и г. Дьяконову, но недостаточно оцѣненный имъ. Въ 1571 г. въ вотчинѣ Агафьи Зубаревой, с. Талызинѣ, Муромскаго уѣзда, было между прочимъ «луцскихъ (то-есть людскихъ) три двора да деловыхъ три жъ двора»²⁾. Быть можетъ, между дѣловыми людьми и другими холопами, сидящими за дворомъ землевладѣльца, и существовало именно то различіе, которое указываетъ г. Ключевскій: дѣловые люди получали мѣсячину и отбывали только барщину, не платя оброка, между тѣмъ какъ задворные холопы обязаны были и оброкомъ. Замѣтимъ еще, что терминъ «задворные люди» смѣло можетъ быть отнесенъ и къ тѣмъ холопамъ, которые еще въ XVI вѣкѣ сидѣли на особыхъ земельныхъ участкахъ и имѣли свои отдѣльные дворы: это доказывается одною неизданною писцовою книгой Шелонской пятины Великаго Новгорода, составленною въ 1571—72 г.: у множества помѣщиковъ здѣсь упоминаются «за дворомъ люди»³⁾, а при описаніи помѣстья Аеанасья Еремѣева читаемъ: «а задворныхъ людей Оеанасьевыхъ (д) Оишко Яковлев, (д) Оетко Иванов, (д) Яшко Немчин»⁴⁾. Это наблюденіе имѣетъ большую цѣнность: вопреки установившемуся взгляду терминъ «задворные люди» существовалъ и до XVII вѣка, въ 70-хъ годахъ XVI, такъ что не можетъ быть и рѣчи о происхожденіи задворнаго холопства изъ кабальнаго, форма котораго, принимавшаяся на исходную точку задворной неволи, сложилась

¹⁾ Тамъ же, стр. 288.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Муромск. у., № 7753.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду № 8, лл. 74 об., 78 и об., 82 об.—83, 84 об., 89 об., 91 и об., 98 и об. и др.

⁴⁾ Тамъ же, л. 118 об.—119.

только въ самомъ концѣ XVI столѣтія, по указамъ 1586 и 1597 гг.; нельзя, слѣдовательно, говорить и о задворныхъ людяхъ, какъ юридическомъ состояніи: они—то-же, что страдники или страдные люди, то-есть обыкновенные земледѣльческіе холопы.

Переходимъ къ другой сторонѣ дѣла: къ отношеніямъ между задворными холопами и крестьянами. Въ изображеніе этихъ отношеній г. Дьяконовъ внесъ нѣчто новое: согласно съ общепринятымъ взглядомъ онъ полагаетъ, что въ XVI вѣкѣ и въ теченіе большей части XVII холопы и задворные люди отличались рѣзко отъ крѣпостныхъ крестьянъ тѣмъ, что считались людьми нетяглыми, не платили государственныхъ податей; отличіемъ отъ общепринятаго является только мнѣніе автора о времени, когда холопы и крестьяне слились въ одно крѣпостное сословіе, обязанное уплатой податей, подъ отвѣтственностью землевладѣльцевъ: г. Ключевскій относилъ это сліяніе ко времени первой ревизіи; г. Милуковъ высказалъ мнѣніе, что оно случилось раньше, въ 1678 году, путемъ особаго указа, закрѣпленнаго еще и внесеніемъ задворныхъ людей въ переписныя книги того времени¹⁾. Это послѣднее мнѣніе принято и авторомъ разбираемой книги. Но въ той же книгѣ г. Дьяконова есть еще указаніе на необходимость ограничить мнѣніе, что землевладѣльцы еще въ первой половинѣ XVII вѣка, переводя задворныхъ людей на тяглые участки, не превращали ихъ въ государственныхъ тяглецовъ. Вопросъ, какъ кажется, нуждается еще во внимательномъ новомъ пересмотрѣ. Думаютъ, что обыкновенно землевладѣльцы путемъ частныхъ хозяйственныхъ распоряженій садили холоповъ на отдѣльные земельные участки, государство же не знало этихъ холоповъ, не считало ихъ тяглецами. Въ какомъ смыслѣ нужно понимать этотъ нетяглый характеръ холоповъ, сидѣвшихъ на тяглыхъ земельныхъ участкахъ? Его нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что земля, распахиваемая холопами, не облагалась государствомъ: земля эта всегда платила подати; это признаютъ всѣ изслѣдователи. Если холоповъ этихъ считать нетяглыми по той причинѣ, что съ земли, обрабатываемой ими, налоги платились не ими, а ихъ господами, то это еще не основаніе для того, чтобы признавать такихъ холоповъ нетяглыми: въ такомъ случаѣ очень многіе крестьяне—напримѣръ, большинство крестьянъ-половниковъ—тоже были бы нетяглыми, такъ какъ и за нихъ, на основаніи условія, вносимаго въ порядныя записи, налоги платились землевладѣльцами. Не вѣрнѣ ли признать, что все различіе

¹⁾ Труды рязанской ученой архивной комиссіи за 1897 годъ, т. XII, вып. I, стр. 98.

между положеніемъ холоповъ по отношенію къ государственному тяглу до и послѣ 1678 г. сводились къ чисто-формальному признаку, къ тому, кто—землевладѣлецъ или холопъ—вносилъ подати въ казну. Впрочемъ и это формальное различіе было очень ничтожно, такъ такъ и послѣ указа 1678 года отвѣтственными лицами по взносу податей оставались всетаки землевладѣльцы.

Въ изложеніи содержанія пятаго очерка книги г. Дьяконова мы вездѣ употребляли выраженіе «задворные люди» въ значеніи холоповъ, сидѣвшихъ на земледѣльческихъ участкахъ и особыхъ дворахъ. Такое употребленіе этого слова при изслѣдованіи исторіи задворныхъ людей единственно вѣрное. Г. Дьяконовъ начинаетъ свой очеркъ указаніями на то, что эпитетъ «задворный» прилагался и къ нехолопамъ, что были, напримѣръ, задворные бобыли, монастырскіе задворные служки¹⁾ Все это, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ задворнымъ людямъ въ собственномъ смыслѣ и только обременяетъ книгу излишнимъ балластомъ.

Постановка и разработка вопроса о монастырскихъ дѣтенышахъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ шестомъ очеркѣ книги, составляетъ несомнѣнную заслугу г. Дьяконова, тѣмъ болѣе, что до него этотъ вопросъ даже и не затрогивался въ литературѣ. Дѣтенышами назывался довольно многочисленный слой населенія монастырскихъ вотчинъ. Этотъ слой сложился изъ нѣсколькихъ элементовъ: во-первыхъ, въ число дѣтенышей вошли осиротѣвшія крестьянскія и бобыльскія дѣти, во-вторыхъ, обдѣлвшіе крестьяне и бобыли, въ-третьихъ, наемные люди. Первые два разряда, о которыхъ и слѣдуетъ говорить какъ о собственно-дѣтенышахъ, были монастырскими крѣпостными людьми. Занятія дѣтенышей были довольно разнообразны: дѣтеныши пахали монастырскую пашню, были епанечниками, кожевниками, конюхами, пастухами, мельниками, муковозами, поваренными дѣтенышами, трапезными, застольными дѣтенышами. Общимъ правиломъ было то, что дѣтеныши жили на монастырскомъ иждивеніи, получали мѣсячину хлѣбомъ и деньгами. Вообще въ хозяйственномъ отношеніи дѣтеныши играли ту же роль, какая принадлежала въ частно-владѣльческихъ свѣтскихъ владѣніяхъ холопамъ. Въ 70-хъ годахъ дѣтеныши были обложены государственными податями, какъ и холопы, но раньше, по мнѣнію г. Дьяконова, они не были тяглыми. Впрочемъ, едва ли это мнѣніе можетъ быть принято безъ ограниченій, такъ какъ, повидимому, монастырская запашка освобождалась отъ податей только по особымъ жалованнымъ грамотамъ²⁾. П

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 244—246.

²⁾ Тамъ же, стр. 296, 303, 307, 309—312, 314.

Таково содержаніе книги г. Дьяконова. Повторяемъ, авторъ устранился сознательно отъ общаго вывода, но, думаемъ, выводъ этотъ напрашивается самъ собой, если сопоставить отдѣльныя заключенія каждаго изъ шести очерковъ. Изъ такого сопоставленія можно заключить, что и крестьянство, и бобыльство, и задворное холопство, и, наконецъ, состояніе монастырскихъ дѣтенышей не были созданы государственной властью, а появились какъ результатъ общественныхъ условій, не направляемыхъ правительствомъ и независимыхъ отъ него. Этотъ выводъ имѣетъ первостепенное значеніе: въ русской исторической литературѣ, особенно благодаря изслѣдованіямъ Градовскаго и г. Сергѣевича, утвердилось мнѣніе, что русскія сословія образовались подъ влияніемъ государства, были созданы правительственной властью. Эта мысль пустила довольно глубокіе корни, даже такой выдающійся изслѣдователь, какъ г. Милюковъ, положилъ ее въ основу изображенія процесса развитія русскаго общества въ московскій періодъ¹⁾. Между тѣмъ въ этой мысли заключается много неясностей. Въ какомъ смыслѣ можно понимать созидательную роль государства въ исторіи социальнаго строя? Если въ томъ, что сословія, какъ расчлененіе общества на политической основѣ, на основѣ правъ и обязанностей, формулированныхъ болѣе или менѣе точно въ законѣ, появились именно вслѣдствіе опредѣленія размѣра этихъ правъ въ законѣ, созданномъ государствомъ, то это значитъ всегда и вездѣ признавать сословія плодомъ государственнаго влиянія, такъ какъ всегда и вездѣ политическія сословія опираются на прочно установившіеся принципы обычнаго или писаннаго права. Съ другой стороны, никогда права и обязанности не создаются—по крайней мѣрѣ, надолго—искусственно правительствомъ, и такое искусственное созданіе социальнаго строя всего менѣе имѣло мѣсто въ русской исторіи, какъ это превосходно доказывается книгой г. Дьяконова. Въ этомъ и состоитъ главная цѣнность разбираемаго изслѣдованія. Жаль только, что авторъ, увлекшись разработкой ряда детальнаго подробностей, не формулировалъ главнаго вывода, который было можно и должно сдѣлать изъ его книги. Можно вообще признать общимъ социологическимъ закономъ, что политическія явленія опредѣляются влияніемъ социальныхъ, а не наоборотъ. И едва ли можетъ существовать сомнѣніе, что исторія Россіи въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Чѣмъ дальше пойдетъ разработка социальной исторіи Россіи, тѣмъ больше будетъ выясняться самостоятельное значеніе процесса развитія русскихъ сословій.

¹⁾ „Очерки по исторіи русской культуры“, т. I, стр. 127 и сл.

Представленный здѣсь краткій разборъ «Очерковъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» заключаетъ въ себѣ немало частныхъ возраженій, касающихся отдѣльныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ книгѣ. Возможность этихъ замѣчаній объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что ни одинъ изслѣдователь не въ состояніи въ настоящее время охватить всю массу матеріала, остающагося неизданнымъ въ нашихъ архивахъ. Несомнѣнно, что дальнѣйшее детальное изученіе того моря документовъ, которое сохранилось для насъ отъ XVII вѣка, во многомъ еще дополнить и исправить выводы г. Дьяконова. Но и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ не признать выдающихся достоинствъ книги: богатства собраннаго матеріала, ясности мысли и изложенія, укрѣпленія основныхъ началъ теоріи Погодина и г. Ключевского о происхожденіи крѣпостнаго права, выясненія многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ въ исторіи бобыльства, задворнаго холопства, монастырскихъ дѣтенышей, наконецъ, того чутія исторической дѣйствительности, которое, вообще говоря, не особенно часто встрѣчается у юристовъ, принимающихъ за разработку вопросовъ исторіи русскаго права: авторъ умѣетъ за отвлеченными юридическими схемами схватить сложныя явленія дѣйствительной жизни, и потому его книга въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно выясняетъ связь и взаимодействие жизненныхъ явленій съ юридическимъ сознаніемъ.

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленій канцелярїи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе канцелярїи комитета министровъ. Спб. 1902 г.

Столѣтіе административныхъ преобразованій императора Александра I вызвало появленіе въ свѣтъ нѣсколькихъ официальныхъ изданій, количество которыхъ, насколько извѣстно, должно еще увеличиться въ ближайшемъ будущемъ. Однимъ изъ такихъ изданій является трехтомное сочиненіе съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Составленное чрезвычайно добросовѣстно на основаніи обширнаго и цѣннаго архивнаго матеріала, оно даетъ возможность съ надлежащей полнотой и ясностью представить себѣ ходъ русской желѣзнодорожной политики въ царствованіи императоровъ Николая I и Александра II. Процессъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, на основаніи фактическихъ данныхъ, изложенныхъ въ разбираемой книгѣ, можно раздѣлить на три періода (оговариваемся, что это дѣленіе принадлежит не автору книги, а намъ): 1) періодъ подготовительный, съ 1835 до 1856 года включительно, 2) періодъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства, съ 1857 по 1877 годъ, 3) періодъ перехода къ сосредоточенію желѣзнодорожнаго хозяйства въ рукахъ государства, съ 1878 по 1881 годъ. Первый періодъ характеризуется прежде всего борьбой между сторонниками и противниками сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; дѣло въ томъ, что въ тридцатыхъ годахъ многіе видные государственные дѣятели, къ числу которыхъ принадлежали министръ финансовъ Канкринъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія графъ Толь, отрицали пользу и значеніе желѣзныхъ дорогъ для Россіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ убѣжденіе въ пользѣ желѣзныхъ дорогъ утвердилось прочно, благодаря въ особенности докладу инженеровъ Крафта и Мельникова, изучившихъ обстоятельно желѣзно-

дорожное дѣло въ Америкѣ. Признаками этого служатъ высочайшее повелѣніе 1 февраля 1842 г. о сооружеіи дороги между Петербургомъ и Москвой и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ замѣна Толя Клейнмихелемъ и Канкринъ Вронченкомъ. Вторая характеристическая черта перваго періода—это установленіе способовъ желѣзнодорожнаго строительства,—средствами казны (Николаевская и Варшавско-Вѣнская дороги) и при помощи частныхъ обществъ (всѣ прочія); при этомъ намѣтились нѣкоторыя основныя черты устройства частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній: правительственная гарантія дохода, установленіе сроковъ перехода въ казну и выкупа, обязательность приобрѣтенія части рельсовъ и подвижнаго состава на русскихъ заводахъ и т. д. Въ третьихъ, тогда же положено было основаніе административной организаціи, вѣдавшей желѣзныя дороги: сразу намѣтились задачи и функціи вѣдомствъ путейскаго и финансоваго, а также роль комитета министровъ и специальныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ. Въ результатѣ получилось до 1.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Второй періодъ (1857—1877 гг.)—время усиленнаго и энергичнаго, сильно поощряемаго правительствомъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства. Въ этотъ періодъ строительство отличалось уже планомѣрностью: неоднократно выработывались и въ значительной мѣрѣ осуществлялись планы сѣти необходимыхъ дорогъ. Важной особенностью времени являлось то обстоятельство, что желѣзнодорожная политика направлялась по преимуществу министерствомъ финансовъ, которое при Князевичѣ и особенно при Рейтернѣ усиленно содѣйствовало образованію частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Вѣдомство путей сообщенія иногда шло рука объ руку съ финансовымъ вѣдомствомъ (такъ было при гр. В. А. Бобринскомъ и Посетѣ), но нерѣдко отстаивало и принципъ казеннаго строительства (напр., при Мельниковѣ и гр. А. П. Бобринскомъ). Побѣда, впрочемъ, долго неизмѣнно оставалась за Рейтерномъ. Это было вообще чрезвычайно горячее время и въ желѣзнодорожной политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ русской общественной и государственной жизни. Рейтернъ, принадлежавшій къ либеральному кружку великаго князя Константина Николаевича, былъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ частной инициативы въ промышленной жизни вообще и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ частности. Роль правительства понималась министромъ финансовъ лишь въ смыслѣ энергичнаго содѣйствія и покровительства, заботливо устранявшаго различныя препятствія. Такое пониманіе дѣла соотвѣтствовало и основной потребности государственнаго хозяйства того времени: установить ра-

вновьсіе въ бюджетѣ и укрѣпить государственный кредитъ. Все это было достигнуто, и къ концу періода Россія обладала уже болѣе, чѣмъ 20.000 верстъ желѣзнодорожныхъ путей. Но результаты финансовой политики Рейтерна были уничтожены русско-турецкой войной 1877—1878 годовъ, которой онъ былъ непримиримымъ противникомъ. Въ то же время въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ обнаружались важныя пробѣлы и недостатки: 1) многія дороги были построены плохо и обнаружили слабую провозоспособность; 2) хозяйство многихъ компаній велось крайне нерасчетливо, и онѣ не исполняли своихъ обязательствъ передъ правительствомъ, вслѣдствіе чего все болѣе должны правительству, пока, наконецъ во многихъ случаяхъ задолженность не сдѣлалась совершенно безнадежною; 3) правительственный надзоръ за дѣйствіями компаній и воздѣйствіе государства на частныя желѣзнодорожныя общества оказались недостаточными. Тогда начался третій періодъ: въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ и сознало потребность въ выкупѣ старыхъ линій въ казну.

Такова общая схема разбираемаго труда. Несмотря на обширный объемъ, на множество цифровыхъ данныхъ, на разныя подробности относительно разрѣшенія отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій, книга читается легко и съ неослабующимъ интересомъ. Причина этого заключается въ необыкновенно яркомъ конкретномъ изображеніи всѣхъ отдѣльныхъ перипетій русской желѣзнодорожной политики. Но при всѣхъ достоинствахъ труда существуютъ и недостатки. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что разбираемое сочиненіе въ сущности не есть настоящее изслѣдованіе, а только первоначальная обработка и систематизація матеріала, лишь отчасти связываемая съ изображеніемъ общихъ теченій въ *политической* жизни страны. Этотъ недостатокъ въ сущности тѣсно связанъ съ указанными достоинствами книги: увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Это видно уже изъ того, что приходится помимо автора устанавливать общіе періоды развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Затѣмъ обращая нѣкоторое вниманіе на общія политическія условія и на обстоятельства, относящіяся къ *государственному* хозяйству, авторъ не ставитъ въ связь изучаемыхъ имъ явленій съ общими теченіями *народнаго* хозяйства, не ищетъ объясненія тамъ, гдѣ въ сущности надъ его искать,—въ сферѣ экономической. Въдъ вся финансовая система Рейтерна и его желѣзнодорожная по-

литика объясняются въ конечномъ счетѣ переходомъ Россіи къ тому моменту экономическаго развитія, когда денежное хозяйство, давно проникавшее уже въ массы населенія, захватило большинство послѣдняго и сосредоточило въ рукахъ меньшинства значительные капиталы, искавшіе помѣщенія. Хозяйственныя условія времени вызвали необходимость усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, привлеченія къ нему русскихъ и иностранныхъ капиталовъ, поощренія фабричной производительности, и исключали возможность непосредственной дѣятельности казны въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Въ третьемъ томѣ этотъ недостатокъ выступаетъ очень выпукло вслѣдствіе предвзятой и, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрной мысли автора, что царствованіе императора Александра III-го въ отношеніи къ желѣзнодорожной политикѣ представляетъ собою нѣчто цѣльное и единое съ начала до конца (см. стр. 3—4). Исходя изъ этой мысли, авторъ отказывается отъ хронологическаго разсмотрѣнія желѣзнодорожной политики во всѣхъ ея проявленіяхъ въ теченіе 1881 — 1894 гг. и предпочитаетъ вести систематическій обзоръ отдѣльныхъ сторонъ дѣла, которыхъ онъ различаетъ три: 1) общія законодательныя и административныя мѣры, 2) выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, 3) постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и предъявленіе частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ видоизмѣненныхъ условій сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (стр. 4.). Нельзя не признать, что такой планъ изложенія стираетъ индивидуальныя черты, свойственныя отдѣльнымъ моментамъ желѣзнодорожной (и не одной только желѣзнодорожной) политики правительства въ минувшее царствованіе. Поэтому, обозрѣвая существенные результаты труда г. Кислинскаго, мы постараемся различить эти моменты, ясно обозначающіеся, если расположить богатый матеріалъ, использованный авторомъ, въ надлежащемъ порядкѣ, опредѣляемомъ самимъ ходомъ дѣла.

Первый хронологическій моментъ желѣзнодорожной политики императора Александра III-го—это первая половина 80-хъ годовъ. Въ сущности этотъ моментъ совершенно искусственно отдѣленъ отъ конца царствованія Александра II-го, потому что, какъ мы видѣли при разборѣ первыхъ двухъ томовъ сочиненія г. Кислинскаго, уже въ концѣ 70-хъ и въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ намѣтились основныя черты, характерныя для всей первой половины 80-хъ годовъ. Уже при Александрѣ II-мъ правительство пришло къ сознанію необходимости усилить свой надзоръ за дѣйствіями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, строить желѣзныя дороги на средства казны и подѣ ей распоряженіемъ

и выкупать старыя линіи въ казну. Все это стало исполняться въ первые годы новаго царствованія. Потребность въ усиленіи надзора вызвала усиленную законодательную и административную работу по желѣзнодорожному дѣлу. Прежде всего въ 1883 году было установлено Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, что всѣ вопросы желѣзнодорожной политики подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ, а затѣмъ финансовая сторона дѣла подвергается обсужденію департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Въ 1885 г. былъ утвержденъ выработанный нѣсколько лѣтъ «Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», по которому учреждался желѣзнодорожный совѣтъ при министерствѣ путей сообщенія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, устанавливались правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ и т. д. Въ 1884 году положено начало контрольному надзору, правительства за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, въ тотъ же періодъ поставлена на очередь тарифная реформа. Этой оживленной административной и законодательной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу соотвѣтствовалъ приступъ правительства къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Онъ не достигъ, правда, пока большихъ размѣровъ, но начало было сдѣлано: именно выкуплены были досрочно, по соглашенію съ желѣзнодорожными обществами, четыре дороги (Харьково-Николаевская, Тамбово-Саратовская, Муромская и Путиловская) протяженіемъ болѣе 1,300 верстъ. Наконецъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ наблюдается нѣкоторое оживленіе желѣзнодорожнаго строительства, — казеннаго и частнаго: правительство построило Криворогскую, Баскунчакскую, часть стратегическихъ Полѣвскихъ дорогъ и т. д.; частными обществами сооружены дороги Ивангородо-Домбровская, Обоянская и др. Средства для постройки были получены путемъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и выпуска облигацій частныхъ обществъ. Въ общемъ періодъ времени съ конца 70-хъ до половины 80-хъ годовъ можно характеризовать какъ эпоху ликвидаціи старыхъ порядковъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и установленія порядковъ новыхъ, отличительною чертою которыхъ является плавномѣрная организація прежде нестройнаго и пестраго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вторая половина 80-хъ годовъ существенно отличается отъ только что разсмотрѣннаго періода. Законодательная и административная работа по желѣзнодорожному дѣлу потеряла въ это время прежнюю напряженность, сводясь къ выполненію ранѣе намѣченнаго. Важнѣйшей мѣрой надо признать въ этомъ отношеніи изданіе въ 1889 году «Временнаго положенія о желѣзно-

дорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ». Съ тѣхъ поръ началась важная работа по выработкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Далѣе: стремленіе правительства къ установленію бюджетнаго равновѣсія и къ подъему кредита Россіи на европейскихъ денежныхъ рынкахъ, а также экономической кризисъ повели къ сильнѣйшему сокращенію, можно сказать, почти полному прекращенію желѣзнодорожнаго строительства: въ этотъ періодъ были построены очень немногія дороги, какъ, напр., частная Ярославско-Костромская и казенная Псково-Рижская и Ржево-Вяземская. Зато выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну усилился и повелъ къ весьма большому увеличенію протяженія казенной желѣзнодорожной сѣти: досрочно выкуплены были дороги Уральская, Рязско-Вяземская, Моршано-Сызранская, Закавказская; по истеченіи означеннаго въ уставахъ срока для выкупа—Рижско-Моршанская, Курско-Харьковско-Азовская, Варшаво-Тереспольская, Московско-Курская, Балтійская.

Съ 1890 года начинается третій моментъ русской желѣзнодорожной политики въ новѣйшее время, продолжающійся и теперь. Въ экономической жизни Россіи это было время, когда она сдѣлала нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по дорогѣ, ведущей страну къ преобразованію въ хозяйственный организмъ высшаго типа, съ развитымъ и глубоко проникшимъ въ народныя массы товарнымъ оборотомъ, съ растущей обрабатывающей промышленностью. Желѣзнодорожная политика, естественно, поэтому направлена была главнымъ образомъ къ одной цѣли, — къ поощренію промышленнаго, по преимуществу фабричнаго и торговаго развитія страны. Въ это время не было уже нужды въ интенсивной законодательной и административно-учредительной дѣятельности по желѣзно-дорожному дѣлу, потому что все главное было уже намѣчено и въ значительной своей части завершено. Заслуживаютъ вниманія лишь начатая уже раньше тарифная реформа, постоянно подвергающаяся пересмотрамъ и поправкамъ въ силу тѣсной связи тарифнаго вопроса съ переменами въ хозяйственной жизни страны, и образованіе въ 1891 году высшаго законосовѣщательнаго учрежденія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ — соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Зато въ двухъ другихъ областяхъ желѣзнодорожной политики — въ дѣлѣ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и въ желѣзнодорожномъ строительствѣ—наблюдается большое оживленіе: до одиннадцати большею частью очень важныхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій было выкуплено правительствомъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія императора Александра III-го, такъ что общая про-

тяжесть выкупленных казною желѣзныхъ дорогъ достигла въ 1894 году почти $12\frac{1}{2}$ тысячъ верстъ; въ то же время на казенныя средства стала строиться Сибирская желѣзная дорога, сооружались казною также нѣкоторые подъѣздные пути и стратегическія желѣзныя дороги; частныя компаніи построили рядъ линій, какъ Уманская, Новосильскія, Раненбургская вѣтви, Ириновская, Рязанско-Казанская, Воронежско-Курская, Пермь-Котласская, Архангельско-Вологодская и др. линіи. Усиленію частной дѣятельности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ содѣйствовало сліяніе мелкихъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ крупныя компаніи: такихъ компаній къ концу 1894 года образовалось шесть. Такимъ образомъ къ концу минувшаго царствованія въ Россіи было уже болѣе 31 тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ около 17 тысячъ верстъ принадлежало казнѣ.

Такова грандіозная и поучительная картина, развертывающаяся передъ глазами всякаго, кто дастъ себѣ трудъ прочитать третій томъ разбираемаго сочиненія и раздѣлить на отдѣльные періоды матеріалъ, въ немъ изложенный. Недостатокъ порядка, отсутствіе раздѣленія на хронологическіе моменты, мѣшающее цѣльности и ясности впечатлѣнія, не представляютъ собою, однако, единственнаго повода для упрека по адресу автора. Въ связи съ этимъ недостаткомъ, зависящимъ отъ того, что авторъ—собственно не изслѣдователь, а собиратель и систематизаторъ матеріала, находится другой дефектъ: поверхностное объясненіе, иногда даже необоснованное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ. Не въ силахъ будучи возвыситься надъ частностями, авторъ склоненъ важныя явленія приписывать мелкимъ причинамъ и преувеличиваетъ часто влияніе отдѣльныхъ личностей. Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что вопросъ о личной роли императора Александра III-го въ желѣзнодорожной политикѣ его царствованія, не разъ затрогиваемый авторомъ, разсматривается имъ безъ достаточныхъ фактическихъ данныхъ: на стр. 18-й совершенно не доказано ничѣмъ, что уже въ 1881 году императоръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; слабы также доказательства личнаго почина Александра III-го въ дѣлѣ постройки стратегическихъ дорогъ (стр. 189—190). Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ; между тѣмъ, официальное положеніе автора и наличность живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій могли бы бросить на него больше свѣта и если не рѣшить его вполне, то, по крайней мѣрѣ, поставить его болѣе правильно. Поражаетъ затѣмъ своей невѣрностью и поверхностностью объясненіе основнаго направленія желѣзнодорожной политики до конца 70-хъ годовъ:

недостатокъ планоуѣрности, господство частной инициативы и слабость правительственнаго вліянія на желѣзнодорожное дѣло объясняется «французскими и англійскими идеями о необходимости развитія самодѣятельности отдѣльныхъ общественныхъ группъ» (стр. 15), тогда какъ на дѣлѣ причина лежала глубже, въ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства и въ позитивѣ самаго дѣла желѣзнодорожнаго строительства.

Указанные недостатки, свойственные и первымъ двумъ томамъ разбираемаго труда и лишь рѣзче выразившіеся въ третьемъ томѣ, не мѣшаютъ намъ, однако, признать за сочиненіемъ г. Кислинскаго важное значеніе по богатству изученнаго и приведеннаго авторомъ въ первоначальную систему матеріала. Книга будетъ настольнымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя исторіи русскаго экономическаго быта, русскихъ финансовъ и путей сообщенія.

И. Я. Гурляндъ: 1) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в. Ярославль, 1900; 2) Новгородскія ямскія книги 1586—1631 г. г. Ярославль, 1900.

Быть можетъ, ни одинъ изъ періодовъ исторіи Россіи не имѣетъ такой обширной, богатой сравнительно литературы, какъ періодъ Московскаго государства—XVI и XVII столѣтія. И, несмотря на такое сравнительное обиліе научныхъ трудовъ по этому отдѣлу, многое для насъ все еще остается неяснымъ и малоизслѣдованнымъ, такъ какъ едва тронуть еще громадный архивный матеріалъ, сохранившійся особенно отъ XVII вѣка. Этотъ матеріалъ требуетъ цѣлой арміи изслѣдователей, которые въ виду его чрезвычайной обширности по необходимости должны въ извѣстной мѣрѣ суживать поле своего зрѣнія, предпринимая работы монографическаго характера. Монографическое изслѣдованіе—полезное, необходимое дѣло, но, во-первыхъ, не надо доводить спеціализацію до крайности, не слѣдуетъ тратить слишкомъ много усилій и времени на черезчуръ мелкія задачи, во-вторыхъ—и это главное—первая обязанность изслѣдователя, занимающагося частнымъ вопросомъ, заключается въ томъ, чтобы выводы, полученные имъ въ его монографіи, сохранили связь съ результатами общей работы по историческому изученію даннаго періода, чтобы они были связаны неразрывною цѣпью съ основными, главными явленіями извѣстнаго момента историческаго развитія. Если этимъ двумъ требованіямъ работа не удовлетворяетъ, то она—не изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ слова, а сборникъ болѣе или менѣе систематизированныхъ и лишь элементарно обработанныхъ сырыхъ матеріаловъ. Такова та общая точка зрѣнія, которую мы будемъ имѣть въ виду при разборѣ книги г. Гурлянда о ямской гоньбѣ въ Московскомъ государствѣ. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ прежде всего даетъ

очеркъ литературы предмета, раздѣляемой имъ на три группы: 1) спеціальныя изслѣдованія по исторіи русской почты и ямской гоньбы (стр. 4—16), 2) работы, имѣющія другія темы, но самостоятельно и по новымъ даннымъ пересматривающія вопросъ объ исторіи ямской гоньбы (стр. 16—19), 3) изслѣдованія, содержащія лишь отдѣльныя указанія и замѣчанія о ямской гоньбѣ (стр. 19—20). Обзоръ литературы предмета можетъ быть полезенъ главнымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ можетъ показать, въ какой связи стояла спеціальная работа надъ мелкимъ вопросомъ съ общими теченіями въ исторіографіи; во-вторыхъ, при помощи такого обзора можно дать понятіе о состояніи разработки изучаемаго вопроса, въ-третьихъ можно преслѣдовать библиографическія цѣли. Первой задачи г. Гурляндъ, очевидно, не имѣлъ въ виду, что всего яснѣе изъ приведенной выше группировки отдѣльныхъ работъ, такъ или иначе касающихся ямской гоньбы, равно какъ и изъ полного невниманія автора къ общимъ теченіямъ русской исторической мысли и связи съ нимъ спеціальныхъ трудовъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть: данныя, которыя приведены въ книгѣ г. Гурлянда, убѣждаютъ въ томъ, что наиболѣе плодотворной спеціальная работа по избранной имъ темѣ была въ 50-хъ и 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, т. е. совпадала съ періодами начала особаго оживленія въ сферѣ русской исторіографіи, изъ которыхъ второй не прерывается и до сихъ поръ. Извѣстныя общественныя задачи, повлиявъ на общее оживленіе исторической работы, черезъ посредство главныхъ теченій послѣдней отразились и въ спеціальной сферѣ. Что касается до второй задачи, то ее удобнѣе было бы разрѣшить не хронологическимъ перечнемъ и изложеніемъ содержанія разныхъ книгъ, соединеннымъ съ искусственной группировкой сочиненій по внѣшнимъ признакамъ, а съ систематическимъ и стройнымъ, притомъ же краткимъ, изложеніемъ того, что достигнуто въ изучаемой области. Наконецъ, и библиографическія цѣли не требуютъ той системы изложенія, какую принялъ г. Гурляндъ: достаточно было сухого перечня, списка сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ. Итакъ, литература предмета изложена авторомъ разбираемаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, неудачно: это изложеніе не достигаетъ ни одной изъ возможныхъ и дѣйствительно важныхъ цѣлей.

Мы остановились на этомъ вопросѣ нѣсколько долѣе, чѣмъ онъ бы того заслуживалъ, по той причинѣ, что обычай писать обзоры литературы утверждается все прочнѣе и прочнѣе, при чемъ авторы слишкомъ часто забываютъ о цѣляхъ такихъ обзоровъ, что печально отражается на содержаніи послѣднихъ.

Затѣмъ г. Гурляндъ указываетъ во введеніи на необходимость различать въ исторіи ямской гоньбы условія времени и мѣста (стр. 21) и формулируетъ два главныхъ своихъ вывода: 1) о дѣленіи исторіи ямской гоньбы на три періода—до половины XVI в., съ половины XVI до начала XVII в. и со смутнаго времени до конца XVII столѣтія; 2) разграниченія двухъ формъ ямской гоньбы,—по стройнымъ ямамъ и въ видѣ мірскихъ отпусковъ (стр. 21—22). Задача книги г. Гурлянда, по его собственнымъ выраженіямъ, заключалась въ томъ, чтобы «выяснить ходъ постепеннаго развитія ямскихъ учрежденій, значеніе и организацію ихъ» и «опредѣлить тѣ бытовыя условія, которыя сложились на почвѣ этихъ учрежденій» (стр. 20). Изъ этихъ словъ и главныхъ выводовъ видно, что авторъ оставилъ въ тѣни одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ—о влияніи хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ условій на ямской строй. Посмотримъ, не пополняется ли этотъ очевидный изъ введенія пробѣлъ дальнѣйшимъ изложеніемъ г. Гурлянда.

Первая глава посвящена «вопросу объ источникѣ и времени происхожденія ямской гоньбы». Авторъ начинаетъ эту главу тѣмъ, что констатируетъ для удѣльной Руси существованіе двухъ способовъ сношеній на средства населенія или, точнѣе, двухъ названій для одного способа: именно повоза и подводной повинности (стр. 24—25). При этомъ дается и совершенно необходимое для цѣлей изслѣдованія опредѣленіе ямской гоньбы какъ «организованной системы сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленные подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и гдѣ существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу» (стр. 28), и отмѣчается, что древніе повозъ и подвода не подходили подъ это опредѣленіе, отличаясь непостоянствомъ и отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ. Г. Гурляндъ, по нашему мнѣнію, правильно толкуетъ «повозъ» въ Новгородѣ XIII вѣка въ смыслѣ подводной повинности, сопоставляя лѣтописное извѣстіе 1209 года съ договорами Новгорода съ князьями (стр. 25), но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что такъ какъ повозъ и подвода не были «организованной системой сообщенія», каковой была ямская гоньба, то эту послѣднюю нельзя выводить изъ первыхъ. Вѣдь, если подобный силлогизмъ признать правильнымъ, то придется отрицать происхожденіе, напр., Московскаго государства отъ удѣльнаго княжества, потому что вѣдь удѣльное княжество также не представляло собою организованной системы управленія, каковая въ извѣстной мѣрѣ наблюдается въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ г. Гурляндъ склоненъ объяснять происхожденіе ямской гоньбы татарскимъ влияніемъ и доказываетъ

это тѣмъ, что, во-первыхъ, слово «ямъ» встрѣчается только съ нашествіемъ татаръ, во-вторыхъ, это—татарское слово: дзямъ-дорога (стр. 29—31). Очевидно однако, что изъ этихъ доказательствъ можно сдѣлать только одинъ выводъ о татарскомъ происхожденіи слова «ямъ», но отнюдь не самаго учрежденія ямской гоньбы. И это тѣмъ болѣе, что, по признанію самого г. Гурлянда, слово «ямъ» обозначало «не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду» для содержанія тамъ почтовой организаціи (стр. 39); съ этимъ характеромъ фискальнаго сбора ямъ переходитъ въ концѣ XIV в. въ княжескую казну (стр. 43), и лишь позднѣе, путемъ смѣшенія съ подводной повинностью, образуется при Иванѣ III организованная ямская гоньба (стр. 43 и слѣд.).

Такимъ образомъ текстъ разбираемаго изслѣдованія самъ по себѣ показываетъ, помимо воли его автора, что татарское вліяніе было поверхностнымъ, отразилось лишь въ терминологіи, историческихъ же прецедентовъ ямской гоньбы слѣдуетъ искать не въ татарскомъ ямѣ, а въ мѣстныхъ русскихъ повозѣ и подводѣ. Позволимъ себѣ замѣтить, что и вообще всегда иностранное вліяніе отличается въ исторіи поверхностностью, не захватываетъ сущности дѣла, а отражается почти исключительно на формѣ, на внѣшности: это всего лучше доказывается исторіей научной разработки реформы Петра Великаго, которую славянофилы ошибочно считали внѣшнимъ, наноснымъ явленіемъ, результатомъ иностраннаго вліянія, а современная наука признаетъ связанной тысячею корней съ предшествующимъ историческимъ развитіемъ Россіи и показываетъ, что учрежденія, заимствованныя какъ будто изъ чужестранныхъ образцовъ, не имѣли съ послѣдними ничего общаго, кромѣ названія. Пора-бы отказаться поэтому отъ легкаго, но сомнительнаго приѣма объяснять происхожденіе какого-бы-то ни было учрежденія иностраннымъ вліяніемъ.

Признавая такимъ образомъ ошибочнымъ, недостаточно продуманнымъ взглядъ г. Гурлянда на происхожденіе ямской гоньбы, отмѣтимъ здѣсь и достоинства первой главы разбираемаго изслѣдованія: 1) достаточную полноту матеріала, позволяющую читателю сдѣлать правильный выводъ, несогласный съ мнѣніемъ автора, 2) несомнѣнную, на нашъ взглядъ, основательность мнѣнія г. Гурлянда, что *организованные* ямы появились только съ Ивана III (стр. 44—48). Но указаннаго при разборѣ введенія пробѣла первая глава не пополняетъ.

Вторая глава посвящена исторіи ямской гоньбы въ первый періодъ ея существованія,—до половины XVI вѣка. Сущность ямскаго строя въ это время, какъ его изображаетъ г. Гурляндъ, сводится къ слѣдующему: во главѣ каждого яма стояли 2 или 3

ямщика (стр. 51), выбиравшихся населеніемъ и приводившихся къ присягѣ казначеями въ Москвѣ, вмѣстѣ съ состоявшими при ямѣ выборными же дьячкомъ и дворникомъ (стр. 59); ямщики не ѣздили сами, а только распоряжались, «стряпали на яму», т. е. наряжали крестьянъ съ подводами (стр. 58—59). Ямская гоньба до половины XVI в. исполнялась самимъ населеніемъ въ видѣ натуральной повинности: населеніе по очереди доставляло на ямы лошадей, подводы и людей (стр. 51), большею частью безплатно, но иногда—даже въ началѣ XVI в.—за особые прогоны, расходы на которые записывались въ загонныя книги (стр. 62—64); кромѣ того въ связи съ ямской гоньбой находился рядъ другихъ натуральныхъ повинностей: снабжать кормомъ пословъ и гонцовъ, расчищать дороги, строить и чинить мосты, гати и ямскіе дворы (стр. 65—66); наконецъ, изъ старинной подати—яма—образовались ямскія деньги, опредѣленный окладъ которыхъ до 80-хъ годовъ еще не установился, и собирались еще примѣтныя деньги, которыя авторъ сближаетъ со сбиравшимися съ лошадей туковыми деньгами или «примѣтными туковыми» (стр. 68—69).

Таковы основныя заключенія г. Гурлянда во второй главѣ. Съ ними нельзя не согласиться, но опять-таки нельзя не упрекнуть автора въ томъ, что онъ не объяснилъ связи ямскаго строя первой половины XVI вѣка съ общими историческими условіями того времени. На это у него была полная возможность, потому что предшествующая литература давала ему всѣ необходимыя для того средства. Преобладаніе натуральной ямской повинности и слабость и неопредѣленность соотвѣтственныхъ денежныхъ сборовъ обязаны своимъ существованіемъ продолжавшемуся еще господству натурального хозяйства. Усложненіе ямскихъ повинностей и выборъ ямщиковъ населеніемъ для исполненія извѣстныхъ государственныхъ обязанностей—отраженіе едва слагавшагося тогда крѣпостного соціального строя. Наконецъ, въ слабой организованности ямскихъ учрежденій, выразившейся между прочимъ и въ сліяніи ямскаго вѣдомства съ вѣдомствомъ казначеевъ (стр. 80—81), сказались господство старыхъ удѣльныхъ или вотчинныхъ порядковъ въ государственномъ устройствѣ и слабость новыхъ чисто-государственныхъ понятій.

Кромѣ этого общаго упрека сдѣлаемъ еще два частныхъ замѣчанія. Одно изъ нихъ относится къ мнѣнію г. Гурлянда, что «ямскія земли освобождались отъ всякихъ сборовъ и повинностей» (стр. 72—73). Это мнѣніе основывается на описаніи яма на Назѣ въ Вотской пятинѣ конца XV в., въ которомъ сказано, что «старога дохода шло денегъ пять гривенъ, баранъ, куря и

т. д., а нынѣ пашутъ ямщики», т. е. старый доходъ не платится. Но вѣдь очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о владѣльческомъ оброкѣ: пока земля не была ямской, съ крестьянъ, ее обрабатывавшихъ на себя, получалъ оброкъ землевладѣлецъ именно потому, что на ней сидѣли крестьяне; но когда земля была отдана ямщикамъ, и они сами, безъ крестьянъ, стали на себя обрабатывать землю, то и оброка, естественно, не съ кого было собирать. Это не особенность ямскихъ земель, а общее и совершенно понятное явленіе. Что же касается до государственныхъ налоговъ, то ямскія земли имъ подлежали на ряду со всѣми другими. Это видно изъ того, что онѣ положены были въ сошное письмо, что отмѣчено и самимъ г. Гурляндомъ относительно яма на Назѣѣ (стр. 73). Извѣстно, что владѣльческая, барская пашня стала обѣляться лишь въ самомъ концѣ XVI вѣка и то не цѣликомъ, а отдѣльной частью и съ соблюденіемъ особыхъ условій ¹⁾. Второе частное замѣчаніе—*pro domo sua*: г. Гурляндъ въ примѣчаніи 3-емъ на стр. 69 упрекаетъ меня, что я старался въ своей книгѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси вывести опредѣленный окладъ ямскихъ денегъ, не существовавшій въ первой половинѣ XVI в., но дѣло въ томъ, что я и не думалъ утверждать, что окладъ этого налога былъ въ то время опредѣленнымъ; мнѣ нужна была средняя приблизительная сумма, въ какой онъ большею частью собирался,—и только. Вѣдь и для неопредѣленности оклада есть свои предѣлы.

Переходя къ третьей главѣ къ изученію ямской гоньбы во второй половинѣ XVI в., г. Гурляндъ отмѣчаетъ, какъ основную черту этого періода, переводъ прежней натуральной ямской повинности въ денежную, заключавшійся въ наймъ населеніемъ особыхъ лицъ,—ямскихъ охотниковъ, или—точнѣе—въ уплатѣ имъ на содержаніе и на снабженіе всѣмъ необходимымъ для ямской гоньбы опредѣленныхъ суммъ (стр. 85). Признавая, что это было правительственной реформой, проведенной въ промежутокъ времени между 40-ми и 60-ми годами XVI в., авторъ соглашается, что реформа была подготовлена предшествовавшей практикой и не являлась такимъ образомъ рѣзкимъ переломомъ (стр. 85—86, 92—93). Надо, впрочемъ, замѣтить, что г. Гурляндъ не могъ доказать, что правительство само вмѣшалось въ дѣло въ данномъ случаѣ, и потому можно остаться при старомъ мнѣніи, что сама жизнь безъ участія властей, выработала новую форму гоньбы. Причина перемѣны въ этомъ отношеніи опять

¹⁾ См. наше „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“ стр. 266—269.

остаётся неясной для г. Гурлянда: онъ этимъ вопросомъ совершенно не занимается, между тѣмъ онъ важень, и отвѣтъ на него ясенъ: вторая половина XVI в., какъ мы въ свое время старались доказать¹⁾, есть время зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи.

Подробно характеризуя затѣмъ обязанности населенія въ дѣлѣ ямской гоньбы (стр. 94—103), авторъ хорошо выясняетъ образованіе особаго сбора «ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны» (стр. 104) и прочно устанавливаетъ положеніе, что окладъ ямскихъ денегъ въ концѣ XVI в. установился въ размѣрѣ 20 руб., а 10 руб. съ сохи—окладъ сбора ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны (стр. 105), чѣмъ устраняется довольно важное недоразумѣніе, существовавшее въ литературѣ²⁾. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ выясненъ еще и другой—о происхожденіи отъ послѣдняго названнаго сбора—ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны—такъ называемой «малой ямщины» XVII в.; по поводу этой послѣдней изслѣдователи, какъ извѣстно, также не пришли ранѣе къ согласію³⁾.

Очень интересны сообщаемыя г. Гурляндомъ на основаніи особо изданныхъ имъ «Новгородскихъ ямскихъ книгъ» данныя о внутреннемъ строѣ слободъ, населенныхъ ямскими охотниками, и особенно о ямскомъ землевладѣніи, при чемъ выступаетъ съ несомнѣнностью фактъ передѣла угодій между охотниками (стр. 117—164). Наконецъ не лишены значенія наблюденія автора надъ ямскими бобылями (стр. 167—169), колеблющія извѣстное мнѣніе проф. Дьяконова о происхожденіи бобыльства исключительно путемъ обѣднѣнія крестьянъ⁴⁾ и, подтверждающія такимъ образомъ возраженія, сдѣланныя этому послѣднему изслѣдователю пишущимъ эти строки⁵⁾.

Четвертая глава—о сибирской гоньбѣ—имѣетъ второстепенный интересъ и могла бы быть значительно сокращена безъ вреда для дѣла. Въ пятой главѣ г. Гурляндъ разсматриваетъ ямскую гоньбу XVII в. Основныя черты этого періода—замѣна подмоги охотникамъ отъ

¹⁾ Сельское хозяйство М. Руси въ XVI в., стр. 271—290.

²⁾ Ср. Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 65, прим. 2.

³⁾ Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи, стр. 22; Лаппо-Данилевскій, Организція прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 15.

⁴⁾ Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 208.

⁵⁾ См. нашу рецензію на „Очерки“ г. Дьяконова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1899 г., № 1, стр. 241—242.

населенія казеннымъ жалованіемъ, правительственный приборъ охотниковъ, соединенный съ прикрѣпленіемъ ихъ къ слободамъ, введеніе единого ямскаго налога, объединеніе центрального управленія ямской гоньбой—хорошо очерчены у автора (стр. 206—267), но связь ихъ съ общимъ экономическимъ, социальнымъ и политическимъ развитіемъ страны не установлена.

Въ этомъ заключается основная причина главной ошибки автора въ пятой главѣ: происхожденіе казеннаго жалованья охотникамъ г. Гурляндъ совершенно напрасно ищетъ въ послѣдствіяхъ смутнаго времени, которое будто бы «расплатало ямской строй» и уменьшило необходимое для этого строя принужденіе, чѣмъ и заставило правительственную власть ввести жалованье (стр. 206, 212). «Принужденіе», или крѣпостной сословный строй, такъ сильно отразившійся на положеніи ямскихъ охотниковъ, усилился въ XVII вѣкѣ; что же касается жалованья, то его введеніе—результатъ развитія новыхъ государственныхъ порядковъ, постепенно вытѣснявшихъ вотчинную старину.

Въ шестой главѣ г. Гурляндъ устанавливаетъ, что кромѣ гоньбы по стройнымъ ямамъ, т. е. устроеннымъ правительствомъ, во второй половинѣ XVI в. появились еще мірскіе отпуска, т. е. гоньба, отбывавшаяся міромъ и постепенно получавшая организацію, подобную организаціи гоньбы по стройнымъ ямамъ. При этихъ мірскихъ отпускахъ «населеніе непосредственно не отпущало подводъ, а по вытню платило деньги, которыя считались мірскими ямскими деньгами и на которыя волость нанимала подводъ, сколько потребуется» (стр. 270).

Отмѣчая эту любопытную разновидность ямской гоньбы, г. Гурляндъ считаетъ случайностью, что въ однихъ мѣстахъ были стройные ямы, а въ другихъ мірскіе отпуска (стр. 273), и тѣмъ самымъ признаетъ свое безсиліе объяснить причины отмѣченнаго явленія. Такое безсиліе, помимо другихъ обстоятельствъ, объясняется, по нашему мнѣнію, однимъ важнымъ пробѣломъ въ работѣ г. Гурлянда: онъ не потрудился составить по возможности полный перечень ямовъ и ямскихъ дорогъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ. Между тѣмъ это было бы можно сдѣлать на основаніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ и извѣстій иностранныхъ писателей. Если бы такой списокъ былъ составленъ, то мы имѣли бы драгоценный матеріалъ для исторіи путей сообщенія въ Россіи, совершенно необходимый при изученіи народно-хозяйственнаго развитія, особенно торговаго. Кромѣ того выяснилось бы, вѣроятно, насколько вѣрно напрашивающееся съ перваго же раза предположеніе, что гоньба по мірскимъ отпускамъ сохранилась тамъ, гдѣ движеніе правительственной

почты того времени отличалась меньшей сравнительно напряженностью.

Последняя глава—о Ямскомъ приказѣ — представляет собою мало новаго, и потому мы на ней останавливаться не будемъ. Изъ приложений особенно важными надо признать второе—объ окладахъ ямскихъ денегъ—и третье, личный составъ Ямскаго приказа. Мы отмѣчали уже выше цѣнность особо изданныхъ авторомъ «Новгородскихъ ямскихъ книгъ 1586—1631 гг.». Подводя итоги всему сказанному, слѣдуетъ прежде всего признать, что хотя г. Гурляндъ и выбралъ довольно узкую даже съ монографической точки зрѣнія тему, но онъ смягчилъ эту узость тѣмъ, что захватилъ своимъ изслѣдованіемъ продолжительный хронологическій періодъ и не ограничился изученіемъ техники ямской гоньбы, а обратилъ вниманіе и на организацію специальныхъ ямскихъ сборовъ и на устройство центрального управленія ямскимъ дѣломъ, и на ямское землевладѣніе. Серьезнѣе упрекъ, который приходится сдѣлать автору относительно разработки вопроса: здѣсь авторъ упустилъ изъ виду общій историческій фонъ, на которомъ рисовалась картина ямской гоньбы въ Московскомъ государствѣ, оставилъ въ тѣни причинную связь между общими явленіями экономической, соціальной и политической исторіи Московскаго государства, съ одной стороны, и изучаемою имъ сферою государственной организаціи—съ другой. Это сильно понижаетъ цѣнность труда г. Гурлянда, какъ изслѣдованія. Вообще наименѣе удачными являются какъ разъ тѣ части разбираемой книги, въ которыхъ авторъ пытается выяснить генезисъ той или другой черты ямскаго строя. Наконецъ, недостаткомъ книги является и нѣкоторая неполнота матеріала; мы не говоримъ о вынужденной неполнотѣ, являющейся слѣдствіемъ безпорядочности нашего архивнаго матеріала; мы разумѣемъ то обстоятельство, что г. Гурляндъ не воспользовался писцовыми и переписными книгами и не исчерпалъ иностранныхъ писателей съ цѣлью составленія возможно болѣе полнаго списка ямскихъ дорогъ и ямовъ.

При всемъ томъ изслѣдованіе г. Гурлянда отличается и довольно крупными достоинствами, главнымъ изъ которыхъ надо признать правильное и ясное изображеніе ямскаго строя въ Московской Руси.

Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа.

(Посвящается памяти Василия Ивановича Холмогорова).

Благодаря любезности покойнаго товарища предсѣдателя археографической комиссіи Московскаго археологическаго общества В. И. Холмогорова, мнѣ удалось познакомиться съ любопытными во многихъ отношеніяхъ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и извѣстными подъ названіемъ «книгъ записныхъ вотчинныхъ». Документы эти принадлежатъ къ числу дѣлъ бывшаго вотчиннаго архива и на переплетахъ носятъ совершенно другое названіе, нисколько не соответствующее ихъ содержанію: они названы книгами «записными дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ и о завладѣніи землею». Это названіе есть не что иное, какъ плодъ позднѣйшаго канцелярскаго измышленія, а въ самомъ текстѣ изученныя мною книги именуруются «книгами записными вотчинными»¹⁾. Всѣхъ книгъ тридцать двѣ (№№ 5969/1—6000/32). Двѣ изъ этихъ книгъ (№№ 5989/21 и 5990/22), относящіяся къ 7150—7152 гг., т. е. къ 1642—44 гг., попали въ эту коллекцію случайно: это уже не записныя вотчинныя книги, а помѣстныя дачи, что явствуетъ изъ помѣщеннаго въ первомъ изъ нихъ заглавія: «дачи костромскія 150-году»²⁾ и изъ самаго содержанія обѣихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ справки помѣстій за законными наслѣдниками умершихъ помѣщиковъ, получавшими помѣстья каждый разъ, конечно, по особому пожалованію. Но остальные 30 книгъ всѣ одного типа и содержатъ въ себѣ производившуюся въ Помѣстномъ приказѣ запись вотчинъ при переходѣ ихъ къ другимъ лицамъ по разнымъ доку-

¹⁾ См. напр., книгу № 5975/7, дѣло № 58, заглавіе: „книги записныя вотчинныя 139 году“.

²⁾ См. книгу № 5989/21, дѣло № 15.

ментамъ, — завѣщаніямъ, даннымъ, грамотамъ, купчимъ, закладнымъ, ряднымъ записямъ. Книги обнимаютъ періодъ времени отъ 1625 г. ¹⁾ до 1651, при чемъ первыя 6 книгъ относятся къ двадцатымъ годамъ XVI вѣка, 7-я, 8-я, отчасти 9-я, вся 12, 13, 14, 15, 18, 19, 23 къ тридцатымъ, часть 9-й книги и цѣликомъ книги 16-я, 17-я, 20-я, 24-я, 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я и въ большей своей части 30-я и 31-я охватываютъ сороковые годы XVII столѣтія, а къ 50-мъ относятся части 30-й и 31-й книги и вся 32-я.

Книги записныя вотчинныя являются документами объ укрѣпленіи недвижимой собственности, представляютъ собою любопытный и до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ памятникъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства и даютъ матеріалъ для рѣшенія цѣлага ряда важныхъ историческихъ вопросовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой стороны дѣла, я желалъ бы дать понятіе о обычномъ составѣ этихъ книгъ, о типическихъ чертахъ ихъ, о томъ порядкѣ, въ какомъ въ нихъ заносились различные документы и вообще данныя по дѣлу.

Каждое дѣло, внесенное въ любую записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстомъ челобитной, заключающей въ себѣ просьбу о записи за извѣстнымъ лицомъ вотчины на основаніи представляемыхъ документовъ, или указаніемъ, что такого-то года, мѣсяца и числа въ Помѣстномъ приказѣ такія-то лица подали челобитныя и такіе-то документы, и что съ документовъ снята копія, а подлинники отданы по принадлежности; затѣмъ уже слѣдуетъ текстъ челобитныхъ. Вслѣдъ за челобитными въ книги вносились копія документовъ, представленныхъ въ приказъ челобитчиками въ подтвержденіе ихъ правъ на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потомъ помѣщалась выпись изъ писцовыхъ книгъ по передаваемому имѣнію. Затѣмъ слѣдовало изложеніе содержанія названной выше челобитной и, наконецъ, помѣта дьяка о рѣшеніи дѣла и полученіи пошлинъ. Книга обыкновенно подписывалась лицомъ, за которымъ вотчина была записана. Таковъ простѣйшій и типичнѣйшій, чаще всего встрѣчающійся образецъ записной вотчинной книги.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются нѣкоторыя видоизмѣненія и дополненія: такъ, когда вотчина передавалась по завѣщанію, челобитчикъ подавалъ не челобитную, а память изъ Патриаршаго разряда; когда вотчина была утверждена за челобитникомъ по суду, то присылалъ память одинъ изъ судебныхъ прика-

¹⁾ Самая ранняя запись въ книгѣ № 5972/4, дѣло № 41: 9-го мая 7133 г.

зовъ; иногда послѣ записи вотчины въ книги вотчинникъ ходатайствовалъ о сложеніи съ него причитающихся пошлинъ, и тогда производился докладъ государю, рѣшеніе котораго также заносилось въ записныя вотчинныя книги ¹⁾.

Самый характеръ записныхъ вотчинныхъ книгъ и мѣсто, гдѣ онѣ составлялись, показываютъ, что, какъ историческій источникъ, онѣ важны прежде всего постольку, поскольку отвѣчаютъ на вопросы о вѣдомствѣ, составѣ и дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа XVII вѣка.

Итакъ прежде всего: что новаго даетъ намъ источникъ для ознакомленія съ *вѣдомствомъ Помѣстнаго приказа*? Въ нашей исторической литературѣ существуетъ два различныхъ мнѣнія по вопросу о дѣятельности Помѣстнаго приказа. По одному изъ этихъ мнѣній, судебная дѣятельность этого приказа не была особенно замѣтной, поземельныя тяжбы разбирались здѣсь лишь по специальному порученію боярской думы ²⁾. По другому взгляду, по крайней мѣрѣ въ послѣдней четверти XVII вѣка судебныя дѣла занимали первое, главное мѣсто въ вѣдомствѣ Помѣстнаго приказа и начинались въ немъ очень часто не по специальному порученію думы, а непосредственно по челобитнымъ тяжущихся сторонъ ³⁾. Это второе мнѣніе основано на изученіи неизданнаго источника,—такъ называемыхъ «книгъ записныхъ приговоровъ», хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Въ пользу перваго взгляда говорятъ, повидимому, другіе извѣстные намъ источники. Такъ Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что «Помѣстный приказъ, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстій, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ государь не отдастъ оныхъ кому-либо другому» ⁴⁾. По Котошихину, въ Помѣстномъ приказѣ «вѣдома вся земля въ Московскомъ государствѣ, и что кому дано помѣстья и вотчинъ, или кто у кого вотчину купить и кому вновь что дадутъ, указъ и записныя книги въ томъ приказѣ» ⁵⁾. Въ этихъ свидѣтельствахъ нѣтъ ни слова

¹⁾ Въ приложеніи печатаемъ типическую записную вотчинную книгу Помѣстнаго приказа.

²⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, М., 1883, стр. 406.

³⁾ Н. Ардашевъ, Книги записныя приговоровъ бывшаго Вотчиннаго архива, въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи“, книга VIII, М., 1891, стр. 62.

⁴⁾ Устряловъ, Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. III, С.-Пб. 1832, стр. 46.

⁵⁾ О Россіи въ царствованіе Алексея Михайловича, С.-Пб., 1859, стр. 78.

о судебной дѣятельности приказа. Намъ кажется, что «книги записныя вотчинныя» бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ спорный вопросъ, даютъ путеводную нить, выводящую насъ здѣсь на правильную дорогу. Изучая характеръ дѣлъ, занесенныхъ въ наши «книги», мы замѣчаемъ, что здѣсь, хотя и довольно рѣдко, попадаются поземельныя тяжбы, разбираемыя притомъ приказомъ не по спеціальному порученію боярской думы, а по челобитью сторонъ. Ограничимся однимъ примѣромъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько параллельныхъ случаевъ ¹⁾. Въ 1627 году княгиня Марья Лобанова-Ростовская подала въ *Помѣстный приказъ* челобитную, въ которой просила записать за ней выслуженную ярославскую вотчину ея покойнаго мужа, отказавшаго ее своей вдовѣ. *Туда-же* подалъ челобитную родственникъ покойнаго Иванъ Долгово-Сабуровъ, ссылаясь на извѣстный указъ о ненаслѣдованіи бездѣтными вдовами выслуженныхъ ихъ мужьями вотчинъ. На томъ же основаніи вотчинникъ другой половины того же села просилъ себѣ половину, завѣщанную княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ своей женѣ. Позднѣе поданъ былъ рядъ подобныхъ челобитныхъ еще нѣсколькими лицами: князьями Иваномъ и Дмитріемъ Ростовскими, Иваномъ Самаринымъ, Наумовымъ, Окинфовымъ, Стрешневымъ. Нѣтъ такимъ образомъ сомнѣнія, что передъ нами спорное дѣло, поземельная тяжба. И однако оно вершилось не въ судебныхъ приказахъ, какъ то было обыкновенно, а въ приказѣ Помѣстномъ ²⁾. Очевидно, сама административно-судебная практика приводила къ тому, что поземельныя тяжбы стягивались мало-по-малу въ Помѣстный приказъ, и, надо думать, спеціальныя порученія государя и думы сыграли тутъ немаловажную направляющую роль. Но этого мало: въ нашемъ источникѣ встрѣчается прямое указаніе на то, что и въ законодательство проникла уже въ первой половинѣ XVII вѣка идея о Помѣстномъ приказѣ какъ судебномъ учрежденіи, разбирающемъ поземельныя споры. Въ 1636 году князь Юрій Буйносовъ-Ростовскій подалъ въ Помѣстный приказъ челобитную слѣдующаго содержанія: въ 1622 году Михаилъ Ордынцевъ заложилъ ему, князю Буйносову, свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ, пустошь Густоѣдово съ пустошами; у Ордынцева изъ-за этой вотчины былъ судъ съ Колычевыми, и судебное дѣло до сихъ поръ, т. е. до 1636 года, еще не вершено, но Колычевы уже давно не били челомъ; по чело-

¹⁾ Параллельные случаи см. книги записныя вотчинныя, 5975/7 (дѣло № 45), 5976/8 (№ 20), 5977/9 (№ 85), 5978/10 (№ 42), 5982/14 (№ 27) и др.

²⁾ Книга записная вотчинная 5971/3, дѣло № 19.

битной его, князя Буйносова, то дѣло раньше велѣно было вѣдать въ приказѣ Большого прихода, «а пынеча, государь, твоей государевъ указъ, что такие судныя вотчинныя дѣла ведатъ въ Помѣстномъ приказе твоему государеву думному дяку Михаилу Данилову с товарищи»; на этомъ основаніи князь Буйносовъ просилъ послать «по то дѣло» память изъ Помѣстнаго приказа въ Большой приходъ. Что ссылка на указъ и ея мотивировка были совершенно правильны и не возбуждали сомнѣній, — это доказывается слѣдующей помѣтой на челобитной думнаго дяка Михаила Данилова: «144 г. марта въ 16 д. послатъ память, велѣтъ прислатъ дѣло въ Помѣстный приказъ». Если бы у думнаго дяка возникли какія либо сомнѣнія, онъ непременно сдѣлалъ бы докладъ государю, чего въ данномъ случаѣ не было. Притомъ-же и Большой приходъ безъ всякаго доклада прислалъ дѣло въ Помѣстный приказъ¹⁾. Итакъ едва ли подлежитъ спору, что челобитчикъ правильно понялъ цитруемый имъ указъ о расширеніи вѣдомства Помѣстнаго приказа: не даромъ два приказа безусловно согласились съ его пониманіемъ. Остается установить, какія-же это «такія судныя вотчинныя дѣла» стали въ то время вѣдать Помѣстный приказъ? Тщетно стали бы мы искать цитованный княземъ Буйносовымъ указъ въ «Указной книгѣ Помѣстнаго приказа»; его тамъ нѣтъ, онъ, очевидно, сгорѣлъ въ знаменитомъ московскомъ пожарѣ 3-го мая 1626 года и не былъ восстановленъ, какъ другіе указы, попавшіе въ «Указную книгу», составленную, какъ извѣстно, послѣ пожара²⁾. Необходимо, значитъ, сдѣлать выводъ на основаніи текста челобитной и изложенія самой тяжбы Колычевыхъ съ Ордынцевымъ, а потомъ княземъ Буйносовымъ, находящагося въ «записной вотчинной книгѣ». Судя по изложенію, это была обыкновенная поземельная тяжба, заключавшаяся въ томъ, что Колычевы оспаривали право Ордынцева владѣть спорной вотчиной. Тяжба началась, по общему правилу, тогда господствовавшему, во Владимирскомъ судномъ приказѣ и была перенесена отсюда именованнымъ указомъ государя въ Большой приходъ, по челобитью князя Буйносова-Ростовскаго, указывавшаго, что первый судья Владимирскаго суднаго приказа, князь Пронскій, — «ближній» Колычевымъ и не можетъ быть поэтому безпристрастнымъ вершителемъ дѣла. Въ Большомъ приходѣ дѣло вершено не было по той причинѣ, что челобитчики Колычевы умерли, а ихъ потомство и Ордынцевы перестали хо-

1) Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

2) Указная книга Помѣстнаго приказа, М., 1889, — начало книги.

дѣлу ¹⁾). Итакъ данное дѣло имѣеть только одинъ признакъ, отличающій его отъ другихъ поземельныхъ тяжбъ: оно не было рѣшено за нехожденіемъ по дѣлу истцовъ. Слѣдовательно, въ 1636 г. состоялся указъ, въ силу котораго спорныя поземельныя дѣла, не рѣшенныя за нехожденіемъ истцовъ, должны были переходить изъ судныхъ приказовъ въ вѣдомство Помѣстнаго приказа. На нашъ взглядъ, это одно изъ важнѣйшихъ новыхъ данныхъ, доставляемыхъ вновь найденнымъ источникомъ.

Книги записныя вотчинныя даютъ далѣе важный матеріалъ для изученія *состава* Помѣстнаго приказа и особенно его дѣлопроизводства за тѣ годы, къ которымъ книги относятся. Что касается до состава, то мы не будемъ долго останавливаться на немъ; замѣтимъ только, что, руководясь записными вотчинными книгами, легко составить полный списокъ судей и дьяковъ Помѣстнаго приказа за періодъ времени съ 1625 по 1651 годъ. Списокъ этотъ можетъ послужить дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстною статьею о московскихъ приказахъ, напечатанною въ 20-й части «Древней Россійской Вивлюэики». Но особенно интересными мы считаемъ данныя записныхъ вотчинныхъ книгъ о дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа. Извѣстно, что изслѣдователи сильно расходятся между собою въ вопросѣ о томъ, какъ производились и рѣшались дѣла въ московскихъ приказахъ. Уже давно высказана г. Леонтовичемъ мысль, что московскіе приказы—не что иное, какъ «точные копіи монгольскихъ дивановъ». Затѣмъ г. Лихачевъ въ своей книгѣ «Разрядные дѣянія XVI вѣка» настаивалъ на господствѣ въ приказахъ товарищескаго, коллегіальнаго начала. Наконецъ г. Н. Ардашевъ, авторъ цитованнаго уже нами весьма интереснаго описанія «книгъ записныхъ приговоровъ Помѣстнаго приказа», опираясь на эти книги, представилъ такую любопытную и внушающую довѣріе картину приказнаго дѣлопроизводства конца XVII вѣка: «присутствіе Помѣстнаго приказа не было односоставно, въ немъ существовали два отдѣленія: а) судейскій столъ, т.-е. столъ главнаго судьи приказа, его начальника, и б) столъ у дьяковъ, изъ которыхъ въ первомъ слушались и вершились спорныя дѣла, во второмъ слушались и помѣчаемы были неспорныя дѣла»; при этомъ «дѣла не слушались всѣмъ отдѣленіемъ, а слушались какъ главнымъ судьей, такъ и всѣми его товарищами отдѣльно, отдѣльно и каждымъ изъ дьяковъ». Оба стола—судейскій и дьячій—

¹⁾ Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

работали одновременно и помѣщались въ особыхъ казенках¹⁾. Такой порядокъ дѣлопроизводства, по наблюдениямъ г. Ардашева, окончательно установился въ 1682 году, но въ значительной своей части онъ существовалъ уже въ 70-хъ годахъ, какъ видно изъ слѣдующей надписи одной записной книги 7185 г.: «книга записная вершеннымъ дѣламъ, которыхъ дѣль слушаль бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Рѣпининъ съ товарищи, и которые дѣла помѣчены въ столѣ у дьяковъ»²⁾. «Здѣсь прямо названы оба отдѣленія присутствія, оба стола»³⁾. Эти любопытныя заключенія г. Ардашева подтверждаются изучаемымъ нами источникомъ въ томъ смыслѣ, что книги записныя вотчинныя даютъ возможность прослѣдить зарожденіе тѣхъ порядковъ, которые оказываются сложившимися въ концѣ XVII вѣка. Начиная съ сороковыхъ годовъ челобитныя по неспорнымъ земельнымъ дѣламъ довольно часто подаются не начальнику, не первому судѣ Помѣстнаго приказа, какимъ въ это время былъ дьякъ (впослѣдствіи думный дьякъ, затѣмъ думный дворянинъ) Ѳедоръ Елизаровъ, а другимъ помѣстнымъ дьякамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ іюнѣ 1643 года по одному неспорному дѣлу — о запискѣ вотчины по купчей — челобитныя были поданы дьякамъ А. Строеву и А. Кузовлеву⁴⁾. Имъ же по другому подобному дѣлу были поданы челобитныя въ ноябрѣ того же 1643 года⁵⁾. Въ январѣ 1645 года также на имя дьяковъ Строева и Кузовлева поступили челобитныя Репьева и Арбузова о запискѣ за первымъ вотчины второго⁶⁾. Эти и имъ подобныя факты нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что въ приказной практикѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка сталъ утверждаться постепенно обычай рѣшенія неспорныхъ дѣлъ одними дьяками, безъ участія главнаго судьи Помѣстнаго приказа; иными словами, уже тогда подготовлялось позднѣйшее раздѣленіе этого приказа на два стола — судейскій для спорныхъ дѣлъ и дьячій для дѣлъ неспорныхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, начиная съ сороковыхъ годовъ, все чаще и чаще помѣты по неспорнымъ дѣламъ дѣлаются не думнымъ дьякомъ и вообще не дьякомъ, стоявшимъ во главѣ

1) Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи“, книга VII, стр. 348, и книга VIII, стр. 66.

2) Книга записная приговорамъ 5015/2, № 415.

3) Книги записныя приговорамъ, — въ „Опис. док. и бумагъ хранящихся въ арх. мин. юст.“, книга VII, стр. 349.

4) Книга записная вотчинная 5996/28, дѣло № 14.

5) Тамъ же, дѣло № 23.

6) Книга записная вотчинная 5995/27, дѣло № 50.

Помѣстнаго приказа, а простыми дьяками, ему подчиненными¹⁾, между тѣмъ какъ раньше всѣ дѣла обыкновенно помѣчались думнымъ дьякомъ, начальникомъ приказа. Сопоставляя эти наблюдения съ полученнымъ нами раньше выводомъ, что спорныя дѣла или, что то же, поземельныя тяжбы стали проникать въ вѣдомство Помѣстнаго приказа уже въ двадцатыхъ и особенно въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, мы не удивимся, что въ слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе ясно сказалась потребность въ измѣненіи порядковъ дѣлопроизводства, вызванная расширеніемъ дѣятельности приказа. Думаемъ, что и перемѣны въ дѣлопроизводствѣ, какъ и въ вѣдомствѣ, были созданы по преимуществу, если не исключительно, самой приказной практикой, а не какими-либо специальными распоряженіями правительства.

Чтобы закончить обзоръ того, что новаго даютъ записныя вотчинныя книги для организаціи Помѣстнаго приказа остается указать на время, когда впервые, по извѣстнымъ намъ до сихъ поръ источникамъ, упоминается одинъ изъ столовъ, на которые дѣлились въ XVII в. канцелярія приказа.

По даннымъ г. Ардашева, съ начала 70-хъ годовъ до конца столѣтія канцелярія Помѣстнаго приказа дѣлилась на четыре территориальныхъ стола,—Московский, Псковскій, Владимірскій и Рязанскій²⁾. Въ «Указной книгѣ Помѣстнаго приказа», изданной В. Н. Сторожевымъ, Псковскій столъ упоминается уже въ 1631 г.³⁾, а Рязанскій въ 1648 г.⁴⁾. Кромѣ того въ 1626 г. тамъ указанъ еще одинъ столъ, не встрѣчающійся въ концѣ XVII вѣка,—именно Ярославскій⁵⁾. Этотъ же Ярославскій столъ упоминается и въ нашемъ источникѣ подъ 1631 годомъ⁶⁾, но кромѣ того—и это имѣетъ большее значеніе—книги записныя вотчинныя отмѣчаютъ въ томъ же 1631 г. существованіе Московскаго стола Помѣстнаго приказа⁷⁾. Это—древнѣйшее до сихъ поръ извѣстное свидѣтельство о Московскомъ столѣ.

¹⁾ См. напримѣръ, книги записныя вотчинныя 5998/30, дѣла №№ 2, 3, 5, 8, 9, 11, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 25, 28, 29, 30; 5999/31 дѣла №№ 27, 31, 32, 37, 39, 40, 42, 45, 46, 47, 49, 54, 55, 56, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 73, 73 bis и т. д.

²⁾ Книги записныя приговорамъ—въ „Опис. док. и бумагъ, хран. въ арх. мин. юст.“, книга VII, стр. 338.

³⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 104.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 136.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 87.

⁶⁾ Книга записная вотчинная 5976/8, дѣло № 20.

⁷⁾ Тамъ же.

Доставляя такимъ образомъ рядъ важныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи Помѣстнаго приказа, записныя вотчинныя книги вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ намъ пополнить нѣкоторыми данными и наши знанія о другихъ сторонахъ исторической жизни Россіи XVII вѣка.

Большое значеніе имѣютъ онѣ прежде всего для изученія дѣятельности высшихъ правительственныхъ учреждений, — самого государя и боярской думы: онѣ показываютъ, какія дѣла и почему восходили изъ Посольскаго приказа до верховной власти и какія вершились непосредственно въ приказѣ, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ уже какъ учрежденіе совершенно самостоятельное. Другими словами, записныя вотчинныя книги, наряду съ иными источниками, бросаютъ яркій свѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ выдѣлились въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка сферы управленія верховнаго, съ одной стороны, и подчиненнаго, съ другой. Я долженъ однако въ настоящее время отказаться отъ подробнаго анализа записныхъ вотчинныхъ книгъ съ этой точки зрѣнія какъ по той причинѣ, что это потребовало бы привлеченія большаго и разнообразнаго матеріала, а слѣдовательно и слишкомъ значительной затраты времени и мѣста, такъ и потому, что этотъ вопросъ я намѣренъ подробно изслѣдовать впоследствии въ особомъ трудѣ.

Изучаемый источникъ даетъ—далѣе—нѣсколько фактовъ, относящихся къ соціальной исторіи, характеризующихъ положеніе сословій. Извѣстно, какъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка правительство, разверстывая между отдѣльными сословіями различныя государственныя обязанности, снабжало вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ сословій спеціальными, ему одному свойственными правами, обезпечивавшими исполненіе обязанностей. Такъ, на примѣръ, довольно настойчиво проводили уже въ то время принципъ, что землей должно было владѣть одно только служилое сословіе, обязанное военной службой. Кромѣ служилыхъ земель, существовали въ то время еще земли государевы—черныя и дворцовыя,—владѣнія церковныхъ учреждений—церквей, монастырей и архіерейскихъ кааедръ—и въ небольшомъ количествѣ земли посадскихъ людей, прилегавшія къ городамъ и лишь въ рѣдкихъ, даже совершенно исключительныхъ случаяхъ находившіяся и въ уѣздахъ. Вообще поземельныя владѣнія посадскихъ людей въ уѣздѣ въ XVII вѣка были исключительнымъ явленіемъ. Число такихъ исключеній пополняется еще однимъ, засвидѣтельствованнымъ одной изъ записныхъ вотчинныхъ книгъ: оказывается, что въ 1627 году въ Муромскомъ уѣздѣ существовали еще вот-

чины посадскихъ людей¹⁾). Любопытенъ также другой фактъ, касающійся социальнаго строя: въ 1632 году стольникъ князь Никита Черкасскій принялъ въ закладъ у Ильи Кафтырева вотчину его въ Костромскомъ уѣздѣ «опричь крестьянъ и крестьянскихъ животовъ»²⁾). Такъ какъ залогъ земли сопровождался немедленной передачей ея въ пользованіе залогопринимателю, и, слѣдовательно, исключеніе изъ залога крестьянъ предполагало переводъ ихъ въ другую вотчину или въ помѣстье залогодателя, то приведенный фактъ свидѣтельствуеетъ объ утвержденіи мысли о личной, а не поземельной крѣпости крестьянъ землевладѣльцу, такъ какъ послѣдній свободно отлучалъ крестьянъ отъ ихъ земельныхъ участковъ, а крѣпостное право къ 30-мъ годамъ XVII столѣтія, несомнѣнно, уже утвердилось фактически, отчасти и юридически,— въ частныхъ договорахъ крестьянъ съ землевладѣльцами, порядныхъ и ссудныхъ записяхъ или грамотахъ.

Затѣмъ подь 1633 годомъ находимъ въ записныхъ вотчинныхъ книгахъ указаніе на областное дѣленіе, существовавшее въ Галицкомъ уѣздѣ и, если не ошибаемся, неизвѣстныя еще въ литературѣ по отношенію къ данной мѣстности: именно, Галицкій уѣздъ дѣлился на «осады» изъ которыхъ упомянута Чухломская осада³⁾).

Наконецъ заслуживаетъ вниманія одно свидѣтельство, важное для исторіи народнаго хозяйства. Въ 1630 году пѣкто Иванъ Кайсаровъ владѣлъ въ Ярославскомъ уѣздѣ вотчиной, состоявшей изъ деревень Лапиной и Труфановой, и «в той вотчине пашню распахивал и сѣно роскашивал и лѣс чистил и дворы ставил і всякое дворовое строеніе строил и *дъловцовъ помѣсечно и понедѣльно и поденно наймовал*»⁴⁾). Подчеркнутыя слова указываютъ на примѣненіе наемнаго труда въ земледѣльческомъ хозяйствѣ служилыхъ вотчинниковъ, чѣмъ подтверждается фактъ развитія денежнаго хозяйства въ Московской Руси XVII вѣка. Такovy главныя свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ вновь открытаго источника. При всемъ томъ онъ не даетъ намъ однако матеріала по двумъ вопросамъ, отвѣта на которые невольно ищешь, раскрывая записныя вотчинныя книги.

Первый вопросъ—это вопросъ о томъ, не даетъ ли новый источникъ текста новыхъ, не дошедшихъ до насъ въ указной

¹⁾ Книга записная вотчинная 5671/3, дѣло № 15.

²⁾ Книга записная вотчинная 5977/9, дѣло № 52.

³⁾ Книга записная вотчинная 5980/12, дѣло № 42. Впрочемъ въ городскихъ наказахъ комиссіи депутатовъ 1767 г. встрѣчается Чухломская осада.

⁴⁾ Книга записная вотчинная 5975/7, дѣло № 44.

книгъ Помѣстнаго приказа и другихъ документахъ указовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный, если исключить цитованное выше упоминаніе о государствѣ указѣ, расширившемъ вѣдомство Помѣстнаго приказа¹⁾. Второй вопросъ заключается въ томъ, не могутъ ли служить записныя вотчинныя книги матеріаломъ для исторіи мобилизаціи служилыхъ вотчинъ? И здѣсь надо отвѣтить отрицательно, такъ какъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ признать, что записныя вотчинныя книги дошли до насъ отъ каждаго года въ надлежащей полнотѣ. Къ тому же запись переходившихъ въ другія руки вотчинъ не всегда производилась аккуратно. Такимъ образомъ въ вопросѣ о мобилизаціи земельной собственности писцовыя и переписныя книги остаются первостепеннымъ источникомъ, и самое большое, что могутъ въ этомъ отношеніи дать записныя вотчинныя книги, заключается въ отдѣльныхъ дополненіяхъ и поправкахъ, какими онѣ могутъ снабдить въ частныхъ случаяхъ изслѣдователя, руководящагося книгами писцовыми и переписными.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о времени, къ которому слѣдуетъ отнести начало записныхъ вотчинныхъ книгъ Помѣстнаго приказа. Въ дошедшихъ до насъ этихъ книгахъ встрѣчается указаніе, что онѣ велись и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ самомъ концѣ его, именно въ 1600 году²⁾. Еще Неволинъ отмѣтилъ свидѣтельство 1558 года, не оставляющее сомнѣнія въ веденіи записныхъ вотчинныхъ книгъ въ то время: въ указѣ 11-го января этого года сказано: «купити вотчина, сыскивая и въ тѣхъ книгахъ разсмотри, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ дяковъ въ книгахъ записаны»³⁾. Такимъ образомъ начало записи переходящихъ въ другія руки вотчинъ въ особыя книги въ Помѣстномъ приказѣ надо отнести къ половинѣ XVI вѣка. Но отодвигать далѣе въ глубь время происхожденія этой записи едва ли можно: во-первыхъ, первое достовѣрное извѣстіе о самомъ Помѣстномъ приказѣ не восходитъ далѣе 1555—1556 гг.⁴⁾; во-вторыхъ, до этого времени обычнымъ способомъ укрѣпленія правъ собственности на землю была не запись въ книги, а выдача жалованной грамоты, какъ-то справедливо указано было

1) Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

2) Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

3) Акты историческіе, т. I, № 154, IX, стр. 262; Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, т. IV, С.-Пб., 1857, стр. 54.

4) Платоновъ, Какъ возникли чети?—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1892 г., май, стр. 164.

Энгельманом¹⁾ и вслѣдъ за нимъ Дмитріевымъ²⁾; наконецъ, въ третьихъ, въ купчихъ грамотахъ лишь во второй половинѣ XVI вѣка, большею частью съ 80-хъ годовъ, становится стереотипнымъ обязательство продавца записать за покупателемъ вотчину въ Помѣстномъ приказѣ³⁾,—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее въ этого рода актахъ.

¹⁾ Энгельманъ, О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, стр. 28—29.

²⁾ Сочиненія О. М. Дмитріева, т. II, М. 1900, стр. 265—266.

³⁾ См. въ многочисленныхъ купчихъ, закладныхъ, данныхъ и пр. въ грамотахъ коллегіи экономіи, хранящихся въ Моск. архивѣ мин. юст., напримѣръ, грам. Кол. Эк. Переясл.: Залѣсс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владим. у., №№ 1858, 1862 и т. д.

Приложение.

записная вотчинная книга 1642 года (№ 5984/16, дѣло № 11).

«150 г. Февраля въ 3 д. в Помѣстномъ приказе діакомъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Ондрею Стрѣвову княз Василей княж Семенов сынъ Елецкой до дмитровецъ Илья Иванов сынъ Кирѣвской подали челобитные, да княз Василей же Елецкой явил на вотчину даную, какову ему дал Илья Кирѣвской на вотчину 150-го году и съ тоѣ даные взят у него список слово в слово, а подлинная даная, справя с спискомъ, отдана ему, а в списку с даные і въ челобитных пишет.

Царю гдрю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьет челом холоп твой Васка княж Семенов сынъ Елецкой: в прошлом, гдрь, въ 149-м году женился я холоп твой у Ильи Иванова сына Кирѣвскаго, и дал он за дочерью своею приданую вотчинку жены своей въ Дмитровскомъ уѣзде въ Троицкомъ стану и в Козмодемьянскомъ и на тоѣ, гдрь, вотчину дал мнѣ даную. Млрдый гдрь царь і великій княз Михайло Ѳеодорович всеа Русіи, пожалуй меня холопа своево, вели, гдрь, тоѣ приданую вотчину жены моей справит за мною холопом твоим и дат свою гдрву грамоту, почему мнѣ вперед владѣть. Царь гдрь, смилуйся, пожалуй!

Црю гдрю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьет челом холоп твой дмитровецъ Илейка Иванов сын Кирѣвской. Твое царское жалованье вотчинка приданая въ Дмитровском уѣзде в Троецком стану і в Кузмодемьянском. Мирдый гдрь царь и великій княз Михайло Ѳеодорович всеа Русіи, пожалуй меня холопа своево, вели, гдрь, ту мою приданую вотчинку записать за зятем моим за князем Васильем княз Семеновым сыном Елецкого селпо Андрейково з деревнями и с пустошью трицат пят чети.

Царь гдрь, смилуйся, пожалуй!

А на челобитной ево написано:

Къ сей челобитной Михайло Кирѣвской руку приложил в Ильино мѣсто Кирѣвскаго, потому что он грамоте не умѣет.

Список з даной записи слово в слово:

Се аз Илья Иванов сынъ Кирѣвской дал есми зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи в приданые за дочерью своею за Ориною приданую ж вотчину матери еѣ, а своей жены, Неонилы, что дала теща моя вдова Анна Гавриловская жена Дьякова въ Дмитровскомъ уѣзде в Троецкомъ стану пустош, что была Косова, на Заволношскомъ озере, да к той пустоши доля в озере Заволножском, Василево тож, да в Кузмодемьянском стану приданая-ж вотчина село Ондрѣйково, а в нем двор вотчинников, да дръню Морозову, а в ней крестьян Гаврилко Иванов сынъ Чертенюк з женою и з детми с Сергушкою да с Левкою, да Ивашко Михайлов з женою и з детми с Микифорком да с Титком да Софронком да с Ывашком да с Ѳедкою; да дръню Палкино, а в нем во дворѣ крестьянин Аѳонка Суворов съ детми с сыном с Никонком да с Якушкомъ да с Ывашком, да Мишка, Ильинъ сынъ Чертенюк. А в той моей приданой вотчине в Троицкомъ і в Кузмодемьянском станѣх четверные пашни трицатъ пятъ чети в поле, а в дву потомуж, с лесы и с санными покосы и со всѣми угоды, как к той моей вотчине истари ходит соха и коса и топор, по старым межам. Да к той же дръне Морозовой отхожей дуг под пустошью Ножевнею пятнатцатъ копен, лѣсу непашенного десетъ десятин. И в той вотчине волны зят мой княз Василей и жена ево, а моя доч, Орина и ихъ дѣти, ково им Богъ дастъ, а моя вотчина у меня Ильи оприч зятя моего и дочери моей иному никому не дана и не заложена ни у ково ни в чемъ и по душѣ ни по комъ ни в крой мръ и в приданые ни за кѣмъ не отдана и в иных ни в какихъ крепостяхъ ни у ково ни в чемъ не укреплена, и тоѣ вотчину мнѣ Илье въ Помѣстномъ приказе за зятем за князем Васильемъ записат. А на то послух Иван Ѳедоров. А даную писал Ивановские площади подьячей Богдашко Карнаухов. Лѣта 7000 сто пятьдесятого года еевраля во вторыи день. Назади у подлинной данной записи написано:

Къ сей даной Ѳедор Иванов сын Кирѣвской, вмѣсто брата своего Ильи, по ево велѣнію руку приложил.

Послух Ивашко руку приложил.

И по сему списку з даные 150-го году написано: Илья Иванов сынъ Кирѣвской далъ онъ зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи в приданые за дочерью своею за Ориною приданую ж вотчину матери еѣ, а сво-

ей жены, Неонилы, что дала ему теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова, въ Дмитровском уѣзде въ Троецком стану пустошь, что была деревня, Косова на Заволнужскомъ озере да к той же пустоши доля в озере Заволнужскомъ Василево тожь,— да в Кузмодемьянскомъ стану приданая ж вотчина селцо Ондрейково да деревню Морозово да деревню Палкино, а въ той ево приданой вотчине в Троецком и в Кузмодемьянскомъ стану четвертные пашни тридцат пят чети в поле, а в дву потомуж; да і в Помѣсномъ приказе та ему вотчина за зятем своим за князем Васильем за Елецким в записные вотчинные книги записат.

А что за Ильею Кирѣевскимъ вотчины, и о чемъ гдрю црю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи князъ Василій Елецкой бьет челом:

І в дмитровскихъ, книгахъ писма и мѣры Ондрѣя Загряского да подьячего Гаврила Володимерова 136-го и 137-го года в Троецкомъ стану в вотчинехъ написано: за дмитровцомъ Ильею Ивановымъ сыномъ Кирѣевскимъ, что ему дала в приданое за дочерью своею теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова во 129-мъ году пустошь, что была деревня, Косова на Заволнож озере, а в ней пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло худые земли двадцат чети въ поле, а в дву потомуж, да ему ж доля въ озере Заволножскомъ-Василево тожь — с ѣнными помѣщики вопчѣ.

Да въ Кузмодемьянскомъ стану селцо Ондрѣйково, дрвня Морозово, дрвня Палкино, а в нихъ пашни паханые и перелогу и лѣсомъ поросло худые земли пятнатцат чети в поле, а в дву потомуж.

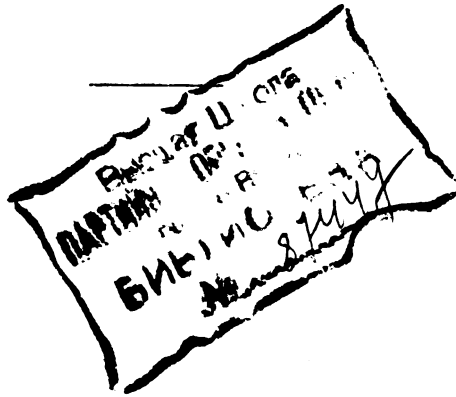
І всего за Ильею Кирѣевскимъ приданые вотчины в дву станѣхъ тритцать пят чети. И гдрю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи князъ Василей князъ Семеновъ сынъ Елецкой бьет челом: въ прошломъ де во 149-мъ г. женился он у Ильи Иванова сына Кирѣевскаго, и дал он за дочерью своею, а за ево женою, приданую вотчину жены своей в Дмитровскомъ уѣзде въ Троецкомъ да в Кузмодемьянскомъ стану селцо Ондрѣйково з дрвнями, тритцат пят чети, и на ту де вотчину по данной велѣль записать в записные вотчинные книги за нимъ за княземъ Васильемъ.

А дмитровецъ Илья Ивановъ сынъ Кирѣевской гдрю о томъ бьетъ же челомъ, чтобъ гдрь ево пожаловал, ту ево вотчину по данной велѣль записат в записные в вотчинные книги за зятемъ ево за княземъ Васильемъ князъ Семеновымъ сыномъ Елецкимъ.

А на дѣле помѣта думного дьяка Михаила Данилова: 150 г

Февраля въ 10 д записат та вотчина в книги за князем Васильемъ Елецким, а пошлины взят по указу.

К сѣмъ записнымъ вотчиннымъ книгамъ въ Шлыно мѣста Кирѣевского, что он дал в приданые за дочерью свою вотчину в Дмитрове, Семен Кирѣевской по его велѣнью, что онъ грамоте не умѣет, руку приложил¹⁾.

¹⁾ Эта послѣдняя подпись идетъ по листамъ въ видѣ скрѣпки.

1111 F

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
 Books may be Renewed by calling **642-3405**

DUE AS STAMPED BELOW

MAR 23 1995		
<i>Apr 30</i>		
<i>May 26</i>		
<i>June 25</i>		
RECEIVED		
JUN 19 1995		
CIRCULATION DEPT.		

FORM NO. DD6

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 BERKELEY, CA 94720

1-25

25

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000141134

46p.

